

INSTITUTE OF SOCIOLOGY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTION OF ULYANOVSK STATE UNIVERSITY
SCIENTIFIC-RESEARCH CENTRE "REGION"

Elena Omeltchenko

Youth Cultures and Subcultures

Moscow
Institute of Sociology RAS
2000

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "РЕГИОН"

Елена Омельченко

Молодежные культуры и субкультуры

Москва
Институт социологии РАН
2000

О 57

Е. Омельченко. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во "Институт социологии РАН", 2000. - 264 с.

ISBN 5-89-697-051-X

В книге рассматриваются основные теоретические подходы к изучению молодежных культур и субкультур второй половины XX века, анализируются результаты социологических исследований молодежных проблем в рамках английской, американской и отечественной традиций. Предлагается методический материал для преподавания курсов в рамках "социологии молодежи" и проведения социологических исследований молодежных практик в современной России.

Рекомендуется для преподавателей, аспирантов и студентов по специальности "социология", широкого круга читателей, интересующихся молодежью.

Книга подготовлена в рамках проекта JEP 08517-94 программы Европейского сообщества TEMPUS/TACIS.

ББК 60.550.2

Содержание

От автора.	6
Предисловие.	8
Тема 1. Введение в основные понятия: проблемы и определения.	13
Тема 2. Часть 1. Различные теоретические предпосылки исследования молодежной культуры.	31
Часть 2. Классовый, гендерный и расовый подходы.	37
Тема 3. Девианты.	41
Тема 4. Потребители.	58
Тема 5. Бунтари и мятежники. Теории субкультуры. Культура и контркультура.	68
Тема 6. Советская теория молодежи (1917-1985): строители коммунизма или объекты капиталистической пропаганды?	81
Тема 7. Постмодернизм и его влияние на изучение молодежной культуры – формирование новых молодежных стилей.	94
Приложение к теме.	100
Тема 8. Будущее молодежи - новые проблемы Нового времени.	104
Тема 9. Глобализация и молодежная культура.	109
Тема 10. Молодежь, гендерные стереотипы и насилие в современном мире.	114
Приложение 1. "Фрики" и новая клубная культура.	124
Приложение 2. Новые и новейшие "ярлыки".	125
Библиография.	133

Тексты

Патрик Хэвен. "Современные подростки: социально-психологический подход".	142
Роджер Хердинг. "Понимая подростков".	147
Стюарт Холл, Тони Джеферсон. "Соппротивление через ритуалы: молодежные субкультуры в поствоенной Англии".	150
Майкл Брейк. "Сравнительная молодежная культура".	152
Степхен Коен. "Народные бесы и моральные паники: возникновение Модов и Рокеров".	165
Саймон Фрис. "Социология молодежи".	168
Пол Уиллис. "Совместная культура: символическое преобразование работы в игру в повседневности молодежных культур".	186
Анджела МакРобби. "Феминизм и молодежная культура: от журнала "Джеки" до "Уже 17". ...	189
Кристин Гриффин. "Репрезентация молодежи: исследование молодежи и подростков в Великобритании и Америке".	205
Хилари Пилхингтон. "Молодежь России и ее культура".	215
Саймон Вильям. "Сексуальности эпохи постмодернизма. Постмодернизация секса".	223
Дж. Форнас, Г. Болин. "Молодежная культура в поздней современности".	229
Сара Торнтон. "Клубные культуры. Музыка, медиа и субкультурный капитал".	255

От автора

Автор пользуется случаем для выражения своей признательности европейской Программе Tempus/TACIS, благодаря которой стала возможна реализация этого проекта по развитию высшего социологического образования в России.

Самая искренняя благодарность:

- всем моим коллегам за советы и поддержку в течение написания этой книги и чтения курса в Институте социологии РАН;
- терпеливым респондентам – школьникам и подросткам, принявшим участие в наших исследованиях и тратившим свое драгоценное молодое время, чтобы помочь разобраться в их непростых историях;
- д-ру Хилари Пилкингтон – подруге и коллеге, благодаря которой началось знакомство автора с английской академической традицией изучения молодежных проблем, ее лекции помогли по-настоящему увлечься этой темой и понять, что ради этого стоит работать;
- друзьям и коллегам Научно-исследовательского центра “Регион”, чьи поддержка, доверие, замечания и комментарии помогли в работе над материалом;
- первым слушателям этого курса персонально Блюдиной У.А., Добрину К.Ю., Лабур А.К., Климову И.А., Кондрашеву В.А., Масловой С.В., Репринцевой Е.Г., а также всем другим слушателям. Наши дискуссии и беседы помогли наполнить курс “живым” материалом. Энтузиазм слушателей, их неподдельный интерес к теме реализовался в отдельной части этой книги.

Особую благодарность я хочу высказать тем, без кого эта книга была бы просто невозможной:

проф. С. Кларку, д-ру К. Райт, д-ру М. Ниави и его коллегам по факультету социологии (Уорикский университет), проф. Л. Бовоне (Миланский католический университет), проф. Х. Девису (Кентский университет), д-ру Т. Флету (Билефельдский университет), проф. С. Фрису (Университет Глазго), проф. К. Гриффин (Бирмингемский университет), проф. А. Физаклеа (Лейстерский университет).

Особая признательность проф. В.А. Ядову, А.Ю. Согомонову, С.Е. Кухтерину, коллегам, которые содержательно и организационно помогли реализовать этот проект; моим друзьям Ирине Аристарховой и Ирине Тартаковской, Ульяне Блюдиной и Гюзель Сабировой, дружба и поддержка которых помогли справиться с проблемами.

И наконец, эта работа не была бы завершена без помощи и моральной поддержки самых близких людей – моих родителей и любимого, сложного и дорогого подростка – сына Мити, который на протяжении всей работы был самым лучшим объектом для наблюдения, самым благодарным слушателем моих размышлений о жизни тинэйджеров, самым неподкупным критиком моих взрослых “заумностей”.

Проспект курса

Предисловие

О молодежи и молодости...

Вряд ли существует в жизни человека что-то более заманчивое и символическое, чем молодость. Во все времена у людей не только преклонного, но и зрелого возраста молодость вызывала невероятную зависть. Каждый проживает свою молодость, запечатлевая ее, как что-то притягательное и таинственное. На протяжении всей последующей жизни эта загадочная пора будет ассоциироваться с самыми лучшими воспоминаниями. Как ни парадоксально, но эта пора воспринимается самими молодыми людьми как нечто тяжелое и одновременно как полное пространство свободы. Если и не вся молодость, то какой-то период воспринимается как время бурных переживаний, период выяснения отношений, выстраивания иерархий с собой, семьей, школой, обществом; период осознания новых ценностей и идей и т.д. Разве не удивительно, что к одному и тому же периоду в своей жизни человек, находясь внутри него, относится с тревогой “на фоне свободы”, а, прожив его, относится с такой завистью и ностальгией?

Кроме зависти, взрослые испытывали и, наверняка, всегда будут испытывать по отношению к молодежи (или за молодежь) *определенный страх*: всякая новая молодежь, всякое новое ее поколение – это всегда “другие”, которые несут в себе желание и потенцию изменить существующее, а, следовательно, знак какой-то катастрофы в будущем. Подобное отношение к молодежи вовсе не является чем-то специфическим для нашей страны и эпохи (или любой другой). Всегда и везде всякие “новые” взрослые (вчерашняя молодежь) сокрушаются о том, что “нынешняя” молодежь наверняка не воспримет их ценностей, камня на камне не оставит от того, чего взрослые с таким трудом достигли.

Тревога и страх с одной стороны, зависть и восхищение – с другой – эти полюса не случайны, это самое первое культурное приближение к понятиям “молодость” или “молодежь”.

К молодежи (как социальной группе) и к периоду молодости (например, к своей собственной) можно относиться по-разному. Различия в восприятии молодежи на быденном уровне оказываются созвучными различным направлениям в социологии молодежи:

Молодежь как проблема:

- молодежь – источник социальных и культурных конфликтов, угроза существующему и будущему социальному порядку, причина криминализации общества, источник социальных болезней и моральных паник и т.д. Криминальные дискурсы, теории молодежи “как социальной проблемы”, академическое “сопровождение” различных моральных паник и т.д.

Молодежь как страх:

- социокультурное и психологическое неприятие молодежи, отторжение ее ценностей и идеалов, представление о молодежи как угрозе привычным нормам традиционно-патриархального мира “взрослых” и т.п. Социобиологический детерминизм, идеологизированные дискурсы, теории “защиты от молодежи” и др.

Молодежь как надежда:

- с молодежью связываются самые лучшие идеи будущего социального устройства мира, жизнь взрослых рассматривается как некий залог будущего счастья детей. В будущий период переносятся модели гармоничного сосуществования людей всех социальных групп. Ныне живущая молодежь приобретает некоторые преимущества перед взрослыми, поскольку именно она уже сегодня несет в себе “светлое” завтра и т.п. - этому представлению соответствуют разнообразные идеологизированные конструкции молодежи, в том числе и теории коммунистического воспитания молодежи.

Молодежь как зависть:

- молодость рассматривается и культивируется, прежде всего, в потребительской культуре и рекламе как загадочная пора, полная невероятных преимуществ. На этом строится целая идеология, утверждающая возможность и необходимость продления этого периода практически до бесконечности. На этих идеях покоятся различные потребительские дискурсы, модели молодежных потребительских культур и т.п.

Молодежь как символ:

- этот подход характерен для творческого, философского и художественно-литературного осмысления молодости. В его рамках возможно соединение всех предыдущих, но не на реальном, а символическом уровне.

То, что принадлежит молодости, всегда было овеяно символикой, которая остается значимым моментом всякой культуры, всякой личной биографии. Приобретение этих символов, прямое или опосредованное, всегда значит для человека много больше простого приобретения чего-то. Этот ход очень часто эксплуатируется в рекламе. “Мы продаем не просто косметику - мы продаем надежду”. Идея молодости, идея возможности “нового” будущего и новых свершений - эта символическая аура понятия “молодость” не только обогащает, но и невероятно затрудняет его научный анализ.

О курсе, его задачах, а также недостатках

Задачи настоящего курса состоят не столько в описании основных подходов к социологическому изучению молодежи, сколько в попытке понять и раскрыть новое качество, которое присуще современной молодежи, рассмотреть новые характерные для современности идеи, раскрывающие специфические процессы перехода от детства к молодости, и от молодости к взрослости.

Ряд необходимых предварительных замечаний:

1. Отечественная (советская) социологическая традиция исследования молодежи до определенного времени была невероятно идеологизированной.

Существовал жесткий, строго ограниченный дискурс, феномены молодежных культур были представлены крайне односторонне. Прямым продолжением этой односторонности было рассмотрение групп молодежи, не вписывающихся в заданные рамки господствующего представления (mainstream) в терминах “девиантности” и “криминогенности”. В связи с этим литература о молодежи делилась как бы на две группы: о советской (правильной) молодежи и

об “остальной”. К первой относились пионеры, комсомольцы, молодые строители коммунизма и т.д.; ко второй - неправильная “молодежь”, которая в свою очередь делилась на девиантов и “поклонников Западного образа жизни” - стилей, тунеядцев и спекулянтов (фарцовщиков). В результате так называемая “обычная” молодежь или “хорошие” неформалы практически выпадали из анализа.

В западной литературе подобный дискурс принято называть “mainstream” - “мейнстрим” - господствующее направление, преобладание которого обусловлено властными социальными позициями проводящих его ученых или идеологов. Для академических традиций характерно, что по отношению к этому господствующему направлению разрабатываются различные **радикальные перспективы**, подвергающие критике фундаментальные идеи подобного господства. Специфика советского “мейнстрима” заключалась в том, что он был не просто господствующим в науке, а попросту единственным. В исследованиях молодежных “проблем” преобладали идеи подчеркнуто “мажорного” характера. Молодежные феномены, выходящие за рамки правильного взросления, так называемые неформальные субкультуры, практически не изучались. Это касалось и исследований так называемого отклоняющегося поведения, термин, который следует употреблять крайне осторожно. (Проблемам молодежных “девиаций” будет посвящена специальная лекция.)

Различные виды и формы “неправильного” поведения относились к девиантной перспективе, часто описывались советскими социологами и психологами сквозь призму “любимой” триады: молодежные алкоголизм – проституция - наркомания. В отличие от этой молодежи правильная молодежь рассматривалась с позиций необходимости строительства нового общества и соответствующего ему нового внутреннего мира. Новое качество морали и психологии советской молодежи должны были принципиально отличаться от всех ранее существующих. Творились и формировались новые идеологические конструкции о возможности воспитания абсолютно новых поколений. Прямым продолжением этой односторонности было столь же одностороннее развитие отечественной социологии молодежи.

Вывод:

- Академическое “наследство”, бесспорно интересное и обширное, нуждается в деидеологизации и в разумном дополнении советской социологии молодежи другими “историями”.

2. Отсутствие достаточного количества переводов ключевых работ современных западных авторов по социологии молодежи.

Материалы этого курса в основном построены на анализе теоретического и практического опыта западных (прежде всего, английских и американских) ученых и исследователей. Этот академический опыт как раз и демонстрирует “другой”, отличный взгляд на поствоенную молодежь.

Самым невероятным в этом смысле является факт того, что об одном и том же поколении (правда, о людях, живущих в разных странах и при разных политических режимах) ученые в одно и то же историческое время писали прямо противоположное. У “нас” молодежь конструировалась именно как та группа людей, которой принадлежало будущее, с которой общество связывало все самые лучшие свои надежды и чаяние; у “них” молодежь описывалась не иначе как источник страха за буржуазные ценности и основа для “моральных паник”. Одновременное сосуществование двух этих противоположных конструкций (речь идет о взгляде с исторической перспективы, в реальном времени они не сосуществовали, а боролись, точнее,

“наши” ученые критиковали “их” теории, их ученые были очень равнодушны к нашим идеям) – феномен достойный самого пристального внимания.

Вывод:

- Для того, чтобы понять этот парадокс, прежде всего, необходимо более детально познакомиться с обширной западной литературой, посвященной молодежи.

3. Принципиальная невозможность описать и проанализировать все феномены современных молодежных культур.

Выбор тех или других авторов для перевода, тем для лекций, теоретических идей и проблемных полей связан, прежде всего, с симпатиями автора и его представлениями, (основанными на анализе научного и исследовательского материала), о самом актуальном и интересном в социокультурном пространстве традиционных, современных и новейших молодежных феноменов.

Вывод:

- Логика настоящего курса – это один из возможных путей описания феномена современных молодежных культур, его частичность и фрагментарность являются частью авторского замысла.

4. Настоящий курс – это специальный курс, рассчитанный на студентов, аспирантов и ученых, как уже интересующихся этой проблематикой, так и только начинающих ей заниматься.

Курс не является академическим в полном смысле этого слова. Подобная задача автором не ставилась. Поэтому в нем не представлено полное описание всей существующей литературы, нет анализа всех существующих академических концепций. Те или другие научные теории и парадигмы не воспроизводятся здесь полностью или в фокусе их базисных, основополагающих идей, а лишь в их применении к конкретным, обсуждаемым в лекциях проблемам.

За рамками этого изложения наверняка остались многие достойные внимания феномены современных молодежных культур. Единственным “оправданием” подобной фрагментарности может стать последующее изучение этой темы. Хочется верить, что это поможет преодолеть как недостатки существующего, так и включить в поле своего внимания, новые феномены молодежных культур поздней современности, осмыслив и оценив во всей полноте критику профессионального сообщества.

Как лучше преподавать этот курс или почему так много повторов!

Одну из своих книг английский социолог Анжела МакРобби начинает такими словами: “Мне уже довольно много лет, у меня взрослая дочь, я сама давно уже не новое поколение, а то, что называется поколение “Х”... А я все еще занимаюсь социологией молодежи. Пусть эта книга станет последней: молодых должны изучать молодые”.

С этим высказыванием можно поспорить, тем более что после такого предисловия автор написала еще несколько работ, и, наверняка, напишет еще. Не так-то и просто отделаться от этой темы. Почему? Да потому, что тема молодости – это самое интересное, что только можно себе представить.

Изложить все впечатления от прочитанного материала оказалось совсем не просто. Одновременно нужно было решить несколько параллельных задач: описать существующие западные академические традиции в социологии молодежи, подвергнуть их критике, описать собственно феномены молодежных культур, отделяя дискурсы в их изучении от повседневной, яркой и обыденной жизни современной молодежи. Довольно часто создается впечатление, что в текстах много повторов, однако всякий раз очередное возвращение или упоминание связаны со спецификой задачи.

В лекциях предлагается обширный методический материал, его можно использовать при подготовке самостоятельных занятий. Однако лучше всего, если эти предложенные идеи (многие из которых уже апробировались при чтении спецкурса в Институте социологии РАН, 1996–2000 гг.) послужат своеобразным толчком для возникновения новых.

В конце «Проспекта курса» приводится обширная библиография по проблемам молодежных культур и социологии молодежи.

О структуре курса

В первый раздел курса вошли лекции, в которых даются основные теоретические подходы (лекции 1 и 2) и дискурсы западной и отечественной социологии молодежи в историческом контексте (лекции 3, 4, 5 и 6). Причем 6 лекция («Строители коммунизма или объекты капиталистической пропаганды? Советская теория о молодежи. 1917–1985 гг.») построена по материалам курса, впервые прочитанного доктором Хилари Пилкингтон в Ульяновском государственном университете в ноябре 1995 г. Подобный подход показался интересным, поскольку «вписывает» отечественную историю молодежи в контекст «западного» взгляда.

Во второй раздел курса вошли лекции, раскрывающие основные феномены современных молодежных культур поздней современности. При анализе новых проблем и новых течений используются практически все теоретические предпосылки, изложенные в первом разделе. Там, где это, возможно, проводятся параллели между западными и российскими моделями современных молодежных феноменов.

И последнее

Поскольку тема молодежных культур и субкультур является необычайно «живой», там, где это возможно, теоретический материал должен дополняться иллюстрациями и примерами. К сожалению, не все задумки удалось реализовать. Поэтому хочется пожелать всем тем, кто будет работать с этим материалом, стремиться уходить от чисто академического изложения, дополняя и улучшая этот текст моментами живой, яркой и текущей молодежной жизни. Это могут быть как медиа-презентации молодежных культур, так и собственно язык и культура самих молодых людей, живущих рядом с нами в это непростое, но невероятно интересное время конца второго тысячелетия.

Тема 1. Введение в основные понятия: проблемы и определения

Молодежь

Это одно из тех понятий, которое употребляется на разных уровнях, в разных контекстах и относится к так называемым общеупотребительным понятиям.

Все мы знаем, кто такие молодые люди. Молодежь - это не только социологический жаргон, это слово, которое понятно каждому. Согласно словарю, молодежь - это состояние молодости, то есть, как это часто происходит, определение дается само через себя.

Когда мы говорим "социология молодежи", что мы собственно имеем в виду под понятием "молодость"? Как минимум можно говорить о трех его ипостасях.

Молодость и молодежь - это:

- определенный возраст;
- некое состояние, определяемое социально-культурными критериями;
- некая группа или поколение с присущими ей ценностями.

Какое бы социологическое исследование, опирающееся на использование качественных или количественных методов, те или другие теоретические предпосылки мы бы ни взяли, в его выборке всегда будут присутствовать заданные исследователем возрастные параметры. Разделенность любых групп по возрасту является одной из априорных предпосылок профессионального социологического подхода. Принято считать, что формирование выборки на основе возрастных параметров необходимо для проведения последующих корреляций. Разность людей по возрастному признаку не вызывает никаких сомнений. Однако, какой же смысл стоит за констатацией этой разницы?

В понятие "возраст" можно выделить несколько уровней: биологический, психологический, социальный, культурный и т.д. Даже если мы возьмем легко определяемый с формальной стороны *биологический* возраст - с момента рождения и до текущего момента жизни - очевидно, что мы будем вынуждены признать, что в разные исторические времена и при разных социально-экономических обстоятельствах люди биологически взрослеют по-разному. Есть исследования, допускающие возможность влияния на биологический возраст географических факторов, и если раньше подобные идеи подвергались жестокой критике, то сегодня к ним относятся более позитивно. Индивидуально протекают процессы психологического восприятия людьми своего физического возраста, часто определяемого условно и механически.

Если *биологический* возраст значит для человека нечто определенное, психологически же человек часто размыкает эти физические границы как в одну, так и в другую сторону. Некое абстрактно существующее время отсчитывает человеку календарные годы, которые воспринимаются подчас как некая внешняя данность, совпадающая или не совпадающая с психологическим аналогом. Есть дети, чувствующие себя стариками, и взрослые, так и не вышедшие из подросткового возраста, и это не просто метафора. За психологическим состоянием возраста кроется важнейшая жизненная пружина - возрастная самоидентификация.

Социологическое и социокультурное определение возрастных границ, с одной стороны, более ясный и простой, с другой стороны, еще более запутанный и сложный процесс.

Существуют очевидные, видимые и поддающиеся исследованию приметы возраста: например, “параллельный” взрослому процесс социализации индивида; ступени социальной идентификации; переход от семьи - через школу - к работе и т.д. Однако, векторы современной социальной жизни - политика, идеология и культура - вносят в процесс определения границ возрастов новые коррективы. Новые измерения могут, как нивелировать возрастные ограничения, так и усугублять их.

Большую “путаницу” в “возрастные” социологические пограничья вносит постмодернистская парадигма, в рамках которой подвергается критике господство некой моно-идеи, моно-вектора, существование заданных, “вечных” ограничений, любых жестких пограничий (от чего бы они ни шли), культивируются - разнообразные промежуточные, переходные состояния. В пространстве разнообразных социокультурных пограничий строятся самые яркие постмодернистские концепции, в них “господствуют” социальные и духовные субстанции со смешанными сущностями, которые рассматриваются вне одномерных векторов: будущее-прошлое, левое-правое, правильное-неправильное, молодое-старое...

В условиях развития новейших средств информатизации у всех социальных субъектов значительно расширяются коммуникативные возможности, при этом обмен знаниями, опытом, символами происходит ото всех ко всем. “Все разговаривают со всеми”. Этот разговор происходит не только внутри одного, но и между разными поколениями. В рамках постмодернистской традиции одним из самых значимых оснований для формирования различных групповых культур становится стиль жизни, “рекруты” в эти группы набираются из самых разных социальных страт, которые, хотя и соотносятся с возрастом, но не напрямую.

В новейших произведениях массовой (популярной) культуры одновременно используются техники и приемы из самых разных историко-культурных текстов, смешиваются стили и языки, религии и символы. Один видеоклип или рекламный ролик, обращенный к подростку, может содержать в себе в снятом и смонтированном виде целый культурный пласт, в нем можно обнаружить отголоски самых разных культурных традиций. И эти субтексты наряду с другим становятся частью внутреннего культурного опыта подростка.

В этой перспективе культурные опыты подростка и взрослого могут совпадать, трудно бывает определить, где у подростка заканчивается его детский мир (в классическом смысле) и начинается взрослый. Невероятные темпы развития компьютерной грамотности и “компьютеризации” населения также не могут не сказываться на процессах взросления.

Более существенным становится не сам по себе возраст, а его “качество”, не столь кардинально меняются представления о возрастных интервалах, как меняется представление о “качествах” этих интервалов и пограничий. Новое качество возраста, которое приносит новое время, формирует (творит) новое состояние перехода от одного возраста к другому.

Возраст

Это первая категория, которая приближает нас к определению понятия “молодежь”.

Люди определенного “молодого” возраста действительно могут быть отделены от других возрастных групп: детей и взрослых. Возрастные интервалы всегда использовались и используются во всех социологических исследованиях. Среди общих матриц наших вопросов и альтернатив наших ответов на них, отражающих наши представления о контекстах понятий, возрастная матрица является самой жесткой. Социологи-исследователи (“полевики”) буквально требуют у респондентов, чтобы те определились и отнесли себя к возрастному интервалу. Часто подобное отнесение оказывается, мягко говоря, неточным.

В отличие от социологов-“количественников”, для которых возрастные интервалы нужны для корреляций ответов респондентов по самым различным проблемам (политика, маркетинг, реклама и т.д.), для “качественников”, изучающих собственно возрастные группы, важно не попадание респондента в тот или иной интервал, а качество пограничья, которое существует между детьми и подростками, и затем между молодежью и взрослыми. Это состояние перехода может протекать крайне медленно в течение нескольких лет. Для социологов, занимающихся молодежью, недостаточно простой корреляции по возрасту, необходимы дополнительные шкалы, позволяющие выявить специфику всех переходов внутри этого состояния.

Какой бы интервал мы ни взяли, в нем можно обнаружить как тех, кто уже взрослые, так и тех, кто еще дети. Это будет зависеть от критериев выборки. Во всех таблицах по результатам социологических опросов представлены приблизительно такие интервалы: до 16, 16–24, 25–35, 36–45 и т.д. Очевидно, что исследователи, использующие эти интервалы, верят, что корреляции, сделанные с их помощью, окажутся значимыми, поэтому и сами люди, ответы которых представлены в соответствии с этими интервалами, должны вести себя значимо по-разному. Но возникает очень простой вопрос: не сгруппированы ли они произвольно? Неужели действительно у 35-летнего больше общего с 25-летним, чем с 36-летним? Бесспорно, что возрастные различия невероятно важны, но насколько они всегда и везде точны? И какой бы интервал мы ни взяли, всегда будет некое “проблемное пограничье”.

Социальные аспекты, конечно же, влияют на биологический возраст, но полностью его не определяют. Если принять за критерий создание молодым человеком своей семьи или рождение детей, то мы вынуждены будем раздвинуть границы молодости и в ту, и в другую стороны. В одних странах и в одну эпоху повзросление по этому критерию могло происходить и с 13–14 лет, а в других ситуациях и другие люди либо станут взрослыми лет в 30–40, либо вообще рискуют ими не стать. Во-первых, не все имеют детей, во-вторых, далеко не все заводят семьи (например, с юридической точки зрения). И если уже заведших семью и имеющих детей можно точно отнести к взрослым, то где найти те границы (тот момент), когда человек собирается стать взрослым, объединяется в некую группу, когда начинается процесс какого-то повзросления?

Еще сложнее сравнивать по этим критериям одни и те же возрастные группы в разных обществах или в разные исторические периоды. Но труднее всего определению поддается не уже состоявшийся статус, а границы перехода из одной социальной позиции в другую.

Этот переход может произойти сразу, может длиться годами или всю жизнь, он может сопровождаться объединением людей в группы и разъединением людей друг от друга, это может быть период относительной свободы или время подавления и эксплуатации.

Задача социологов заключается, прежде всего, в том, чтобы показать, как в разных обществах организуются процессы перехода.

Тогда понятие “молодежь” – это не просто некая социальная группа и ее значимые параметры, а **социальная организация этой группы** как со стороны ее внутренних имманентных характеристик (прежде всего, возрастной самоидентификации), так и со стороны ее окружения. Сначала ближним кругом – **семьей** (гендерные роли и домашнее устройство), затем – **соседством** (традиции и ценности локального сообщества), затем – **социальными институтами** (прежде всего, это системы социального контроля, осуществляемого со стороны социальных институтов через правовые системы, направленные на поддержание ролей; институт права, масс-медиа и система производства). И, наконец, четвертым, самым широким социальным пространством, в котором любая возрастная группа социально организуется, являются некие общечеловеческие представления – **этические и нравственные**

измерения и ценности. Они не сводятся целиком к конкретным историческим реалиям существования данного общества, а формируются внутри культуры как целого, того, что называется самыми разными понятиями в философских традициях, например, национальная душа, характер, архетипы.

Выводы:

- Возраст для социологии молодежи - лишь исходная осязаемая предпосылка, задающая наиболее общие границы определения этого понятия. Главным остается не определение этих границ, а выявление нового социально-культурного качества возраста. Важна не простая констатация неких возрастных интервалов (даже с учетом новых корректив), а определение социальной организации "возраста", процессов перехода, трансформации из одного возраста в другой.
- Существенными оказываются не только общие, но и специфические черты перехода, присущие самым разным его моментам и отдельным группам, его проживающим. Какой бы критерий мы ни взяли, начиная от понятия эпохи и заканчивая разницей между столицей и провинцией, центром и периферией, мальчиками и девочками, важными остаются две большие задачи - необходимо проанализировать социальную организацию двух переходов: от детства к молодости и от молодости во взрослость. По-видимому, состояние между двумя переходами и можно будет с большей или меньшей точностью определить как молодость.

Одним из успешных способов определения того, что, значит, быть молодым, по мнению английских ученых, является следующее простое упражнение.

Упражнение

Возьмите чистый лист бумаги. Напишите три названия:

Ребенок

Молодой человек

Взрослый

Под ними попробуйте перечислить те социальные характеристики, которые соответствуют этим понятиям.

Очень часто в результате этого упражнения студенты сталкиваются с тем, что, оказывается, достаточно просто отделить характеристики ребенка от взрослого, но намного труднее (а подчас просто невозможно) разделить возрастные характеристики молодого человека и других (как ребенка, так и взрослого). Молодые люди понимаются, трактуются, как "уже не дети", у них начинает появляться ответственность, похожая на подобное качество у взрослых людей, но этот переход не реализуется сразу, в нем много внутренних противоречий.

Английский социолог Саймон Фрис предлагает рассматривать молодежь в пересечении двух векторов: движение от зависимости - к независимости и от безответственности - к ответственности.

Зависимость

С одной стороны, молодые люди достаточно зависимы, с другой – они уже взрослые, так как достигли определенной независимости. Молодые люди более независимы, чем дети. Именно отсюда их общее неудовольствие родителями и их постоянной опекой: “Перестаньте воспринимать меня как ребенка, я уже взрослый, я сам(а) могу выбирать себе друзей, привычки и симпатии, я сам(а) могу выбирать, как одеваться и что слушать”. Но молодые люди по-прежнему зависимы от взрослых в смысле наличия у них собственных средств к существованию, возможности получения знаний и достойного образования; они еще долгое время остаются зависимыми от родительской любви и от родительской привязанности, они зависимы от родителей (и других взрослых) в смысле личной (психологической и физической) безопасности. Само движение от “зависимости” к “независимости” проходит через ряд стадий, которым соответствуют социальные институты: семья, система образования, работа (занятость), система организации досуга.

Семья

Молодой человек действительно в большей степени, чем ребенок, независим от семьи. Дело не просто в том, что подросток играет другую роль в семье, важно еще и то, что он (она) изменяет и форму той семьи, в которой растет. Образ жизни, потребности всех членов семьи, формы социального поведения вольно или невольно, но подвергаются серьезным изменениям. Семья, в которой растет подросток, – это другая семья, чем та, где растет ребенок, или та, из которой уже выросший подросток (молодой человек) ушел. В так называемый критический период, начинающийся, когда ребенку 12 лет, и длящийся до его 18-летия, – это особые семьи, и они особые именно оттого, что в них живет и растет такой человек.

Существуют достаточно значимые различия между социокультурным контекстом семьи и ее ролью в процессе формирования на этапах роста английских и российских подростков.

Традиционная роль семьи в “проведении” подростка сквозь этапы взросления по-разному понимается учеными-исследователями, идеологами и самими взрослыми, принадлежащими к разным историческим и этническим контекстам. Механизмы, “привязывающие” молодого человека к семье, у нас и, например, в Англии, совершенно различны.

Прежде всего – уход из дома. В российских традициях (хотя сейчас они и подвергаются трансформации) уход ребенка из дома воспринимается если не как трагедия, то, по крайней мере, как семейная драма. В английских же традициях это совершенно естественный и закономерный процесс, который должен происходить вне зависимости от того, заводит молодой человек свою семью или нет. Если он, окончивая школу, поступает в университет, то его уход из дома совершенно естественен. Почти отсутствует практика, чтобы молодой человек продолжал жить дома, обучаясь в университете, как правило, английский студент учится в другом городе. Семья, ее повседневное бытование, ее относительно независимые сущностные компоненты, такие как: социальные и гендерные роли партнеров; иерархии семейных ценностей и уровень патриархальности; распределение зависимости и свободы, меры и доли ответственности; степень семейной эксплуатации и другие – все это вместе образует один из самых консервативных институтов в современных обществах, лишь в незначительной степени подверженный быстрым и однозначным изменениям.

В советский период существовало очень распространенное идеологическое клише: "Все лучшее - детям; в Советском Союзе существует единственный "эксплуататорский" класс - это дети". И как у любого подобного конструкта, помимо метафорической части, существовало и вполне реальное основание. Пожалуй, ни в одной стране, несмотря на всю жесткость прежнего режима, так не "носились" с детьми, как у нас. Ни в одной стране так надолго не затягивался процесс взросления, как в Советском Союзе.

Выводы:

1. Семья в отличие от досуга и даже от школы - это очень закрытый институт, исследовать который невероятно сложно. Наибольших успехов в исследовании "закрытых" форм влияния семьи на формирование личности подростка в период его перехода во взрослую жизнь достигли психологи - они с помощью своего инструментария подходят вплотную к изучению скрытых форм внутрисемейного взаимодействия, взаимовлияния традиций. Социологи в большей степени концентрируют свое внимание на внешних формах проявления семейной жизни, на значимых культурных индикаторах семейного присутствия в образе и стилях жизни, на том, что "выносятся" на внесемейное поведение молодежи, на приметы семьи, которые можно увидеть вне ее, например, в субкультурных формах молодежной активности и стилях.
2. Особенно заметно присутствие семьи в формировании этнической и половой (прежде всего, гендерной) идентификации подростков, в воспроизведении ими в своей молодежной культуре семейных ролей, в уровне патриархальности групповых ценностей, с которыми они идентифицируются. Культурный и этнический опыт, воспитательные традиции родительской семьи и более широкой семьи - "соседства" постоянно проявляются в разнообразных формах молодежных объединений и стилях. Эти традиции имеют амбивалентное значение для молодежной культуры: они могут поддерживаться и транслироваться ими, а могут служить и антипримером, на котором новые стили строятся с точностью до "наоборот". Антисемейные и антитрадиционные идеи особенно характерны для разнообразных форм молодежных контркультур.
3. Интересная деталь: для западной, прежде всего, английской социологической мысли характерно подчеркивание того факта, что отрицание господства (или гегемонии) любых традиционных форм (которые могут располагаться в различных сферах жизни общества), становящееся фокусом той или другой "новой" молодежной культуры, является одновременно, как это ни парадоксально, поддержанием этих традиций. Противостояние чему-либо подтверждает то, что это "нечто" существует и господствует, а, следовательно, в определенном смысле, является дополнительной аргументацией "в его пользу". Самым непосредственным образом это относится к идеям молодежных культур, которые отвергают или опровергают патриархально - мускулинные стереотипы распределения семейных ролей. Это одно из самых уязвимых мест феминизма и один из самых эффектных аргументов его критиков.

Вторая ступень движения от зависимости к независимости - это образование или школа.

Образование

Второй крупный шаг к независимости делает подросток, когда он уходит в школу. В принципе все равно, куда он уходит - в ясли, в детский сад, в школу - он все равно уходит из дома. И этот уход в любом его варианте "дает" ребенку еще одного взрослого, еще одного "надсмотрщика", который (кроме родителей) будет его теперь контролировать.

Школа – это такой социальный институт, который лишь формально дает людям одного возраста похожий социальный опыт. Школьный возраст действительно легко определить с биологической точностью – все люди от 5 и до 16 лет должны посещать школу. В Англии это действительно так; в России мы знаем несколько этапов в определении формальных возрастных параметров обучения: в школу у нас идут дети в 6 или 7 лет, что определяется достаточно произвольно самими родителями в зависимости от формы обучения (гимназия, частная школа или обычная школа) и от месяца рождения. Отдается ребенок в ясли или садик это зависит сегодня от материальных возможностей родителей и их трудовой занятости. Все большее развитие получают и домашние формы начального образования через институт гувернерства и домашних нянечек.

С теми или иными нюансами все дети определенного возраста, если они здоровы, должны пойти в школу, независимо от социальных, статусных, властных и других различий, которые между ними существуют.

Сама школьная жизнь меняется по мере того, как школьники растут и становятся взрослее. Меняется она во взаимодействии взрослых (учителей, социальных наставников и родителей) и самих школьников, которые, хотя и в разной степени, но погружены в общий социокультурный исторический контекст общества, в котором живут и ценностям которого следуют.

В основе школьной иерархии, позволяющей учителям, родителям и самим школьникам занимать те или иные позиции по отношению к значимым статусам, лежат ценности “успеха” и “путей его достижения”. В зависимости от того, какие существуют критерии их оценки, выстраиваются формальные социальные позиции учеников, формируется отношение к ним как к исполнителям этих заданных “ролей”, формируется социальная парадигма “достижимости”. Вокруг этих социальных конструктов формируется мощная система образования и воспитания учеников, основанная на различных методиках, техниках и приемах, включающая в себя разные системы оценки того или иного уровня знания, поведения, темпов и качества продвижения и систему вознаграждений за результаты.

“Вот – успех, вот – путь”, все же, что выпадает, воспринимается в рамках отдельной парадигмы как неуспех, отклонение, уход и т.д.

Получается целая пирамида: успех – как вершина пирамиды, пути достижения – как направления движения к нему, вокруг формируется система воспитания, подстегивающая, подталкивающая ребенка двигаться именно в этом направлении.

Вместе с меняющейся социально-политической ситуацией, сменой образовательных парадигм и медиа-дискурсов меняется и социально-культурное наполнение, смысл иерархий “успеха” и “путей его достижения”. Эта смена происходит очень медленно, поскольку школа, если и не более, то, пожалуй, и не менее консервативный институт, чем семья. Оба этих института стоят на пути взросления ребенка как социальные фильтры. Неверно будет утверждать, что школа всегда кардинально меняет или даже калечит душу ребенка. Тем не менее, подобные примеры существуют.

По мере того, как школа начинает по-новому оценивать успешность и достижения школьников, школьники начинают по-новому (и очень по-разному) отвечать на эти изменения. Особенно заметны эти процессы сегодня. Создается и разрушается постоянное “равновесие – дисбаланс” между формальными и неформальными школьными структурами и иерархиями, возникают все новые, заметно отличающиеся от прежних или возвращающие “хорошо забытые старье” формы объединения и противостояния школьников формальным образовательным системам. В этом смысле очень интересно посмотреть, что же придет на смену “вечной”

цепочке, которая существовала, по меньшей мере, 60 лет в нашей истории: октябренок – пионер – комсомолец. Этот достаточно жесткий путь социализации в основном соответствовал привычным ступеням образования: начальное – среднее – старшее. Сейчас такой цепочки нет, но, наверняка, возникнет нечто такое, что будет в основном воспроизводить ее потому, что формальные школьные организации должны существовать. Школьники должны чему-то противостоять. “Нормальные” качели баланса и дисбаланса формальных-неформальных структур, школьные и антишкольные объединения существовать будут всегда.

В 1995–1996 гг. Научно-исследовательский центр “Регион” при Ульяновском государственном университете проводил исследование среди школьников города на тему “Реальная и символическая жестокость”. Так вот, самой жестокой фигурой в окружении детей по результатам нашего исследования оказался учитель, часто ассоциирующийся у школьников с человеком, который унижает если не физически, то морально, последнее же воспринимается детьми более тяжело. Моральное унижение, стремление постоянно втиснуть человека в некие существующие рамки и нормы – это сохраняется и будет сохраняться в школьной системе. Трудно себе представить школьную систему, полностью основанную на идее многообразия.

Выводы:

1. Каждый уровень новой школьной идентификации поднимает молодого человека еще на одну ступеньку к взрослости, наполняет его жизнь новыми проблемами и противоречиями, которые и отталкивают, и притягивают разные варианты культурных выборов. Ребенок всегда выбирает правильный или так называемый “неправильный” путь.
2. Школа как важнейший социальный институт, неизбежно сопровождающий процесс перехода ребенка во взрослость, является невероятно интересным исследовательским полем для социологов молодежи. Борьба новых и старых форм образования и иерархий ценностей “успешности и достижимости” прямо или косвенно отражает все социально-экономические и культурно-этнические изменения. Эта борьба воспроизводится и отражается в разнообразных традиционных и новейших формах молодежных “ответов” на образовательную политику в целом. Как реально отвечает современная молодежь на “новую” молодежную политику в школе, какие формы эти ответы приобретают в различных культурных условиях – все это очень интересно. Принятие или отторжение школьной иерархии подчас является решающим для всей последующей жизни подростка, влияет на формирование одной из основных составляющих общей ориентации личности по отношению к социальным институтам: конформизма и неконформизма. Один из первых выборов – встать рядом с теми, кто правильный и кого любят учителя, или “сесть” рядом с теми, которых учителя не любят, и поэтому быть готовым испытывать постоянные волнения и тревоги. У “неправильных” свои критерии, свой путь, своя лестница. Этот первый выбор – это внутренняя “пружина” вечного стремления “к чему-то” или “избегания, отталкивания от чего-то” будет раскручиваться всю последующую жизнь. Это одна из тех социально-культурных точек отсчета, которая может определить общий настрой личности подростка.
3. Образ “учителя”. Это вторая по значимости фигура взрослого (после родителя), культурный образец, который формируется у школьников, прежде всего, под воздействием учителей, которые его непосредственно обучают, а отчасти под влиянием фильмов, песен, семейных традиций. В сегодняшних песнях и фильмах, к сожалению, другие герои. В советский же период песен и фильмов про учителей было очень много. Существовала лирика, романс вокруг образа учителя, его роли в жизни подростка, это была целая культурная традиция. На определенных этапах жизни подростка роль учителя может быть и более значимой,

чем роль родителей. С ним начинает ассоциироваться не просто образ “взрослого” в целом, с учителем (в определенной степени даже больше, чем с родителем) у школьников начинает ассоциироваться “чужой” мир взрослых ценностей. Родитель остается в большей степени образом “своего” взрослого, учитель – это первый взрослый из чужого мира, противостоящего ребенку-подростку. Через учителя он воспринимает и формирует систему представлений о методах и способах взрослого контроля; чувства зависимости, принуждения, представления о смысле власти. От учителей школьники “ожидают” получения статуса, именно от них зависит, особенно первые 3–4 года обучения, оценят они или не оценят, похвалят или не похвалят “настоящего” школьника. Большая роль принадлежит учителю в формировании представлений о гендерных ролях. Известно, например, как пагубно влияет на эти процессы преобладание женщин-учителей (при условии совместного обучения у нас мальчиков и девочек). “Любимые” и “нелюбимые” учителя на какой-то период взросления могут олицетворять для школьника весь принимаемый и не принимаемый взрослый мир.

4. Чем более закрыты и напрямую идеологически формируемы системы школьного образования, тем большую роль играет школа в процессах перехода ребенка во взрослость. Школьные образовательные системы “закрытого” типа являются на определенный (молодой) период жизни единственным каналом социализации подростка, нормы, ценности и иерархии которого являются единственно принимаемыми и одобряемыми обществом “взрослых”. И все чаще ставится знак соответствия или даже тождества между нормальным и успешным учеником и нормальным и успешным человеком. Быть правильным школьником – значит быть правильной личностью. Еще предстоит исследовать все социально-культурные последствия обязательного всеобщего среднего образования и обязательной цепочки перехода крайне политизированных форм молодежных объединений: из октябрят – в пионеры, из пионеров – в комсомольцы. Ребенок, выпадавший из этой иерархии, выпадал не просто из школьной иерархии, а отчасти – и из жизни. Переход, перетекание школьных ценностей на все другое, влияние школьной ценностной парадигмы на социальную ценностную парадигму было очень значимо.

Третий момент движения от зависимости к независимости – это работа.

Работа

Во многих культурах окончание школы знаменует собой “конец” молодости. Подобное представление в России (точнее – в СССР) бытует повсеместно, вокруг факта “выпуска молодого человека, вчерашнего школьника” во взрослую жизнь существует (точнее сказать – существовало) невероятное количество романтических повествований, лирики, песен и т.п. художественных образов выхода во взрослость. До недавнего времени окончание школы называлось не иначе как “концом детства”. Идеологизированные системы школьного образования и воспитания затягивали процессы взросления. Социальный возраст не всегда соответствовал физическому. Во властных (прежде всего, партийных) структурах работали люди пенсионного и предпенсионного возраста. Вся иерархия выстраивалась как бы в обратную сторону, по отношению к возрасту ее “верхушки”. С этой точки зрения, окончание школы было действительно концом детства, но не юности.

Для Англии характерна другая устойчивая традиция. Трудно сказать, откуда она берет свое начало - с древности или с начала индустриализации. С момента окончания школы подросток сразу начинает готовиться к тому, что он должен будет в ближайшем будущем покинуть родительский дом. Факт ухода подростка (после окончания школы) из дома воспринимается родителями и общественностью как нечто само собой разумеющееся. Либо подросток получает работу и снимает себе жилье сам, либо он поступает в университет, получает общежитие или снимает комнату, либо сами родители платят первое время за его жилье. Если брать молодых людей в целом, то они, скорее, живут отдельно от своих родителей, чем вместе с ними. Как правило, не принято оканчивать университет в том городе, в котором молодые люди жили с родителями, когда учились в школе. Поэтому достаточно часто социальное перемещение из школьного статуса во взрослый сопровождается и географическим перемещением из одного города в другой. Решение жилищного вопроса и хорошие дороги (плюс относительно небольшие расстояния) делают "прощание" с детством (или, скорее - молодостью) не столь романтическим, как в России. Довольно трудно судить обо всех культурных европейских традициях формального "перехода" из школы. Советская школа культивировала и воспевала этот момент, который, как правило, сопровождался настоящими ритуалами прощания с детством.

И хотя детей уже в школе начинали готовить к предстоящей работе, часто эти занятия проводились или очень формально, или на уровне профессий для исправительно-трудовых учреждений. Советская идеология (и образовательная парадигма) стремились переместить "переход подростков во взрослую жизнь" в другое социальное пространство, за стены школы. Молодые люди продолжали числиться в комсомоле до 28 лет, а на руководящих комсомольских постах продолжали оставаться до 40 и даже до 50 лет. На молодежных форумах того времени можно было увидеть представителей самых разных, часто - действительно старших возрастов. Комсомол был олицетворением молодости ("Не расстанусь с комсомолом - буду вечно молодым"). С одной стороны, советская идеология пропагандировала миф о "Тайдаре, который в 16 лет полком командовал", с другой стороны, возраст руководящих партийных и советских работников был самым "старым" в мире. Идеология затягивала, замораживала, затормаживала не только физиологический рост, но и сексуальное развитие молодежи. В школе отсутствовало преподавание специальных дисциплин, в общественном мнении формировалось крайне негативное отношение к ранним половым связям и бракам, культивировались ценности девственности как "чистоты" одновременно с контрпропагандой против западной распушенности и "сексуальной революции". Эти образовательные парадигмы поддерживались специально подобранными из русской и западной литературы, а иногда и специально написанными текстами, имевшими воспитательное значение, "настоящей" советской песенной культурой и искусством, говорившим с молодыми людьми на птичьем языке. В большинстве фильмов того времени изображались некие беспольные существа, порхающие от березы к березе, декламирующие друг другу стихи и размышляющие о будущем коммунизма. "Школьные годы - чудесные..." Бесконфликтность, безмятежность, десятилетняя пора земного рая. Фильм "Школьный вальс" (режиссер В. Шендерович, 1978 г.) был одним из первых, разрушающих этот стереотип, поэтому, вероятно, кинокритиками он был принят в штыки.

Многие формы молодежных культур - "другие", существовавшие в реальном андеграунде, прямо или косвенно выходящие за идеологические рамки, критиковались и даже преследовались. Отчасти "благодаря" этим репрессиям, мощное развитие получила в те годы культура бардовской песни и, например, феномен Высоцкого.

Не все подростки, оканчивая школу, начинают сразу работать. Во-первых, большая часть

стремится к продолжению образования: высшего или специального. Во-вторых, существует проблема молодежной безработицы. И главной мишенью этой проблемы оказываются, прежде всего, выпускники средних школ. Проблеме молодежной безработицы и будущему молодежи как специфической социальной группы в сфере занятости будет посвящена специальная лекция.

Итак, после окончания школы молодежь выбирает между продолжением образования или началом работы (службой в армии для молодых ребят, как в России). Часть молодых людей неизбежно переживает период сомнений и поисков, некоторое время, никак не определяясь, существуя вне всяких институтов – на улице, “так, нигде”. Молодой человек вышел из школы, но не пришел на работу, не поступил в университет, и это его состояние может длиться очень долго. Для Италии, например, молодежная проблема сегодня крайне актуальна. Среднюю школу подростки заканчивают в 16 лет, после чего часть из них (в индустриальных городах, как в Милане, довольно значительная часть), не поступившая в университет (частное образование очень дорогое, в государственных университетах – большой конкурс) и не нашедшая работы, может стать “людьми улицы” вплоть до 30 – 35 лет. И все это время они могут называться молодежью. Самое интересное, что в Италии все больше и больше таких молодых людей продолжают жить со своими родителями.

В определенном смысле именно молодежные культуры социально сопровождают, обслуживают это “так-нигде-и-никак” существующее молодежное пространство. Многие субкультурные формы сформировались именно на социальной базе “вынужденного” досуга.

Молодые рабочие имеют более взрослый статус, чем школьники, но, тем не менее, они все равно еще находятся в переходе к взрослости. Частично это зависит от денег, молодым рабочим платят меньше, чем взрослым. Если они продолжают жить с родителями (как, например, в России или Италии), они не могут быть и чувствовать себя полностью независимыми.

Кроме того, молодые рабочие оказываются не полностью взрослыми по отношению к своему рабочему месту. Нуждаясь в определенном периоде обучения, они продолжают оставаться в статусе обучаемого, то есть находятся под прямым контролем теперь уже взрослых рабочих, а, следовательно, зависят от их власти. К ним долго продолжают относиться с большим недоверием, что проявляется в более строгой внешней дисциплине. Считается, что у них отсутствует необходимый уровень самодисциплины. Молодые люди только начинают социализироваться и приобретать рабочие навыки и привычки. Существует устойчивый стереотип, что молодой работник – это не очень надежный работник. Он более склонен к нарушению дисциплины, легче меняет место работы просто из-за скуки или нетерпеливости.

Таким образом, начало работы или начало взрослости включает в себя еще один период перехода, в течение которого молодой рабочий должен остепениться, утончиться, “перебеситься”. В этот период молодые люди проявляют себя по-разному. Это может зависеть от их ориентации на принятые в данном рабочем сообществе нормы “достижимости”, от их стремления к формальной карьере и т.д. Много нюансов и противоречий в этом процессе возникает в России в период перехода к новым формам экономической и социокультурной жизни. Так, например, невероятная активность будущих и настоящих “новых русских” – это совсем другой процесс перехода во взрослую рабочую жизнь.

Выводы:

1. Окончание школы формально знаменует момент перехода молодых людей из социального института, “обслуживающего” детство и юность, во взрослый статус.
2. Окончание и выпуск из школы в рамках различных социокультурных контекстов происходит

по-разному, и, соответственно, смысл этого перехода воспринимается самими подростками также неоднозначно. Какими бы существенными ни были эти различия, порожденные этническими, гендерными, культурными моментами роста молодых людей, тем не менее, все подростки переживают в этот период и нечто общее: на психологическом уровне происходит существенная перестройка механизмов роста; усложняются процессы идентификации в соответствии с новыми требованиями, которые предъявляют взрослые из их нового окружения; по-новому вынуждены подростки подходить к структурированию своего жизненного времени. Это новое структурирование отличается большей ориентацией на внутренние механизмы регуляции, в большей степени определяется свободным выбором самого молодого человека, что обязательно влечет за собой увеличение личной ответственности. Завершение школы означает переход в новый жизненный график, в новую внешнюю заданность жизни, что обязательно приводит к существенным личностным изменениям, часть из которых может быть определена как повзреление. У человека возникает новый жизненный график.

3. Психологическое изменение временных констант жизни (до школы-урок-урок-урок-после школы) на обычные часы и периоды, формальное изменение статуса сопровождаются не менее значимыми моментами социального выбора. Молодежь должна решить, какой путь дальнейшей социализации она выбирает. Даже когда выбор лишь по видимости свободен (родительское решение, ограниченность социокультурного окружения или ресурсов: средств, способностей, возможностей и т.д.), все равно молодой человек должен пройти через внутреннюю вербализацию этого выбора. Принятие или сопротивление ему – это уже другой вопрос. В любом случае у молодого человека уже есть реальный аналог свободного взрослого выбора, он может просто сбежать. Сбежать как в переносном смысле, на символическом уровне – уход от общества и его проблем, так и в прямом – сбежать из дома, в другой город, в другую страну.
4. Работа, понимаемая здесь как любая форма социальной занятости, является очень важным этапом, ступенью в процессе перехода молодых людей в новый статус. Однако начало работы (или обучения в университетах) само включает в себя начальный переходный период, который тоже обладает своей спецификой и является “новой школой в миниатюре”. Эта школа отчасти создает свои, отчасти разрушает (или хотя бы подвергает значительному сомнению) школьные навыки и ценности, отчасти формирует другие представления об иерархии “успеха” и “путей его достижения”. Главная задача этой “новой” школы – привить новичку чувство новой ответственности, самодисциплины, ввести его в контекст ценностей новой рабочей общности.

Четвертый и, пожалуй, самый значимый момент взросления – это досуг, сфера свободного времени.

Досуг и отдых (свободное время)

Молодежная культура как для ученых-исследователей и взрослых, контролирующих процессы взросления, так и в общественном мнении, прежде всего, ассоциируется с отдыхом, развлечениями, с тем, как молодежь реализует себя в досуге. Стиль и все его составляющие (а это самые первые приметы досуговой деятельности) – это именно то, что делает молодежь

особой социальной группой в глазах окружающих. Поэтому большинство социологов молодежи являются по преимуществу социологами в сфере молодежного досуга.

Однако акцент только на досуге может быть ошибочным. То, как молодые люди проводят свой досуг, во многом зависит от внесуговых сфер - семейного статуса, образования, класса, гендера. Следовательно, исследуя только досуговые формы молодежной активности, ученые вольно или невольно изучают и социально-экономические предпосылки досуга и его социокультурные последствия.

Акцент, который делают ученые-социологи на досуге, не случаен: именно эта сфера наиболее открыта для наблюдения, это наиболее "являющая себя" сфера молодежного образа жизни, тогда как их семейная и школьная жизнь более скрыты, идеологически и традиционно закамouflированы. Еще более закрытой оказывается сфера их внутреннего эмоционального опыта. Досуг, разнообразные формы открытой активности - это самый доступный участок для проведения разнообразных полевых исследований.

Немаловажным оказывается и тот факт, что досуг - это поле безмерной свободы разнообразных молодежных культурных форм, это сфера музыки и живописи, рекламы и компьютерной техники. Исследовать проблемы, связанные с этой наиболее яркой стороной молодежной жизни, необычайно заманчиво и просто интересно.

Безответственность и ответственность: механизмы изменения

Второй важный аспект перехода из детства во взрослость связан с понятием "ответственность".

Довольно часто, говоря о молодежи, употребляют понятие "безответственность". Мягко говоря, это не совсем точно. Употреблять этот термин по отношению к молодежи можно только в узко юридическом смысле. При более пристальном взгляде на процесс перехода из детства во взрослость становится очевидным, что молодость - это время, когда молодой человек принимает на себя все новую и новую ответственность. Возможно, что больше никогда в жизни ему не придется брать на себя так много. С психологической точки зрения, именно в этот период подросток учится принимать на себя ответственность за то, что он делает, он учится ощущать вину за содеянное. Процесс принятия и постижения ответственности невероятно сложен, каждый шаг на этом пути дается молодому человеку с невероятным трудом. Именно в этот период молодой человек ответственен как никогда. Постепенно на него начинает ложиться большая ответственность за домашнюю работу (особенно на девочек), за то, как он проводит свое время в школе и вне ее, за получение тех или иных отметок, за продвижение в школьной иерархии, за поведение на вечеринках и в выходные дни, за выбор друзей, за стиль, который он принимает, за успешность обучения и за много другое. В этом смысле любой шаг, даже из бытовой сферы, который связан с принятием решения, очень важен для молодого человека.

Внешне эта новая ответственность является отражением изменений институциональных ролей, сопровождающихся бурным физиолого-сексуальным развитием, интеллектуальным и эмоциональным ростом. От молодых людей уже ждут определенной зрелости, часто рассматривают их как зрелых, ожидая от них зрелых решений и поступков.

Этот период английский ученый Стенли Холл назвал периодом "шторма и натиска", "бури и стресса". Постоянное ощущение своей отдельности, заброшенности; постоянное стремление

к соединению с другими и постоянное желание отделиться от других - все эти моменты очень противоречивы, они подчас способны разорвать внутренний мир подростка на части.

Упражнение

Какого цвета молодость? Попробуйте ее нарисовать. Наверняка многие захотят ее нарисовать в зеленой гамме. Но если провести этот тест дважды - со взрослыми и с самими подростками, то может обнаружиться, что зеленой молодость чаще всего изображают взрослые, сами же подростки или молодые люди предпочитают более темные и не столь однозначные цвета. Найдутся и такие, которые нарисуют молодость коричневой или даже серой.

“Зрелость” - понятие более определяемое, чем юность. Понятие “зрелость”, видимо, противоположно понятию “юность”, хотя и с определенными ограничениями. В русском языке они практически не сопоставимы потому, что понятие “юность” у нас дополнительно окрашено в романтические тона: юноша, юношество. В английском языке “juvenile” употребляется чисто в психологическом смысле и в этом измерении более точно коррелирует с понятием “зрелость”. В русском языке понятие “юность”, “юношеский” более принято сопоставлять с понятием “старость”.

Зрелость легче определяется потому, что она непосредственно связана с понятием закона. Зрелый человек - это тот человек, который способен нести перед другими ответственность за совершенный им поступок.

В соответствии с законами границы понятий определяются намного проще. Для закона термины ответственности являются ключевыми при определении параметров мира взрослых - люди считаются взрослыми, если они, в глазах закона, способны нести ответственность за свои действия. Они считаются вполне зрелыми для того, чтобы нести ответственность отдельно от других. Запутанность в определении этого понятия начинается тогда, когда определенный вид ответственности связывают со специфическим возрастом. Существует один контекст понятия ответственности для юношеского возраста и другой - для взрослого. Молодежь чувствует эту разницу и резко реагирует как на завышенные требования к их личной ответственности, так и на отказ взрослых воспринимать молодежь как взрослых. Получается дисбаланс между частью, описывающей обязанности (соответствующие необходимой мере ответственности), и частью, описывающей права. Подросток должен хорошо учиться, стремиться к традиционным ступеням успеха, поддерживать семейные традиции и ценности, соблюдать социальные предписания. Возникает закономерный вопрос: предоставляет ли мир взрослых соответствующее, равное для всех участников пространство для реализации всех этих обязанностей?

Существует несколько спорных векторов в определении уровня ответственности подростка, переживающего стадии роста. Так, например, в каком именно возрасте молодые люди могут легально, открыто:

*Покидать дом
Покупать сигареты
Водить мотоцикл
Жениться
Вступать в гетеро- и/или гомосексуальные связи*

*Оставлять школу
Покупать алкогольные напитки
Водить машину
Голосовать*

Закон регулирует все эти и многие другие виды активности на основании представлений о мере зрелости, необходимой для принятия осознанного решения или совершения осознанного выбора, утверждает очевидные различия между взрослой и юношеской ответственностью. Благодаря этому, молодость частично имеет некие легальные, общепринятые определения. Когда меняется закон – например, изменение возраста окончания школы, снижение возраста голосования – все это сказывается на понимании молодости.

Однако, закон лишь определяет тот момент, когда мы становимся, способны к тем или иным действиям, опираясь на биологический возраст как наилучший критерий измерения. Но закон не может принудить (заставить) реально принять на себя ответственность взрослого человека. Большинство людей женятся или выходят замуж вовсе не тогда, когда это официально разрешено законом, а намного позже. Всегда существует интервал между легальными и социальными (и культурными) определениями зрелости. Этот интервал может простирается в сторону увеличения реального возраста зрелости и ответственности – как правило, это происходит вне специального контроля и говорит о “естественном” пути социализации. Этот интервал может простирается в сторону снижения возраста зрелости – и тогда это квалифицируется законом как нарушение, за которое подросток ответственности не несет.

Специальное определение границы соответствия меры ответственности и содеянного, как правило, происходит в спорных ситуациях – отвечает или не отвечает человек за свои поступки. Однако, следует признать, что это все-таки предельно формальное определение молодости, поскольку главным критерием меры ответственности является зрелость личности. Это понятие выходит далеко за пределы буквы закона. В каких терминах может закон описать меру ответственности подростка за самого себя перед собой, за свое будущее, за свою свободу? И когда подростки или молодежь говорит чему-то “НЕТ”, протестует против навязываемой ей социальной ответственности, может быть, это и есть самый высокий показатель ее ответственности?

Выводы:

1. Помимо такого измерения перехода подростка во взрослый статус как движение от зависимости к независимости, не менее важно движение от безответственности к ответственности за принятие решений и совершаемые выборы.
2. Однако дальше констатации этого факта продвинуться очень сложно, поскольку критерии определения меры и уровня ответственности невероятно различны.
3. Наиболее общепринятым критерием определения ответственности молодого человека является мера его зрелости. Однако само понятие зрелость также достаточно расплывчато.
4. Зрелость может быть **физиологической** (завершение формирования основных физиологических функций организма, его переход “на работу” во взрослом “режиме”); **сексуальной** (завершение формирования вторичных половых признаков и развитая способность к деторождению плюс физиолого-психологическая адекватность восприятия сексуальных отношений); **психологической** (завершение формирования основных констант психологического “Я” индивида, завершение в основном процессов психологической самоидентификации по всем необходимым для адекватного восприятия мира параметрам); **социальной** (определяемой, прежде всего, с помощью законодательства); **идеологической** (в основном произвольно формируемые идеальные конструкты, как, например, “политическая зрелость” времен строительства социализма, когда это понятие могли применить и к октябреньку); **духовной и нравственной** (процессы практически бесконечные,

и определить границы или признаки их завершения просто невозможно). Наверняка есть и другие формы зрелости.

5. Главной проблемой для социологии молодежи является исследование балансов ответственности молодежи за свои поступки и прав на принятие этой ответственности, которые признаются в разных социально-культурных условиях по-разному, исследование смысла молодежных бунтов и противостояний с точки зрения именно этого фактора.

Молодость и социальные различия

Общие для всех молодых людей проблемы зависимости в семье, школе и на работе могут быть рассмотрены в равной степени как ответственные, так и безответственные.

Первое и самое существенное различие между молодыми людьми - это гендерные различия. Растущие мальчики и девочки проявляют себя в разных формах активности, оказываются в разной степени подверженными влиянию тех или иных аспектов социализации. Это не просто результат сексуальных различий, но и следствие принятия различных ролей в родительской семье. До тех пор пока взрослые мужчины и женщины не равны (в смысле возможности получения работы, например), женщина всегда будет оставаться в некотором смысле зависимой от мужчины, и это не может не сказываться на продвижении девочки по пути независимости.

Второе очевидное различие между молодыми людьми - это социальные классы, из которых они вышли. Смысл этого различия связан с социальным опытом человека, полученным им в школе и на работе. 16-летние выпускники школы из рабочей среды, ищущие рабочие места после окончания школы, "молоды" иначе, чем их сверстники, готовые продолжать обучение и поступать в университеты. Эти различия лежат не только в каждодневном социальном опыте, но и в ожиданиях молодых людей относительно их будущего - молодежь не может игнорировать структуру власти в обществе.

Не менее важны и другие социальные различия - расовые, этнические и региональные (особенно в России). В этом смысле трудно переоценить роль урбанизации и процессов изменения деревенской жизни.

Выводы:

1. Даже простого перечисления этих социальных различий достаточно для того, чтобы понять, что говорить о некоей единой молодежной культуре просто невозможно. Молодежь не просто разная, она значимо разная. Измерения этой разности будут зависеть от основания, критерия выделения той или иной молодежной культуры. Именно поэтому корректней будет употреблять термин не "молодежная культура", а "молодежные культуры".
2. Каждому из названных критериев социальных различий между молодежными культурами будут посвящены или отдельные лекции, или, по крайней мере, разделы.

Опыт поколения

Термин "поколение" значим для изучения молодежных культур (термин впервые использован социологом Манхеймом). С помощью этого понятия выделяются социальные группы, которые рождаются в определенный исторический момент и вырастают в определенное историческое время. Вследствие этого они делают схожий опыт с другими членами своей возрастной группы. Война - наиболее часто называемый опыт, который может связать одно

поколение в единое целое. Однако на опыт поколения и его выделение из других в не меньшей степени могут влиять экономика (периоды спада и подъема), политика и идеология (“Ваше поколение будет жить при коммунизме”), культура (поколение русского серебряного века или “потерянное” послевоенное поколение в Германии), всплески роста национального самосознания и религиозного национализма и многое другое. Разный исторический опыт приводит к формированию разных ожиданий относительно того, как должно общество работать и жить, к чему стремиться, кому и во что верить. Эти различия в установках могут привести к социальным конфликтам или к “разрыву между поколениями”.

Несмотря на очевидную метафоричность и образность этого понятия, его познавательную ценность, злоупотребление этим подходом может привести к определенной нивелировке других, не менее значимых различий. Это понятие скорее применимо в виде признания некоей общей направленности процесса изменения. Данный подход может привести к формированию узкого дискурса, некоей господствующей парадигмы в определении всех молодых как чего-то целого. Возможно, что деидеологизация этого понятия позволит использовать его более плодотворно.

Существует еще один вектор измерения пространства молодости - это понятие “юность”. Его ввел в научный обиход американский педагог-психолог С. Холл в начале этого столетия, используя для описания эмоциональных проблем молодежи, с которыми она сталкивается, уходя из дома. Он определил этот возрастной период как время “шторма и стресса”. Основная идея его подхода заключается в следующем: напряженность между биологическими и социальными аспектами роста возникает в силу того, что физическая готовность к сексуальной активности или поступлению на работу возникает за несколько лет до социального “разрешения” на эти действия. Поэтому одной из важнейших функций молодежной культуры является помощь в разрешении этих проблем.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Понятия “молодежь”, “молодость”, “возраст”. Качество молодого возраста: значимые параметры определения.
2. Молодость - состояние между двумя переходами.
3. Движение (переход) от зависимости к независимости: семья, школа, работа. Движение от безответственности к ответственности, социально-культурные параметры определения зрелости.
4. Молодость и социальные различия: гендер, класс, этнос. Понятие “юность”.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме:

1. Школа и антишкола (или сколько школ в школе).
2. Школьные роли и понятие успеха в различных социокультурных контекстах. Насколько быстро происходит их изменение, и от каких факторов это зависит.
3. Социально-культурный смысл понятия “конец молодости (детства)”. Определение границ.
4. Формальные и неформальные школьные иерархии. Специфика формирования школьных солидарностей. Механизм выстраивания и перевертывания. Роль учителя в поддержании формальных школьных структур и социальные ответы школьников: типы социальных реакций и роли. Учителя глазами школьников и школьники глазами учителей: значимые корреляции.

5. Понятие зрелости сквозь культурный контекст, влияние идеологических и политических предпосылок.
6. Роль семьи и отношение к семье как значимый символ взросления. Роль семейных отношений в формировании половой, возрастной, этнической и гендерной идентификации подростков.
7. Определение молодежи (или состояния молодости) и ее сущности (ценности, нормы, идеалы) в советской и постсоветской научных традициях.
8. Значение образа взрослого для формирования личности подростка. Лики этого образа: родители - учителя - друзья - кумиры - "взрослый мир" и др.
9. Семья - школа - работа - досуг: векторы движения от зависимости к независимости. Современный российский контекст.
10. Теория поколений и поколенческого разрыва. Критический анализ.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

- Проведите контент-анализ текстов школьных (комсомольских) песен времен застоя и современных. Выявите наиболее значимые коды "школьной идеологии".
- Проведите серию интервью с учителями для выявления существующих конструктов "нормальных" и "ненормальных" школьников; что здесь является определяющим для учителя? Кто уходит после 9-го класса и почему? Какие были раньше причины, и какие сейчас?
- Проанализируйте рекламную кампанию, обращенную к молодежной аудитории (по выбору - например, "Стиморол" или "Марс"). Попытайтесь обнаружить смешанную символику.

Мини-исследование (самонаблюдение) по выбору:

- Напишите сочинение (эссе) на тему "Легко ли быть молодым?".
- Опишите свое наиболее яркое школьное воспоминание.
- Опишите формальные стороны роли школьника. В чем отличие роли школьника от роли школьницы?
- В чем различие понятия "зрелость" для вас и ваших родителей?
- Опишите на основании своих школьных воспоминаний представления о ценности "успеха" и "путях его достижения".

Тема 2.

Часть 1. Различные теоретические предпосылки исследования молодежной культуры

В этой лекции речь пойдет лишь о наиболее общих теоретических предпосылках разной степени социологии молодежи, плодотворно использовавшихся в основном американскими и западными исследователями в конкретный исторический период. Следует оговориться, что весьма сложно провести четкие разграничения между различными направлениями в их конкретном применении к исследованию молодежной проблематики. Скорее, можно говорить о присутствии элементов различных теоретических идей в их применении к исследованию отдельных феноменов молодежных культур. Чаще всего реализуется некий мозаичный подход. Однако, чтобы распознавать элементы разных теорий, важно сориентироваться в существе ведущих и наиболее значимых подходов в социологии молодежи и молодежных культур.

Функционализм

Начальная идея этой концепции заключается в том, что общество, социальная структура рассматриваются как аналогии тела, биологической системы. В рамках этой парадигмы социальные институты рассматриваются с точки зрения их функций, которые способствуют поддержанию общественного “тела” в жизнеспособном и развивающемся состоянии. Эти идеи, как правило, связывают с американским социологическим опытом, начало которому было положено в 50-е гг. XX века.

Социологи-функционалисты исходят из того, что каждый социальный институт выполняет свою специфическую функцию и что история обществ – лучший толкователь социальной эволюции. Социальные структуры меняются, становясь более специализированными и, следовательно, выполняющими все более специализированные функции в обслуживании общественного организма. Согласно этой концепции социальные институты должны быть объяснены с точки зрения их содействия социальной стабильности, и в качестве неких позитивных моментов в развитии и следует определить их значение в продвижении общества в будущее. Таким образом, получается, что некоторые социальные институты (деструктивного характера), которые хоть и не позитивно, но все же функциональны, по сути не могут долго просуществовать и, следовательно, имеют временный характер. С другой стороны, те социальные институты, которые стали деструктивными, должны в действительности помогать поддержанию социального порядка. Так, Э. Дюркгейм, например, полагал, что преступность – это “нормальный” социальный феномен и с этой перспективы должен иметь свою социальную функцию.

Именно с этих позиций изучали в 50-е гг. американские функционалисты культуру тинэйджеров.

Понятие “тинэйджер” (teenager) употребляется социологами не в буквальном обыденном смысле. В принципе, тинэйджер – это подросток с 13 до 19 лет (пока в номинации возраста присутствует корень teen). Для социологов же это понятие имеет, прежде всего, отношение к подростковой потребительской культуре, то есть буквально это “подросток потребляющий”.

Основная идея американских функционалистов сводится к тому, что молодежная культура появилась именно потому, что она решала определенные проблемы, возникшие в результате послевоенных изменений в американском обществе, прежде всего, в результате индустриализации. И задача социологов состояла в том, чтобы найти ту социальную функцию, которую играет молодежная культура в поддержании социального порядка, и показать, как именно это происходит.

Молодежь и социальная структура. Пространство пограничья

Функционалистский подход к молодежной культуре впервые реализовал Т. Парсонс во время второй мировой войны в ходе дискуссии о роли возрастных групп в обществе. Полную разработку ей дал Ш. Айзенштадт в 1956 г. в книге "От поколения к поколению".

Главные проблемы, которые он затрагивал в своем исследовании, таковы: как именно происходит передача ценностей от одного поколения к другому, благодаря чему поддерживается процесс трансляции ценностей, как затем эти ценности реализуются в новых социально-культурных и экономических условиях.

Айзенштадт начал с утверждения о том, что все дети должны быть социализированы, прежде чем они достигнут статуса взрослого. На этот процесс влияет моральный код общества, в котором они растут, все те правила, которые этому коду соответствуют. По ходу социализации молодежь также должна получить образование для последующей реализации уже взрослых ролей. В примитивных обществах не существовало большой разницы между ценностями, передающимися от поколения к поколению. Период взросления был, следовательно, практически беспроблемным. Знания и умения взрослых приобретались "естественным" путем, это было частью социального опыта взросления, момент перехода во взрослость был лишь ритуалом, который, как правило, был напрямую связан с наступлением половой зрелости и сопровождался церемонией посвящения во взрослую жизнь. Самой же молодости (того, что, по нашему определению, и является сутью периода перехода) просто не существовало.

В современных индустриальных обществах, напротив, существует очень большой структурный разрыв между семьей, в которой ребенок вырос, и социальной системой, в которой ему нужно занять определенное место. Поэтому и возникает новая структурная позиция в обществе – позиция молодого человека. Изменение статуса от ребенка к взрослому никогда не бывает простым, существует период молодости, который является важной структурной позицией в обществе. В обществе возникают все новые и новые социальные специализированные институты, нуждающиеся в новых видах поддержки. И если семья сегодня в большей степени концентрирует в себе эмоциональную и сексуальную, нежели экономическую функцию, то именно другим социальным институтам необходимо дополнять, поддерживать все прочие аспекты социализации, контролировать и управлять уходом ребенка из семьи.

В соответствии с этим молодежная культура понимается как институт, который регулирует процесс отделения ребенка от семьи, подготовку молодежи к занятию своей статусной позиции во взрослой социальной системе.

Айзенштадт подчеркивает в этом процессе три аспекта:

1. Молодежь обретает в этом процессе **маргинальный статус**, поскольку она не может быть полностью интегрирована в социальную систему. Социальный статус молодых людей все

еще покоится в равной степени на зависимости и на стремлении к независимости, и даже их свободное время продолжает регулироваться обществом взрослых.

2. Индустриальные общества развили систему формальных обучающих институтов контроля за переходным возрастом: среди них не только школы и колледжи, но и другие социальные институты - клубы, медиа-продукты, через которые взрослые стремятся обучать молодежь правилам "нормальной частной" взрослой жизни, готовят детей к тому, чтобы они стали *правильными* семьянинами и родителями, законопослушными гражданами и домовладельцами, собственниками и работниками и т.д.
3. В этом продвижении к взрослому статусу молодые люди должны научиться разделять чувство субординации. Существующие молодежные институты самими молодыми людьми не контролируются, ими "движут" взрослые люди. Следовательно, молодежь занимает центральное место в молодежных культурах с точки зрения целей развития "взрослого общества", но остается маргинальной с точки зрения власти и властных отношений. По мнению Айзенштадта, само по себе социальное состояние молодежи не вызывает особого интереса ни у взрослых, ни у исследователей, все их внимание направляется на социальные институты, обслуживающие период взросления.

Функция молодежной культуры – управление переходом

Айзенштадт писал, что молодые люди по-своему стремятся к обретению чувства стабильности, чтобы как-то компенсировать социальный опыт изменений, к чувству собственного достоинства, чтобы как-то компенсировать социальный опыт безвластия. Молодежная культура – это некий результат этих стремлений, поскольку она обеспечивает ясный набор ценностей, позиций и поведенческих норм, которым нужно следовать, что бы ни происходило вокруг них. При помощи своих действий молодежная культура помогает молодому человеку почувствовать себя хорошо (комфортно, стабильно), как бы ни оценивали его действия окружающие. Панки, например, могут выглядеть забавно, смешно на фотографиях в журнале "Мировые новости", но совсем другой смысл это имеет для молодого человека, который стал панком. Для него (нее) это, значит, достигнуть определенной меры успеха и статуса внутри данной субкультуры.

Функционалисты объясняют социальные институты в терминах социальных проблем и их культурных решений. Эти проблемы рассматриваются и описываются со ссылками на напряжение, существующее внутри социальной структуры: молодежное решение этих проблем описывается в терминах облегчения подобного напряжения. Молодежная проблема заключается, таким образом, в маргинальном статусе молодых людей, и именно молодежная культура призвана ослабить их беспокойство, опасения и сомнения.

Для социологов, придерживающихся функционалистских традиций, самым важным в молодежной культуре были "коды" поведения и одевания. Значение, важность панков, например, не столько в их содержании, сути и сущности, сколько в их униформе - в том, что они носят и делают.

Конечно же, у панков существует и своя униформа и свое представление об успехе и престиже. С этих позиций все формы молодежной культуры действительно имеют схожие функции. Для функционалистов в принципе существует определенная иерархия между молодежными группами, есть более или менее маргинальные, более или менее успешные.

Важность равных групп (peer groups)

Молодежная активность - это практически всегда групповая активность. Существует социологическое допущение о том, что молодежь развивает свой вкус в одежде и музыке, находясь в группе, отдыхая и развлекаясь вместе.

“Равными группами” Айзенштадт называл те группы молодежи, отношения внутри которых характеризуются дружбой и верностью (преданностью) и обязательствами молодых людей друг перед другом. В социально-психологических терминах равные группы лежат где-то между семьей (с абсолютностью ее эмоциональных связей и обязательств) и экономической системой (с ее формальными контрактами, строгой организацией ролей, ссылками на достигнутые мастерство и квалификацию). Используя язык Айзенштадта, можно сказать, что равные группы управляют движением от частных ценностей к общим, из социального мира, в котором решения принимаются со ссылкой на родительский авторитет и семейные традиции, к миру, в котором решения должны быть отнесены к рационально понятым и согласованным с рациональными принципами. Равные группы (группы сверстников) поддерживают первые шаги молодых людей из семей, знакомят их с другими возможными путями в жизни. Сначала это может принимать значение сравнения, которое ребенок использует в споре со взрослыми: “А вот тот-то может, тому-то купили”. Равные группы - не источник ценностей, а способ нахождения своего места в мире, способ социальной идентификации. Молодежная культура только тогда становится источником проблемы, когда молодые отказываются расти, а этот феномен нуждается уже в психологическом объяснении. Можно сослаться на талантливый фильм “Жестяной барабан” (режиссер А. Шлендорф). Мальчик времен второй мировой войны (действие происходит в Германии) однажды принимает самостоятельное решение - отказывается расти, своеобразно протестуя против взрослого мира.

Неужели все молодые – одинаковые?

Самая существенная критика функционализма заключается в вопросе: неужели все молодые одинаковы? Можно ли вообще использовать термин “молодежная культура” по отношению к институту, где каждый субъект включен в него по возрастному принципу?

В 1968 г. Шейла Аллен (Sheila Allen) публикует статью “Некоторые теоретические проблемы в изучении молодежи”. В ней она пишет о том, что в капиталистических обществах невероятно различается опыт разных классов, находящихся в разных экономических ситуациях, с разным отношением к власти, с различными видами образовательного вознаграждения. Важен также различный опыт полов. Проблема еще и в том, что можно обнаружить резко отличающиеся подходы среди молодежи к потребительским вкусам, отличительную напряженность, отчасти принудительность культурной активности молодежи. Эти линии напряжения можно определить как по полу, социальному классу, так и по возрасту. Досуговая активность – это не всегда “свободная” активность. Разные группы молодежи имеют разные возможности в досуговой активности. Мальчики и девочки тоже по-разному используют свое свободное время частично потому, что они “свободны” по-разному. Девочки имеют больше домашних обязательств, чем мальчики, кажутся более интересующимися тем видом досуга, который имеет смысл для их последующего замужества как способ нахождения “своего молодого человека”. Социологи, в целом, показывают, что существуют системные различия в молодежном поведении между студентами и молодыми рабочими, профессионалами и непрофессионалами, работающими и

безработными, черными, белыми и азиатами. Обращаться ко всем этим группам как к частям одинаковой молодежной культуры - значит спорить на высоком уровне абстракции о том, что у молодежи общие психосоциальные проблемы в переходе от детства во взрослое состояние в индустриальном обществе (как, например, считал Айзенштадт). Но разница в том, как подобные проблемы переживаются и решаются (или не решаются), причем, как они решаются в зависимости от конкретного времени и культурно-исторического места.

Расти по-английски и расти по-американски

В 50-е гг. Америка была законодателем тинэйджерской активности, а в 60-70-х гг. центр молодежной вселенной перемещается в Англию.

В последние годы Кингс Роуд и Челси (знаменитые районы Лондона) стали любимым местом американских туристов, именно там можно увидеть "племена" всякой разной английской молодежи панков, скинхедов, тэдов, рокеров, модов, рокабилей, новых романтиков. Все они исключительно английские феномены, хотя и имеют свои аналоги и в США, и в Европе.

Почему же все-таки центр молодежной моды переместился из Америки в Англию?

1. Среди американской молодежи намного больше тех, кто продолжает образование после 16 лет. Американская высшая школа в большей степени консервативна, в большей степени пуритански ориентирована. Современная активность американских молодых чаще обличена в формальную, студенческую форму.
2. В США выше социальная мобильность личности (территориальная, социальная, культурная, статусная и др.). Американские подростки больше верят в возможности изменения в их жизни (даже в смысле простого перемещения по стране). Известная американская мечта, американская идея – мощный стимул формирования ценностного мира американских подростков. Английские подростки вынуждены драматизировать свою скучную, унылую локальную идентичность. Примечательно, что динамичнее всех молодежные стили и моду среди американских подростков развивают именно черные и латины – американцы с наиболее ограниченными образовательными и профессиональными возможностями. В Англии же субкультурные стили развиваются в основном коренным населением.
3. 50-е годы - это время относительного изобилия и оптимизма. Если молодежная культура и была тогда функциональной, то это потому, что процесс взросления не был таким проблемным, каким он становится позже. Тогда еще люди верили в свое будущее. Молодежь в те времена была более обеспечена, у нее было больше ресурсов, в то время еще так остро не стояла проблема молодежной безработицы. Это был достаточно радужный период в развитии молодежных культур.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Сущность функционального подхода в его применении к молодежной культуре. Айзенштадт о переходе от поколения к поколению.
2. Новая социальная позиция подростков в индустриальных и постиндустриальных обществах. Понятие маргинальности в его применении к молодежи.
3. Регулирующая функция молодежной культуры. Связь функционального подхода с послевоенным периодом.

4. Понятие "peer groups". Основные позиции критики функционализма. Специфика функционального подхода к анализу молодежной культуры в отечественной социологической традиции.

Вопросы для обсуждения в дискуссиях:

1. Сравните основные идеи западных ученых-функционалистов с идеями отечественной теории молодежи советского периода. Что в них общего и что специфически отличного?
2. Насколько обоснована идея о том, что популярность функционализма исторически связана с эпохой и социальной атмосферой относительной стабильности, всеобщего оптимизма и энтузиазма? Проведите анализ советских подходов к роли молодежи в жизни общества в этой перспективе.
3. Молодежная культура и молодежные культуры, в чем специфика этих операциональных понятий?

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. В.И. Ленин о молодежи.
2. Теория функционализма и социология молодежи.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

Проведите мини-опросы со школьниками или студентами. Сравните их представления о группах сверстников со своими. Изменились ли кодексы поведения внутри этих групп?

Часть 2. Классовый, гендерный и расовый подходы

С середины 60-х гг. на Западе начинают развиваться разные подходы к исследованию молодежной культуры, подвергшие серьезной критике все предыдущие концепции и, прежде всего, функциональные.

1. Классовый подход: "сопротивление через ритуалы"

Этот подход основывался на новом понимании классового подхода. Предпосылки для классового подхода уже существовали. Так, например, при изучении группировок (Чикагская школа) исследователи открыли определенную зависимость подобного социального выбора от недостаточного социального статуса у рабочей молодежи, что, естественно, было обусловлено их социальным происхождением. Важную роль в формировании этих взглядов сыграло также и обострение классовой борьбы в Западной Европе с середины 60-х гг., которое привело к так называемой "революции 68 года" - знаменитым студенческим выступлениям во Франции и в других странах Европы. За ней последовал мощный экономический кризис начала 70-х гг., серьезно повлиявший на эволюции молодежных культур на Западе.

Классовый подход сформировался у английских социологов, стремившихся к критике концепции общества "всеобщего благополучия", и у американских социологов, исследовавших девиантное поведение подростков (в среде рабочей молодежи). Работы двух социологов: Дэвида Доунса и Пола Уиллиса сыграли самую решающую роль в развитии основ этого "нового" классового подхода. Доунс исследовал различные девиантные субкультуры в Лондоне. Одним из результатов его работы было доказательство того, что дело не в том, что у подростков существует излишек средств и свободного времени (то, что им давало благополучное общество), и не в том, что девиантное поведение передавалось от одного поколения к другому через гены или посредством включенности в криминальные структуры. Он полагал, что причины находятся в **системе образования**, которая не учитывает интересы и способности средних и слабых учеников из рабочего класса.

Средние ученики как понятие употребляется им скорее не в контексте способностей ребят, а в смысле наличия у них реальных культурных ресурсов. В результате такие дети отвергались (отчуждались) и от образования и, соответственно, от сферы труда, поскольку их стартовые позиции оказывались намного беднее. Таким образом, не существовало проблемы досуга самой по себе: если бы в обществе были разрешены проблемы школы и работы, была бы решена и проблема свободного времени.

Пол Уиллис проводил углубленное исследование образа жизни группы молодых ребят-одноклассников в одной английской средней школе. В своем исследовании он подтвердил догадки Доунса о том, что средние- и слабоспособные ребята из рабочей среды серьезно отходят от ценностей школы, то есть от ориентаций на достижение в рамках общепринятых в школе ценностей, таких как: хорошая учеба, послушание, оценка со стороны учителя и т.д., просто потому, что школьные занятия представляются им абсолютно бессмысленными (тут сыграло роль и их представление о будущем, в котором не было места формируемым школой навыкам).

Они создали между собой свой собственный мир, который состоял из “других” ценностей: умений “прикалываться”, “прогуливать”, “наезжать на отличников” (их звали “ear’oles”). На самом же деле, их сообщество оставалось очень замкнутым. Уходя от ценностей, которые казались им чужими, они сами обрекали себя на ту же подчиненность, которая была у их родителей, поскольку без образования они в будущем могли рассчитывать только на малоквалифицированную работу.

Понятие “символического потребления”

Для описания “значений” одежды как символа использовалась теория Леви-Стросса, имевшая в качестве одного из предположений допущение, что, надевая что-либо (одежду, украшения, употребляя различную косметику), молодые люди могли не просто отражать значения, уже существующие у этих предметов, но и присваивать этим символам свое значение (подрывать существующие смыслы).

Расшифровка стиля *teddy-boys* (стиляг) 50-х гг., например, основывалась на предположении о том, что эти ребята из рабочего класса были исключены из всех способов социального продвижения. Надевая костюмы элитарного стиля, они достигали этого продвижения на символическом уровне. Для того, чтобы понять смысл этого феномена, нужно обратиться к английской моде. Костюм, который надевали “тэды”, назывался “Edwardian suit” (по имени короля Эдварда, во времена которого он был моден). Именно этот костюм стал опять модным в 50-е гг., когда элитарные модельеры Лондона возродили этот стиль и начали продавать подобные вещи людям из высшего класса.

В 1953 г. этот стиль уже восприняли ребята из рабочего класса, стремясь с его помощью символически продвинуться от самого низкого до самого высокого социального уровня.

Отношение между субкультурным стилем и группой нередко называется “гомологичным”, т.е. таким, когда субкультурная группа сама создает себя. Это понятие, таким образом, отражает наиболее фундаментальные субкультурные ценности группы. В этом еще одно отличие классового подхода от функционального: в последнем стиль понимался лишь как внешняя, поверхностная атрибутика субкультуры.

Интересным с этой точки зрения является стиль *skinheads* (бритоголовых). Они носят тяжелые рабочие ботинки, джинсы с подтяжками и стригут головы наголо. По мнению Фила Коена, этот стиль отражал именно те ценности, которые были очень важны для этой группы: сильный мужской дух, шовинизм, пуританство и рабочий коллективизм. Почему именно эти ценности стали центральными? Бирмингемская школа культурных исследований предполагает, что материальные предпосылки возникновения субкультуры скинхедов обнаруживаются в относительном ухудшении положения рабочего класса во второй половине 60-х гг. Этот упадок особенно остро чувствовали именно молодые и малоквалифицированные рабочие. Чтобы как-то примириться с новым положением, одни молодые выбирали “продвигающую” субкультурную стратегию (как “тэды” или “моды”), а другие, наоборот, выбирали “естественную” их положению субкультурную форму, которая представлялась им ближе к настоящей рабочей культуре. К последним как раз и относились скинхеды. Они собирались по территориальному признаку, проявляя крайнюю агрессивность по отношению к тем, кого они обвиняли в распаде рабочей общины и забвении ее ценностей. Чаще всего их агрессия была направлена против иммигрантов и негров, скинхеды часто нападали на них и жестоко их избивали. Знаменитая любовь скинхедов к футболу также объясняется проявлением их мужского духа, особенно это находило (и отчасти находит) свое воплощение в постоянных драках после матчей.

2. Гендерный подход

Уже в 70-х гг. работы Бирмингемской школы начали подвергаться критике. Спрашивалось, в частности: почему все субкультурные формирования изучаются, во-первых, принципиально как мужские и, во-вторых, – мужчинами? Вопрос был очень важный, так как Бирмингемская школа славилась тем, что занималась действительно *настоящей* жизнью молодых людей. В результате же оказалось, что жизненные истории, которые исследовались учеными, могли быть отнесены лишь к одной (мужской) “половине” молодежи, следовательно, только на анализе субкультурных форм этой “половины” и были построены все их теории.

Причины отсутствия девушек в субкультурных исследованиях самые разные. Исследователей мало интересовала жизнь девушек; в некоторых субкультурных формированиях, например, уличных бандах, позиции девушек были по преимуществу периферийными; частично субкультурная жизнь девушек была выражена через другие формы. А. МакРобби и Д. Гарбер назвали некоторые чисто женские подростковые субкультурные формирования **“bedroom culture”** (культура спальни), потому что ее нельзя было обнаружить или найти на улицах, там, где “тусовались” рокеры, моды или скинхеды, а лишь в чисто “женских местах”, т.е. дома, а еще, точнее, в спальнях. В своей спальне девушки собирались с близкими подругами и фантазировали о своем будущем, о будущих романах с мужчинами с помощью пересказов друг другу историй о любимых рок-звездах, актерах, писателях, журналистах и т.д.

Даже само понятие “субкультура” – это чисто мужской термин, и оно было подвергнуто самой жесткой критике. У девушек существует своя субкультурная жизнь, имеющая специфические отличия от мужской.

Анализ субкультурных теорий показал, что когда ученые начали уделять внимание девушкам, то их субкультурное участие рассматривалось не просто как девиантное, а как сексуально отклоняющееся поведение. Последнее понималось, конечно же, как нравственно тяжкая форма в сравнении с субкультурными девиациями мальчиков. “Испорченная” девушка рассматривалась как испорченная “навсегда”.

Барбара Худсон утверждала, что это произошло потому, что молодежные теории, описывающие период юности как время “бури и натиска”, основывались на мужском подходе. Подросток рассматривался как человек в том возрасте, когда ему необходимо попробовать свои силы, когда ему нужно “гулять” до тех пор, пока он не найдет себя и не станет взрослым, когда придет время “восстать” против родителей и учителей. Но подобная форма поведения понималась как необходимая только для мальчиков, о которых говорили, что они обязательно “перерастут” этот период, а то, что происходит с ними сейчас, – это нормально и не смертельно. Если же девушки начинали вести себя подобным образом, то их поведение вызывало намного более строгую реакцию, поскольку они тем самым подрывали не только нормы подчинения детей взрослым, но еще и женщин – мужчинам. Ведь женщины по определению должны быть пассивными, послушными, спокойными и подчиненными. Возникли моральные паники по поводу поведения молодых девушек. Особенно это было заметно в дискурсах об “одиноких или молодых матерях”.

3. Расовый подход

В медицинской и психологической литературе о молодежи уже давно существовали работы, в которых ученые стремились доказать, что отклоняющееся поведение передается биологически, и что есть некоторые расы (например, чернокожие), которые больше склонны к

девиациям, чем другие. К середине 70-х гг. стало ясно, что в целом идея девиантности построена на представлениях о нормах, как нормах белого среднего класса, и поэтому всякое другое поведение рассматривалось как отклоняющееся. Особое подозрение общество испытывало по отношению к такой черной молодежной субкультуре, как “rastafari” (“растафари”), которая сформировалась на основе одного музыкального стиля и политических взглядов молодых черных. Но уже к концу 70-х гг. стало очевидно, что вся молодежная культура на Западе развивается на основе взаимодействия африканских, азиатских и новоевропейских культурных влияний. Работы таких ученых, как П. Гилрой, показали, как происходил этот положительный культурный обмен.

Все перечисленные подходы могут быть рассмотрены как “радикальные”. Главная их мысль заключается в том, что не так важен разрыв между молодежью и старшим поколением, как разрыв внутри общества в целом по признаку класса, пола и расы.

Вопросы к семинарскому занятию и обсуждению на дискуссиях:

1. Специфические моменты в описании молодежи и молодежной культуры в функциональном и классовом подходах.
2. Сущность классового подхода в объяснениях молодежной культуры. Общее и особенное в классовой научной парадигме в советской и английской социологической литературе.
3. Расшифровка стилей молодежных субкультур с точки зрения классового подхода
4. Радикальная критика функционального и классового подходов. Гендерный подход: общая характеристика.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. Основные принципы марксистско-ленинской теории молодежи. В.И. Ленин о молодежи.
2. Основные принципы критики классового подхода в определении сущности современных молодежных культур.
3. Роль Бирмингемского “Центра современных культурологических исследований” в развитии культурных исследований.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

Выберите молодежное культурное (субкультурное) место - дискотеку, кафе, паб, клуб, любое место “тусовки” - по своему вкусу. Попытайтесь расшифровать коды одежды, характерные для данной субкультуры. Попытайтесь обнаружить символы классового происхождения (в прямом, символическом или перевернутом виде). Опишите выбранный вами стиль в этой перспективе.

Тема 3. Девианты

1. Молодежь как социальная проблема

“Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть”

Шекспир

Похоже, что молодым людям приходится и быть, и слыть девиантами, переживать сложности самого перехода, реагировать на общественное мнение и, несмотря ни на что, все-таки становиться взрослыми.

Эта тема не случайно названа нами именно таким образом. Это один из самых распространенных дискурсов в подходе к изучению молодежных культур проблемного типа. “Молодежь как проблема” – довольно часто встречающееся клише не только на теоретическом, но и на обыденном уровне. Тем самым закрепляется отношение к молодежи, во-первых, как к чему-то единому, одинаковому, во-вторых, как к однозначно проблемному.

Говоря “молодежь как социальная проблема”, мы утверждаем, что молодежь как социальная группа в том ее измерении, в котором она существует, возрастном или ценностном, еще до всяких соотношений с какими-то критериями, оказывается проблемой. В обыденном разговоре “взрослых” часто можно услышать: “Ну, молодежь – это невероятная проблема”. Практически так же это звучит (явно или неявно) в теоретических текстах и в продуктах масс-медиа. Создается впечатление, что этот дискурс неистребим.

Подход к молодежи как социальной проблеме стимулировал многих ученых к исследованию причин и факторов, под влиянием которых подобный дискурс сформировался.

Отношение к молодежи как к социальной проблеме самым тесным образом связано с пониманием молодежной культуры как проявлению подростковой девиантности.

1.1. Некоторые вводные предпосылки последующего анализа данной темы:

А. Понятие девиантности (девиации) имеет разные контексты. Если оно употребляется в “нормальном” режиме, без соотношения с жестко определенной нормой, то это вполне работающий термин. Однако, в советской и постсоветской (отчасти – и западной) академической литературе этот термин часто употребляется как синоним деликвентности, со вполне определенным оттенком криминогенности.

Девиантность (девиация) как некое отклонение от нормы (по определению) – понятие столь расплывчатое, что требует дополнительных пояснений. Возникает много вопросов: о пределах нормы, критериях ее определения, историко-культурном контексте нормы, тех субъектах или социальных институтах, которые наделены правом и несут ответственность за эти определения и за действия, ими санкционируемые. Таким образом, следует признать, что девиантность – это не жестко определяемое с помощью тех или иных критериев поведение, а процесс, определяемый ситуацией. Последняя же имеет множество параметров – от историко-культурных до актуальных социально-экономических обстоятельств.

Б. Период молодости как взросления, переход из одного, не только возрастного, но и социально-культурного контекста в другой предполагает выход за нормы предыдущего. В известном смысле молодежь девиантна по определению. Другое дело, насколько правомочен

выбор именно этого термина для общей характеристики всего этого периода. Очевидно, что с этой целью можно использовать иное понятие, не имеющее такого противоречивого контекста.

- В. Проблема девиантности сама по себе необычайно сложна. Виды и типы девиантности настолько же отличаются друг от друга, как и молодежные культуры: употребление этих понятий во множественном числе как раз и подчеркивает их многообразие. Различие между ними (разными молодежными культурами и девиациями) столь существенно, что порой трудно уловить, где они соприкасаются своими символическими границами.
- Г. К девиантному поведению принято относить отклонения со знаком минус. Но не менее девиантна, например, талантливая или сверхконформистски ориентированная молодежь, несмотря на то, что последняя реализует некий социальный заказ и существует в пространстве социально одобряемого (взрослыми) поведения. Но она девиантна по отношению к самой природе молодости. Если подобным образом расширить границы понятия девиантности, то так называемая советская молодежь окажется не менее девиантной, чем знаменитые футбольные хулиганы в Англии.
- Д. В советской социологии под девиантной молодежью практически всегда подразумевалась деликвентная молодежь. Исследования “вращались” в одном злосчастном треугольнике: наркомания – алкоголизм – проституция, который рассматривался под общим титулом “подростковая преступность”. Жупел “молодежи как социальной проблемы”, которым пугали и молодых, и их взрослых наставников, породил огромное количество идеологизированных дискурсов, за которыми часто терялся сам предмет исследования.

Главным фокусом последнего должны быть собственно молодежные субкультуры (в том числе и девиантные), различия между которыми всякий раз наделяет качество перехода от детства к взрослости новыми нюансами. Криминогенный дискурс, безусловно, тупиковый!

Самое интересное в исследовании молодежных культур заключается в том, что любое “девиантное” поколение (судя по историческим ссылкам, оно всегда было таковым и всегда вызывало опасения у зрелого поколения) вырастает и становится “нормальным”: работающим, консервативным взрослым большинством, стремящимся к достижению социально значимых целей. Как это происходит? Каким образом девиантные ценности и нормы преобразуются в новые концепты и постулаты общественной морали? Любые исторические и художественно-литературные ссылки дадут нам на этот счет богатейший материал (взрослые всегда сокрушались по поводу молодежи, для них она всегда была девиантной).

И, наконец, если молодость так безнадежно девиантна, почему к ней с такой завистью и ностальгией обращаются взоры всего взрослого населения? Ангельская и дьявольская амбивалентность молодости, детское и разрушающее начало ее природы, удивительная привлекательность и постоянная паника, которую она вызывает, – все это создает вокруг каждого нового поколения ореол загадки, тайны, мистики и страха.

Важно не потерять в социологическом анализе переживания молодых людей по поводу их перехода во взрослую жизнь. Самим молодым невероятно трудно. И кроме внутренних – физиологических, психологических и личностных проблем – молодежь постоянно переживает внешнее давление и принуждение, проживая свой путь, она постоянно отражает реакции взрослых на себя. Многие социологи пишут о том, что девиантность – не просто сторона взросления, но и некая функция взаимоотношений молодежи и взрослых. Следовательно, интересно изучать не только самих молодых “девиантов”, но и взрослых, которые реагируют на их поведение соответствующим образом.

1.2. К определению понятия девиации

Определение понятий *норма* и *девиация* происходит через описание специфики пограничного пространства, существующего между ними. Если существующая норма - это более или менее определяемое пространство, и другая норма (назовем ее новая) также определяема, то переход от нормы N к норме N+1 есть собственно пограничье, в котором и следует искать определение девиации. Назовем это пограничье "поисковым пространством".

Именно в нем происходит поиск каналов перехода от нормы N к норме N+1, именно здесь решается вопрос о пределах допустимого и недопустимого поведения. Однако, это допустимое и недопустимое поведение описывается уже в контексте норм перехода, а не в контексте устоявшихся, общепринятых или будущих, желаемых (вариант - идеальных) норм.

Очевидно, что девиация - это необходимое дополнение нормы: норма определяется через девиацию, девиация - через норму, это взаимодополняющие, а часто и амбивалентные понятия.

В этом поисковом пространстве можно выделить три типа девиаций - соответствующих каналов перехода. Пусть первый называется "конструктивный", второй - "деструктивный", третий - "параллельный или нейтральный". Это деление невероятно условно. Какое-то девиантное поведение, как, например, употребление наркотиков, однозначно может быть отнесено к деструктивному типу, такие яркие проявления личности, как гениальность и сверхчувствительность - к конструктивным. Однако самые разнообразные формы так называемых сексуальных девиаций или переходные формы неформальных объединений молодежи могут определяться и рассматриваться лишь в зависимости от конкретного содержания и конкретного бытования каждого феномена. Тот или иной их социокультурный оттенок будет приобретать значение в зависимости от того, с чем они будут сравниваться.

Понятие "девиантное поведение" очень близко к понятию "рисковая активность", которое достаточно подробно разработано психологами. Подростковый возраст имманентно связан с понятием риска. Потребность к риску актуализируется именно в этом возрасте, а "девианты" - это наиболее склонная к риску часть любой генерации. Для преодоления поискового пространства необходимо быть рисковым человеком. Это пространство практически не имеет никаких ценностно-нормативных векторов, поэтому нужно обладать развитой способностью к сверхориентировке. Если предположить, что в этом поисковом пространстве существует хотя бы какой-то ориентир, ценностный вектор, то это будет уже нормативное пространство. В поиске, сопряженном с риском, происходит овладение новыми формами поведения, механизмами адаптации к социальным институтам.

Можно ли "пройти" через поисковое пространство? Все подростки проходят через период взросления, но одни из них проживают его быстрее, более поверхностно, другие глубже, третьи выбирают некий вид активности, который отчасти может быть назван девиантным. Через поисковое пространство трудно пройти, через него можно только "прыгнуть". Эта метафора отражает некоторые специфические процессы, сопровождающие переход взросления.

1.3. Семь скачков через поисковое пространство

1. Физиологический: скачок из детского тела во взрослое

Для ребенка его тело было привычным и знакомым объектом, произошла лишь первичная половая идентификация, ребенок или ранний подросток достаточно свободно и легко им оперировал, знал все его функции. Тело, которое начинает расти, совершенно новое, подчас

не принимаемое или принимаемое с большим трудом. Тело может играть ведущую роль в жизни подростка, особенно когда оно ему не нравится. Девочки и мальчики начинают воспринимать свое новое тело как нечто им чуждое. Чтобы идентифицироваться с ним, нужно не просто время, нужен новый опыт. Растущее тело может сформировать определенные виды новых комплексов на долгие годы. Подростки могут выбрать группировку или другую форму девиантной активности для того, чтобы чувствовать себя в прямом смысле физически защищенными. Это действительно помогает им преодолеть реальные или мнимые физические недостатки. Группировка для мальчиков - это своеобразная школа взросления, в которой подросток легче справляется со своими комплексами.

2. Скачок интерпретаций

Вместе с телесными и физиологическими изменениями, которые подросток должен научиться понимать и принимать, для него не менее важно научиться их интерпретировать. Зарождение и развитие новых для подростка сексуальных потребностей первоначально могут им восприниматься как некие "грязные" чувства. Эти процессы могут прийти в противоречие с переживаемыми подростками "чистыми" влюбленностями. У мальчиков и девочек это происходит по-разному. Так, например, очень амбивалентно формируется в сознании мальчика-подростка образ женщины. Невероятно сложен скачок от образа Матери как первой женщины, которую он любит, к образу женщины вообще, принимающей самые разные воплощения. Мальчик должен научиться "переходить" от первого образа ко второму. Вряд ли для этого нужно отделиться в реальности и пережить определенное состояние "отвращения" к своей матери, как считают некоторые неофрейдисты. Однако не случайно, что многие подростки переживают период увлечения "грязными" рисунками и даже порнографией, подчас никак не связывая эти "картинки" с реальностью. Вероятно, это некий способ символического, вынужденного ухода от одного только "чистого" чувства к женщине. "Согласие" чистого и грязного в сознании подростка происходит через фактически физическое разделение этих двух объектов. Мальчики, как правило, одних девочек любят чистой любовью, к другим испытывают влечение. Достаточно долго два этих объекта могут не смешиваться. Похожее двойственное отношение к любимой женщине может долго сохраняться и у взрослых мужчин.

Таким образом, подросток нуждается во внешней интерпретации того, что с ним происходит. Как объяснить, вербализовать то, что он ощущает впервые? Если любовь и сексуальное влечение не интерпретируется заботливыми взрослыми в одном смысловом пространстве, тогда эти понятия могут разорваться и развиваться независимо. Если значимый для подростка другой - парень из группировки, старший брат или любимый герой - проинтерпретирует это влечение в грубых и грязных понятиях, это упадет на благодатную почву и может закрепиться как стереотип. Особенно это относится к тем подросткам, которые растут в неблагополучной среде и у которых недостаточно развиты культурные потребности, отсутствует внутренний стимул к саморазвитию. Серия интервью, проведенных с девочками из группировок, подтверждает этот тезис. Они, как правило, скрывают в первую очередь от родителей раннюю половую жизнь, поэтому совершенно не умеют общаться со взрослыми на эту тему, разговор о сексуальной (вернее - половой) жизни вызывает мощную защиту. Вопросы о половом удовлетворении вызвали просто недоумение. Создавалось впечатление, что они "занимались этим" вообще без всякого мотива или называли в качестве мотива нечто такое, что никак не соотносилось с понятиями "любовь", "секс" или даже "развлечение". Часто можно было услышать: "Так ведь все так делают, чего тут особенного?"

3. Скачок от родительских ценностей к собственным

Для нормального развития подросток должен уйти из-под родительского влияния. Если родитель подавляет это естественное желание, то это может вызвать ряд реакций, например, сформировать в подростке комплекс “сильного отца” или “сильной матери”. В этом случае подросток может *уйти в себя*, замкнуться и молчаливо противостоять этому авторитету. Комплекс сильного отца может стимулировать формирование различных форм инфантилизма. Долгое время в сознании подростка именно отец или мать будут нести ответственность за его поступки. Давление может вызвать желание подростка отодвинуть момент повзросления на более поздний срок. Подобный выбор конформной позиции соответствует в глазах многих взрослых так называемому “нормальному” ребенку. Такой подросток не доставляет им практически никаких хлопот. Повзросление, хотя и позднее, все равно наступает, но протекает уже в более тяжелых формах для родителей. Потому что подросток, выросший спокойно, всегда ранее выполнявший все родительские требования, накопив внутреннюю энергию противостояния, все равно уходит, но так неожиданно и резко, что это может стать настоящей трагедией для семьи. Следующая форма защиты – *желание сбежать*. Это довольно частая форма противостояния. Подросток понимает, что он не способен ничего доказать, ему сложно спорить с родителями, отстаивая свое право на свои ценности. Ему может представиться, что намного легче уйти от этого или просто сбежать. Этот процесс противоречив. Взрослые тоже правы, не желая отпускать подростка в прямом и переносном смысле. К уходу его, скорее, подталкивают социальные ожидания, предписанные этой ролью, но к уходу он не готов. Его внутренние ценности и конструкции только-только формируются, но он чувствует, что “должен”. Интервью, проведенные с подростками, демонстрируют, что им самим невероятно тяжело, они желали бы выскочить из этого конфликта с родителями и взрослыми, но они не знают, как это сделать, чтобы и родителям было хорошо, и чтобы они реализовывали свою потребность. В этот период особенно нужно родительское понимание – отпускать подростка, не отпуская его совсем (и не теряя его!).

4. Скачок из одной, “своей” общности в другую

Идентификация со “своими” и размежевание с “чужими” у подростков невероятно актуализируется. Когда подросток рос в семье, то его окружали “свои” близкие люди, и только за стенами квартиры или дома начинались “чужие”. Теперь подросток должен перейти в другую общность “своих и чужих”. В новом позиционировании себя среди своих и чужих у подростка формируется важнейшее качество – чувство собственного достоинства. В этом процессе он формирует отношение к себе как таковому, вне своей принадлежности к семье, вне своего происхождения. Причем не просто вне семьи – вне родителей, мамы, папы, братьев, - а и вне классовой принадлежности, вне формальных организаций, вне культурных ценностей. Часто именно в этот период подростки открыто демонстрируют антиродительские установки.

5. Скачок из состояния невинности к осознанию чувства вины

Для ребенка доподросткового возраста глубокое, собственное осознание вины почти не характерно. Взрослые с помощью определенных санкций пытаются ему задать рамки социальных действий и поступков, за которые, если он их совершит, он должен чувствовать себя виноватым. Дети принимают эти уроки чисто внешне. Подросток же должен научиться ощущать вину на основе собственных внутренних ценностных позиций. Подчас подросток как бы специально

провоцирует хамство, грубость по отношению к взрослым, чтобы почувствовать себя виноватым. Он пытается определить границы своей вины, пробуя себя на это чувство, формируя границы личной ответственности. Для подростка невероятно важно в этот период понять: где заканчивается его ответственность и начинается чужая? За что он действительно должен нести наказание, а что является обычным воспитательным моментом? Иногда подросток просто нуждается в наказании. С одной стороны, демократические традиции в воспитании настаивают на том, что детей нельзя наказывать (особенно физически), но, с другой стороны, подросток перенес бы свою вину и ощутил ее легче, если б его наказали. Потому что это своеобразное искупление греха, а значит, последующее снятие вины. В христианской традиции существовали простые правила: за какой грех какое наказание следует нести. Стоило отстоять полдня или даже всю ночь коленями на горохе, чтобы утром проснуться абсолютно счастливым человеком, не чувствуя ни перед кем никакой вины. Если же подростка не наказывают, то, с одной стороны, может сформироваться ощущение полной безнаказанности, с другой - это может закрепиться в сознании как некая вечная вина. Подобное отношение характерно для некоторых подростков: неспособность объясниться или как-то "искупить" вину даже может стать причиной суицидального поведения. Можно сослаться на пример из психологической практики. Подросток 14 лет постоянно хотел доказать матери, что он не специально ее обижает, что у него это получается случайно. Мать же не могла вырваться из своих привычных отношений: она его прощала, но возникали новые проблемы. Он хотел как-то доказать, но не говорить об этом открыто. Произошла трагедия. Мальчик повесился. Причем он хотел сделать это демонстративно, он знал, во сколько его мама обычно возвращается с работы, и совершил это за минуту до ее прихода. Она же совершенно случайно именно в этот день зашла за чем-то к соседке. Пять или 10 минут решили его судьбу.

У подростков часто накапливается чувство вины (в отличие от детей они считают себя слишком взрослыми, чтобы извиняться). Они, вероятно, были бы рады, если б взрослый помог им избавиться от этого чувства. В записке, которую мальчик написал, было: "Мама, я виноват, но не знаю, как доказать тебе, что я тебя люблю".

6. Скачок от признания себя глазами взрослых к самооценке

Ребенок смотрел на себя глазами окружающих. "У тебя все хорошо, ты нормально, хорошо выглядишь, у тебя нормальный рост, ты хорошо учишься - вот тебя пятерка". Подросток же должен выстроить свою внутреннюю систему иерархий, выработать свои представления об успехе и наградах.

В группировке, например, подросток легко выстраивает представление о себе. Исследователи часто отмечают, что в группировку приходят именно те, кто в прежней среде имел заниженную самооценку, испытывал недостаток самоуважения. Прежняя среда не предоставляла ему достаточно ресурсов для повышения этих представлений, а группировка дает. В школе таких подростков, как правило, не понимают, они выпадают из школьной иерархии, не вписываясь в рамки правильных и хороших учеников.

7. Скачок из привычной триады школа – семья - формальная организация в одиночество

Часто на вопрос, почему ты пришел в группировку, подростки отвечали: от одиночества. (Все результаты здесь и дальше по тексту приводятся из исследования "Группировка в контексте провинциального города", которое проводилось при участии автора в 1990–1994 гг. в городе Ульяновске. В ходе исследования опрашивались (анкетирование, интервью) члены

городских группировок, их родители, учителя, работники служб по делам несовершеннолетних, врачи, психологи и др.).

Одиноких подростков очень много. “Подросток – это тот, кто одинок, человек, которого никто не понимает” (из анкеты члена подростковой группировки, мальчик, 14 лет).

2. Исторический экскурс в изучение девиантности

2.1. Понятие “хулиганизм”: история моральной паники

Это понятие было впервые употреблено Джеффри Пизоном в его книге “Хулиган”. Автор не просто рассказал историю юношеских преступлений, но, прежде всего, остановился на проблеме реакции общества на молодых преступников или нарушителей спокойствия.

В общественном сознании основная проблема выглядела таким образом, что современная молодежь потеряла всякое уважение к власти, молодежь стала разрушительной силой. Эта книга, прежде всего, важна тем, что в ней дается одно из первых определений понятию “хулиганизм”, которое вводится в круг научной терминологии.

В 50-е гг. в американской и британской публицистике развернулась настоящая дискуссия о молодежных правонарушениях. Дж. Пизон обращает внимание на то, что тон этих статей практически ничем не отличался от моральной паники десяти- и двадцатилетней давности. Во все времена для доказательства невероятной испорченности современной молодежи исследователю или журналисту (писателю) нужно было обратиться к какому-нибудь прошлому сюжету. В 90-е гг. (для России, например) – это золотые времена застоя, период массовой включенности молодежи в строительство коммунизма на великих стройках и полях сражений; в 50-е гг. на Западе – это 30-е гг., в 30-х гг. взоры были обращены к началу века, в начале XX века – к середине века XIX и т.д.

Поразительным исключением из этого общего правила является отношение к молодежи в советский период, на чем мы остановимся подробнее в следующих лекциях.

Для западных исследователей, анализировавших эту загадку (постоянное обращение “паникующих” взрослых к золотому прошлому), важно было попытаться определить следующее: каковы же социальные и социологические предпосылки возникновения моральных паник, которые, по крайней мере, уже 100 лет тревожат общественность? Эта тревога приобрела особенные размеры с того самого момента, когда впервые взрослые (и ученые-социологи в том числе) увидели молодых людей, слоняющимися без дела по улицам разросшихся городов. Молодежь “вышла” из домов, из семей, оказалась в публичной сфере, на улицах. Для многих ученых именно эти процессы “обнаружения” молодежи создали предпосылки для ее изучения.

В доиндустриальных обществах понятие молодежи (в социальном аспекте) было ненужным. Там переход от детства – зависимого социального статуса к взрослому – независимому социальному статусу сопровождался, как правило, ритуалами и традициями, означавшими достижение молодыми людьми сексуальной зрелости и физической способности выполнять роль взрослого. Именно индустриализация, как считает большинство западных социологов молодежи, породила те социальные процессы, которые сделали период взросления предметом очень широкой общественной дискуссии и тревоги. В Англии эти процессы начались еще в XV и XVI веках, когда собственники и владельцы земли стали огораживать землю, которая до этого использовалась крестьянами как общая. До сих пор сохранились эти выгородки, создающие необычайный колорит и местную экзотику. Так, например, находясь на горе и видя совсем

близко внизу город, невозможно просто так к нему спуститься, вместо 20 минут нужно потратить не менее двух, а то и трех часов, чтобы добраться до места. Перелезть через эти огорожения невозможно, поэтому существуют специальные карты, указывающие проходы сквозь них в специальных местах. Вся сельская местность (особенно в горах), как лабиринт, пересечена этими старыми перегорodkaми.

С этого времени (в Англии это XV–XVI века) молодежь начинает вытесняться из деревень. Молодые люди были вынуждены искать наемную работу в развивающихся городах. Уже к середине XVI века в Лондоне была построена первая тюрьма для содержания беспризорной молодежи, которая к тому времени уже начала объединяться в группировки, просить милостыню и воровать на улицах городов. Потеряв надзор старейшин в деревенских общинах (традиционная форма патриархальной социализации), молодежь очень быстро стала превращаться в реальную угрозу для общества – его спокойствию, моральным устоям, нравственности.

Похожие процессы происходили в СССР, а затем и в России в период бурной индустриализации, особенно в брежневский период. Часто население целых деревень, снесенных в результате строительства, переезжало в высотные блочные дома. И когда подрастали дети этих “переселенцев”, каждый такой дом становился или потенциально мог стать территорией обороны для группировки. Этот специфический феномен “спальных” районов, когда подростки одного дома, бывшей целой деревни, вырастают практически одновременно. Одна из ответственных работников инспекции по делам несовершеннолетних сформулировала проблему следующим образом: “В каждом таком доме заложена бомба замедленного действия”. (Серия экспертных интервью проводилась сотрудниками социологической лаборатории филиала МГУ в г. Ульяновске в 1994 г. в ходе исследования проблем существования подростковых группировок.)

К концу XIX века явление молодежных группировок распространилось по всем большим городам Англии. В каждом городе они назывались по-разному, у всех был свой стиль жизни и одежды, свои традиции. Одна из этих группировок снискала себе всемирную славу. Их называли “хулиганами”. Публика узнала о хулиганах после их массового задержания на августовском празднике в 1898 г. Название хулиган происходит от словосочетания “Hooley’s Gang”, т.е. “группировка Хулина”. Но это название быстро распространилось и на другие группировки подростков, одевающихся в расклешенные брюки (клеш), тяжелые ботинки, носивших одинаковую прическу с длинной челкой. Вслед за этим происшествием после любых праздников именно хулиганов начали обвинять в уличных драках, воровстве, нападениях на полицию и прохожих.

Проблема хулиганов очень скоро стала рассматриваться не просто как проблема соблюдения нормального общественного порядка, но и как широкая социальная проблема рабочей молодежи. Все чаще общественность задавала вопросы: что же с ней делать? Одно из решений было найдено в поощрении городских организаций социального контроля, которые, по замыслу, могли бы заменить собой контроль старейшин в прежних патриархальных деревнях. С 1890 г. и до начала первой мировой войны в Англии возникли десятки таких организаций. Среди них были: “Скаутское движение”, “Союз детей улицы”, “Христианская ассоциация молодых людей”, “Бригада мальчиков”. Для этих организаций были характерны полувойенные формы и методы работы с молодежью, что обнаруживало главный принцип их подхода – насильственное устранение возможных выступлений и наведение силового “порядка” среди молодежи.

2.2. Что значит быть молодым преступником!

Английский социолог Саймон Фрис по этому поводу замечает, что если проанализировать молодежные правонарушения в XIX веке, за которые молодые люди осуждались по закону,

то можно увидеть, что среди них были как правонарушения во “взрослом” смысле слова, так и “чисто” молодежные. Так, например, группировки или банды подростков, занимавшихся хулиганством или вандализмом, не имели аналогичных мотивов во взрослом преступном мире. Подобные преступления, как правило, совершались не ради получения материального вознаграждения – денег или каких-либо товаров. *Хулиганизм* представлял как занятие, доставляющее удовольствие само по себе.

Однако, именно молодежная преступность с самого начала стала поднимать перед законодательством проблемы, до этого ему неизвестные:

1. Преступление подростков: это коллективная или индивидуальная проблема? Ведь закон до этого времени определял преступление в индивидуальных терминах – в этом была логика дознания и ареста. Однако большинство правонарушений совершались подростками коллективно. Закон, как тогда, так и сейчас (и в современной России также) имеет дело лишь с теми “неудачниками”, которые попадают (остаточный принцип работы с молодыми правонарушителями). Насколько это правомочно: применять закон лишь к тем, кто попался?
2. Преступление подростков – это рациональная или иррациональная активность? Очень часто в газетных публикациях для описания футбольных хулиганов употреблялись такие слова, как “животные”, “безумные”, “стадо”. Но ведь закон исключительно рационален. Как в таком случае рациональными подходами и методами объяснить иррациональные действия? Какие же формы государственного противостояния закон должен использовать для борьбы с иррациональными проявлениями, и возможно ли это в принципе?
3. Преступление подростков – это знак того, что необходимо “усиленное лечение” каждого молодого человека в отдельности, или дело в том, что “больна” сама социальная система? Предоставляет ли общество для молодежи адекватные ее потребностям и возможностям каналы для социализации? Если нет, то почему оно обращается с призывами к “излечению” больной молодежи, а не займется реформированием своих институтов? Если подросток не способен нести полную (во взрослом смысле слова) ответственность за содеянное, то может ли общественность отыгрываться на нем, и что это “отыгрывание” может в принципе дать?

В своем исследовании молодежных группировок в городе Ульяновске мы также столкнулись с тем, что инспекция по делам несовершеннолетних “взмахивала руками”, ужасаясь такому быстрому распространению молодежной преступности. Практически все взрослые (школа, бывшие клубы, спортивные секции) отказывались от трудных подростков. Они не просто хотели отделаться от неуспевающих, но и в часы досуга выстраивали целые патрули у дверей школ и клубов (правда, сегодня это бывает оправдано стремлением к безопасности), чтобы не пускать “чужих”. Сегодня молодежные организации по большей части находятся в агонизирующем состоянии. Клубы у подростков отчуждены под сауны, бильярдные, тренажерные залы для “новых русских” и т.д. В городе существуют всего лишь несколько молодежных дискотек.

В подобной ситуации не очень понятно, чего же хотят взрослые. Совершенно очевидно, что одной из основных причин роста молодежных группировок (преступно ориентированных в том числе) была и поныне остается неадекватность экономической и социально-культурной среды. Многие взрослые спрашивали: “Зачем вообще эту проблему изучать? Во все времена подростки всегда дрались и будут драться, всегда деревня на деревню ходила”. При всей своей кажущейся очевидности, это утверждение вызывает сомнения. Вероятно, прежде драки и были чем-то обычным, однако они в определенном смысле соответствовали условиям культурной среды. Сегодня же существование такого рода молодежной активности свидетельствует о низком культурном уровне самих подростков и о нестимулирующем (неадекватном) культурном окружении.

Надо лечить общество. В таком случае стоит ли постоянно поднимать проблему, которая провоцируется самими обстоятельствами жизни? Если реально разрешить эту проблему пока не представляется возможным, то нужно ли поднимать панику вокруг этого, устраивать периодически наряды, забирать верхушку тех, кто попался, кого-то из них сажать в тюрьмы? Сами работники милиции и инспекции по делам несовершеннолетних в своих ответах подчас подвергали жесткой критике собственную же практику, однако, ничего другого они сделать не могут, а молодежи по-прежнему идти, кроме улицы, некуда.

3. Рождение социологии молодежи и попытки интерпретации феномена молодежных группировок

Расцвет западной социологии в 20-х гг. этого века стимулировал стремление ученых к пониманию причин возникновения уличных группировок и образа жизни их членов. Первоначально социологический подход основывался на применении принципа “экологической стабильности”, перенесенного из изучения естественного мира на представления о городской среде. Согласно этой модели, город развивается не произвольно, а вокруг важных ресурсов (естественных или искусственных). По мере развития и совершенствования условий жизни в городе растет конкуренция за жилье в центре города, центральные места становятся доступными лишь для представителей большого бизнеса. В результате этих процессов “простое” население начинает переезжать в пригороды, оставляя новых городских иммигрантов конкурировать друг с другом за пришедшее в упадок жилье в центре города (так называемый “inner city”). Эти идеи, как и многие другие, связанные с осмыслением причин роста молодежной городской преступности, разрабатывались преимущественно социологами Чикагской школы.

Знаменитая модель Чикагской школы описывает серьезные социальные последствия широкого распространения этих переселенческих процессов. Первое следствие - развитие кварталов американских городов по этническому признаку по мере того, как волны новых иммигрантов приезжали в города из разных стран Европы и Латинской Америки. Второе следствие - нашествие иммигрантов - нарушало стабильность общества, приводя к потере нормального социального контроля. Это нарушение привычных социальных норм и соответствующая ему дезорганизация отражались, по мнению социологов Чикагской школы, на формировании группировок девиантного, а подчас и криминогенного характера. Ученые этого направления изучали образ жизни этих группировок, выявляли наследственность, традиционность в передаче норм и ценностей этой культуры, механизмы передачи этих традиций от одного поколения к другому в городских американских трущобах.

Самые известные социологические работы по изучению группировок - “Группировка” Трашера (“The Gang”), “Уличная жизнь” В. Уайта (“Street Corner Society”). Эти работы и сейчас продолжают представлять интерес для социологов, поскольку в них дается не только анализ постоянных драк и противоправных действий. В этих работах описываются необычные для этих групп молодежные активности: оказывается, что среди подростков формировались и другие группы общения, такие как, занятие различными видами спорта, “бизнесом” и т.д. Уайт даже делает вывод о том, что проблема группировок состояла не в потере молодежью социальных норм, а в том, что из-за существующей у определенного района репутации как дезорганизованного и незаконного (он исследовал, прежде всего, итальянские районы), у подрастающей в них молодежи просто не оставалось какой-либо возможности найти себя и свое место в американском обществе другим, более “нормальным” способом.

3.1. Различные подходы в объяснении молодежной преступности

1. Психодинамический подход:

А. Функционализм и девиантное поведение

Чикагская школа не была единственной в интерпретации уличных группировок как результата утраты молодежью социальных норм. Чуть позже возникшая школа "функционалистов" также пыталась увязать отклоняющееся поведение с нарушением социальной стабильности. Разница между двумя подходами в понимании причин этих нарушений: Чикагская школа применяла модель "естественного" мира, а функционалисты обращались к понятию "аномии", предложенному Э. Дюркгеймом. Дюркгейм, как известно, употреблял это понятие для описания среды как социально дезориентированной, в которой действия людей не управляются общественными нормами. Роберт Мертон развил идею Дюркгейма до понимания феномена девиантного поведения как следствия разрыва между притязаниями личности ("aspirations") в современном обществе и имеющимися возможностями для их реализации. Именно поэтому, как он полагал, девиантное поведение более всего распространено именно в бедных кварталах больших городов, где у молодых людей меньше всего возможностей для достижения личных целей легальным путем. Намного легче для них был другой путь достижения успеха – путь криминальной активности.

Б. Этнографические исследования

Этнографические исследования молодежных группировок в течение 40–50-х гг. начались с критики суждения функционалистов о том, что молодежь изначально склонна к девиантному поведению. Если функционалисты видели причину отклонений в психологических факторах передачи определенных традиций, норм и ценностей от поколения к поколению или в склонности некоторых подростков к девиантной социализации из-за неблагополучности их социального окружения, то этнографические исследователи подчеркивали, прежде всего, то, что молодые люди сами выбирают этот путь в жизни.

Альберт Коен отвергал, например, тезис о том, что в бедных кварталах изначально утрачены социальные нормы, что там царствует закон джунглей. Он предполагал, что уличная, часто криминогенная группировка является коллективным решением общей проблемы (на культурном уровне), характерной для всей малообеспеченной молодежи. Этой общей проблемой, по его мнению, является "статус". У молодых людей из малообеспеченных семей было то же самое "естественное" желание, характерное для всех подростков среднего класса, добиться успеха и признания, но и у них было гораздо меньше возможностей для его реализации. Для решения этой проблемы кто-то стремился приспособиться к общепринятым нормам успеха, стремился к получению различных школьных наград, хотел стать кино- или поп-звездами, достичь успеха в спорте, другие же прибегали к незаконным путям достижения признания и определенного социального статуса.

Все американские социологи были едины в одном: существует так называемая "illegitimate opportunity structure", т.е. живая криминогенная субкультура, в которую молодежь включалась в поиске своего жизненного пути.

В. Идеи раннего распознавания преступника

Считалось, что склонность к преступлению кроется в специфических особенностях личности, в тех ее качествах, которые не присущи "нормальным" людям. Чезаре Ламброзо,

итальянский социо-психолог прошлого века, невероятно механистически выстраивал конструкцию возможности раннего “распознавания” преступно (прежде всего – физиолого-психологически) ориентированных личностей, которых можно нейтрализовать еще до того, как они пойдут на преступление.

Если принять эту концепцию, то мы будем вынуждены признать, что “зараженными” и “преступно предрасположенными” оказываются не только отдельные личности, но и целые группы. Абсурдно.

Д. Позитивизм и криминология

Позитивистские криминологи стремятся к тому, чтобы комбинировать разрабатываемый ими биологический подход с вниманием к социальному окружению.

К. Бёрт в 1925 г. публикует книгу “Молодежное преступление”. Правонарушение, по его мнению, есть форма моральной субнормальности. Источники феномена субнормальности не только сами подростки, но, прежде всего, – их родители, часто сами преступно ориентированные, социальное окружение и формы проведения свободного времени (в особенности – кино!). Психодинамическое ядро его подхода заключается в предпосылке, что если общество не способно предоставить все необходимые условия для правильных и ответственных действий подростка, если сам человек не способен следовать общественным правилам, то эта невозможность “нормального” разрешения противоречия обращается вовнутрь.

2. Социологический подход

Психодинамический подход не смог разрешить массу социологических проблем: почему формируется “норма” правонарушений именно в некоторых (и вполне определенных) пространствах? Почему, например, группировки постоянно воспроизводятся именно в рабочих кварталах? Как передаются нормы правонарушений, каким образом формируются коллективы молодых девиантов? В чем причины существования группировок, с какими периодами социальных и политических изменений связан “бум” группировок? В какой степени влияют на эти процессы масс-медиа и социальные реакции? И многие другие проблемы.

Как отличить культурные правонарушения (на ценностной или стилевой основе) от настоящих правонарушений? В Америке детальное исследование культуры правонарушителей началось в 20-х гг. Тогда же Э. Сазерлендом была предложена теория “обучения девиации”. Он полагал, что существуют некие близкие, интимные формы научения девиантности внутри групп сверстников. Принятие ценностей этой группы является как бы входным билетом, пропуском в группу. Подросток невероятно дорожит этой своей новой общностью, и постепенно ассоциация с преступной группой начинает значить для него намного больше, чем ассоциация с “нормальными” сверстниками (например, в школе). В этой теории уже проглядываются элементы субкультурного подхода к молодежной проблематике.

3.2. Группировки в контексте больших индустриальных городов

Заслуга Р. Мертон состоит в том, что молодежная преступность была перемещена из пространства индивидуальных или личностных проблем самих подростков в более обширное поле социальных вопросов. Понятия “нормальности” и “ненормальности” начали требовать социологического, а не только психофизиологического объяснения. Однако, Мертон помещает

молодежную преступность в преддверие взрослой преступности, рассматривая ее как некую ступень к продолжению правонарушений уже во взрослой жизни. Поэтому его концепция “девиантности” все еще оставалась в пространстве криминальности.

Послевоенные социологи в основном отошли от этих позиций. В данном случае речь пока идет о специфике исследования молодежных группировок на Западе.

Работы А. Коена совершили настоящий переворот во взглядах на подростковую преступность. В своих исследованиях он доказал, что преступления группировок были по существу неутилитарными, они были деструктивными – как по отношению к отдельным людям, так и нормам. Преступления совершались из соображений престижа и для подтверждения идентификации с группой. Это было умышленным перевертыванием социальных норм ради получения какого-то нового удовольствия. Одна из главных идей этого автора заключается в том, что молодые люди не становятся антисоциальными после включения в группировку: в группировку приходят именно антисоциально ориентированные подростки для поддержания (институционализации) своих антисоциальных норм и ценностей.

У групп подростков одного и того же возраста, но по-разному ориентированных, существуют значительные отличия в представлении о статусе и критериях его достижения.

Статус послушных учеников из среднего класса: образование, квалификация, уважение, замужество, признание заслуг со стороны значимых взрослых, а в их лице – общества в целом.

Статус мальчишек из подворотни: моментальное удовольствие, грубость, жестокость, высокий уровень риска и волнения, ценности, которые не сулят каких-либо похвал со стороны взрослых и общественно значимого признания.

Однако не все дворовые парни становились членами преступных ассоциаций. Вопрос оставался открытым: почему одно и то же общее социальное окружение и соседство стимулирует как желание соответствовать нормам среднего класса, так и желание активно противостоять им?

Откуда берутся преступные ценности?

А. Коен фактически приравнивал “ценности среднего класса” к чисто американским нормам общежития. Отсюда логично было предположить, что ценности несреднего класса автоматически становились девиантными нормами.

Новые идеи по этому поводу пришли с исследованиями Уолтера Миллера. Он попытался доказать, что дело не в стремлении к идентификации с нормами среднего класса, а в желании подростков приспособиться к ценностям “более низкого” класса. Миллер применил понятие *маргинальности* для объяснения позиции подростков. Позиция определенной (речь идет именно о девиантно ориентированной) группы подростков становится маргинальной в школьной структуре, подростки начинают чувствовать свою незначительность, поскольку у них отсутствуют возможности для реализации своих потребностей в самоуважении и самоидентификации. Следуя концепции Миллера, подобные подростки не специально выбирают девиантный путь, они просто выбирают некий путь, позволяющий им самореализоваться, добиться хотя бы какого-то признания. И часто этим путем оказывается девиантная ассоциация. В какой вид девиантной активности включится такой подросток, во многом зависит от наличия возможностей в окружающей среде. Нередко к выбору той или иной формы девиации молодого человека подталкивает не только его окружение (наличие, например, традиции употребления наркотиков в среде его непосредственных друзей или сверстников), но и реакция общества на его поиски своего места.

Д. Матза пытался исследовать смыслы молодежного “противостояния”, используя для этого высказывания самих подростков о своем поведении, и сделал открытие, что сами подростки практически не различают “преступное” и “не-преступное” поведение. Подростки постоянно прибегали к рационализации своих конкретных действий, которые расцениваются обществом как преступные. С их же точки зрения, у каждого поступка есть конкретная причина. Матза пишет о том, что на самом деле группировка обучает не девиантным ценностям, а девиантным оправданиям совершаемых преступлений.

3.3. Теория наклеивания ярлыков

Самый большой вызов утверждению, что существует сам по себе некий “девиантный” тип, был сделан в 60-х гг. Он был связан с растущим влиянием новой школы социологического мышления, так называемым “интеракционизмом” или “теорией наклеивания ярлыков” (исследования Г. Беккера и др.).

Смысл этих теорий в том, что девиантное поведение не есть некая психологическая предрасположенность отдельных индивидов, а процесс “обучающей” социализации (“learned behaviour pattern”), то есть, как только человеку приклеивают ярлык преступника, так он и становится им. Вербализация и артикуляция именно такого обозначения данной группы людей оказывается решающим для завершения процесса их идентификации с этой “девиантной” группой. Работа С. Коена “Народные бесы и моральные паники” основана именно на этом подходе. Объектом исследования Коена были две английские молодежные субкультуры 60-х гг. - “моды” и “рокеры”. Его исследование показало, каким образом из нескольких столкновений между этими группировками, в основном в курортных местах на юге Англии, вырос целый социокультурный феномен огромного масштаба. Немалую роль в этом сыграли средства массовой информации, которые делали своеобразную рекламу этим группировкам своими сверхподробными статьями о действиях их членов и реакциях работников органов социального контроля, полиции и судов.

Теория интеракционизма - это радикальное отвержение тех подходов к “девиантному” поведению подростков, которые основаны на предположениях о биологических или психологических предрасположенностях человека к такому поведению. С. Коен доказывал, что само общество способствовало развитию отклоняющегося поведения, изначально рассматривая рабочую среду как имманентно отклоняющуюся от нормы. При этом, разумеется, под нормой всегда и безоговорочно понималось лишь одно - нормы и ценности среднего класса. Именно эти идеи помогли социальным работникам и радикально настроенным политикам, прогрессивным преподавателям и учителям бороться с ненужным вмешательством в дела рабочих семей и с предрассудками по отношению к ним со стороны органов социального контроля и порядка.

4. Новые “народные бесы” – раса, семья и преступность в социологической литературе 70–80-х гг.

Новыми *бесами* для тех, кто не полностью отказался от биологического подхода, стали молодые представители негритянского населения.

В 70-х гг. в Англии разразилась новая моральная паника по этому поводу, поскольку участились случаи краж имущества на улицах, в которых основными действующими лицами

были молодые чернокожие. Американский социолог Л. Эллис стремился доказать, что существуют генетические объяснения именно такого девиантного поведения. Он сделал вывод о том, что, прежде всего, склонны к преступности молодые (12–30 лет) черные люди (мужчины), особенно если они были выходцами из многодетных семей, родители которых находились в разводе.

Второе социальное явление в 70–80-х гг., которое стало модно относить к росту преступности, – факт роста числа женщин, работающих в общественном производстве. Это стало действительно массовым явлением во время и после второй мировой войны. Вместе с ростом числа разводов появилось понятие “брошенного дома” (“broken home”). В обоих случаях, как полагали исследователи, отсутствие одного родителя, что уже само по себе считалось отклонением, приводит к развитию у ребенка антиобщественного поведения. В Англии еще одной основой для моральной паники стали так называемые “latch key kids”. Так называли детей, которые сами возвращаются домой из школы и развлекаются как могут, пока их матери не вернутся с работы. Важно отметить, что в этой заброшенности детей общество обвиняло, конечно же, только работающих матерей, даже само понятие “работающий отец” просто отсутствовало.

Теория ярлыка породила цепочку примечательных социологических тезисов:

1. Преступность – это процесс, а не некое устойчивое состояние. Не каждый футбольный матч завершается дракой, и не каждая уличная группировка избивает всех “чужаков”. Реакции полиции, СМИ, родителей и учителей, прохожих не менее важны для того, чтобы преступление совершилось.
2. Навешивание на человека жупела способно сделать более интенсивным его девиантное действие. Особенно это относится к общественным реакциям на “естественно” девиантных личностей – например, черных (расовый ярлык) или гомосексуалистов (сексуально-гендерный ярлык). Те, кто наклеивает ярлыки, должны изучаться в равной степени с теми, на кого наклеиваются эти ярлыки.

5. Женская преступность

Практически все исследования молодежной преступности сфокусированы, прежде всего, на мужской преступности. Важным при этом оказывается и то, что большинство социологических исследований о молодежной преступности проводилось и проводится именно мужчинами, которые, скорее всего, солидарны с реакцией полиции на женскую девиантность как нечто необычное.

Первое предположение этих теорий, которое заключается в том, что девушки в принципе менее деликвентны, чем парни, приводит ко второму предположению. Те девушки, которые все-таки принимают участие в преступлениях, просто ненормальны (необычные, нетипичные и т.п.). Женская деликвентность, даже с точки зрения общественного мнения, всегда вызывает большее негодование даже по отношению к одним и тем же фактам. И, наконец, женская преступность практически повсеместно ассоциируется с сексуальными девиациями, с природной “естественной” женской распущенностью. Чаще всего девочки представляются в роли жертв, а не бунтарей.

Коулер и Слейтер в исследовании конца 60-х гг. “Деликвенция среди девочек” связали женскую преступность с ненормальным “гормональным” развитием, со спецификой построения женских хромосом. То, что подобный биологический подход еще имел место в конце 60-х гг. нашего столетия, свидетельствует о недостаточном развитии к тому времени социологических исследований женских девиаций. Из этих биологизированных предпосылок можно сделать как минимум три вывода.

Выводы:

1. Представление о ненормальности девиантности у девушек приводит к тому, что они приобретают и некие вполне материальные преимущества. Скорее они, а не мальчики будут рассмотрены полицией и офицерами социальной работы как нуждающиеся в защите, заботе, поддержке и контроле. И если их, например, стремятся убрать из девиантного района, то, скорее, не для того, чтобы стало спокойнее и безопаснее для других, а как бы для их же пользы.
2. В этих подходах явно прослеживается двойной сексуальный стандарт: для девушек их сексуальная активность проблематична, в то время как сексуальная активность мальчиков, наоборот, бесппроблемна.
3. Проблема изучения женской подростковой преступности не в том, что игнорируется чисто женская преступность, а в том, что даже когда она исследуется, происходит это часто неадекватно или по образу и подобию мужской (по умолчанию).

6. Преступность и раса

Черная молодежь стала в Англии проблемой, и это было похоже на то, как в предшествующем веке белая молодежь стала проблемой вместе с понятием хулиганства. Хулиганство начало ассоциироваться с расой. Различие между черной и белой молодежной субкультурой в том, что черная молодежь обособляется не просто по отношению к ценностям среднего класса, но и к ценностям "белого среднего класса". Социологические аргументы о культуре черной молодежи заимствованы из теорий, развивающих понимание белых молодежных субкультур, связывающих их развитие с боязнью мальчиков и недостатком статуса в институтах среднего класса, с отражением ценностей среднего класса, с празднованием скрытых норм. Неудачи в школах включают дискредитацию черной культуры и языка; неудачи на работе включают расовую дискриминацию.

7. Молодежная преступность: нерешенные проблемы

Одна из основных проблем для социологов заключается в том, что большинство ученых пытаются не объяснить, а оправдать молодежную преступность. "Уход в натуру" в данном контексте чреват тем, что социологи настолько проникаются проблемами молодых преступников, что подчас принимают их сторону. Из их анализа ускользает и тот факт, что помимо деликвентов существует и другая - не деликвентная - молодежь. Если этого не замечать, то социолог вольно или невольно содействует воспроизводству идеи о том, что молодежь – это проблема.

Заключение

К 80-м гг. научная литература о девиантном поведении молодежи состояла из смеси социобиологических и социокультурных объяснений причин отклоняющегося поведения среди молодежи. Исследователи постулировали также и то, что многие стереотипы о молодежном поведении в общественном мнении порождены средствами массовой информации, которые продолжают оказывать значимое влияние и определенное давление на общественное мнение конца столетия в целом.

1. В социобиологическом подходе к определению понятия молодежи заложена идея о существовании некоего “переходного” возраста (adolescence), в течение которого подростки с большим трудом переживают период “бури и натиска”.
2. Общество склонно к рассмотрению молодежи как социальной проблемы из-за ее символического значения. Молодежь – это будущее всякого общества и всякое отклонение молодежи от “правильного” пути (правильного с точки зрения норм среднего класса) вызывает панический страх у старших поколений.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Молодежь как социальная проблема. Основные векторы определения подростковой (молодежной) девиантности.
2. Представление о молодых преступниках в исторической перспективе смены академических школ (социологических подходов).
3. Сущность психодинамического подхода к анализу форм молодежной активности.
4. Основные выводы из теории ярлыков для определения современного содержания понятия девиантности.
5. Специфика социологического подхода к изучению женской (подростковой) преступности.

Примерные темы для написания рефератов (эссе), а также проведения групповых дискуссий:

1. Если проблема девиантного (криминогенного) поведения подростков связана с неадекватностью общественной (в том числе и культурной) среды, то в чем состоит смысл обсуждения этих проблем на теоретическом уровне?
2. Подвергните критике идею семи скачков через поисковое пространство “переходного” возраста.
3. Был ли в советской социологической литературе дискурс молодежи как социальной проблемы? Известны ли вам моральные паники, связанные с молодежью, в советский или постсоветский периоды? Проанализируйте их причины и характер протекания.
4. Существовало ли понятие “молодежь” в доиндустриальную эпоху? Если да, то что было критерием ее выделения? С чем, по вашему мнению, было связано возникновение понятия “молодежь” в России и в СССР? Порождали ли процессы массовой индустриализации в СССР специфически советские феномены молодежных культур?
5. В чем отличие работ Чикагской школы от “классического” подхода функционалистов к объяснению и причин молодежной преступности?
6. Социологическое объяснение и/или оправдание молодежной девиантности и преступности.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

- Проанализируйте, что значит “нормальная молодежь” на обыденном уровне. Проведите мини-исследование на эту тему.
- Проведите серию интервью (3–5) со своими друзьями. Попытайтесь найти общее и специфическое в девиантности и конформизме. Существуют ли значимые, на ваш взгляд, причины выбора?
- Проанализируйте публикации в СМИ, затрагивающие молодежные “проблемы”.

Тема 4. Потребители

1. Молодежь и потребительство: новое поствоенное пространство благополучия

Потребление может быть рассмотрено в двух формах: как потребление товаров (видов одежды и прочих аксессуаров повседневного бытия), так и потребление различных видов досуга. Когда мы говорим о молодежи, то обе формы потребления очень тесно друг с другом связаны, поскольку у молодежи всегда существует склонность к специальным видам одежды и стилю в досуге.

Деление на потребление видов товара и потребление видов досуга – это первое деление, по отношению к которому формируются виды и стереотипы молодежного потребительства.

Можно выделить реальное и символическое потребления, которые у молодежи также перемешаны. **Реальное** – это прямое, непосредственное использование потребительских товаров и услуг, хотя и оно может быть с элементами стилевой символики. В **символическом** потреблении смысл вещи или услуги может сильно измениться, даже на прямо противоположный.

Возьмем для примера простой школьный ранец. В своем прямом назначении (прямое потребление) это обычная (обязательная или не обязательная) школьная принадлежность для ношения учебников, тетрадей и т.п. Если ношение ранца (рюкзачка) строго регламентировано школьными правилами, то он может оставаться обычным (как это положено), но придать ему символический смысл сможет обычный плюшевый мишка, болтающийся сзади на шнурке. Если обязательной является особая школьная форма, то поиски особенности могут происходить внутри нее, и элементом творчества станет, например, особым образом приспущенные гольфы или закатанные рукава школьной рубашки. В этом смысле очень интересно “сотворение” стилей внутри армии, где порядок ношения армейской формы всегда являлся одним из самых жестко регламентированных ритуалов. Еще один, как бы двойной символ (перевернутый), может появляться при использовании подобных регламентированных элементов вне форм предписанного им поведения. Например, ношение военной формы (или ее элементов) для демонстрации пацифистских настроений или школьного ранца как аксессуара “высокой” моды.

В европейских странах и, в частности, в Англии недосуговая одежда школьников более регламентирована – практически в каждом колледже существует своя школьная форма. Это, конечно, сужает возможность для самовыражения подростков в школе через одежду. Учителя очень строго следят за соответствием одежды школьников нормам школы. С одной стороны, в России сегодня с регламентацией школьной одежды дело обстоит проще, за исключением, вероятно, лишь центральных, столичных или частных (элитных) школ, где тоже начинают вводить единую форму для школы. Когда существует такая жесткая регламентация стиля, с одной стороны, намного “легче”, как это ни парадоксально, проявить свою индивидуальность: потребуются не так много аксессуаров для реализации “своего” стиля. С другой стороны, выражение своего стиля через строгие формы требует невероятной изобретательности.

В современной России, особенно до недавнего времени, для того, чтобы молодому человеку действительно выделиться, нужен был целый “прикид”. Речь идет не о “попсовых” прикидах, соответствовать которому было достаточно просто, а об индивидуализации формальных стилей. В нашей стране практически отсутствует отечественная индустрия, производящая специальные товары для специфических молодежных потребительских стилей. Может показаться, что индустрия

- слишком “громкое” слово, однако, на Западе обслуживание разнообразных форм молодежного потребления действительно является целой индустрией, которая предлагает молодежи самые разнообразные серии субкультурных товаров через широкую сеть маленьких дизайнерских магазинчиков. Для создания своего имиджа нашей молодежи приходится конструировать нечто самобытное из подручного материала, создавая (творя) “нечто продвинутое”.

О каком бы виде потребления мы ни говорили: потреблении товаров или услуг, прямом или символическом, использование этого термина по отношению к молодежи ведет к самой очевидной ассоциации – к досугу или свободному времени. С помощью различных стилевых элементов молодежь даже учебу и какую-либо другую форму занятости стремится окрасить в тона досуга или игры.

Вся молодежная культура в целом ассоциируется, прежде всего, с отдыхом. Многие социологи полагают, что именно сфера досуга делает молодежь особой социальной группой и что досуг – это именно та сфера социальной жизни, которой и должна заниматься социология молодежи. Однако то, как молодежь проводит свое свободное время, вряд ли может быть рассмотрено в отрыве от социального происхождения, семьи и образования молодых людей. Акцент на этой сфере объясняется еще и тем, что именно в сфере досуга молодежь ведет себя необычным образом, особенно независимо, выражая отлительно невзрослые вкусы и ценности. Досуг – это наиболее доступный участок для исследования молодежного поведения.

Если с ростом индустриализации молодежь воспринималась, прежде всего, как социальная проблема, то социально-экономические изменения после второй мировой войны породили новый подход к молодежной тематике, который очень быстро распространился в научной и популярной литературе. Это был поствоенный подход, получивший свое отражение в развитии новой темы в социологии молодежи: *молодежь и потребительство*.

Эта тема, как считали исследователи, отражала новую ступень благополучия в западных обществах в период поствоенной реконструкции. В результате экономического расцвета произошли серьезные социально-структурные изменения: сокращение рабочего дня, рост свободного времени, увеличение срока обязательного образования и увеличение (в среднем) количества свободных наличных денег (*disposable income*). Молодежь всячески поощрялась к веселью, взрослые как бы постоянно обращались к молодежи: “Веселитесь, пока вы молоды”. Этот новый поворот в политике по отношению к молодежи объясняется, прежде всего, тем, что послевоенная молодежь становится одним из самых “солидных” субъектов потребительского поведения на расширяющемся пространстве “нового” рынка. Рынок молодежных товаров становился, таким образом, неотъемлемой частью политики экономического восстановления. Этот новый подход, реализуемый на государственном, экономическом и культурном уровнях, не мог не проявиться и не найти своего специфического истолкования в социологической литературе.

2. Социальная стабильность и молодежная культура

В послевоенных западных обществах сформировалась новая вера в возможность стабильности, благополучия и процветания всех его членов. Это нашло выражение в понятии “молодежная культура”, которое было впервые употреблено Талкоттом Парсонсом. Парсонс пытался понять и систематизировать функционирование общества в целом, утверждая, что системные части общества всегда действуют таким образом, чтобы адаптировать, интегрировать и поддерживать общественные системы в сбалансированном состоянии. Парсонс видел в молодежи очень важную социальную группу, находящуюся на стыке двух ценностных систем:

традиционного и современного обществ. Современная молодежь уже не могла, как прежде, воспользоваться прежним молодежным опытом поколения взрослых, поскольку традиционные роли, которые они могли воспринять в семье, уже не могли им помочь в приобретении новых взрослых статусов и ролей. Именно в положительной помощи, которую оказывали молодежные субкультуры процессу тяжелого перехода детей во взрослый статус, Т. Парсонс видел основную функцию молодежной культуры.

В дальнейшем этот функциональный подход к молодежи развивает Ш. Айзенштадт. По его мнению, молодежная субкультура - это период подготовки молодых людей к миру вне семьи.

Молодежная культура создает пространство, в котором молодые люди могут себя чувствовать полномочными представителями, в то время как в семье или в школе они чувствовали себя чужими и не имеющими никаких реальных полномочий. По представлениям функционалистов, молодежная культура имеет общую социально-психологическую основу, поэтому как бы вовсе не обязательно выделять внутри этой целостности различные субкультуры - выделять какие-то стили, интересы или мировоззрения (например, делить молодежные движения на панков, стилиг или битников). Для социологов-функционалистов понятие "субкультура" было не более чем определением некоей группы сверстников, предоставлявшей подросткам способ обретения себя в мире. Далее они утверждали, что по мере перехода молодежи во взрослый мир существование и поддержание функционирования таких групп становятся лишними.

В отличие от тех, кто видел в молодежи социальную проблему, Парсонс и Айзенштадт считали, что все молодежные субкультуры, несмотря на поведение, стиль или сленг, были, в конечном счете, некоторыми адаптивными формами, их существование помогало обществу в целом достигать стабильности, и с этой точки зрения они были социально значимыми и положительными.

3. Великобритания и открытие подросткового потребительства

Марк Абрамс в 1959 г. написал работу "Подростковое потребительство". Абрамс изучал молодежный потребительский рынок, и его книга явилась результатом исследования новой потребительской группы, которая возникла в конце 50-х гг. и стала необычайно важной для многих компаний, производящих молодежную продукцию. Важность работы этого автора заключалась в том, что в ней описывались характерные черты молодежного поведения, никак не связанные с преступными или уголовно наказуемыми формами активности. До этого момента термин "молодежная культура" всегда нес на себе отпечаток внешних признаков хулиганства или поведения в группировках. Как новая потребительская группа молодежь отличалась не своим "неправильным" поведением, а особенностями поведения и выбора на рынке, и именно этот новый спектр молодежных выборов открывал новые горизонты "подростковой культуры".

Для функционалистов, таким образом, девиантная молодежь и молодежные субкультуры не отклонялись от норм общества в целом. И даже наоборот, так называемые подростки, особенно потребители-подростки, являлись неотъемлемой частью нового благополучия. Марк Абрамс показал, что потребительство подростков концентрировалось именно в тех сферах, в которых происходило наиболее бурное послевоенное развитие: именно подростки покупали больше всего одежды, обуви, спиртных напитков и табачных изделий, конфет и шоколада, закусок. Они невероятно много, по сравнению с довоенным и тем более военным временем, тратили денег на кино, театр, журналы, газеты, пластинки и книги.

Итак, новая “подростковая культура” стала расшифровываться через новые виды молодежной активности, которые реализовывались в разнообразных досуговых учреждениях – кофейнях, молочных барах, молодежных пабах; через новые формы проявления (презентации) молодежи с помощью модной одежды, причесок, косметики; через специфические культурные пристрастия и симпатии – записи рок-н-ролла, просмотр фильмов и чтение журналов; через новые формы собственной, незрелой активности – увлечение мотоциклами и дискотеками и т.д. Определение молодежи как потребительской группы приводит, по Абрамсу, по крайней мере, к двум выводам.

Выводы:

1. Молодежная культура была проинтерпретирована как форма массовой культуры. В момент своего возникновения (20-30-е гг. XX века) термин “массовая культура” имел ярко выраженный отрицательный (критический) оттенок и разрабатывался под углом зрения враждебности и недоверия в целом к масс-медиа, потому что, во-первых, медиа как бы отнимали у человека право самостоятельно творить свой досуг, а, во-вторых, полагались на выбор тех людей, которые делали на этом свой бизнес. Последние были лишь отчасти экспертами в культуре, а скорее, экспертами в том, что хорошо, быстро и массово “продается”. Медиа обращались ко всей массе англичан, не обращая внимания на их местные различия и проблемы, и поэтому в них не содержалось оценки их реальной жизни, а предлагались некие фантазии, идеальные конструкты, которые могли бы подойти каждому. Иначе говоря, массовая культура понималась как процесс манипуляции сознанием людей. Это было пространство большого бизнеса.
2. Исследование Абрамса поднимало еще один вопрос: является ли в действительности молодежная культура результатом простого взаимодействия рекламных агентов и практики рыночного поведения молодых людей? Ведь массовая культура по определению – это некая классовая культура, образ жизни (или потребления), который разделяется многими людьми самых разных социальных позиций. Однако исследование Абрамса показало, что потребительские привычки молодежи сдерживались, подавлялись большинством – мужчинами из рабочего класса. Поэтому в 50-е гг. молодежная культура начинает интерпретироваться как форма массовой культуры рабочего класса.

По мнению Дж. Б. Майса, необходимо проводить различие между культурой, базирующейся в основном на рабочем классе, т.е. на групповой солидарности и на коммерциализированном мире развлечений, и культурой, основывающейся на индивидуалистически ориентированном среднем классе, модели школьной и университетской карьеры. Молодежная культура лишь в своем массовом (исходном) положении обращается, следовательно, к “рабочему классу как к форме групповой солидарности”.

Основные вопросы, связанные с формами “молодежного потребительства”, и попытки ответов на эти вопросы в рамках данной перспективы:

1. *Почему подростковая культура (потребление) так бурно развилась именно в 50-х гг.?*
В это время молодежь была полностью обеспечена рабочими местами и не имела таких строгих обязательств перед своими родителями, как, например, предыдущие поколения, чтобы обязательно отдавать свой заработок в доход всей семьи (их родители в то время также имели постоянную и устойчивую работу и, следовательно, заработок). Они имели намного больше денег, чем их ровесники в прежние времена, и этот относительный излишек средств давал им определенную свободу и власть на потребительском рынке.
2. *Почему молодежь все-таки тратила свои деньги иначе, чем взрослые?*
Молодежь в отличие от взрослых тратила свои деньги на “краткосрочный гедонизм”,

“моментальное удовольствие”, то есть на отдых и развлечения, в отличие от взрослых, у которых было другое представление о функции денег - они предпочитали их инвестировать в более долгосрочные и ответственные виды собственности. Покупательские привычки молодежи были рыночным выражением недостатка их взрослой ответственности и независимости.

3. Означает ли молодежный гедонизм то, что у молодежи другие ценности (в сравнении с их родителями)?

Исследование Абрамса показало, что молодежь не просто тратит больше денег на модную одежду и записи модных песен, но также и то, что молодежь тратит деньги на специфическую одежду и кассеты. Большая доля удовольствия, которое они получают при покупке, находится в утверждении ими своей идентичности, в получении ими удовольствия оттого, что подобный досуг и соответствующая ему одежда и имидж символизируют их “не взрослость” или некую взрослость, понимаемую ими по-своему, символически. Поэтому подростковое потребление не может рассматриваться просто как часть подростковой культуры. Ее необходимо изучать в контексте всей современной потребительской культуры.

Многие социологи рассматривали развитие специфического подросткового рынка как демонстрацию растущего влияния на молодежь “мира групп, таких же, как они”. Эти группы оказывались неподвластными и недоступными для власти взрослых, находясь под сильным влиянием (отчасти – давлением) своей среды, и поэтому ими было достаточно легко манипулировать, воздействуя на групповые нормы и ценности, опираясь при этом на реализацию, прежде всего, коммерческих интересов. Здесь мы видим тот же традиционный способ, с помощью которого всегда описывались молодежные группировки. В 50-х гг. существовала боязнь, что “обычная” молодежь может вовлекаться в делинквентно ориентированные группы через подростковую потребительскую культуру.

Английский писатель-философ Ричард Хоггарт, осмысливая изменения в послевоенном образе жизни английского рабочего класса, связывал духовное обеднение национальной английской культуры именно с американизацией и глобализацией потребительской культуры, и, прежде всего, с молодежным потреблением американского типа. Голливуд, по его мнению, “ослеплял” молодежь.

На теоретическом уровне схожие идеи развивались представителями Франкфуртской школы. В русле их теории были разработаны основы критики культуры в развитых капиталистических странах. Т. Адорно и Хоркхаймер, в частности, исходили из того, что на Западе уже развилась целая культурная промышленность, которая производила товары массового культурного потребления, которая использовалась агентами капиталистического рынка для того, чтобы контролировать сознание личности с целью поддержания и воспроизводства существующего строя. Они исходили из того, что так называемая “массовая культура” в современном обществе - ТВ, кино, радио, газеты, журналы, модные романы (популярное чтение), поп-музыка - не являлась собственно культурой, идущей от самих масс (т.е. народной культурой), а была культурой для масс. Культурная промышленность не отвечала на запросы людей, она сама создавала, воспроизводила и поддерживала потребности в этих запросах. Те “культурные” формы, которые эта индустрия производила, были неоригинальны, банальны и действовали на людей так, что они становились более пассивными и менее критичными.

4. Массовая культура и творческое “потребление” – новый подход

Существует и другое направление в понимании смысла молодежного потребления. Отправной точкой анализа в нем служит критический взгляд по отношению к идее молодежного потребительства как нового опиума. По-другому подходят эти ученые и к самому объекту исследования. Если раньше употреблялся термин “массовая культура”, то теперь стали говорить о “популярной культуре”.

Массовая культура понимается как процесс внешнего формирования (“сверху”) спроса на культурные товары с последующим манипулированием вкусами и потребностями людей. В понятии “популярная культура” акцент переносится на сам процесс потребления. С помощью этого термина ученые стремятся уйти от упрощенного взгляда на этот процесс.

Это новая школа мышления не отрицает полностью идеи Франкфуртской школы:

1. Социальный и идеологический контроль общества над рабочим классом действительно переносится с рабочего времени также и на сферу досуга.
2. Буржуазия действительно пытается контролировать и досуг, и свободное время рабочего класса. Она постоянно превращает народные праздники в официальные и национальные праздники, как бы легализуя необходимые паузы, но делает это до определенных пределов – так, чтобы рабочие смогли после этого снова встать “за станок”.

Объектами этих новых исследований стали самые различные культурные феномены: мода, реклама, мыльные оперы, сериалы, игровые шоу по телевидению, спортивные соревнования и др. Эти исследования анализировали механизмы передачи через культуру всевозможных стереотипов и предрассудков. Так, например, в одной очень известной английской мыльной опере до сих пор нет ни одного “черного” героя, хотя ее действие происходит в большом промышленном городе, где достаточно велик процент небелого населения. Или, например, эти исследования демонстрируют то, что современная реклама продолжает подтверждать подчиненный статус женщины в современном обществе. Самый яркий и частый пример тому – постоянное использование женских тел для украшения товаров для продажи, скажем, машин. Эта объективация женского тела поощряет мужчин смотреть на женщин только как на сексуальные объекты.

В отличие от франкфуртцев новые социологи вовсе не считают зрителей только лишь пассивными участниками этой культуры. Наоборот, они считают, что люди активно потребляют эти ценности и часто переделывают их значение. Исследование в Австралии, проведенное Джоном Фиском, было посвящено изучению реакции женщин на известный игровой спектакль “Игра новых супругов”. Смысл этой передачи – выяснить, какая пара больше всего похожа на супружескую жизнь телезрителей, для чего участникам отдельно задаются специальные вопросы об этом. Фиск считает, что, хотя смысл игры и ясен – он явно патриархальный, однако, большинство женщин используют эту игру совсем иначе, чем этого “требуют” правила. Ученый объяснил это тем, что женщины употребляли игру в качестве бытового протеста против господствующей патриархальной системы. Самым интересным в их реакции было то, что женщинам нравились не те жены, которые соглашались, и, таким образом, помогали паре выиграть, а наоборот, те женщины, которые объясняли всем, что, существует различие между тем, что хочется услышать, и тем, что есть на самом деле.

Культура “тэдди-боев” – это первая послевоенная молодежная субкультура, которая стала новым видом социальной проблемы для общества. Это были милые, “очаровательные” девианты.

Они первыми начали предлагать мальчишкам из рабочей среды желанный имидж преуспевающего молодого человека. Исследователи этой новой подростковой потребительской культуры (поскольку она требовала поддержания, прежде всего, не поведенческого стиля, а определенного стиля в одежде, а, следовательно, нуждалась в новой индустрии) обратили внимание на то, что эта подростковая культура отражает не просто возросшее изобилие, как полагал Абрамс, но также и распад довоенного типа сообщества рабочего класса. В этой культуре нашли отражение перспективы социальных изменений в поствоенной Великобритании, а именно: переделывание трущоб-коммуналок в отдельные дома; усиление социокультурных различий между теми "местами", где люди живут и теми, где они работают; увеличение времени, которое дети проводят в школе, – всего того, что ослабляло власть родителей, столь характерную для традиционных семей.

Практически впервые (в текущем столетии) родители действительно не могли передать своим детям свой культурный опыт, дать им какие-либо полезные советы о том, что, значит, вести себя по-тинэйджерски. Сами родители в данном потребительском контексте никогда тинэйджерами не были. Именно поэтому рыночное исследование Марка Абрамса измеряет действительно новую, массовую тинэйджерскую культуру, систему ее вкусов и потребления: специфику ее доходов и трат, которые явно превосходили опыт соседства, выходили за рамки связей в общине и семейно-патриархальных традиций.

На самом деле тинэйджерская культура была все-таки формой американской культуры. Даже *тэдди-бой* комбинировали свой Эдвардский имидж со стилем Голливуда: городские галстуки – макинтош, бакенбарды западного картежника и длинный плащ. Они, подобно всем английским подросткам из рабочего класса, слушали американский рок-н-ролл. Даже само понятие "подросток" оставалось для большинства английских взрослых чуждой американской идеей, которая подразумевала включение американских мифов, идолов и фантазий об американской жизни в непривычную для них британскую атмосферу.

Тинэйджер – это "подросток потребляющий или подросток, взятый в его досугово-потребительском измерении".

5. США и открытие общества взрослых

Образы американской молодежной культуры, воспринятые английскими подростками, прежде всего, из рок-н-ролла и американского кинематографа, были сформированы еще в 20-е гг. Именно тогда подростки начали использовать автомобили для того, чтобы убежать от родительского надзора и ездить на свидания без родителей. Ведь раньше было обязательным чтобы, когда молодая девушка выходила из дома (особенно вечером), ее обязательно сопровождала пожилая дама. Именно в 20-е гг. использование косметики и курение перестают быть символом "испорченности" девушки, а голливудские фильмы все настойчивее формировали у подростков осознание своих социальных возможностей как отдельной от взрослых, особой группы.

С точки зрения неких объективных предпосылок, дело было во все более ускоряющемся отделении дома от работы. Для среднего класса это, конечно, означало усиление роли института семьи и отчасти школы в решении таких жизненно важных вопросов, как карьера и образование, секс и замужество, досуг и потребление. Институты и колледжи все заметнее стали вытеснять семью с центральных позиций, все более формируя систему специфических моральных и жизненных ценностей подростков из среднего класса. Если в 30-е гг. еще можно было провести простое разграничение между школьной культурой среднего класса и дворовой культурой рабочих, то к

50-м гг. школа становится центром социальной жизни для большинства молодых американцев, а понятие “тинэйджер” начинает как бы сглаживать социально-классовые различия. И если в Англии, например, термин “молодежная культура” означал, прежде всего, культуру именно рабочего класса, то в США этот термин часто использовался по отношению и к групповой активности молодежи на улицах, и к респектабельным школьным группам (таким как, например, в телесериале “Счастливые деньки”). Взрослые беспокоились, что тинэйджерская культура сможет растворить в себе не только классовые различия, но и различия между конформистски настроенной молодежью и отклоняющейся молодежью из разных классов.

“Молодежная культура” превращалась в некую *атмосферу* для всех подростков, становясь постепенно тем пространством, в пределах которого взрослые стремились контролировать молодежь. Получалось так, что взрослые – родители, учителя, религиозные лидеры, социальные работники, полиция – добились снижения молодежной преступности не путем конкуренции или борьбы с молодежной культурой, а путем ее институционализации.

Одним из результатов этих попыток было развитие американскими социологами более комплексного, чем прежде, понимания не только тинэйджеров, но и “мира самих взрослых”. Именно так называлось исследование Джеймса Коулмана, вышедшее в свет в 1961 г. В центре этого исследования – не специфика потребительских выборов молодежи, а способы, которыми взрослые реагировали на специфические проблемы, возникавшие в результате нового подросткового потребительства в школе, дома и на работе. Молодежная культура рассматривалась им не как выражение неких автономных подростковых ценностей, а как то, что может быть использовано взрослыми для поддержания “правильных” социальных отношений.

Однако в популярной социологической литературе 50-х гг. возникали довольно путаные образы американских подростков. С одной стороны, это был **подросток-бунтарь** (образ, взятый из фильма “Бунт без причины” (Rebel without A Cause), рок-н-рольных звезд типа Элвиса Пресли, Джина Винсента и Джерри Ли Ливайса – постоянного лентяя, одетого в кожаные вещи наподобие парня с улицы). С другой стороны, подросток – это был **парень-как-все-американцы**, пьющий кока-колу на пляже, играющий с друзьями в футбол, чистый, подстриженный и веселый. Образ молодого преступника в большей степени был результатом дискурса “моральной паники”, а образ институтского подростка был одновременно и стереотипом, и попыткой “исправить” молодежь, представить ее всю как правильную, замечательную, контролируя молодежную культуру через постоянное поощрение “хороших” видов соревнований (ведь правильный настоящий футбол – это не разборка уличных банд), поддержание шуток и анекдотов (это ведь намного лучше, чем пить или колоться) и лояльное отношение к молодежному сексу (который регулировался тщательно продуманными и разработанными кодами свиданий и петтинга). Все это вместе усиленно пропагандировалось масс-медиа: издавались специальные подростковые журналы и комиксы, снимались специальные фильмы. Взрослые как бы открывали путь вольным проявлениям молодежи, сняв запрет с многих ранее скрываемых тем. Однако, делали они это удивительно тонко и точно, незаметно и все настойчивее оперируя потребительскими ценностями, направляя их в “нужное” – прежде всего, с коммерческой точки зрения – русло, целенаправленно формируя образ вольно и свободно растущего будущего “стопроцентного” американца. То стабильное и достаточно консервативное взрослое большинство, составляющее костяк американской нации сегодня, это и есть тинэйджеры 50-х и 60-х годов. И то, *какое* оно, это большинство, вполне доказывает успешность политики взрослых по отношению к тогдашней молодежной массовой культуре. В формируемом масс-медиа идеальном подростке отсутствовали спонтанность,

неожиданность. Его образ умышленно формировался через специальный дискурс о краткосрочности подросткового периода и удовольствий, о важности настроя на долгосрочную структуру семейной жизни среднего класса.

Американские социологи открыли тот факт, что молодежная культура вовсе не статична, не существует какого-то одного списка ценностей, который следует адекватно воспроизвести в списке товаров. Молодые не знают, что значит «быть подростком», следовательно, они учатся ими быть, а взрослым следует им в этом помогать. Английский социолог Том Китвуд иначе описывал этот процесс взросления: «процесс превращения в подростка» может быть очень тревожным, беспокойным и неудачным, безрадостным процессом. Если и существуют правила подросткового поведения, то они могут и нарушаться. И коль скоро подростки могут быть поддержаны своими сверстниками, столь же часто они могут чувствовать угнетение и притеснение от них.

6. Взрослые и подростки в контексте потребления: тревога и зависть

Уже в 50-е гг. как в США, так и в Англии социологи заметили, что взрослые имеют весьма неопределенную и очень амбивалентную позицию по отношению к молодежной культуре. Взрослые в высшей степени толерантны по отношению к своим детям, полагая, что молодость – это время, когда необходимо «перебеситься», что мальчики есть мальчики, а девочкам нужно постоянно танцевать и встречаться с ребятами, чтобы осваивать «нормальные» гетеросексуальные нормы. Но при этом те же взрослые абсолютно не толерантны по отношению к чужим детям, определяя их всех (нечто нерасчлененное) как недисциплинированных, сверхсексуальных лоботрясов. Эта путаница имеет длинную историю и не сводится, конечно же, к какому-то определенному историческому времени (просто в 50-е гг. ученые обратили на это внимание).

Еще и в XIX веке молодость прославлялась одновременно как время *наивности и идеализма*, когда все еще возможно, и как время *анархии и истерии, безответственности и эгоизма*. Но именно в 50-е гг. развивается коммерческая подростковая культура, которая обострила эту амбивалентность и эти противоречия, заложенные в самой природе взаимоотношений подростка и взрослого мира. Подростки начинают развивать свои определенные общественные институты и формировать свои системы смыслов для самовыражения, постепенно становясь одновременно и объектом *зависти*, и объектом *боязни*, символом особого удовольствия и риска.

Что значит быть молодым? Ответ на этот вопрос ассоциировался с потребительством, модой, попой и весельем. Молодежь вполне становилась «продаваемым идеалом» не только для тех, кто подрастал, но и для давно выросших взрослых. С этого времени молодежь становится не просто пространством роста молодых людей, но и обширным полем деятельности для взрослых, продуктом их идеологизирования. Это новое идеологическое понятие (конструкт), в центр которого была помещена молодость в ее потребительской интерпретации, охватывало собой практически все параметры «образа жизни».

Заключение

Отношение молодежи к потреблению стало ключевым моментом для социологов молодежи именно в послевоенный период. Структурные функционалисты игнорировали классовый подход, полагая, что «массовая культура» – это совершенно нормальное явление, поскольку культурное

производство и участие в нем молодежи способствовало большей сбалансированности общества. Те ученые, которые разрабатывали критическое отношение к современному обществу, видели в новой молодежной культуре знак отмирания настоящей культуры рабочего класса, предупреждая, что желтая пресса и другие СМИ усиливают с ее помощью подчиненную позицию рабочего класса в обществе.

По всей видимости, тема молодежного потребления еще ждет “своих” социологов. Когда мы обращаемся к концу XX века, то многие опасения ученых и “общественности” середины века кажутся сегодня наивными, многие – слишком оптимистичными. Современная потребительская молодежная культура невероятно многообразна и многолика. И вместе с тем в результате глобализации культурных пространств все труднее становится обнаружить фундаментальные различия в молодежных потребительских ориентациях, опираясь лишь на национальные или классовые определения. Все больше различий между ними обнаруживается в зависимости от стилевых, вкусовых, профессиональных предпочтений.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Прямое и символическое потребление. Потребление и стиль, потребление и досуг.
2. Послевоенная эпоха. Молодежь и потребление. Понятие подростковой потребительской культуры.
3. Понятие массовой и популярной культуры. Значимые различия.
4. Американизация Европы и американизация России. Проблемы и противоречия.
5. Общество подростков и общество взрослых. Проблема манипуляции.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. В чем специфика американского, английского и российского подростково-потребительского общества?
2. Реальное (прямое) и символическое потребление. Механизмы культурного выбора.
3. Гендерные и этнические аспекты молодежного потребления.
4. Западные и отечественные традиции в понимании сущности молодежного потребления.
5. “Новые русские” и новые потребительские ориентации.
6. Специфика использования молодости как символа в современных рекламных текстах.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

- Попробуйте проанализировать потребительские стили ваших друзей.
- Проанализируйте одну из рекламных кампаний с точки зрения формируемого образа потребительских предпочтений.
- Попытайтесь определить и объяснить ведущие потребительские стили в вашей семье, среди ваших соседей, в профессиональном окружении.
- Вспомните, сколько раз вы меняли свои потребительские предпочтения, с чем каждый раз это было связано?

Тема 5. Бунтари и мятежники.

Теории субкультуры.

Культура и контркультура

1. Развитие молодежной культуры, поиск новых критериев объединения

В 50-х гг. в Великобритании термины “молодежная культура” и “тинзйджерская культура” были синонимами. Причем оба этих термина применялись для обозначения контекста молодежной культуры рабочего класса. Считалось, что молодежь среднего класса обладает иными смыслами, в том числе в идее долгосрочной карьеры и жизненных достижений.

Постепенно молодежная культура начинает приобретать идеологические значения. Досуговые ценности и идеалы в рамках существовавшего идеологического дискурса начали рассматриваться наравне с самой реальностью. Однако, несмотря на столь жесткий идеологический дискурс “предписанности” молодежной культуры к рабочему классу, становилось очевидно, что она постепенно привлекала и подростков из среднего класса. К середине 60-х гг. молодежная культура начинает интерпретироваться в терминах молодежной культуры в целом, вне ее предписанности к рабочему классу. Наиболее ярко это проявилось в развитии поп-музыки. Переход молодежной культуры только из рабочего и в контекст жизни среднего класса хорошо заметен по эволюции имиджа популярной английской группы “Битлз”. Две их первые долгоиграющие пластинки – это был образ рабочих парней с “закатанными рукавами”. Сначала они однозначно воспринимаются молодыми фанами как парни из рабочего класса, однако, постепенно они становились серьезнее, официальнее и все больше начинали походить на представителей среднего класса, одетых в “свитера, а не выходные костюмы”.

Уже к концу 60-х гг. английские компании, выпускающие музыкальные пластинки с записью молодежной музыки, разделяли музыкальный рынок на поп и рок. Поп-записи все еще продолжали некоторое время играть свою традиционную роль в досуге подростков из рабочей среды, но постепенно именно рок-записи стали и продаваться лучше, и стоить дороже. Молодежная культура с этих пор начинает, скорее, ассоциироваться с “миром рока”, с миром серьезных музыкантов, со студенческой аудиторией, с серьезными фанами. Молодежная культура все больше и больше начинает означать студенческую культуру. С 1967 г. “Битлз”, оставаясь все еще некоей моделью для английской молодежи, потихоньку были отодвинуты хиппи и “психоделическим андеграундом”.

Сначала молодежная культура среднего класса была застенчиво-бунтарской. Но уже в 50-х гг. социологи обратили внимание на то, что в процессе становления фанами рок-н-ролла дети из среднего класса, хотя медленно и осторожно, но понемногу уже начали воспринимать те ценности, которые до этого были свойственны детям из более низшего класса – а именно: грубость, возбуждение, потакание своим желаниям. Иначе говоря, и они встали в культурную оппозицию к своим родителям и их ценностям.

Дети из рабочего класса довольно открыто наслаждались и кичились своим бунтарством, потому что принятие ими модели отклоняющегося поведения означало бунт против недостатка взрослой

дисциплины и надзора. Решение их проблем виделось им в установлении равной групповой культуры, в обеспечении общих норм для всех, в преодолении дискриминации. Но молодежная культура 60-х гг. приходит в противоречие с этой наивной верой в возможность уравнивания ценностей, норм и возможностей, все больше и больше начинает строиться на принципе объединения по поводу неприятия этих норм в целом. Именно эти идеи начинают приходить в молодежную культуру как бы одновременно с роком и со студентами, выходцами, прежде всего, из среднего класса.

1.1. Студенческие движения и контркультура

В конце 60-х гг. социологи считали, что молодежь среднего класса намного более политична, чем даже девиантные подростки. Правда, уже в конце 70-х гг. этот тезис подвергнут сомнению и критике субкультурные идеологи. Молодежь, как в США, так и в Англии включалась в молодежную культуру как в освобождение «от скучных ожиданий учителей и семей». Это заметно усиливало поколенческий разрыв между ними. К слову сказать, именно в это время в продаже в достаточном изобилии появляются противозачаточные пилюли, которые придавали девушкам еще одну степень свободы в их сексуальных увлечениях. Молодежь в глазах взрослых все больше и больше становилась авангардом общества вседозволенности, разрешения и терпимости.

Два важных политических последствия этого процесса:

1. Молодежь среднего класса, студенты были формально организованы как возрастная группа, у нее было больше формальных форм для самовыражения (студенческие союзы, газеты, представительства). Колледжи были благодатной мишенью и для проведения целенаправленной молодежной политики. Так, например, в 60-е гг. молодежная культура включала в себя студенческие кампании против строгих школьных правил, против дисциплины в колледжах (необходимости обязательных посещений занятий) и, конечно же, против контроля взрослых за досуговой деятельностью молодежи. Однако, внимание молодежи вскоре переключилось на более важные объекты, на саму организацию знаний и образовательную власть в целом, студенты стали требовать для себя права влиять на учебные планы и экзамены. Результатом этих требований явились студенческие движения. Эти движения принимали самые разные формы в различных местах, но практически все европейские (и западные страны в целом) имели опыт различных студенческих демонстраций, кампаний и протестов, взбудораживших общество в 60-е гг. Молодежь среднего класса стала в определенном смысле политической совестью, выступая с протестами против прежних видов взрослой активности, в которые они еще не были вовлечены. Часто эти движения принимали антивоенную окраску и превращались в марши протеста (например, против войны во Вьетнаме).
2. В эту молодежную культуру среднего класса вовлекались и более зрелые люди, способные отчетливее выражать свои мысли и чувства, чем это удавалось молодежи из рабочего класса. Отказ остепениться, успокоиться и вести себя «как взрослые люди» все больше и больше принимал форму контркультуры. Молодые люди не просто отвергали существующие культурные нормы и формы, но и начинали практиковать альтернативные способы взросления: *игра, а не работа; наркотики, а не спиртное; коммуны, а не женитьба.*

Символом контркультуры стали хиппи. Зерном альтернативной политики в 70-х гг. в их культуре стали движения за освобождение женщин, мужчин и животных, борьба за экологию и движение Гринпис. Культура хиппи, развившаяся на улицах и в студенческих кампусах, оказала влияние и на молодежь из рабочего класса. Таким образом, к концу 60-х гг. молодежная

культура как бы завершила свой полный цикл: рабочая молодежь оказала влияние на формирование радикальных позиций молодежи среднего класса, а затем поведение молодежи среднего класса сделало более радикальными позиции рабочей молодежи. В 1968 г. в Париже прошли демонстрации протеста, в которых приняли участие, как студенты, так и рабочие, что поставило французское правительство перед лицом кризиса.

1.2. Политика возраста: является ли молодежь особой группой интересов?

События 1968 г. не только во Франции, но и во всем мире сделали крайне актуальными многие социологические проблемы молодежи.

Является ли молодежь группой, объединяющей людей по интересам? Является ли молодежь носителем образцов поведения и ценностей, которые, с одной стороны, существенно отличают эту группу от взрослых, с другой, предоставляют своим членам важные идеи для их идентификации, выходящей за рамки классовых различий? Стала ли молодежная культура политической силой? Несомненно, да.

1. Считалось, что молодежь объединяется политически под воздействием экономических причин, в результате расширения возможностей для получения высшего образования – это действительно становилось в то время доступным для все большего числа молодых людей.
2. Считалось также, что все молодые люди, практически вне зависимости от классового происхождения, сталкивались с принуждением, давлением на них взрослых по поводу использования наркотиков, шума, который они производили в общественных местах, одежды, которую они носили, музыки, которую они слушали.
3. И, наконец, все молодые люди в большей или в меньшей степени сопротивлялись тому, чтобы из них конструировали легко приспосабливаемых производителей и спокойных потребителей.

Однако, и эти аргументы не смогли долго продержаться после того, как начался спад, а потом подъем молодежной безработицы к середине 70-х гг. Систематические социологические исследования подтвердили, что существуют важные культурные различия между молодыми членами разных социальных классов, какими бы ни были их личностные интересы. Короткий момент межклассовой солидарности молодежи в 60-х гг. был связан со специфическими историческими факторами. Вьетнамская война была тем объединяющим фактором, который однозначно повлиял на контр-официальные позиции всей молодежи в США.

Также понятно, почему именно в 60-х гг. на фоне относительного экономического процветания у тогдашней молодежи сформировалась система ожиданий, что у них действительно есть возможность повлиять на властные структуры в целом, они даже верили в то, что эти властные структуры могут быть разрушены.

2. Молодежь и теории субкультуры

2.1. Молодежные группы в Англии

Первыми нарушили спокойствие английского населения тэдди-бои в начале 50-х гг. С тех пор английские молодежные субкультуры всегда ассоциировались в общественном сознании с эксцентричными стилями улиц. За тэдами в 60-х гг. последовали моды, в 70-х гг. – бритоголовые и панки. Интересно, что молодежные стили изменялись, появлялись новые, но уже появившиеся стили практически не исчезали.

Молодежная идентичность, соответствующая определенной субкультуре, предполагает обязательность соблюдения “правильного” вида - “прикида” (одежда, обувь, стиль прически), а также разделения общих групповых вкусов (музыкальные стили, формы юмора). Соблюдение этих правил невероятно значимо, служит реальным пропуском в субкультуру, не допуская никаких подделок, фальши или попсы. И хотя различные стилевые группы в равной степени нарушают законы “правильного” общества, сами по себе они довольно значимо отличаются друг от друга. Эти отличия могут иногда включать в себя некий ритуальный спор друг с другом (например, модов и рокеров, тэдов и панков). Владельцы магазинов, полиция, учителя сразу же начали использовать своеобразный имидж этих молодых людей (прежде всего, наиболее яркие, эпатажные проявления, такие как, например, девушки с кольцами в носу или мальчики с татуированными головами) для моментального ответного формирования своих взрослых шоковых ценностей. Стержнем этих ценностей всегда была общая боязнь взрослых: куда же идут *такие* дети? Акцент, как правило, делался на наиболее эксцентричных проявлениях молодежных стилей рабочего класса.

Для социологов важен, прежде всего, вопрос: что значат эти стили? Один из возможных ответов дается с помощью концепции субкультуры.

Согласно словарю, “субкультура - это социальная, этническая или экономическая группа с особым собственным характером в пределах общей культуры общества” (С. Фрис). Именно в таком контексте социологи впервые использовали это понятие для определения культурных образцов поведения и ценностей у различных молодежных меньшинств в пределах плюралистических обществ (одними из первых в этой перспективе были исследованы субкультура мормонов в США и китайская субкультура в Англии).

Важный методологический момент: понятие субкультуры подчеркивает принципиально немассовый характер своего движения, которое никогда не являлось и вряд ли может стать неким всеобщим увлечением. Субкультура и культурное господство (“средствами” одного и того же стиля) – вещи несовместимые. Субкультурный стиль – это реально маленький, обособленный стиль, до которого допускают далеко не всех.

Молодежные группы уже на первый взгляд не полностью вписываются в эту модель, поскольку вся молодежь, придерживающаяся самых различных стилей, все еще продолжает в большей степени зависеть от доминирующих в обществе институтов семьи и школы, социального класса и места работы. Их культурные и жизненные стили не становятся их образом жизни, а остаются в определенной степени чертами их досуговой активности.

Правда, с другой стороны, эти досуговые группы (которые выглядят достаточно уникальным английским феноменом) не поддаются определению в рамках других теорий молодежной культуры. Они “девиантны”, но вовсе необязательно “деликвентны”. Ведь это вовсе не преступление (в его прямом смысле) выкрасить волосы в зеленый цвет.

Молодежные стили во многом предопределяются коммерческими подростковыми культурами (наиболее очевидное направление коммерциализации молодежной культуры – это поп-музыка), но в прямую от них все-таки не зависят. Трудно себе представить, чтобы стили тэдов, модов, панков или бритоголовых были выдуманы бизнесменами.

Субкультуры имеют противоречивый статус в обществе: с одной стороны, они выглядят вполне подходящими для того, чтобы молодые люди смогли обрести в этих группах чувство своего отличия от общества, вместе с тем, они явно внедрены в общество. Многие социологи развивают субкультурную теорию молодежи для того, чтобы продемонстрировать, что “девиации” молодежи из рабочего класса являются в действительности результатом

доминирования идеологизированных культурных структур и образцов. В этом плане невероятно интересна работа нескольких английских социологов “Сопротивление через ритуалы” (см. раздел “Тексты”). В ней указывается, что главное в субкультурном подходе – это разрушение некоей единой “молодежной культуры” и реконструкция этого понятия через более осторожные формы различных видов молодежных “субкультур”.

2.2. Происхождение теории субкультур

Начальная идея – американская теория деликвентности. Пафосом Чикагской школы была попытка представить скорее социальные, а не индивидуальные объяснения молодежной преступности. Эмпирическим обоснованием была этнография. Главный аргумент состоит в том, что в своем культурном контексте преступность “нормальна”, определена культурными нормами и не является симптомом психологической неполноценности. С этих перспектив могут быть поняты даже самые нерациональные формы преступлений, как например, вандализм или уличные разборки между группировками. Эти действия могут не приносить никакой материальной выгоды, но работать на статус победителя и престиж в их соотношении с иерархией ценностей в группировке, сфокусированной на ценностях риска и грубости. Для чикагских социологов молодежная преступность – это форма коллективного поведения, организованного вокруг центральных ценностей данной группы. Следуя их логике, молодежная девиация может быть объяснена в терминах дружбы между подростками внутри молодежных преступных субкультур. Но откуда появились эти субкультурные ценности? Как они были связаны с господствующими ценностями *среднего класса США*? Американские социологи по-разному отвечали на этот вопрос:

1. Преступность – это результат блокированного доступа к социальным наградам, материальным ценностям (образование, власть и доход) и культурным ценностям (статус и престиж). Субкультуры девиантны не в своих результатах, а в тех смыслах и значениях, которые подростки в них вкладывают (Р. Мертон).
2. Преступники умышленно переворачивают доминирующие в обществе социальные ценности, которые ограничивают их возможности. Делают они это для того, чтобы вписать свои “неудачи” в некий ценностный контекст общепринятых достижений (С. Кoen).
3. Преступность – это аспект культуры именно низшего класса, поэтому девиантность проявляется лишь при соотношении с ценностями среднего класса (А. Миллер).
4. Преступность включает в себя некие “неуместные, несоответствующие выражения”, которые разделяются всеми без исключения (в обществе в целом), но существуют как скрытые социальные ценности (А. Матза).
5. Девиация вызывается, провоцируется наклеиванием ярлыка – молодежные группы преступны из-за реакции на них со стороны моральной власти общества (учителей, полиции, социальных работников, медиа) (Г. Беккер).

Каждый из этих аргументов развивался, стремясь преодолеть слабость другого. В рамках субкультурных теорий заботой всех теоретиков было одно – как дополнить эти аргументы и преодолеть их неполноту, как доказать, что наиболее иррациональные стили (бритые головы, рваная одежда) были нормальными и лишь “дразнили” взаимоотношения между этими субкультурами и обществом. Английские теоретики добавили к этим аргументам еще и марксистские перспективы. Американские социологи концентрировали свое внимание на социальном воспроизводстве норм в непосредственном окружении коллективного поведения

(подворотня, группировка), на отношениях между девиантными и нормальными ценностями, но вместе с тем они мало внимания уделяли проблеме происхождения этих норм.

2.3. Молодежь и классовый конфликт

Английские социологи вслед за американскими заключили, что девиантные молодежные субкультуры являются субкультурами рабочего класса. Молодежь из рабочих семей имеет опыт рабочего класса - они учатся в *плотом* классе *плотой* школы, оканчивают школу раньше, чтобы найти работу. Но как соотносится этот классовый опыт с выбором субкультурного стиля? Каким образом девиантные субкультуры выражают ценности рабочего класса? Какова связь с родительской культурой? Почему эти стили разделяет лишь меньшинство из их класса? Являются ли тэды, панки, бритоголовые более, или, наоборот, менее классово сознательными, чем их обычные сверстники? Английские социологи считают, что девиантные стили являются *нонконформистскими*, и эта *нонконформность* есть "сопротивление через ритуалы". Это не просто жест подростков против родителей, но и конфронтация с властью среднего класса, а, следовательно, это уже определенное утверждение их рабочей идентичности.

Бритоголовые банды - это знак того, что "мы" против "них", и этот жест выражается, скорее, в *классовых*, чем в *поколенческих* терминах. Молодежь красила волосы в зеленый цвет не потому, что им это просто нравилось, но и для произведения определенного эффекта на людей. Это был мятеж напоказ. Это был не просто бунт против своего социального опыта как представителей рабочего класса, но и против попыток среднего класса ограничить этот опыт.

2.4. Сопротивление при помощи ритуалов

Определение субкультурных стилей через это положение приводит к двум социологическим тезисам:

1. Субкультурный стиль относится к специфическому социальному опыту рабочего класса, а не только к общей для всех подростков заботе о групповой солидарности и их беспокойству о соблюдении моды.
2. Это политический ответ на социальный опыт, который дает их стилистам некоторую власть над ситуацией, над способом противостояния властям.

Новая марксистская криминология прямо связывает преступность с классами через материалистический аргумент. Если у вас нет работы или плохие условия жизни, кража - самый подходящий способ достать денег и добиться престижа. Правда, при этом остается непонятным, чего же достигает подросток своей *могиканской* стрижкой? И если главное - это классовая позиция, то почему стили меняются, когда не меняются материальные условия? Что значит для молодого человека выбрать, кем быть - бритоголовым или рокером? Проблема выбора между стилями связана в большей степени с символами, а не с материальными условиями жизни. Пытаясь объяснить причины того, почему символическое поведение становится формой сопротивления, ученые обратились к теории ярлыков. Но почему тогда те, кто наклеивал ярлыки, были столь *плюралистичны* в своих предположениях? Следуя этой теории, выбор форм поведения и стилей превращался в некое соревнование: те, у кого выше статус, наклеивают ярлыки на тех, у кого статус ниже. Как правило, те, кто наклеивает - это люди с социальным статусом и включенные в социальные и правовые институты (полиция, школа, закон, социальное обслуживание) - все они носители буржуазных ценностей.

2.5. Сопротивление и идеология

Именно в отношении к идеологии можно заметить наибольшее расхождение между американским и английским подходами к субкультурной теории в ее применении к объяснению преступности. Оба подхода согласны с тем, что девиантное поведение есть лучшая форма решения молодежных проблем. Майк Брейк считал, что «субкультуры возникают как попытка коллективного решения переживаемых проблем, возникающих из-за существующих противоречий в социальной структуре. Молодежь рабочего класса в современной социальной структуре находится в маргинальной позиции. Они уже сейчас теряют власть, статус и богатство, и они уже знают, что в будущем у них тем более ограничен доступ к этим ценностям» (см. статью М. Брейк в разделе «Тексты»). Молодежная девиация, следовательно, – это способ генерирования альтернативных форм успеха и наград. И все же чтобы объяснить опасность, например, бритоголовых, мы должны объяснять не их материальное положение, а их культурные условия, их способы объяснения мира.

Английский подход отличается тем, что делает возможным анализ молодежных групп не с точки зрения их зарплаты или возможности найти работу, а с точки зрения изменения идей молодежи, форм их досуга и стилей. Скрытая функция субкультуры – решение, пусть и магическое, тех противоречий, которые возникают в родительской культуре. Последовательная смена и преемственность субкультур, которые создают противостояние этой родительской культуре, можно изучать как многочисленные вариации одной центральной темы – противоречия на идеологическом уровне между пуританством традиционного рабочего класса и новой идеологией потребления. Для С. Коена главным было определить конкурирующие системы смысла морали среди молодежи в послевоенный период: рабочий класс акцентировался на важности солидарности рабочих, важности сообщества и семейной жизни, средний класс акцентировался на возможности образования и индивидуальных амбициях, медиа всегда фокусировались на потребительстве.

2.6. Концепция гегемонии

Аргумент сопротивления через ритуалы основывается на понятии *гегемонии*. Это понятие впервые было предложено итальянским марксистом Антонио Грамши в 20-е гг. Гегемония означает лидерство или доминирование. Цель – уделить внимание роли культурных институтов (церкви, семье, закону, образованию, искусству, медиа) и тому, как посредством них организуется система власти в классовом обществе. Грамши считал, что в капиталистическом обществе буржуазия является правящим классом не только потому, что она контролирует «репрессивные» силы государства и является собственником экономического производства, но также и потому, что она влияет на гражданские институты, на то, каким образом люди организуют свою частную жизнь, на их миропонимание и те способы, с помощью которых они понимают различные ситуации, определяют, что правильно, а что – нет, что можно, а чего – нельзя, что естественно, а что – противоестественно. Гегемон навязывает свою идеологию, свою особую организацию ценностей, веры и символов, а, следовательно, и классовый конфликт; он включается в борьбу за идеи так же, как и в борьбу за государственную власть и экономические ресурсы. Из этого следует, что идеологическое сопротивление есть ключевая форма политической активности людей, которые убеждены, что существующее социальное устройство не является необходимым и неизбежным. Девиантные молодежные стили в этой интерпретации действительно выступают реальной угрозой правящему классу, потому что отрицают доминирующие идеи, поэтому-то они и провоцируют панику.

Таким образом, субкультуры – это не просто идеологические (по Коену) конструкты. С их помощью молодые люди стремятся отыграть этот мир, отвоевать для себя культурное пространство в соседстве и в социальных институтах, реальное время для отдыха и досуга, нужное им место на улицах и в подворотнях. Субкультуры помогают молодым выделить и присвоить себе территорию в округе. Они фокусируются вокруг ключевых возможностей социального взаимодействия: выходные дни, диско, путешествия на каникулах, ночной выход в центр и т.д.

2.7. Субкультуры и стиль

Сами панки и бритоголовые вряд ли вам скажут о своем стремлении к завоеванию некоего культурного пространства, потому что разрыв между абстрактным теоретическим описанием стилей и реальностью невероятно велик. Молодые люди не говорят о сопротивлении на идеологическом уровне или “магическом исправлении общества”. Часто теоретики молодежных субкультур находят в них то, чего там попросту нет. Для социологов всегда было характерно праздновать молодежную девиацию, восхищаясь своей лояльностью к волнениям, переживаниям уличной жизни (особенно если ученые сами проводили этнографические исследования), забывая о болезненных проблемах улиц. Возможно, это происходит еще и потому, что большинство социологов – сами выходцы из среднего класса. Для американских теоретиков делинквентности это означало романтизацию бандитской, преступной жизни.

В большинстве своем субкультурные теории основываются на семиологии, науке о знаках и символах. Прежде всего, теоретики опираются на известные труды французского семиолога Ролана Барта, чьи работы были полны вызывающих мыслей, намекающих на что-то непристойное, комментариев о “знаках” и “символах” повседневной жизни. Важность одежды “на людях”, смысл рекламных объявлений, подтекст имен и слов, формы, например, машин – все это, как он полагал, социально сконструировано, даже если мы считаем это само собой разумеющимся. Как подобные образы зависят от культурной организации их элементов, резонанс которых идет от их смыслов в другом окружении, и кто его воспринимает, как эти образы зависят от того, насколько они контрастны противоположным “знакам” и “символам” вот что важно. Так, например, короткие волосы (просто их отсутствие) у бритоголовых частично выходят из других образов коротких волос (армейский рекрут), частично – от противопоставления длинноволосым (хиппи). Эффект и воздействие субкультурных стилей в целом зависят от “bricolage” – термин, означающий некое собирание в единой униформе “смыслов”, полученных из всех видов контекста. Свастика идет от нацистской униформы к панковским мочкам уха, молодежная солдатская куртка без рукавов идет от флагового шеста к Т-образным майкам бритоголовых и т.д.

Молодежные субкультуры воспринимают “смыслы”: от respectable общества (пиджаки и галстуки модов); от общества с сомнительной репутацией (например, символика нацизма); от коммерческой подростковой культуры. Затем они **переконструируют** их в образы, которые шокируют не только потому, что они необычны, но и потому, что привычны, следовательно, грозят нарушением стабильности, поскольку используют отчасти привычную символику, но совсем в непонятном, а потому угрожающем контексте. Девиантное использование одежды действительно имеет форму вызова доминирующему общественному согласию и сексуальным условностям. В соответствии с субкультурной теорией молодежные формы являются сопротивлением не потому, что они сознательно желают нанести урон “буржуазной идеологии” (хотя и это тоже), а потому, что использование социальных знаков наделяет их (пусть и символически) чувством контроля над своей жизнью, через свой стиль они привлекают внимание не только к себе, но и к противоречиям в доминирующей идеологии.

2.8. В чем смысл субкультурной теории

Можно суммировать аргументы субкультурной теории следующим образом: молодежные группы используют свою собственную территорию власти – свое свободное время, сами, выбирая действия против своей судьбы. Их реальная ситуация (неудачи в школе, безработица, отсутствие будущего) на одном уровне допускаема ими, поскольку с этим ничего нельзя поделать, на другом же уровне это отвергается ими. Девиантные стили демонстрируют и символизируют отказ принять доминирующее мнение об их позициях. Молодежные субкультуры способны действовать лишь силой своего обаяния против скуки и собственного безвластия над каждодневной рутинной. Но подобная магия символов имеет и свои последствия: нужна специальная идеология для поддержания этого социального механизма в рабочем состоянии. Субкультурный подход, конечно же, очень запутан, в нем много марксистского, но он был достаточно популярен в английской социологии молодежи. Субкультурная теория опирается на очень ограниченную эмпирическую базу. Часто молодежные стили исследуются через способы, которыми на них уже были навешены ярлыки – по медиа-источникам, анализу прессы, реакциям взрослых, моральным паникам.

“Соппротивление”, демонстрируемое субкультурами, может быть и определенным преувеличением социологов, сконцентрированных на наиболее эффектных аспектах молодежной культуры (тех, которые интересны медиа и рекламе). В молодежной культуре есть и элементы сопротивления, и элементы объединения, корпорации (некоторые субкультуры выглядят сверхконформными по отношению к доминирующим нормам в своих откровенно расистских и сексистских позициях).

3. Критики теории субкультуры

3.1. Феминистская критика

Главное внимание в этом направлении уделяется недостатку оценки роли девушек, невниманию ученых-социологов по отношению именно к ним. Почему девушки исключены из анализа тэдов, бритоголовых, модов? Вместе с игнорированием девочек теоретики, по всей видимости, игнорировали и взаимоотношения мальчиков и девочек, субкультурную сексуальность, позиции разных групп по отношению к семье и женитбе. “Маскулинность” мальчиков бралась за основу, “сопротивление” определялось исключительно в терминах класса и расы, не обсуждалось политическая позиция субкультур, в которых центральным моментом было доминирование особых сексуальных норм (гейская и лесбийская субкультуры).

МакРобби детально исследовала эти моменты. Эмпирическое исследование, проведенное ею, подтвердило мысль о том, что девочки все-таки являются членами субкультур, находясь в маргинальной женской позиции, что отражает “нормальные” сексуальные ожидания мальчиков. Девушки определяются ими, прежде всего, как “girl-friends”. Женщины-скинхеды и панки явно протестуют против основной линии феминности, женственности, однако в пределах своей субкультуры все еще выглядят поддерживающими традиционные (патриархально-рабочие) гендерные различия и распределение властных ролей (эксплуатация и подчинение). МакРобби предположила, что на самом деле, не существует собственно женской субкультуры как некоего способа, которым именно девушки из рабочей среды могут коллективно противостоять доминирующим культурным нормам.

3.2. Субкультура спальни ("bedroom culture")

Исследования, которые затрагивают проблемы сопротивления молодежи, различные виды молодежной активности, рассматривают мужские виды активности. Если девочки начинают завоевывать себе пространство и сопротивляться, то делают это настолько необычным способом, что социологи-мужчины этого просто не замечают.

Одно из "вероятных" объяснений отличий кроется в биологическом подходе. В нем утверждается, что девушки по "природе" своей более пассивны, конформны и не заинтересованы вступлением в группы. Половая зрелость усиливает различия между полами. Так, С. Коен предположил, что понятие "юность" означает достаточно разное состояние для мальчиков и девочек. Мальчики-подростки становятся амбициозными, любопытными, поэтому склонны к интеллектуальному развитию. Девочки-подростки - более эмоциональны, поэтому склонны к слезливости, хихиканью, флирту. Они нуждаются в социальной защите, поскольку у них начинают появляться материнские инстинкты.

Попытки объяснения культурных различий в терминах гормонов и инстинктов на самом деле не вызывают у социологов доверия, но продолжают во многом определять понимание родителей, учителей, социальных работников. Так, например, девушки, вовлеченные в группировки, выглядят вовсе не капризными или просто непослушными, однако же, их поведение трактуется именно как аномальное. Женская преступность все еще продолжает интерпретироваться как симптом сексуальных проблем и поэтому как нуждающаяся в специальной социальной помощи и защите.

3.2. Либеральная критика

Наиболее страстно и пылко эти критические аргументы были развиты английским социологом Дэвидом Мерслэндом, который возражал против теории сопротивления. Марксистской модели практики он противопоставляет модель индивидуальной практики (индивидуализм в работе) и договора об экономической, социальной и моральной свободе. Он считал, что куда менее существенны различия между ростом и взрослением подростка из рабочего класса, с одной стороны, и ростом и взрослением подростка из среднего класса, с другой, чем-то, что все без исключения просто должны расти. Мерслэнд считает, что вся молодежная культура имеет некоторую автономию, ссылаясь на систему верований, которой следуют все молодые люди. Как возрастная группа молодые люди всех классов разделяют структурные проблемы перехода от детства к зрелости и хорошо осознают свои отличия от других возрастных групп; то, что они себя ведут как представители (выходцы) из тех или других классов - лишь одно из их возможных измерений молодежной культуры. Его вывод звучит парадоксально. Он начал с того, как много культурной свободы имеют молодые люди (значит, он все-таки интерпретирует субкультурные стили как некие классовые позиции людей). Подростки относительно свободны от ответственности и контроля взрослых, они институционально отделены от взрослых и имеют определенную власть на потребительском рынке для развития своих собственных культурных символов, поэтому они достаточно сильно отрицают взрослые нормы. Молодежная культура, таким образом, есть отражение автономности. И вдруг он делает вывод, что именно потому, что подростки настолько свободны, взрослые должны направлять их и руководить ими. Субкультурные теории исходят из того, что официальное взрослое вмешательство в молодежные культуры (например, через молодежный сервис) - это форма социального контроля и один из аспектов классовой борьбы. Мерслэнд же считает, что молодежный сервис необходим для самих же молодых людей.

4. "Обычная" молодежь

Работа Мерселэнда содержит постоянные воззвания к жизни некоей "обычной молодежи". Он, например, говорит, что приоритетными направлениями работы *молодежного сервиса* должны быть обычные проблемы обычных молодых людей для всех социальных типов в их переходе от детства к взрослой жизни. При этом он избегал более детализированных социологических оценок, что это значит – обычная, ординарная жизнь, которая подкреплялась бы исследованиями этнографов.

4.1. Этнографические исследования молодежной культуры и гендерные аспекты "обычной" жизни

В Англии этнография молодежи имеет длинную историю. В работе "Открытие странника" Том Китвуд показывает, как классовые и половые различия между мальчиками и девочками влияют на ведение бесед подростков с родителями относительно их ухода из семьи. Мальчики из среднего класса должны убедить родителей в том, что этот уход не будет влиять на ухудшение их успеваемости, их учебу и не принесет им вреда. Мальчики из рабочего класса должны убедить своих родителей в том, что они не спутаются с кем попало, не создадут лишних трудностей. Девочки - обоих классов - должны вдобавок уверить своих родителей в том, что они будут вне опасности сексуальных притязаний. Проблемные отношения между досугом и сексуальностью встроены в способы, в которых девушки должны будут регулировать свое свободное время. Мальчики же защищены двойным сексуальным стандартом: родители гораздо меньше волнуются о сексуальной жизни своих сыновей. Этот контраст ярко демонстрируется различным смыслом, контекстом словосочетания "он попал в трудное положение" (*he got into trouble*) - имеется в виду, что его забрала полиция, "она попала в трудное положение" - имеется в виду, что она беременна. Различия в сексуальных правилах влияют на смысл и значение самого свободного времени. Так, эмпирические данные показывают, что мальчики имеют больше свободного времени, чем девочки. Девочки выполняют домашнюю работу с более раннего возраста, должны помогать своим мамам. Китвуд замечает, что существует непрерывность в домашней жизни между ролями школьницы, дочери-которая-ходит-на-работу, жены и жены-которая-ходит-на-работу. Разные нормы в семье формируют и разные досуговые возможности вне ее. Мальчикам более приятно проводить свое свободное время вне дома, девочки даже в свободное время находятся под продолжающимся влиянием семьи - должны говорить, куда идут, возвращаться раньше.

Субкультуры обычно описываются как *уличные культуры*, поэтому для девочки звучит грубее: "девушка или женщина на улице". Этнографические исследования не исходят из того, что все подростки подчиняются этим правилам, они просто констатируют, что такие правила существуют. Правила, эти часто могут нарушаться, но подобное нарушение – источник тревоги и беспокойства, подростки тогда начинают чувствовать себя *изолированными*, и даже сверстниками они начинают восприниматься как *странные*. Чтобы расти экстраординарными, необычными, нужна политическая и субкультурная поддержка. И наоборот, расти ординарными - это расти в соответствии с всеобщими коммерческими и медиа-идеями о маскулинности и феминности. Даже оригинальные рыночные исследования Абрамса показали, что мальчики часто тратят деньги на сиюминутные удовольствия - сигареты, выпивку, путешествия, в то время как девочки копят деньги на более вещественные товары - одежду, туфли, косметику.

Мальчики меньше заботятся о том, чтобы выглядеть привлекательными для девочек. Даже субкультурные стилисты, которые очень много внимания уделяют тому, как они выглядят, все-таки больше всего думают о том впечатлении, которое они произведут на своих друзей-сверстников. Мода для мальчиков: “Когда вы на работе, вы – никто. А когда вы одеваете замшевый или мохеровый пиджак, или ботинки “Десерт” (обувь) и идете на танцевальную площадку, вы хотите быть кем-то для ваших товарищей, именно их вы хотите поразить, а не девушек. Вы что-то выражаете своей одеждой или танцем, или вашим мотороллером. Вы должны быть холодным. Быть разгоняющим птиц – это, значит, выглядеть немного мягким и сентиментальным. Вы не хотите потерять лицо перед другими парнями”.

Существует парадокс в явной субординации женского досуга по отношению к проблеме “бой-френда”. Эти отношения не выглядят для девушек чем-то достаточным. Для девушек не столь уж и велико удовольствие от свободы и молодости или удовольствие от случайных и коротких, особых встреч – она всегда беспокоится о том, куда ведут эти отношения, и как это будет связано с замужеством. То есть получение (приобретение) подходящего бой-френда имеет смысл тяжелой работы и большого беспокойства, включающего проблемы управления сексуальностью, процесс принятия решения. “как далеко можно зайти”.

Мальчики открыто и на любом уровне освобождены от подобного беспокойства. Не иметь подружки – меньшая социальная стигма, чем не иметь бой-френда, подростковая культура продолжает трактовать мужскую сексуальность как бесппроблемную. Хотя иметь бой-френда – один из стимулов досуговой активности девочки, это не значит, что иметь его – большое удовольствие. Девушки говорят, что большинству из них доставляет удовольствие “просто хорошо смеяться, веселиться, делать то, что хочется”, а это значит, что получать удовольствие можно и без мальчиков.

Интересно, что детальное исследование подросткового досуга показывает, что большинство действий, описываемых под знаком fun and freedom, выражены через термины беспокойства, тревоги и принуждения. Большинство мальчиков выбирают поведение в соответствии с нормами о том, как должны себя вести настоящие мальчики (даже если в результате они враждебны группе или им скучно), большинство девочек выбирают “усилия” для нахождения и сохранения бой-френда, а не радость общения с подругой.

Таким образом, молодежная культура есть форма социализации, некая среда, в которой мальчики учатся быть мужественными, а девочки – женственными (чтобы выполнять свои взрослые роли). Почему именно девиантные молодежные группы становятся этим окружением для формирования вполне конформных норм поведения? Большинство социологов считают, что это тот способ, благодаря которому молодежь становится наиболее идеологически манипулируемой.

4.2. Отдых, работа и семья

Большинство социологов определяет молодежь как досуговый институт. Молодежные культуры являются в определенном смысле принуждением. Отдых все равно связан с положением человека на работе и дома. Досуг молодежи также не абсолютно свободен. Это имеет три последствия для теории субкультур.

- 1 Классовая позиция молодых людей – это не только культурный (идеологический) вопрос, но и вопрос ценностей. Молодежь имеет разные стартовые позиции на рынке труда. Дело не только в зарплате и возможностях для проведения досуга. Рабочие ритмы влияют на ритмы отдыха.

2. Необходимо изучать отношение политических молодежных групп к субкультурным стилям.
3. Субкультурные теории упускают из вида индивидуальные фантазии подростков. Стили - не просто субкультурный знак, но и жесты индивидуального воображения. Досуг - это альтернатива реальности, так же как и способ ее выражения может включать магическое "просто для себя". Молодые люди действительно ищут обитаемый мир - пабы, клубы, диско-залы, где они не будут под контролем. Но также ведут себя и взрослые, которые позволяют себе отдыхать, фантазировать, демонстрировать скрытые, "подпольные" ценности.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Классовые корни молодежной культуры: история происхождения субкультурного подхода.
2. Студенческие движения, контркультура, альтернативные способы взросления.
3. Английский и американский опыты расшифровки субкультурных стилей: общее и особенное.
4. Символическое сопротивление и механизм наклеивания ярлыков.
5. Субкультуры и стили.
6. Основные недостатки субкультурной теории.
7. Феминистская и либеральная критика субкультурной теории.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. Как соотносится классовая сущность субкультурных концепций и индивидуальное воображение, фантазия самих подростков. Существует ли некая предопределенность к субкультурному стилю в зависимости от класса, гендера и этноса?
2. Методы изучения молодежных стилей вне масс-медиа дискурсов и практики ярлыков.
3. Мода и стили молодежных субкультур. Механизмы взаимовлияния и взаимоопределения.
4. Новейшие процессы глобализации культурного пространства и молодежные стили. Прогноз развития: слияние или разделенность.
5. Типология субкультурных стилей: интернациональный и национальный акценты.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

- Опишите по выбору какой-либо субкультурный стиль. Попытайтесь пронаблюдать и зафиксировать не только форму "появления", "прикида", но и специфику изучаемой субкультурной активности.
- Проведите серию включенных наблюдений на различных субкультурных "площадках" (по выбору).
- Проведите серию (3-5) интервью с представителями разных (или одного) субкультурных направлений. Попытайтесь понять причины выбора именно этого направления, существует ли корреляция (осознаваемая или неосознаваемая) с классовым происхождением.

Тема 6. Советская теория молодежи (1917-1985): строители коммунизма или объекты капиталистической пропаганды?

Лекция прочитана доктором Хилари Пилкингтон в Ульяновском филиале МГУ для студентов-социологов в ноябре 1995 г.

Точно так же, как на Западе, в России тема “молодежи” и “молодежной культуры” появилась как результат индустриализации общества. Поэтому говорить о каком-то дореволюционном понятии молодежи бессмысленно. Этнографы описали обычаи деревенской молодежи, но накануне революции нельзя было говорить о некоей бунтующей молодежи или серьезном конфликте между “отцами и детьми”. В деревнях молодежь интегрировалась в жизнедеятельность общины почти с детства и даже якобы самостоятельные молодежные формирования (как посиделки и хороводы) отражали производственные образы деревни. Их действия не были субкультурными или подрывающими, а наоборот, даже способствовали социально-культурному воспроизводству общины.

История молодежного вопроса в России, таким образом, начинается с начала XX века и тесно связана с революцией и затем - с советским строем. Поэтому те понятия, которые были самыми важными в истории социологии молодежи на Западе - молодежь как социальная проблема, девиантное поведение, молодежь и потребительство - не занимают такого важного места в истории социологии молодежи в России. По сравнению с Западом, где медицинская и психологическая науки были очень важны в развитии социологии молодежи, в Советском Союзе самым значимым моментом в ее развитии был вопрос об идеологии. Но это не значит, что понятие молодежи не менялось - напротив, изменения в понятии молодежи и ее культуры отражают изменения в советском обществе в целом, и в идеологии коммунистической партии, в частности.

1. Молодежь как строители коммунизма

Историки на Западе рассматривали подходы первых советских лидеров к молодежи как чисто эксплуатирующие или как потребительские, в последние годы это мнение стало модным и среди российских ученых. Понятно почему. Особенно любят цитировать слова Ленина из выступления “О задачах союзов молодежи”, где утверждается, что каждый молодой человек должен быть, прежде всего, строителем коммунистического общества. С первого же прочтения ясно, почему многие считают, что история молодежи в СССР является историей государственного контроля и управления молодежью (и через идеологию, и через насилие) в целях упрочения советской власти. Но я не согласна с этой трактовкой ни в западном, ни в новом русском варианте. Постараюсь объяснить почему.

В.И. Ленин: “будущее принадлежит молодежи”

Во-первых, из выступлений и работ Ленина ясно, что в молодом поколении он видел не просто пушечное мясо или слепых последователей большевиков. Большевистская интерпретация понятия молодежи смешивала материалистическую философию и биологический предрассудок. То есть для них, с одной стороны, молодежь казалась сверх-эксплуатируемой частью рабочего класса и поэтому молодые люди нуждались в революционном лидерстве. Поэтому Ленин и уделял особое внимание требованиям рабочей и студенческой молодежи дооктябрьского периода. Но, с другой стороны, большевики видели в молодости опасность так называемого “юношеского максимализма”. Это выразилось в предупреждении, что молодежь может поступать скорее эмоционально, чем разумно, и что она чрезвычайно склонна к легкомыслию. Большевики старались руководить и спонтанно возникавшими, и самостоятельно существующими молодежными организациями. Но именно в этой смеси революционности с политической наивностью большевики видели сущность молодежи - эта наивность, не испорченность и сама юность придавали молодежи особую значимость как символу “светлого будущего”. Надо добавить, что это не было исключительно советским “открытием”, скорее эта часть идеологии была результатом уже существующего образа мышления, связанного с процессами модернизации. В развитии современного общества в России молодежь заняла очень важное место. Это были самые молодые, самые образованные и самые современные “элементы” общества, поэтому молодежь считалась необходимой для “естественного” прогресса - продления общественной стабильности. Молодежь - это представители “юного общества” (как и Россия, которая тогда именно так воспринималась и на мировом уровне, поскольку она отставала от других европейских стран). Максимализм русской молодежи мог бы, вероятно, помочь России избежать ошибок, допущенных другими странами, и за одно поколение догнать и даже перегнать их.

Преимственность поколений

До революции Ленин видел в молодежи естественных “строителей коммунистического общества” и в материальном (физическом) плане, и на символическом уровне. Для Ленина материалистическое понятие культуры состояло не только в воздействии людей на природу, но и в изменении самих людей как следствия этого действия. В отношении к молодежи это означает, что Ленин не видел в ней только объект идеологического воспитания, но и субъект социальной деятельности. Таким образом, когда он говорил о воспитании, он имел в виду двусторонний процесс. Тем не менее, материалистическое понятие культуры было исключительно ориентировано на прогресс, т.е. исторический процесс понимался как простая передача самого прогрессивного от одного поколения к другому. Сам факт того, что можно было определить разные поколения в обществе, не означал, однако, существования некоего межпоколенческого конфликта, наоборот, в социалистическом обществе для всех поколений характерным было поддержание идеологического и общественно-политического единства. Особенность каждого поколения состояла только в том, что оно наследовало определенный уровень развития, и поэтому решало исторически специфические задачи.

Учитывая это, можно по-другому понимать слова Ленина по поводу цели молодежи строить коммунистическое общество. Этим он хотел как раз сказать, что чисто дидактический подход ничего не даст. Независимо от того, сколько раз ты говоришь человеку, что он коммунист, он им не будет, он так и останется просто объектом воспитания. Но “строительство коммунизма”, как это понимал Ленин, явилось как раз исторически унаследованной задачей молодежи на

том исторически конкретном этапе развития, способом участия в процессе выполнения этой задачи: формирования нового советского человека. Поэтому на самом деле молодежь для Ленина - подлинный "строитель коммунизма".

Сталин, молодежь и издержки строительства коммунизма

Фактическое участие молодежи в процессе строительства коммунизма в СССР реализовывалось через комсомол. Мемуары многих комсомольцев первого поколения дают нам понять, что сначала эта организация была невероятно привлекательной для молодежи. Одни шли (поступали) в комсомол по чисто идеологическим убеждениям потому, что действительно хотели непосредственно участвовать в борьбе за "светлое будущее". Для других комсомол открывал новые горизонты: работу и возможность для продвижения по службе, участие в общественной деятельности. Чем более тяжелой была борьба за новую жизнь, тем больше молодежь тянулась к комсомолу - во время гражданской войны число членов этой организации выросло с 22 тыс. в 1918 г. до 400 тыс. за 1920 г., а в период НЭПа в 1922 г. было всего 247 тыс. членов комсомола. Тем не менее, в течение 20-х гг. комсомольская молодежь активно участвовала во всех "задачах дня" - особенно активными они были в кампании ликвидации неграмотности, борьбе с религиозными предрассудками и за коллективизацию в деревнях. Когда началась первая пятилетка, в ее первых рядах опять же была молодежь. Миллионы молодых людей добровольно уехали на грандиозные стройки сталинских времен, веря в то, что они действительно построят новое социалистическое общество. В чем причины этого процесса?

Во-первых, комсомол стал к этому времени не самостоятельной организацией свободомыслящей молодежи, а попал под полный контроль партии, став неотъемлемой частью советского государства. Но это только часть объяснения. Участие в строительстве нового общества имело и важное культурно-символическое значение. В 20-х гг. после первой мировой и гражданской войн, голода в деревнях и полного разрушения экономики все общество находилось на грани развала. Население перемещалось из одной части страны в другую, люди искали, где им легче выжить: из деревни бежали в города, потом назад в деревни, потом обратно. Беспризорники объездили, исколесили всю страну. Безработица, проституция, пьянство, в целом преступность невероятно выросли. Программы образования и переквалификации для рабочих и крестьян перевернули этот порядок. Оценивая все это, становится совершенно понятно, почему молодые ребята уезжали на стройки первой пятилетки с таким энтузиазмом: все программы и кампании привели к наведению некоего порядка - люди знали, куда и почему они едут, а государство "получило" видимость некоторой определенности.

Хрущев и жертвы западного влияния

Здесь мы уже видим начало формирования нового понятия молодежи в Советском Союзе. Молодежь не только считалась "строителем коммунизма, светлого будущего", но она уже могла демонстрировать и девиантные тенденции. После второй мировой войны все больше внимания стали уделять именно этому представлению о молодежи, и уже в 50-х гг. можно было говорить, что и в научной, и в идеологической, и в популярной литературе молодежь начала пониматься как жертва тлетворного влияния западного общества. Первым проявлением этого дискурса была идеологическая борьба против джаза, которую вел в основном Жданов.

Самый интересный пример - это отношение к так называемым стилям. Почему стилиги стали объектом такой ненависти со стороны государства, когда в советском обществе наблюдалась в целом "оттепель"? Во-первых, потому что стилиги представляли собой совсем новое явление - эта была первая молодежная субкультура, которая появилась (как везде в мире) как следствие урбанизации, роста образования и благополучия общества. Во-вторых, потому что после войны в результате хрущевской оттепели стало больше контактов с Западом, поэтому появились возможности получать информацию о последних стилях в музыке на Западе (как, например, на VI Международном фестивале молодежи, который проходил в Москве в 1957 г.). В-третьих, стилиги в принципе были "элитой" общества (как сегодня "мажоры") и ассоциировались с так называемой "золотой молодежью". Это, конечно же, раздражало Хрущева, который был принципиально против всех форм привилегий. И последнее. На мировом уровне практически сразу после окончания второй мировой войны началась холодная война, которую вели на идеологическом уровне. Поэтому борьба за молодежь казалась в высшей степени важной, и любое проявление западного образа жизни или стиля считалось доказательством попыток диверсии по отношению к советской молодежи со стороны Запада.

При Хрущеве борьба за молодежь велась на двух фронтах. Первым была борьба против девиантного поведения среди молодежи. Одновременно комсомол развивался, увеличивался и продолжал свою работу как лидер юных строителей коммунизма. Молодежь во все больших и больших количествах уходила на комсомольские стройки. В этот период комсомол получил и новую задачу от партии - духовное и культурное строительство коммунизма. На первый план при Хрущеве вышло идеологическое воспитание молодежи. Это означало расширение комсомола, чтобы он стал не только авангардом молодежи, но и включил в свои ряды большинство молодых людей. Все больше и больше ответственности возлагалось на комсомол за устранение мелкого хулиганства и нарушение порядка. К концу 60-х гг. больше 18 миллионов молодых людей были комсомольцами, эта организация перестала быть союзом молодежи и даже союзом для молодежи, а превратилась в правую руку КПСС и советского правительства, выполняя важнейшую роль социализации и социального контроля.

Л.И. Брежнев: социология молодежи расцветает

Брежневские времена должны были стать очень благоприятными для тех, кто интересовался молодежными проблемами, потому что именно тогда развивалась и расцветала социология вообще и социология молодежи, в частности. Само развитие социологии позволило относиться к молодежи как к социально-демографической группе со своими определенными нуждами и проблемами, должно было поднять уровень понимания молодежи и ее культуры. Но социология молодежи имела очень слабую базу.

Во-первых, объясняется это тем, что новые понятия, идеи и методы, развитые и использовавшиеся в 60-х гг., когда социология начала развиваться в СССР, в следующей декаде уже считались идеологически неправильными, продвинутых социологов убирали с важных постов в академических институтах. На смену им пришли ученые, готовые выполнять так называемый социальный заказ, т.е. писать и изучать те темы, которые стимулировали "закономерное развитие социалистического общества". Как раз при Брежневе от социологов требовалось доказательство морального превосходства советского общества, поэтому социологи занимались в основном вопросами, которые доказывали, что советская молодежь была, прежде всего, морально устойчива и прокоммунистически настроена.

Во-вторых, мне кажется, что социология молодежи в СССР характеризовалась теоретической бедностью. Тем социологам, которые интересовались теоретическими направлениями, было практически невозможно развивать свой интерес, поскольку молодежь лишь отчасти рассматривалась как некая социальная группа, не говоря уже о том, что можно было представить, чтобы она могла иметь свой образ жизни или свою классовую базу. Поэтому те, кто занимались молодежными вопросами, могли плодотворно работать только в области критики буржуазных теорий молодежи, и хотя они могли думать и по-другому, но в опубликованных работах присутствовала лишь критика западных работ и отстаивание тезиса о том, что молодежь в советском обществе ничего общего не имеет (и не может иметь) с западными сверстниками.

В-третьих, отсутствие своей собственной оригинальной материалистической теории молодежи и невозможность использования западных неомарксистских идей привели к тому, что советские социологи молодежи волей-неволей перешли на структурно-функциональный подход. Тем более потому, что они как раз стремились показать, что молодое поколение в СССР бесппроблемно вписалось в советское общество. И наоборот, они утверждали, что на Западе обществу грозит внутренний разрыв именно потому, что классовая система вызвала рост безработицы, бедность, наркоманию и т.д. и, следовательно, угнетала свою молодежь. Эта тенденция стала особенно очевидной к концу 70-х - началу 80-х гг., когда начали изучать проблемы социализации новых поколений городских жителей и эффективность разных учреждений (клубов, кружков, школ, общественно-политических организаций), которые должны были способствовать процессам социализации молодых людей.

Первые выводы:

Решающие моменты в истории социологии молодежи в Советском Союзе – это идеология или, вернее, политика. Но это не означает, что обсуждение молодежной темы было закрыто в СССР именно по сравнению с Западом, где якобы “открыто” и “объективно” обо всем говорили. На Западе позиции многих социологов также основывались на личных политических убеждениях. Тем не менее, надо учитывать важнейшие социокультурные отличия между обсуждением темы молодежи на Западе и в Советском Союзе, пытаюсь определить социоисторические условия, которые эти различия объясняют. Последними, на мой взгляд, являются:

1. Отсутствие в России капиталистических производственных отношений, которые на Западе делали из молодежи (и из женщин) рабочих второго сорта, формируя молодежную культуру, зависимую от потребления новых товаров.
2. Совпадение самого значительного этапа урбанизации с появлением комсомола как единого идеологического, дисциплинированного и целенаправленного молодежного движения. В результате этого совпадения процессы урбанизации всегда обсуждались как явление исключительно прогрессивное и хорошее. Притом комсомол играл очень серьезную роль в саморегуляции молодежной деятельности, поэтому моральная паника по поводу молодежи, слоняющейся по улицам новых городов, не получила такого развития, как на Западе.
3. Обсуждение молодежных тем и культуры было более организованным (по крайней мере, так казалось), поскольку комсомол играл ключевую роль и в других областях, например, в молодежной печати, науке, органах социального контроля и т.д., которые на Западе были относительно независимыми от политического давления.

2. Советская теория о молодежи. Гласность и молодежь

Понятие молодежного вопроса в течение последних 10 лет, то есть с 1985 г. до настоящего дня, изменилось радикально. Правильно было бы назвать эти изменения “перестройкой” молодежного вопроса, но так назвать нельзя потому, что начиналось как перестройка, заканчивалось уже как “переломка”.

1985—1987 гг. Гласность и молодежная тема

В первые годы перестройки были две неотъемлемые политики - политика “ускорения” и политика “гласности”. Это нужно иметь в виду, когда мы даем оценку результатам гласности в области социологии молодежи. В течение 1985 - 1986 гг. прежние понятия молодежи как “строителей коммунизма” и “объектов буржуазной (западной) пропаганды” сохранились практически не тронутыми. В газетах того времени еще продолжали объявлять о социалистических соревнованиях и красиво писать о “добровольной” помощи студенческих бригад, об участии молодежи в строительных проектах и возведении новых городов. При этом всегда особенно обращали внимание на то, что вклад молодежи в строительство социалистического общества является не только физическим, но и духовным (интеллектуальным). Молодежь как самая образованная часть населения играла особую роль в освоении новой техники и нового знания - в компьютеризации. Это как раз была та “историческая миссия” живущего молодого поколения, о которой говорил еще В.И. Ленин. Читая новую Программу и Устав КПСС, опубликованные к XXVII съезду партии, можно было подумать, что вообще ничего не изменилось.

Тем не менее, какие-то, пусть и не очень значительные, изменения уже свершились. Например, уже можно было более открыто говорить и писать о проблемах в МЖК, на комсомольских стройках и в управлении студенческими бригадами. Чаше, чем прежде, стала подниматься и другая проблема - проблема молодежного досуга. На страницах молодежных газет и журналов начали обсуждаться проблемы недостатка молодежных кафе, молодежных клубов и кружков, предлагались новые программы комсомола (горкомов и обкомов), направленные на решение этой проблемы.

Но самым интересным в обсуждении проблемы молодежного досуга было практически полное отсутствие голоса или мнения самой молодежи. (Такие передачи, как “Взгляд” и “12-й этаж” явились в этом смысле редким исключением). Кроме этого, якобы открытое обсуждение проблемы (в стиле “гласности”) происходило без попыток как-то выйти за пределы понятия молодежи как объекта дурного западного влияния. Расшифровывая подтекст обсуждения молодежного вопроса в первые годы гласности, можно было понять, что проблема молодежного досуга заключается в том, что если молодежь не будет проводить свое свободное время в клубах, кафе или кружках под присмотром комсомольских работников или других надежных лиц, то она будет “валяться” на своих тусовках, в подвалах или дворах и быстро попадет под влияние западной пропаганды, которая передается через рок-музыку, западные радиопередачи и модную одежду. Образ жизни западной молодежи понимался не только как культурно чуждый, но и политически вредный. Западную рок-музыку подвергали особо жесткой критике. Одни авторы видели в ней общую попытку Запада разрушить советскую власть способом постепенного “оглупления” молодежи через музыку. В течение 1986 г. вопрос молодежного досуга стал полем “борьбы за молодежь” между комсомолом и так называемыми неформалами.

Комсомол “почувствовал”, что за последние годы молодежь все больше и больше отходила от организованных форм досуга, начала собираться и объединяться по своим признакам, отдельно от комсомола. Определив эту проблему, комсомол поставил перед собой задачу решить ее, утверждая, что он знает, как это сделать.

В первые годы гласности действительно стало возможным узнавать и обсуждать проблемы современного общества. Но предлагаемые подходы решения этих проблем не выходили за рамки существующих. В молодежной сфере это означало, что, несмотря на то, что в принципе существование неформальных молодежных объединений было допущено, к ним продолжали относиться как к результатам западного влияния, с которым нужно было бороться, направляя заблудившуюся молодежь на верный путь.

1987-1989 гг. Политизация неформалов

С 1987 г. начался второй этап перестройки – “демократизация” КПСС и общества в целом. Тенденция развития молодежи, и, в частности, неформальных объединений приобрели особое значение в эти годы. Во-первых, потому, что обострение политической борьбы в стране стимулировало, в свою очередь, и борьбу за молодежь. Во-вторых, неформальные объединения сами по себе явились механизмом углубления и поддержания перестройки, одновременно представляя собой и самую большую угрозу для нее. Почему? Потому что неформалы были, с одной стороны, признаком такого демократичного, плюралистического общества, которое Горбачев хотел создать, но с другой стороны, их же демократичность и плюрализм постоянно ставили под сомнение роль КПСС как единой и единственной партии и роль перестройки как единственного, идеологически правильного пути дальнейшего развития советского общества.

Обсуждение молодежи в печати, научной и популярной литературе с 1987 по 1989 гг. проводилось на “двух фронтах”. Первым фронтом было раскрытие новых тем, якобы в духе перестройки. На страницах газет и журналов бесконечно появлялись статьи про металлистов, панков, рокеров, волнистов, про новые религиозные группы и т.д. Научно-исследовательский Центр ВКШ (а также Институт социологии РАН) опубликовали много работ, в которых предпринимались попытки определить численность групп неформалов, описать формы их деятельности и структуры их объединения. Исследователи ВКШ (Института молодежи) показали, что уже 60% молодых людей так или иначе, вписались в подобные неформальные объединения, что эти объединения количественно были небольшими (10-20 человек), что примерно одна треть из них имела свои правила и своего лидера.

Хотя у каждого автора была своя классификация, в основном неформалы делились на три группы. Первая: положительные (общественно-политические клубы и объединения, если, конечно, их политические идеи совпадали с теми, которые признавались КПСС). Вторая группа: нейтральные, иногда употреблялся термин – “эпатажные”, т.е. волнисты, скэйтбордисты, рокеры, металлисты, кришнаиты и иногда панки. Третья группа: “отрицательные”. Это были группы, проявлявшие антиобщественные тенденции, как, например: фашисты, шовинисты, националистические и прокапиталистические группы (и иногда панки, металлисты, рокеры). Вполне очевидна политическая основа классификации – грубо говоря: “за перестройку” или “против перестройки”.

Такая классификация нужна была для того, чтобы помочь комсомолу справиться со своими новыми задачами, вызванными перестройкой общества, так как сам комсомол (ВЛКСМ) явился

вторым фронтом обсуждения молодежного вопроса. В годы демократизации комсомол подвергался критике, начались “чистки” кадров. Комсомол предпочел отказаться от статуса массовой организации, позволив молодежи свободно выходить из его рядов. Комсомол решил, что запрещать неформальные объединения уже бесполезно - наоборот, запрет имел бы обратный эффект, и участие в них стало бы еще привлекательнее. Поэтому комсомольские идеологи принялись отрабатывать “дифференцированный подход” к ним, основанный на классификациях неформалов, предложенных комсомольскими учеными. Подход к нейтральным неформалам (рокерам, панкам, металлистам, скейтбордистам и т.д.) был основан на принципе перевоспитания и облегчения процессов социализации молодежи. Появление именно таких групп комсомол связывал с недостатками в работе всех институтов социализации, в том числе - семьи, школы и самого комсомола. Таким образом, комсомол инициировал создание рок-лабораторий, клубов мотоциклистов, спортивных кружков, пытаясь привлечь в эти “новые молодежные места” молодежь с улицы. Особо смелые комсомольские активисты пытались войти в разные неформальные объединения (тусовки), чтобы изнутри направить их в нужное направление. По отношению к антиобщественным группам комсомол видел лишь один реальный путь - путь борьбы с ними. Этот метод работы был более знакомым и понятным.

1990–1994 гг. Молодежь как социальная проблема

К 1992 г. традиционные понятия молодежи как строителей коммунизма и одновременно жертв западного влияния практически вышли из употребления. Вместо них стали появляться знакомые нам с Запада понятия молодежи как потребителей и молодежи как девиантов. Почему так произошло? Во-первых, потому что ВЛКСМ проиграл в борьбе за привлечение молодежи обратно в свои ряды. Если в начале перестройки (1985 г.) было 42 миллиона членов ВЛКСМ, то в 1990 г. остался только 31 миллион. Все меньше и меньше поступало новых членов - в 1989 г. число новых членов составило лишь 40% того, что было в 1982 г. Итак, ВЛКСМ как единого формирования уже не существовало: сначала прибалтийские республики, а затем и другие республиканские молодежные организации стали выходить из состава ВЛКСМ. Одновременно с этим внутри самого комсомола появились фракции по политическому признаку, отражая политические противоречия в обществе в целом. Радикальные предложения по перестройке комсомола в очередной раз обсуждались на съезде ВЛКСМ (апрель 1990 г.), и в очередной раз комсомол не смог вовремя оценить всю кризисность своего положения. Вместе с этими организационными переменами на государственном уровне изменились представления о молодежи и на страницах печати, и в научной литературе. Молодежь все чаще и чаще появлялась в этих текстах не как субъект строительства нового общества, а как объект государственной политики, нуждающийся в помощи, не способный сам себе помочь. Внимание уделялось проблеме низких заработков молодежи, начавшемуся росту молодежной безработицы, проблеме жилья для молодых семей, проблеме дедовщины в армии. И, конечно, росту преступности среди молодежи. Все эти явления, но особенно последнее, объяснялись так называемым “маргинальным положением” молодежи в обществе. Особыми группами риска считались те молодые люди, которые выпивали или употребляли наркотики, которые уже были вовлечены в криминальные или территориальные группировки.

Выводы:

Прежнее понятие советской молодежи как строителей коммунизма уже полностью исчезает из общего употребления. На XXI съезде ВЛКСМ открыто высказались против ленинских слов о том, что "будущее принадлежит молодежи", утверждая, что будущего ей уже недостаточно, что ей нужно и настоящее. Нельзя дальше ожидать, что молодежь будет жертвовать своим настоящим ради будущего государства, наоборот, государство обязано предоставить своим молодым людям хотя бы минимальные условия для жизни. Нынешняя молодежь представлялась как потерянная. Государство, не выполнив своих обязанностей, бросило молодых людей на периферии общества, где они стали маргиналами, не способными "вписаться" в нормальную жизнь.

3. Молодежь и ее культура в современной России

Что мы подразумеваем под выражением "молодежная культура"?

- Посиделки,
- уличные группы в городах, основанные обычно на группах земляков из деревень,
- дворовые компании и беспризорники (в 1920-30-е гг.),
- стилиаги, потом битники и штатники (1950-60-е гг.).

Что означает это перечисление? Прежде всего то, что молодежная культура не началась с перестройки и не является неким чистым подражанием Западу, а, наоборот, имеет свои корни и традиции в России. Тем не менее, расцвет молодежных культур начался в начале 80-х гг., и уже к концу этого десятилетия появились десятки разных стилей и течений, которые можно было уже называть молодежными культурами, и тысячи молодежных компаний, которые вписывались в подобные течения.

Тусовка - обычная форма молодежного культурного пространства, как правило, располагающегося в центральных местах больших городов. Имя тусовок бывает различным: из названия определенной группы людей, которая собирается тусоваться вместе (металлисты), из названия места, где они собираются (чугунка). Подобное сближение места с компанией является сутью тусовочного образа жизни.

Стилиаги впервые появились в 50-х гг. Сутью течения является понятие "стиль", а именно стиль музыки и одежды 50-х гг., рок-н-ролл. Поэтому стилиаги всегда связывались с западным, буржуазным образом жизни. В середине 80-х гг. возрождение субкультуры стилиаг было связано с появлением двух ретро-групп: "Браво" и "Бригада С". "Новые стилиаги" ходили в одежде 50-60-х гг., но на их понятие "стиля" очень повлиял стиль одежды солистов из "Браво" и "Бригады С" - Жанны Агузаровой и Гарика Сукачева.

Панки появились в СССР, как и везде, в конце 70-х - начале 80-х гг., и, хотя их всегда было очень мало, они продолжают существовать и поныне. Панки стараются поддерживать свой образ жизни, отвергая общепринятые нормы поведения. Они, например, не работают, стараются уйти от военной службы, стремятся избежать стабильной семейной жизни. Большинство из них проповедует политику анархии. Правда, довольно часто они понимают под этим не больше, чем стремление избежать службы в армии, отказ от продолжения образования, игнорирование формальных видов активности (вступление в комсомол) и право выпивать столько, сколько им хочется.

Хиппи появились в СССР в 60-х гг. и были первой значительной молодежной культурой после стиляг. Потом они становятся ядром многих течений, особенно благодаря их молодежному сленгу, который они в принципе сами создали. К концу 60-х гг. хиппи стали более политизированными (Пражская весна, стычки в Западной Европе), поэтому в СССР начиная с 1972 г. они пострадали от усиленного преследования диссидентов, собираясь после этого практически только подпольно. Самая большая волна хиппи появилась в конце 70-х гг., многие из хиппи первой волны до сих пор "хипуют", хотя существование множества самых разных течений делают их сегодня менее заметными.

Волнисты - общее слово для всех течений, которые следуют или определенной рок (поп)-группе, или новому движению (течению) в танцах или спорте, как, например, скейтбординг. Эти тусовки в основном состоят из подростков, поэтому их состав быстро меняется.

Металлисты - это любители музыки "хеви металл" разных видов. Их стиль одежды довольно вызывающий: кожаные или джинсовые куртки, украшенные молниями, шипами и пряжками. Они могут красить волосы или лицо для того, чтобы придать себе устрашающий вид. В середине 80-х гг. именно металлисты были самым распространенным течением, большинство тусующихся ребят (речь идет здесь только о мальчиках, но не о девушках) некоторое время были металлистами.

Рокеры - самая "крутая" тусовка в Москве. Они - любители рок-музыки и мотоциклов. Больше всего они любят собираться ночью и кататься по городу. Их стиль, распространившийся сейчас практически везде, - это кожаная куртка, кожаные брюки, бандана и специфические сапоги (казаки). Поскольку стиль рокеров уже становится распространенным, сейчас самые крутые рокеры, которым часто уже 25 лет и старше, стали собирать свои банды или группировки в стиле американских байкерских группировок.

Гопники - это общее слово для формы молодежной культуры, которая больше всего распространена в провинциальных городах, в пригородах, окраинах больших городов и республиканских столиц. Слово "урла" употребляется обычно центрально тусующимися молодыми людьми как общее название молодежи гопнического типа, то есть "деревенские, провинциальные, некультурные люди".

Широкоштанники обычно ассоциируются с поволжскими городами. Они относятся враждебно к молодым людям из столичных и престижных городов, ездят туда на "гастроли", чтобы "разбираться", особенно с молодыми людьми модно и по-западному одетыми. Сами они сознательно ходят в стиле провинциалов - мальчики в широких штанах, девочки в длинных юбках.

Качки - это молодые люди, которые настроены практически так же, как и широкоштанники, но которые больше всего любят "качаться" (речь идет о подобию бодибилдинга), раньше это могло происходить в самодельных спортивных залах, расположенных в подвалах. Самые известные качки в начале 90-х гг. - люберы.

Бизнесмены (сейчас их называют "новые русские"). Все больше и больше молодых людей проводят свое свободное время так, чтобы делать деньги. Раньше можно было их определить, "вычислить" по видам и серьезности спекуляции, но введение так называемых "рыночных отношений" привело к тому, что сегодня называть это особым "образом жизни" молодежи было бы неправильно. Тем более, что со временем люди из этих групп становятся или обыкновенными бизнесменами, или преступниками.

Из чего состоит молодежная культура современной России?

Результаты исследований, которые я проводила в Москве в 1988-1991 гг., заставляют меня отвергнуть как структурно-функциональный, так и субкультурный подход к молодежной культуре как к пространству генезиса идентификации (имеется в виду единство своего "Я"). Исключение так называемых "газетчиков" и других политически настроенных неформалов из числа тусовок говорит о том, что их "дело" заключается совсем в другом. Их деятельность принципиально иная, так как она основана на удовлетворении интеллектуальных и психологических потребностей личности. Те, кто тусуется, также ищут общения, которое волей-неволей формирует личность. Но это общение основано на удовлетворении не только ума, но и тела. Телесность выступает не просто одним из элементов тусовочного общения, но и его необходимой предпосылкой. Это вовсе не означает того, что они не столь интеллектуальны, не настолько умственно развиты, более грубы и т.д. Это имеет значение только в смысле того, что самовыражение в таких тусовочных группах имеет более разнообразные и широкие формы. Здесь я расскажу о трех таких формах - музыке и танце, стиле, игре.

Музыка и танец

Музыка и танцы - базовая форма молодежной культуры. Поэтому, даже удивительно, что так мало внимания уделяется им в социологии. В России это объясняется еще и тем, что принято считать, что советская рок-музыка отличается от западной важностью текстов по сравнению с музыкой. Конечно, есть и такие рок-группы, которые начинались в подполье и для которых главное - тексты. С другой точки зрения, возможно, что большая значимость текстов (по отношению к музыке) объясняется еще и достаточно слабым развитием музыкальной исполнительской техники и недоступностью хорошей записывающей аппаратуры. Тем не менее, я полагаю, что большая часть "обычной" молодежи не слушала рок-музыку из-за ее текстов, ей то как раз, в первую очередь, нужен был ритм, звук и шум. Самой популярной формой музыки на Западе, например, был "хеви металл", где слова и смысл текстов находятся на самом последнем месте. Для стиляг нужен был рок-н-ролльный ритм, чтобы танцевать, а чья музыка, на каком языке исполнялись песни, в чем смысл слов - все это было вообще не важно, если музыка была "в порядке". Однако то, что тексты не имеют большого значения, вовсе не значит, что тусовки менее интересные и менее культурно значимые пространства. Значение музыки проявляется именно в ее слушании, в ритуалах, связанных с определенными песнями, в танцах под эту музыку, то есть в телесном наслаждении музыкой.

Стиль

В социологии молодежи в России (а ранее в Советском Союзе) "стилю" уделялось одновременно и недостаточно, и слишком много внимания. Слишком много - оттого, что раньше какая-нибудь одежда несоветского производства считалась чуть ли не предательством Родины. Даже во время перестройки люберы у многих вызвали сочувствие потому, что они выбирали в качестве объектов для разбирательства молодых людей, одетых по-западному. Но помимо этого сверх политизированного контекста, под стилем понимали также слепое следование моде (культурно-социологическое понятие) или простой способ идентификации со "своими" (социально-биологическое понятие).

Стиль стилинг позволяет им сразу узнавать друг друга, но многие стали носить свой “прикид” до того, как стали тусоваться со стилигами. Так, например, с одного взгляда на прикид стилиги можно было определить: он поклонник “Бригады С” или “Браво” (по прическе), какой стаж он имеет в тусовке (по носкам), любитель ли он музыки 50–60-х гг. (по галстуку). У каждого стилиги была также и своя “фенька”, то есть нечто оригинальное в прикиде. Часто кличку (тусовочное имя) человеку давали именно согласно этой феньке, как, например, “Клетчатый” – потому что носил клетчатую куртку, “Золотой” – потому что носил галстук золотого цвета, “Брежнев” – потому что носил много значков (похоже на медали).

Чтобы понимать значение стиля любой тусовки, его необходимо рассматривать в контексте всего социокультурного молодежного пространства, то есть по сравнению с другими стилями молодежной сферы, поскольку каждый стиль отражает не только эстетические предпочтения данной субкультуры, но и их позицию в отношении к другим тусовкам или группировкам.

Но стилиги хотели отличаться не только от тех, кого они считали ниже, но и от тех, кого они считали выше, то есть “мажоров”. “Мажоры” тоже выделялись аккуратностью в одежде, но они не создавали этот стиль с помощью старых вещей, найденных у знакомых, родственников, на рынках, где продавались подобные вещи (как это делали стилиги), а покупали одежду на родительскую валюту или за счет их привилегий. Именно так стилиги демонстрировали не только свою ориентацию вверх, но и одновременно ориентацию вниз, поскольку они присвоили элементы культуры советского прошлого и не тянулись к молодежному культурному капиталу, то есть “западным тряпкам”.

Игра

Она не связана с выраженной целью тусовки, то есть с катанием на скейтборде или со слушанием музыки, а случается, когда тусовка собирается просто так. Эти формы как раз, по-моему, и показывают стремление не к формированию определенной субъектности, а, наоборот, к раскрепощению зафиксированных идентификаций. Значение этих форм деятельности выражаются больше всего в том, как люди говорят о них. Я выделила 4 момента:

1. Первое состояние связано с достижением ощущения кайфа. В одних тусовках, конечно, это понимается в прямом смысле – то есть кайф ловится через употребление наркотиков или спиртного. Но для других – особенно стилинг – “кайф” на сейшнах, на концертах. Они “балдеют” или “тащатся” от своей музыки. Использование подобного сленга говорит о том, что ощущения, которые ищет молодежь – физические (телесные), а не умственные, интеллектуальные.
2. Второе состояние – некоторое сумасшествие. Это особенно выражено среди панков, которые часто объясняли важные моменты в своей жизни тем, что они просто сумасшедшие. Это считается хорошей чертой характера, потому что таким способом они реализуют себя вне контроля.
3. Третье понятие тоже связано с тем, как они веселятся. Здесь важное понятие – “прикол” и “прикалываться”. Имеется в виду все, что делают, – от шутить до дружно драться, играть в детские игры, веселиться за счет других и т.д.
4. Последнее ключевое понятие для тусовок – это обман. С одной стороны, надо уметь обмануть (например, нужно уметь “откосить” от службы) и нужно быть хитрым, потому что нужно знать, когда стараются обмануть тебя (“кинуть”). С другой стороны, осуждается серьезный обман – “заложить” или “настучать”. Для тусующихся – это “лох”.

Заключение

Изучение деятельности молодежных культур показывает, что тусовка является пространством для такой формы общения, которая невозможна в бытовой жизни. Это общение выражается через музыку, танец, стиль, игру и речь. Оно сугубо телесно оформлено, и в основе его лежат провокационно-подрывные ценности. Хотя это пространство дает молодежи некую свободу, оно не может быть полностью свободно от тех отношений господства и подчинения, которые являются доминирующими в обществе в целом.

Тема 7. Постмодернизм и его влияние на изучение молодежной культуры – формирование новых молодежных стилей

Критика различных подходов к изучению молодежных проблем была проявлением более тщательной критики теоретических основ социологических подходов к изучению современности в целом. Эта критическая парадигма оформилась к 80-м гг. под общим титулом “теория постмодернизма”. Далее речь пойдет лишь о тех сторонах этой теории, которые непосредственно касаются современной молодежи и молодежной культуры.

1. Что такое “постмодернизм”?

Суть этого подхода заключается, прежде всего, в отказе от любых “великих теорий”, в отказе от поиска доминирующей монотеории, какой бы она ни была: неolibеральной, радикальной, марксистской или какой-либо еще, на которую бы возлагалась ответственность за способность к объяснению всех социальных и культурных процессов в современном обществе. Первоначально многие ученые видели в этой теории лишь критику марксизма благодаря широко “разрекламированному” марксистскому положению о том, что есть некие закономерные общественные процессы, которые рано или поздно приведут к революционному преобразованию всего мира. Однако на самом деле постмодернистские теории были направлены и против либеральных и неolibеральных конструкций, которые также исходили из вероятности присутствия в историческом процессе некоей закономерности, прогрессивного движения (то есть движения к чему-то, что временно располагается в будущем и является более высокой ступенью в развитии сегодняшнего качественного состояния); из того, что процессы модернизации (урбанизация, вестернизация и индивидуализация вместе с расширением нуклеарной семьи) – все это, по их мнению, было знаком “правильного” и “прогрессивного” развития.

Социально-экономическим аргументом и основой постмодернистской критики социологических подходов к понятию общества является не требующее доказательства утверждение, что современные общества невероятно изменились за последнее десятилетие и что их уже невозможно рассматривать и изучать как нечто единое, всеобщее и целое. Главную, ведущую роль в формировании новых общественных реалий играют новейшие средства массовой информации, новые средства коммуникации, возникновение нового мирового информационного пространства. Это привело не просто к глобализации культуры, но и к тому, что собственно сфера культуры и культурные отношения стали более важными для понимания всего общества, заняв в установлении социальных иерархий и властных отношений (политических, культурных, внутрисемейных и др.) центральное место.

У каждого теоретика в этом постмодернистском направлении есть, конечно, своя “фирменная” смесь из теоретических источников. Однако, исследуя некие базисные основания этого направления, можно выделить три момента, наиболее важные для постмодернистского подхода в целом:

1.1. Теория постструктурализма

Постструктуралисты, не отвергая структуралистскую теорию, развивают на ее основе мысль о том, что человек (субъект) не ограничивается теми структурами, через которые выражается его собственный опыт. Субъект является мобильным, незафиксированным (unfixed) и именно потому, что он не только формируется, но оказывается символически конструируемым общественными системами.

1.2. Теория “дискурса”

Использование теории дискурса позволяет постструктуралистам объяснить эту незафиксированность (unfixedness). Эта теория исходит из того, что значение (meaning) чего бы то ни было, не передается в прямом смысле, непосредственно, а конструируется внутри дискурса, в котором находится тот, кто это значение артикулирует. Поэтому сначала следует деконструировать тексты, чтобы вскрыть этот дискурсивный контекст, а уже потом пытаться понять собственно значение, вне его подачи “кем-то, находящимся внутри некоего направления”. Главным теоретиком идеи конструктивного дискурса для социологии является Мишель Фуко. Он показал, как различные дискурсы производятся социальными инстанциями и общественными отношениями, объясняя посредством этого, каким образом один дискурс начинает преобладать над другим в конкретный исторический момент, как это зависит от той социальной и политической власти, в рамках которой эти дискурсы существуют. Мишель Фуко исследовал развитие дискурсов сексуальности, преступности, сумасшествия.

1.3. Теория психоанализа

Именно эта теория объясняет процессы формирования раздвоенного, расколотого субъекта (fragmented, disunified subject). Самый знаменитый в этом направлении теоретик – психолог Жак Лакан. Он исходил из того, что подсознание также лингвистически структурировано, и что субъект, находясь внутри конкретного общественного и культурного порядка, совершенно неверно полагает, что он и его высказывания представляют собой нечто единое, думая, что именно он является автором (создателем) значений. В его подсознании борются, сталкиваются различные лингвистические конструкты, далеко не все из которых являются “произведением” данного субъекта.

В теоретическом плане постмодернизм подвергает критике все те теории, которые построены на основе представлений о существовании некоего единого субъекта, идущего в ногу с прогрессивными закономерными историческими процессами. Постмодернизм подходит к изучению общества, исходя из того, что реальность сама социально конструируется, и, следовательно, прежде, чем изучать реальность, необходимо исследовать и понять дискурсы, которые ее формируют и конструируют.

2. Постмодернизм и социология молодежи

Многие идеи и подходы в социологии молодежи были подвергнуты переосмыслению именно под воздействием постмодернистских теорий, что нашло выражение в практике обсуждения молодежного вопроса в ряде новых западных исследований.

Теоретики постмодернистского направления с особым вниманием относятся к роли масс-медиа в формировании молодежной субъективности. Особое внимание уделяется молодежным журналам, телепередачам, новым радио каналам и “живой” музыке. В последнее время невероятно значимыми стали тексты, передаваемые через компьютерные сети, в первую очередь Интернет. Часто эти культурные формы (каналы) также называются “дискурсами”, а отдельные (законченные) виды популярной культурной продукции называются “тексты” (телепередача, видеоклип, песня, фото, статья). Отдельные тексты изучаются для выявления представлений, которые передаются аудитории через средства массовой информации.

Так, например, в 80-х гг. очень много и подробно обсуждались феномены Мадонны и Майкла Джексона – поп-певцов, завоевавших мировую известность среди молодежи. Их фаны были практически везде, вне национальных и культурных границ, это был новый тип сообщества поклонников. Мадонна рассматривалась в качестве символа раскованной и рискованной (подчас скандально проблематичной) женственности, Майкл Джексон – как символ сложного вызова своей расовой и гендерной принадлежности. Имиджи певцов отличались сверхэпатижностью, они заведомо провоцировали сопротивление взрослых и беспроблемно набирали “очки” и новых волонтеров (“фанов”) среди подростков. Имидж и тексты песен этих актеров оказали и продолжают оказывать заметное влияние на сдвиги в гендерных позициях, на формирование новых “миксовых” форм субъективности и сексуальности среди своих поклонников. Уже в этих примерах видна нестабильность молодежной и подростковой субъективности (особенно сексуальности и гендерной идентификации), изучавшейся до этого лишь на теоретическом уровне.

Для исследования сдвигов в представлениях и образах женской субъективности МакРобби проанализировала ряд английских журналов для девушек (в 80-е гг.). Она сделала вывод о том, что образцы поведения, которые предлагались молодым девушкам в этих журналах, резко изменились. Если в 60-х – 70-х гг. главной темой журнальных статей были “романы” (лирически-романтические истории о неразделенной или, напротив, взаимной чистой любви), в которых девушки представлялись, как правило, страдающими, терзающимися или умиленно счастливыми, то из журналов 80-х гг. романы практически исчезли.

В отличие от западного опыта в России только-только начинают появляться “новые” журналы, отражающие идеи “new ages”, например “Птюч”. В основном же в журналах для девушек и молодых женщин (“Лиза”, “Штучка”, “Ровесник”, например) по-прежнему продолжают публиковаться прямые перепечатки из американских журналов, наполненные любовными историями и правилами подготовки к встрече с любимым и к замужеству.

Вернемся к анализу новых тенденций из исследования Анжелы МакРобби. Она предположила, что заметные изменения, которые произошли с тематикой журналов, связаны с тем, что современные девушки уже обладают “некоторой потребительской властью”, являясь даже в количественном измерении серьезной потребительской группой на “журнальном и музыкальном поп-рынках”. Не желая читать то, что им кажется неверным и глупым (главным образом спекуляции на тему о том, как выйти замуж), они просто перестают покупать подобные журналы.

Тексты масс-медиа как бы борются между собой за право формирования молодежных стереотипов, нередко вступая друг с другом в противоречия и конфликты. Эти противоречия воспроизводятся, и отчасти, сами формируются из “новых” молодежных культурных ориентаций. В отличие от “до-постмодернистского” культурного пространства постсовременное пространство способно включить в себя самые разнообразные (пусть даже исключаящие друг друга) направления.

2.1. Потребление или использование?

В сочетании этих понятий отражается вторая новая тенденция в социологии молодежи, развившаяся под влиянием постмодернизма – уход от резкого разграничения производства культурных товаров и ценностей от их потребления. Постмодернистские теоретики подвергли резкой критике идею о том, что существует некий односторонний процесс: с одной стороны, – активные производители культурных товаров и ценностей, научившиеся прекрасно манипулировать сознанием и поведением “простых” людей (“массовой культурой”), с другой стороны, – пассивные потребители, которые или недостаточно образованы, или сильно подавлены строем, чтобы осознать то, что их бессознательно “оглушают”. Теоретики постмодернистской ориентации, отмечая реально существующее разграничение между производством и использованием (а не потреблением) культурных товаров и ценностей, подчеркивают неоднозначность этого разделения и то, что границы между этими субъектами и их социокультурными измерениями прозрачны и размыты. Особенно ярко это проявилось в возникновении такого явления, как “fanzines” – т.е. журналов, посвященных особым течениям в музыке или отдельным музыкальным группам, которые издаются самим фанатами этих направлений или групп. Подобное творчество “потребителей” (пользователей) стало возможным благодаря бурному развитию СМИ и компьютеризации (desk-top publishing). Фанзины – живое доказательство того, что молодежь не только слепо следует за модой, но и активно участвует в диалоге, формировании культурных ценностей. Еще одним доказательством этих сдвигов является новая молодежная музыка. Даже явление “караоке”, пришедшее в Англию, а теперь и в Россию из Японии, предполагает не просто слушание, но и активное пение публики. Таким образом, это смешение производства, исполнения и потребления (использования), которое первоначально было характерно лишь для наиболее модных (продвинутых) стилей андеграунда все активнее проникает и в поп-музыку, и в обыденное “музыкальное” общение (слушание).

На теоретическом уровне все эти идеи усложняются представлением о том, что существует некая господствующая (репрезентативная) культура и противостоящие ей субкультуры. Действительно, продолжается рост интереса к производству культуры через фанзины или молодежные передачи, которые также начинают создаваться и транслироваться самими молодыми людьми для “своих”, а не умными взрослыми для молодых, как это бывает, в клубах все чаще крутятся свои “миксовые” пластинки (“mix” – смесь). И все это действительно происходит в определенной оппозиции к продолжающим издаваться журналам “для молодых”, к существованию и дорогостоящей раскрутке официальных хитов, активно пропагандируемых с помощью ТВ и новых радиоволн.

В результате этой концептуализации и под влиянием идей постмодернизма на Западе практически перестали говорить о “субкультурах”.

2.2. Постмодернизм и методологические вопросы

Постмодернизм продолжает оставаться предметом активного спора между учеными. Многие социологи продолжают разрабатывать идеи в рамках прежних парадигм, соответствующих их ориентациям, прежде всего, это может быть отнесено к тем, кто занимается статистическими или эмпирическими исследованиями. Некоторые из них активно отвергают послышки постмодернизма, обвиняя ученых, следующих этой перспективе, в излишнем абстрагировании от реальности, в неуместном теоретизировании и удаленности от проблем реального мира. Особенно это характерно для критиков постмодернизма с позиций радикально-левой социологии. Ученые этой ориентации видят в постмодернизме не просто устранение понятия класса и понятия молодежной культуры, но и полное игнорирование политического смысла в молодежной культурной деятельности в целом.

Однако, существуют вполне реальные пути преодоления этих противоречий.

2.3. Возвращение в поле

Пожалуй, как никогда, в этой ситуации высока потребность в высококачественной этнографической полевой работе. Отсутствие такой работы является, в свою очередь, отражением некоей действительности современной теории - нет ни денег (заказов или грантов), ни времени для подобной кропотливой и интенсивной деятельности. Однако лишь детальные, глубокие этнографические (качественные) исследования смогут предоставить науке реальный материал о том, какими молодые люди видят себя в окружающем их мире, каковы они на самом деле сегодня.

2.4. Изучение и текстов, и их производителей

Необходимо и дальше продолжать исследования дискурсовых контекстов молодежной активности, стремясь к тому, чтобы раскрыть смыслы тех дискурсов, которые “преподносят, подают, упаковывают” и передают информацию о молодежи. Однако неверно было бы сводить все изучение молодежных культур к изучению только лишь этих текстов. Не менее важно исследовать характер взаимоотношений между ними текстами и молодежными культурами.

Не стоит также приписывать молодежи некие присущие ей якобы от природы политические или биологические черты. На всякое проявление “нормальности” молодости найдется доказательства ее же “ненормальности”, на всякое проявления неконформизма найдутся и проявления конформизма. Очевидно, стоит согласиться с постмодернистской посылкой о том, что не существует некоего целостного, единого субъекта, который, переходя из детства во взрослость, ищет свою идентичность. Поиск объекта идентификации не завершается возрастом, а молодой человек (девушка), подросток вовсе не является целостным субъектом, в нем, как и в любом человеке, невероятно много измерений с разными полюсами. Присвоение же знака этому полюсу - плюса или минуса - как правило, является результатом культурно-ситуативного отношения взрослого мира к актуальной молодежи.

Состояние молодости - это не прогрессивное развитие от худшего к лучшему, от простого к сложному, это некое состояние, смысл которого заключается в нем самом. *Молодость - самодостаточна.*

Приняв подобные предпосылки за некие исходные, можно сделать вывод о том, что главное в социологическом изучении молодежи - это не поиски противоположности молодежного и взрослого, формального и неформального миров, а поиск общих черт, их объединяющих.

Постмодернизм требует признания того, что не существует особых, четких границ практически ни в чем. С методологической точки зрения это означает **необходимость использования междисциплинарных подходов**, применения самых разных научных идей. В этой перспективе не столь важно сохранение неприкосновенности предметных границ, сколько адекватность методов и профессионализм.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Критика общих основ социологии в постмодернистской традиции.
2. Базисные предпосылки теорий постмодернистского направления.
3. Потребление и использование: формирование нового пространства взаимодействия культурных агентов в молодежных культурах.
4. Пути преодоления основных противоречий постмодернистских конструкций.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. Основные направления критики постмодернизма в его объяснении сущности современных молодежных культур.
2. Новые "постмодернистские" молодежные субкультуры.
3. Новое время - новая музыка. Социологический анализ новейших музыкальных форм андеграунда и популярной культуры.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

- Опишите на основе включенного наблюдения модели поведения молодежи в различных музыкальных культурных местах: в клубах (пабах) с живой музыкой, на рейв-дисотеке, на обычной (попсовой) дискотеке, в элитарном молодежном музыкальном клубе.
- Опишите на основе включенного или не включенного наблюдения быт и культурные модели (образцы), повседневные ритуалы какого-либо культурного пространства (улица, дом-коммуна, кафе, издательство фанзины и др.).

Приложение к теме

Развитие рока и "молодежные музыки"

По материалам статьи М. Седых
"Мое представление о развитии рока".
Журнал "Студенческий меридиан". №9, 1989.

"Скиффа" – возникшая еще в 20-е гг. в Чикаго музыка афро-американского происхождения, которая возродилась в Великобритании после второй мировой войны как реакция на коммерческие биг-бенды, а затем всплыла на поверхность в середине 50-х гг., став непосредственным предшественником бит-музыки.

"Лондонский андеграунд" – мощное течение второй половины 60-х гг., опиравшееся на философию хиппи, музыкальные традиции фри-джаза, композиторов-авангардистов и психоделический рок с элементами английского фольклора. Здесь начинались эксперименты в рок-музыке и закладывались основы дальнейших рок-шоу.

"Классический рок" – музыка конца 60-х гг. (Великобритания), впервые соединившая в себе рок с классической музыкой. Рок-музыканты исполняли не только произведения классиков, но и создавали новые произведения "под классику" (группа "Найс"), в построении своих композиций они использовали приемы, характерные для классики, что позднее использовали и музыканты арт-рока.

"Британский фолк" имеет очень мало общего с фолк-роком американским, общая только форма. А корни у них (и соответственно музыка) совершенно разные.

"Рок Западного побережья" – понятие довольно широкое, включающее в себя практически всю музыку юго-западных штатов США, хоть и разнородную стилистически, но все же имеющую общие черты. Особенно следует выделить "Дорз" и Дженнис Джоуплин, оказавших немалое влияние на американскую музыку.

"Техно-рок" возник в конце 60-х – начале 70-х гг. Его смысл – техническое совершенство музыкантов и большая техническая оснащенность. К одной группе относятся представители арт-рока, синтезировавшие приемы построения композиций от классики, мелодику от рока и английской народной музыки и импровизацию от джаза. Арт-рок наряду с хард-роком играл доминирующую роль в рок-музыке. Другая часть техно-рока – электронный рок, шедший от композиторов-авангардистов, композиторов-классиков XX в. и джазового авангарда в сочетании с роком. Если арт-рок затух уже к середине 70-х гг., то электронный рок инспирировал очень многих молодых музыкантов, особенно в "новой волне".

"Паб-рок" – течение в Британии в середине 70-х гг., для него характерен непрофессионализм, поскольку главным для себя музыканты паб-рока считали близость к своей публике. Именно эти группы вселили уверенность в панков, вырвавшихся на подмостки клубов в 1976 г.

"Ноу-уэйв" (никакая волна) возникла в конце 70-х гг. в США как реакция на коммерциализацию панка. Музыканты ноу-уэйв предпринимали попытки соединить панк-рок с элементами фри-джаза и создать своего рода "авангардный панк".

"Новая волна" - течение очень разнородное, поэтому его можно разделить на два основных направления: пост-панки и "новые романтики". Электро-поп (он же техно-поп, синти-поп) - широкое внедрение синтезаторов в рок-музыку - породил целые легионы групп, ограничившихся синтезаторами в сочетании с все более совершенной студийной техникой.

"Рэп" - взорвавшийся в нью-йоркских дискотеках летом 1979 г. стиль, сочетающий очень ритмическую музыку с текстом, произносимым быстрым речитативом и создающим дополнительную ритмическую структуру. Оказал влияние на всю поп-музыку 80-х гг., поскольку этим приемом стали пользоваться многие музыканты других стилей.

"Госпел" - манера исполнения церковных песнопений, возникшая в середине 20-х гг. в негритянских гетто США. Именно этот стиль определил вокальную манеру большинства исполнителей 50-х гг. Одна из наиболее ярких исполнительниц "госпел" - Махалия Джексон.

"Блюз" (Джон Ли Хукер и др.) - наряду с госпел и ритм-энд-блюзом - одна из главных магистралей афро-американской музыки, ставшая фундаментом всей рок-музыки.

"Кантри" (Хэнк Уильямс и др.) - народная музыка белого населения США, уходящая корнями в традиции переселенцев южных и западных штатов и оказавшая влияние на дальнейшее развитие американской рок-музыки.

"Рок-н-ролл" (Элвис Пресли и др.) - отправная точка рок-музыки как таковой, вобравший в себя "белые" и "черные" влияния. Стиль, ставший первой формой музыки для всех.

"Черный" рок-н-ролл" (Чак Берри и др.) - разновидность рок-н-ролла, вышедшая преимущественно из "черной" музыки и исполнявшаяся негритянскими исполнителями, оказал существенное влияние на дальнейшую жизнь рока.

"Новоорлеанский рок-н-ролл" (Фэтс Домино и др.) - это форма рок-н-ролла, которая испытала на себе влияние новоорлеанского джаза. Темнокожий пианист Фэтс Домино - самый яркий представитель этого недолго существовавшего течения.

"Кумиры подростков" {teen idols} (Пол Анка и др.) - одно из первых проявлений массового успеха поп-музыки.

"Dudu" ("Дрифтерз") - ряд негритянских вокальных групп, которые пользовались успехом в середине 50-х гг. Они использовали ритм-энд-блюз, слившийся со стилем госпел.

"Рокабилли" (Джин Винсент и др.) - разновидность рок-н-ролла, появившегося в начале 50-х гг. в штате Тенесси, имитация ритм-энд-блюза белыми исполнителями кантри.

"Инструментальные группы" ("Шедоуз") - течение в Великобритании в конце 50-х - начале 60-х гг., оказавшее влияние на технику владения гитарой.

"Женские вокальные группы" ("Шенгри-Лаз") - разновидность негритянской поп-музыки, возникшая в начале 60-х гг. Группы были проводниками нескольких авторских команд, специализировавшихся на сочинении поп-хитов.

"Тамла Мотаун" (Стиви Уандер и др.) - стилистическая разновидность музыки "соул", возникшая в первой половине 60-х гг. в США и оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие негритянской музыки вплоть до конца 80-х гг.

"Спектр-саунд" ("звучание спектра") - особая форма звучания, разработанная американским продюсером Филом Спектром, который впервые начал использовать специфические звуковые возможности студий и вдохновил целое поколение профессиональных продюсеров, намного обогативших звуковой арсенал рок-музыки.

“Ритм-энд-блюз” (Рэй Чарлз и многие другие) появился еще в конце 40-х гг., являясь танцевальной и развлекательной музыкой, опиравшейся на традиции блюза.

“Соул” (Арета Франклин и др.) - термин, возникший в начале 60-х гг. и означающий популярную музыку афро-американцев. Соул во многом определил современную манеру пения негритянских исполнителей.

“Блюз-рок” (Джон Майалл и др.) - часто это направление называют британским блюзом.

“Бит” (“Битлз”) - сам бит, несмотря на популярность “Битлз” существовал недолго - до второй половины 60-х гг., оставив глубокий след в истории всего рока.

“Серф” (“Бич Бойз” и др.) - первая половина 60-х гг. в США. Базировался на гитарном звучании и вокальных гармониях, своего рода проповедник “американского образа жизни”.

“Гаражные группы” (“Сидз”) - первое проявление протеста против все более коммерциализирующегося рока, своего рода предвестник панк-рока, они выступали в небольших группах и репетировали в гаражах.

“Фолк” (Боб Дилан и др.) - возник после второй мировой войны. Течение базировалось на народной музыке и выражало настроение студенчества и молодых интеллектуалов, часто ассоциировалось с понятием “песни протеста”. Вообще-то Боб Дилан исполнял фолк 3-4 года своей карьеры, став основоположником фолк-рока. Истинные представители фолка - Пит Сигер и Вуд Гатри.

“Фолк-рок” (“Мамаз энд Папаз”) - электрический вариант фолка, слияние традиционной народной музыки с рок-музыкой.

“Кантри-рок” (“Иглз” и др.) - возник во второй половине 60-х гг. как синтез рока и музыки кантри.

Исполнители **рок-баллад** (Джеймс Тэйлор и др.) - поколение американских музыкантов, которые сами сочиняли и исполняли свои песни, тематика их приближалась к фолку, но не была столь остро социальной.

“Рок Южных штатов” (“Оллмен Бразерс Бэнд” и др.) - разновидность кантри-рока.

“Рок “назад к истокам” (Элан Стивелл и др.) - течение, популяризованное французским арфистом Э. Стивеллом, отталкивающимся от культур кельтов и бритов.

“Супергитаристы” (Джими Хендрикс и др. “короли”) - целая эпоха в истории американского и британского рока, возникшая в результате блюзового и ритм-энд-блюзового бума.

“Поп” (Сэнди Шоу и многие др.) - разновидность блюза.

“Авангардный рок” (“Велвит Андеграунд”) вобрал в себя влияние рока, джаза и так называемой “серьезной музыки”.

“Психоделический рок” (“Джеферсон Эйрплейн” и др.) - он же “эсид-рок”, то есть рок, навеянный наркотиками. Появился в Сан-Франциско в середине 60-х гг., опирался на локальную культуру хиппи, музыкально развивавших коллективные импровизации, характерные для блюза и джаза, ориентированные на “живое” восприятие музыки.

“Латино-американский рок” (“Сантана” и др.) - стиль, заложенный в конце 60-х гг. американцем мексиканского происхождения Карлосом Сантаной, который в своей группе удачно соединил мелодическую основу рока с латино-американской ритмической основой (самба, румба).

"Фьюжен" ("Майлз Дейвис" и его последователи) - джаз-рок, слияние в стилистическом синтезе джаза и рока.

"Фанк" ("Слай энд Фэмили Стоун" и др.) появился в конце 60-х гг. как направление афро-американской поп-музыки, тесно связан с социальным положением негритянского населения США, отличительная особенность - подвижные басовые линии, четкая ритмика и короткие мелодические рисунки. Одна из ярких представителей фанка - группа "Земля, ветер, огонь".

"Филадельфия-саунд" - вторая волна коммерческой разновидности соул-музыки, имевшая свое характерное звучание. Расширение арсенала ударных инструментов маримбой и вибрафоном, а также введение струнного сопровождения. Непосредственный предшественник диско.

"Диско" (Донна Саммер и др.) - чисто танцевальная музыка, предназначенная для дискотек, полученная в студиях на основе слияния "Тамла Мотуан", фанка и "Филадельфия Саунд". Вторая половина 70-х гг. стала эрой расцвета и заката диско.

"Рэггей" (Боб Марли и его последователи) - музыка, возникшая на Ямайке в середине 60-х гг. и получившая распространение во всем мире в середине 70-х гг., являла собой музыкальное выражение протеста выходцев из Ямайки, живших в гетто США и Британии. Своеобразный ритмический рисунок, оказал значительное влияние на стиль "новой волны".

"Прогрессивный рок" ("Пинк Флойд" и др.) - под прогрессивностью здесь понимается использование нетрадиционных музыкальных форм в построении композиций.

"Глэм-рок" (Дейвид Боуи, Алис Купер) - особый упор на внешний вид исполнителя, эстетическая программа полностью сводилась к уходу от реальности в мир фантазий.

"Новая волна" (Элвис Кастелло и др.) - целый поток исполнителей, заявивший о себе в 1977 г. Отличительная черта - незатейливые мелодии и нацеленность на сугубо повседневные проблемы.

АОР ("Джорни") - аббревиатура расшифровывается двояко: "рок, ориентированный на альбомы" и "рок, ориентированный на взрослых". Музыка сложна по своей структуре, требует больших форматов и подготовленного слушателя.

"Панк" ("Секс Пистолз" и др.) - музыкальный протест против официальной рок-музыки, ушедшей от суровой реальности. Выразитель разочаровавшейся молодежи. В музыкальном отношении - наиболее примитивная форма рока за все время его существования, так как внимание уделяется, прежде всего, текстам.

"Городской рок" (Брюс Спригстин и др.) - одно из течений американского рока, главная проблематика - жизнь в больших городах.

"Хард-рок" ("Лед Зеппелин" и др.) - возникший в конце 60-х гг. в Великобритании стиль, отличавшийся особой мощностью и громкостью звука с опорой на "Блюзовый квадрат", оказал непосредственное влияние на хэви-метал.

"Хэви-метал" ("Эй-Си-Ди-Си" и др.) - еще большая динамичность основы и культ грубой силы.

"Черный поп" - Майкл Джексон.

"Танцевальная музыка" - Мадонна.

"Возрождение" (Шаде) - часто это направление называют новым джазом.

"Зловещий рок" ("Сиуси Энд Бэншиз") - пост-панк течение.

"Новые романтики" ("Спандау Бэллей") - одно из ответвлений "новой волны".

Тема 8. Будущее молодежи – новые проблемы Нового времени

1. Молодежная безработица

Именно проблема “вынужденного досуга” (обратный эффект молодежной безработицы) переворачивает для многих молодых людей привычный образ жизни, вносит в молодежные культуры новые элементы, формируя новые виды активности. По сути, социология молодежи (и, прежде всего, в Англии) есть социология молодежного досуга.

Досуг – действительно наиболее легко наблюдаемая сфера молодежной активности. То, что большинство исследований, особенно сфокусированных на молодежной девиантности, затрагивают пространство “свободы”, связано именно с этой открытостью досуга, его отличием от дома (семьи) и работы, где молодежь скрыта от прямого эмпирического наблюдения.

Отсюда:

1. Досуг должен быть определен в противоположность работе, дисциплинарной занятости (в любом ее виде, будь то школьные занятия или восьмичасовой рабочий день), потому что свободное время – это время вне дисциплины. Однако обратной зависимости не существует. Не работать – вовсе не значит отдыхать или все время играть. Само понятие отдыха предполагает “отдых от чего-то, после не-отдыха”. В этом смысле для молодого безработного отдыхом может быть названа только работа, поскольку она будет сменой привычного состояния “ничего неделания”.
2. Безработица вовсе не воспринимается всеми молодыми людьми как досуг. Исследования английских социологов показывают, что даже когда молодые люди находятся в группе тех, кто, как и они, не работают, для каждого из них его собственное состояние – это индивидуальная проблема.

В послевоенные годы во время бурного развития молодежных субкультур многие подростки рано устраивались на работу (начиная с 15 лет) и в силу этого имели свободные деньги для проведения досуга и удовлетворения своих потребностей. В 80-х – начале 90-х гг. большая часть молодежи оканчивает школу уже в 16 лет, многие достаточно долгий период не работают совсем или работают частично: многочисленные социальные программы, поддерживающие их маргинальное существование, позволяют им это. Таким образом, они все-таки получают некоторую, хотя и относительную степень независимости от родителей.

В 60-е гг. в Англии было проведено много социологических исследований, посвященных проблемам “перехода из школы на работу”. Уже тогда ученые были озабочены тем, как много времени занимает у выпускников обоих полов процесс остепенения, адаптации на рабочем месте, как правило, на это уходило два года непрерывного труда. Для того, чтобы стать рабочим, необходим период серьезного жизненного эксперимента уже на самом рабочем месте.

На фоне происходящих процессов “усреднения мастерства”, снижения требований для традиционных ремесел и умений, росла и продолжает расти потребность в рабочих, на которых можно “положиться”, которые способны психологически и профессионально адаптироваться к работе с дорогой техникой, например, компьютерами. Причем работодатели стремятся получить именно постоянных, ответственных, быстро адаптирующихся к новым условиям

рабочих, которые не требуют никакого дополнительного обучения. Это создает еще один мощный барьер, прежде всего, для девушек, которые проигрывают в этом соревновании за работу возвращающимся из декретного отпуска женщинам.

Вместе с ростом безработицы происходит реорганизация перехода от школы к работе. Новая ситуация приводит к тому, что процесс ученичества затягивается (часто путем включения молодых людей после окончания школы в различные социальные программы), переход во взрослый статус в один момент (вчера школьник - сегодня рабочий человек) становится невозможным. Получение взрослого статуса откладывается на неопределенный срок. В результате еще более усложняется дифференциация между взрослыми и молодыми рабочими: если представить, что рабочими будут становиться только выпускники школ, очевидно, что их неопытность сделает процесс производства менее продуктивным и более тревожным; однако эти издержки имеют для работодателя свои положительные стороны: молодым рабочим можно платить меньше.

Оставаясь практически в качестве учеников, молодые люди имеют очень низкий социальный статус, они исключены из профсоюзов, из участия в коллективных торговых сделках, находясь в зависимости от почти школьной дисциплины и контроля, от услуг молодежного сервиса и развитости системы социальной работы. Эти проблемы способны спровоцировать не только конфликт внутри рабочего сообщества, но и внутри общества в целом. Такое инфантильное молодое поколение способно вызвать не одну моральную панику по поводу будущего развития общества и его культуры.

Одним из последствий безработицы является, таким образом, все большая ориентация государственной политики на придание выпускникам школ статуса дешевых и зависимых рабочих, четко отделенных и от взрослых рабочих, и от своих ровесников, ориентированных на высшее образование.

2. Смысл изменений социального опыта молодежи

Рост молодежной безработицы, с одной стороны, расширяет существующий разрыв между коммерческим имиджем "молодости" и каждодневным социальным опытом подростков, лишенных необходимых социальных и культурных ресурсов.

Всегда существовали достаточно большие группы молодежи из рабочего класса (или сельской молодежи), для которых рекламируемые прелести тинэйджерской потребительской культуры были просто не доступны. Они не имели ни материальных, ни культурных ресурсов для "успеха" среди своих сверстников, поскольку не могли соответствовать необходимому внешнему имиджу и поддерживать соответствующие виды групповой активности. Они занимали (и занимают) маргинальную позицию как в школе (несоответствие стандартам успешности), так и в семье, поскольку родители не видят в них потенциальных возможностей будущего прорыва в другой социальный статус. В подобной ситуации их "деликвентное решение" остается, действительно, единственно возможным способом завоевания престижа и формирования чувства собственного достоинства.

Публичное беспокойство о молодежной безработице нашло выражение в многочисленных программах английского правительства, которые изменили отчасти и образы "молодости" в масс-медиа. Помимо существовавшего противоречивого отношения к молодежи как *идеалу* и молодежи как *угрозе*, формируется новый образ: молодежь как *жертва*.

Интересно наблюдать, как в обращениях к молодежной аудитории, в новых молодежных программах на телевидении начинают появляться подходы, пытающиеся объединить в себе "фан"-

забавные и занимательные истории, поп-музыку, диско-программы и демонстрацию мод с серьезными размышлениями о трудностях при получении работы и приобретении собственного капитала (например, дома), продвижения по службе, вероятности самостоятельной карьеры. В отличие от политических выступлений конца 60-х гг., "бунты" 1981 г. (марши протеста безработной молодежи через всю Англию) были проинтерпретированы в масс-медиа не только как экстремистские формы деликвентного поведения, но и как "понимаемый и разделяемый всеми" ответ молодежи на экономическую и социальную ситуацию. Взрослые, конечно, продолжали завидовать молодости, но и начинали испытывать по отношению к молодежи чувство жалости.

3. Конец молодежной культуры?

Понятие "молодежной культуры" всегда имело более широкую функцию в обществе, чем просто термин социологического описания. Оно в определенном смысле действовало как форма публичной фантазии, модель сферы досуга для любого, кто желал *хорошо проводить свободное время, чувствуя себя молодым и свободным*.

Понятие молодежной культуры своими корнями уходит в 20-е гг., когда мир молодежи среднего класса – мир девушек и юношей (подростков) в атмосфере джаза и танцев – начинал позиционироваться и утверждаться как обычный образ молодости, который постепенно становился стереотипом и масс-медиа клише. Молодежные интересы в моде, в ритуалах ухаживания, в практике свиданий, постоянное стремление молодых людей к использованию и сотворению новых стилей, подростковые дружба и любовь – все это становится популярными темами и для масс-медиа, и для развивающейся сети молодежного потребительского рынка. Рекламщики повсеместно начинают использовать молодежные имиджи чувственности, сексуальности, утонченности и беззаботности для того, чтобы продавать товары, в реальности ничего общего с молодежной культурой не имеющие. Так, например, при помощи образа молодости позиционируется на рынке практически вся женская косметика по уходу за кожей лица. "Именно наш крем сделает вас моложе, чем сама молодость!"

Молодежная культура всегда была и остается не чем-то отдельным, отграниченным, а частью, аспектом более общей потребительской культуры, в которой люди постоянно поощряются и провоцируются к покупкам, которые содержат в себе "пилюлю" молодости, ожидая, что обладание именно этими товарами или услугами поможет им сохранить (продлить, вернуть) молодость. Люди в своей повседневной жизни вовсе не испытывают постоянных потребностей в покупке модной одежды или мебели, в том, чтобы постоянно экспериментировать с новыми диетическими продуктами, в приобретении все новых и новых косметических и парфюмерных серий, в том, чтобы как молодые люди постоянно пить коктейль или кока-колу, курить новые сигареты, краситься, отдавать предпочтение одной марке машины перед другой. Подобная потребительская активность – покупка самых разных аксессуаров такого рода "роскоши" (роскоши в смысле избыточности по отношению к реальным потребностям) – рассматривается рекламщиками как изначально иррациональная, основанная на фантазии. Но именно подобная "иррациональность" взрослого удовольствия и продается лучше всего в одной "упаковке" с молодостью, ассоциирующейся со спонтанностью и постоянным fun-ом: "Доставь себе удовольствие, купи себе немножко молодости!"

Что же происходит с подобными рекламными образами, когда значение молодежи как социальной категории перемещается из пространства безответственности, безрассудности и свободного выбора в пространство бесполезности существования и постоянного ощущения

принуждения, когда молодежь начинает широко восприниматься не как потребительская группа, вызывающая зависть, а как волнующая трудовая проблема, провоцирующая жалость?

Вряд ли вообще возможно ответить на этот вопрос. Не только потому, что и сегодня коммерческий имидж молодежи продолжает демонстрировать себя в журналах, на рекламных щитах и в видеоклипах, эксплуатируясь еще более тонко, художественно изощренно и достаточно эффективно. Но и потому, что в современном глобальном социокультурном пространстве, характеризуемом процессами глобализации (если его рассматривать в постмодернистской перспективе), проблема возрастных переходов выглядит еще более запутанной. Смена имиджей, стилей, модных ориентаций, замешанных на теме молодости, происходит невероятно стремительно, причем в самых разных направлениях, формируя новые модели отношения к ним. Довольно часто, поэтому сами взрослые, занимающиеся подростковой индустрией (поп-культурой, модой и молодежным бизнесом), говорят о “конце века подростков” или “смерти молодежи”. Однако это не означает, что модная коммерческая (в том числе, и рекламная) индустрия перестает черпать из идеи молодости новые силы для развития своих товаров и услуг, формируя иррациональные потребности, усложняя виды и формы потребительской активности на рынке. Идея молодости в современном мире уже не является столь очевидно и однозначно прикрепленной к некоей возрастной группе, становясь чертой, акцентом, фокусом мировой культуры в целом.

В то же время, пока существует молодежь как специфически социальная категория, она, конечно же, будет формировать (в соответствии со своими классовыми, гендерными и этническими позициями) “молодежную культуру” как способ понимания собственных жизненных ситуаций. “Лишайся” социального приоритета в единоличном обладании идеей молодости, молодежь, тем не менее, не лишается и, конечно же, не лишится качества перехода от одной социальной позиции к другой. “Век подростков” дал невероятно сильный толчок развитию всей современной индустрии моды, которая уже сама начинает во многом определять и формировать новые векторы в молодежной культуре. Выделить некие субкультуры в этой ситуации становится все более и более сложно, а определить субъектов воздействия практически невозможно. Помимо дорогих бутиков, продающих новейшие модели одежды, навешенные субкультурными стилями, все больше распространяются и маленькие дешевые магазинчики, продающие не массовые, а достаточно индивидуальные “серии” одежды. Кроме того, магазины начинают все больше “выходить” на улицы, за пределы избранного пространства, упрощая и демократизируя процесс общения покупателей и продавцов. Всячески поощряются и уличные рынки более дешевой, но достаточно качественной продукции. Все большую и большую популярность завоевывают среди молодежи шоппинг-центры с их “необязательностью” традиционного покупательского поведения. Таким образом, пространство “вынужденного” досуга молодежи заполняется различными “культурными” выборами. Благодаря существующим социальным программам поддержки безработных эта индустрия приносит ее взрослым организаторам и идеологам очень большие доходы.

4. Финальные вопросы

В Англии большая часть работ по социологии молодежи была написана в 50–60-е гг. людьми, которые выросли на рок-н-ролле и имели свои представления о тинейджерской жизни. Сейчас те, кто изображался как деликвентные или богатые подростки, сами стали родителями, которые не очень-то способны помочь своим детям справиться с подростковыми проблемами.

И теперь уже на основе этих новых родительских сомнений и тревог социологи могут учиться новым реалиям молодежной (или постмолодежной) культуры.

Рост безработицы, конечно же, ведет к росту деликвентной и субкультурной активности. Несмотря на то, что современная молодежная индустрия довольно успешно заполняет социальное пространство взросления своими “предложениями”, у молодежи остается не просто достаточно “свободного” времени, с ними остаются их нерешенные проблемы: ограниченный, подчас маргинальный социальный статус, недостаток материальных, культурных и образовательных ресурсов. Однако формы этой “новой” девиантности, деликвентности и субкультурности наверняка будут отличаться от ставших уже традиционными представлений об уличных группировках, хрестоматийных панках, хиппи, скинхедах и т.п. Так, например, существующая полулегально криминальная субкультура “новых русских” может быть понята и проинтерпретирована только в терминах новой российской реальности, субкультуры рейверов или становящейся модной клубной субкультуры. Понятие лишь по видимости близкое к контексту наших молодежных клубов: речь идет о субкультуре “места”, например, конкретного паба, кафе, курорта и т.д., только в пространстве невероятно сложной музыкальной “mix”-культуры и идеологии “new ages”.

Все труднее и труднее становится обнаружить в современных молодежных культурах классовые признаки: перемешиваются не только стили, перемешиваются социальные группы. Современные рабочие все больше приближаются по своему статусу к безработным студентам и т.д.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Проблема молодежной безработицы. Свободный и “вынужденный” досуг.
2. Традиционный и новый (коммерческий) имидж молодости. Специфика современной рекламной индустрии.
3. Изменение контекста понятия “молодежная культура”.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. Новые молодежные субкультуры.
2. Специфика современного потребительского поведения молодежи на Западе и в России.
3. Новые культурные пространства современной молодежи: гендерный аспект.

Задания для наблюдения или мини-исследований:

- Проведите серию интервью (3-5) с молодыми безработными. Попытайтесь определить векторы изменения их жизненных сценариев.
- Проведите контент-анализ ТВ рекламной кампании (например, Стиморол, Ментон, Пленитюд). С помощью, каких символов позиционируется в них идея молодости.

Тема 9. Глобализация и молодежная культура

В наибольшей степени идеи глобализации культуры связаны с двумя противоположно истолкованными современными культурными процессами:

1. С одной стороны, с постмодернистской концепцией современного мира, для которого характерны процессы демократизации культуры через компьютеризацию, фанзины, самостоятельную печать, новые музыкальные формы со все большим включением в музыкальное творчество самих слушателей. Все более и более свободным становится доступ к средствам производства культурных ценностей.
2. С другой стороны, с идеей о том, что глобализация культуры - это своеобразная форма культурного империализма Запада, который "душит" или искажает нормальные, естественные, здоровые культурные традиции в других странах.

Для того, чтобы попытаться разобраться в этом противоречии, следует разграничить понятия: с одной стороны, дискурс, который формирует наши представления о молодежной культуре, и, с другой, сами по себе молодежные культурные формы.

1. Современный дискурс о молодежи в Англии

В одной из российских телепередач недавно прозвучала мысль о том, что "молодежный досуг и преступность несовершеннолетних - это две стороны одной медали". И в России, и на Западе существует двусторонний дискурс, который Дик Хебдидж именует дилеммой "Youth as trouble vs Youth as fun".

Возобновление в 90-е гг. моральной паники по поводу роста молодежной преступности

Взрыв новой моральной паники произошел после смерти двухлетнего мальчика в феврале 1993 г. Убийцами оказались два мальчика (10 и 11 лет), которых поймали только благодаря тому, что их снимали на видеокамеру, когда они украли мальчика из продовольственного магазина (shopping centre) в маленьком городке недалеко от Ливерпуля. Малыша избили, а потом оставили полумертвым на железной дороге. Преступление было ужасным, мотивы его были непонятны. Это преступление превратилось в Англии в символ общего страха перед будущим, потому что если десятилетние дети готовы на такие поступки, то что же можно говорить о нравственных ценностях этой страны вообще? Само место преступления приоткрыло и другую проблему: мальчика увели из торгового центра - места, ставшего самым обычным местом для тусовок "нормальных" подростков после школы или во время прогулов. Вывод был сформулирован незамедлительно: для современных подростков важны лишь потребительские ценности, поэтому они и смогли так бесчеловечно поступить. Газеты выразили эту идею заголовком: "Среди нас живут не дети, а монстры".

После этого СМИ еще больше внимания стали уделять молодежной преступности - молодым вора, с самого раннего возраста поставленным на учет в милиции и уже имеющим стаж до сотни совершенных ими преступлений. Часто эти дети уже к 12 годам прекрасно знают вкус наркотиков.

Их преступления - воровство - вряд ли можно было бы назвать фактом, или иррациональным поведением (как это интерпретировалось в классических исследованиях деликвентности подростков в 50-60-е гг.), поскольку они самым прямым образом были связаны с необходимостью добывания денег. В Манчестере участие совсем маленьких детей в группировках и торговле наркотиками было воспринято как совершенно новое для Англии явление.

Однако на этом "черном" фоне молодежной преступности можно отметить появление и других не менее значимых явлений. С 1995-96 гг. в Англии развернулась мощная рекламная кампания (социальная реклама) программы "Cry for children". На улицах, в метро, на стоянках автобусов - кругом стали появляться огромные рекламные щиты. Попробуем описать некоторые из них:

1. Сидит девочка (13-14 лет) на самом краю кровати. Она - беременна. Надпись: "У нас с тобой один папа". Реклама направлена против сексуального насилия в семье. На щите помещены отрывки из рассказа девочки о случившемся. И обращение, как к взрослым, так и к подросткам, чтобы они звонили, если над ними (или над детьми их соседей) кто-то издевается.
2. Во всю длину большого рекламного щита изображена тыльная сторона руки ребенка. На ней - глубокие шрамы от пореза вен. Надпись: "У меня есть свое мнение, у меня есть бритва, чтобы доказать это".
3. Во весь щит - лицо девочки (латино-американского, еврейского или арабского происхождения). Лицо, особенно глаза, в огромных синяках и кровоподтеках. Надпись: "У меня глаза такие же, как у моей мамы". Рассказ посвящен отношению к ней мамы, которой дочь мешает устраивать новую личную жизнь.

Эти примеры свидетельствуют о том, что общество начинает поворачиваться к не менее актуальной проблеме насилия над детьми и преступлений против маленьких людей, положение которых в современном обществе остается бесправным.

Сюда же можно отнести новые моральные паники по поводу проституции малолетних, детской порнографии, которые стали особенно быстро распространяться через системы сети Интернет, по поводу сексуальных насилий над детьми, особенно внутри семьи.

Как это ни парадоксально звучит, но Запад давно находится в ситуации глубокой экономической "депрессии". Поэтому в школах 90-х гг. школьников подготавливают не только к будущей работе, но и к правильному досугу, который может стать для многих выпускников единственной формой "занятости".

Этот досуг оказывается принудительным. Даже молодые люди с высшим образованием далеко не все способны найти себе работу по специальности.

Сама молодежь позиционируется обществом в потребительских формах, а потом это же общество обвиняет молодежь в чрезмерном потребительстве и его последствиях.

2. Молодежный дискурс в России

На первый взгляд, между дискурсом молодежи на Западе и в России, несмотря на все различия, существует много схожего.

В России, например, был период сильной моральной паники по поводу "люберализации" страны. Люберцы - это подмосковный город, молодежные группировки, из которого наводили в самом начале перестройки ужас не только на взрослых, но и на другие молодежные группы своими агрессивными вылазками на Арбат и "чистой" молодежи от всяких вредных элементов. Вредность и опасность молодежного потребительства - тоже не новая тема для России.

Усиленная идеологическими моментами эта паника порой переходила всякие границы. Интересные метаморфозы происходили и в дискурсах по отношению к джазу, музыке, олицетворявшей прямую западную диверсию.

Детская преступность. Общая тема дискурса - осуждение роли СМИ, особенно записей на видеокассетах, поощряющих детей к актам насилия, а также недостатки воспитания детей со стороны родителей и неэффективность законодательной базы. Тем не менее, акценты внутри этих общих тем разные.

Хотя и в России обсуждается проблема влияния видеофильмов, она не вызывает таких горячих дискуссий, как в Англии. В Англии уже проведено достаточно много исследований, определяющих, насколько молодые преступники действовали под влиянием моделей поведения, виденных ими в фильмах. Несколько фильмов ужасов было запрещено именно после специальных судебных процессов, в которых было практически доказано, что дети буквально подражали тому, что они видели.

Проблема бездомных детей становится невероятно актуальной именно в сегодняшней России, поскольку стремительное расслоение населения привело к появлению очень бедных и люмпенских групп. Однако в России, в отличие от Англии, существует своеобразный дискурс, который обвиняет в этом, прежде всего, родителей, рассматривая детей как жертвы родительского насилия.

Одна из проблем в России - что делать с молодыми преступниками, которые не достигли возраста криминальной ответственности. Лидеры группировок, например, часто используют именно несовершеннолетних для той или иной деятельности, зная, что те не подлежат уголовной ответственности, следовательно, им не грозит тюрьма. В Англии же речь идет о другом - о необходимости ужесточения наказания, поскольку сейчас молодые люди, как правило, осуждаются на принудительную отработку определенного срока на общественной службе или получают просто условное предупреждение. Та часть взрослых (не только ученых, но и политиков, и представителей общественности), которые выступают за более жесткий режим, обвиняют в первую очередь "левых" шестидесятников за их слишком гуманный подход, который привел к тому, что у молодежи притупилось чувство страха перед полицией. Те же, кто против этого, ссылаются на подобный опыт во времена М. Тэтчер, когда был реализован так называемый "резкий удар", который означал введение очень жесткого режима в специальных колониях для молодежи, однако преступность среди совершеннолетних от этого отнюдь не снизилась. И если в Англии детская преступность связывается, прежде всего, с "издержками" общества, то в России она рассматривается, прежде всего, как символ утраты общественного порядка и контроля.

Молодежные культуры в 90-е гг.

Молодежные культуры 90-х гг., с одной стороны, отражают ценности и иерархии мира в целом, а, с другой стороны, в них проявляется стремление к эпатажу, к подрыву существующего общепринятого порядка. В 90-х гг. еще более очевидным стало то, что формальный и неформальный мир, молодежный и взрослый мир, господствующая культура, субкультура и контркультуры - не противоположные, противоречащие друг другу, а пересекающиеся сферы. Через участие в молодежных культурах и специфических видах деятельности молодые люди одновременно и воспроизводят существующие социальные и культурные отношения, и вносят в них значительные изменения.

3. "Рейв" и потребительское общество

Молодежные культуры начала 90-х гг. часто связывают в Англии с культурой "рейв". "Рейв" – это вечеринки, которые проходят в клубах или в любых других, самых неожиданных, но, как правило, заранее объявленных местах (на больших складах, на бывших курортах, в больших заброшенных зданиях), куда съезжаются молодые люди. Тех, кто постоянно посещает "рейвы", зовут рейверсы. Танцуют рейверсы эксталично (восторженно), достижению нужного кайфа способствует употребление ими различных наркотических смесей. Самая известная смесь, ставшая чуть ли не синонимом "рейва", – это экстази. В каком-то смысле культура "рейва" подрывает агрессивные ценности современного постиндустриального мира. Рейверсы восприняли многое от символики хиппи: "цветы мира", длинные волосы, подчеркнуто простая одежда, сшитая из натуральных тканей и произведенная в странах третьего мира. Мальчики (подростки)-рейверсы не агрессивны ни в прямом, ни в сексуальном смысле. Поэтому часто говорят о "рейв" как о первой постспидовской молодежной культуре. Если сравнивать ее, например, с культурой рок-н-ролла, где секс был так же важен, как наркотики и сам рок-н-ролл, то в рейве достижение состояния восторженного танца заменяет им случайную сексуальную активность. В этом смысле очень показательна распространенная среди девушек, рейверсная мода – они носят соски, которые подчеркивают имидж детской наивности. Существуют и определенные проблемы с рейверсами: их тусовки часто признаются нелегальными, потому что у них нет разрешений на массовое мероприятие, многие из них употребляют наркотики, все они ведут необычную ночную жизнь. В этом смысле движение "рейв" можно считать суб- или контркультурным.

Среди сегодняшней молодежи есть и свои "моды". Новые "моды" также склонны к вегетарианству, участию в движениях разоружения, защиты животных и других движениях против насилия и несправедливости. Новые "моды" могут и не уходить из "нормального" мира, а участвовать в различных организациях альтернативного типа, не вступая при этом в противоречие со своими ценностями. Хотя рейвы и выступают против определенных ценностей общества, тем не менее, они не живут какой-то отдельной жизнью, и в этом смысле отчасти воспроизводят именно те ценности, против которых они выступают. Например, "рейв" быстро стал источником большого бизнеса, и когда это стало массовым явлением, сразу возникли и иерархии: появились эксклюзивные места, куда стали пускать только "своих", посвященных.

4. Некоторые методологические акценты в исследовании молодежных культур 90-х гг.

Анализ измененной молодежной реальности 90-х гг. еще раз подтверждает мысль о том, что нужно стремиться к отходу от классовых моделей суб- и контркультуры. Сводить молодежные культуры к группам потребителей, слепо подражающим последним веяниям моды, также было бы неверно, однако, и не стоит всегда стремиться к тому, чтобы пытаться разглядеть в молодежном потребительстве некое подпольное (замысловато-символическое) сопротивление взрослому миру. Молодежные культуры являются пространством, где молодым людям "разрешено" выражать себя иначе, чем в обычных сферах. Это пространство, где им "дозволено" поиграть с иерархией взрослого мира, одновременно оставаясь частью этого внешнего мира, и, следовательно, разделять его нормы и ценности. Самое интересное в

социологическом анализе - это как раз исследование этих пересечений, этих перебежек за границы "дозволенного" пространства.

Следует стремиться и ориентироваться в исследованиях на изучение различных форм культурных активностей современной молодежи. Особенное внимание следует уделять новым формам телесного ухода и наслаждения как своеобразной молодежной политики (для себя). Это проявляется и в распространении употребления наркотиков, которые являются по существу своеобразным способом экспериментирования, манипуляции со своей телесностью и чувственностью, игрой со своей гендерной идентификацией, на фоне довольно симптоматично развернувшейся дискуссии о том, является ли марихуана наркотиком. Это находит выражение и в различных формах телесной политики типа скинхедов или гопников - речь идет об экспериментах со своей внешностью не через одежду, а через тело: бритье головы, татуировки, нанесение шрамов.

Необходимо перенести акцент с изучения процессов глобализации форм молодежной культуры (особенно того, что передается через СМИ), с центральных пространств молодежной активности (Запад, Америка, столицы) на регионально-специфичные формы молодежной культуры.

Необычайно интересным представляется также анализ новейших форм гендерных экспериментов, характерных не только для молодежных субкультур, но и для подхватившей эти идеи модной молодежной индустрии. Речь идет о все большей популярности идеи "унисекса", ставшей основной темой рекламы продукции фирмы Calvin Clain. Идея унисекса обыгрывается как "спрятанный", загадочный гендер: одинаковая одежда, одинаковые аксессуары, одинаковая косметика и парфюмерия, одинаковые прически. Однако при этом удивительным образом стилистам удается сохранить присутствие в мужчине - мужественности, а в женщине - женственности, проявляющихся лишь через пластику и мимику.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Современный контекст понятия "глобализация культуры".
2. Сравнение дискурсов о современной английской и российской молодежи.
3. Специфика современной молодежной гендерной идентификации.

Примерные темы для написания рефератов (эссе) по теме лекции:

1. Глобализация культуры и новое информационное мировое пространство.
2. Новые формы молодежных солидарностей - компьютерные сообщества.
3. Образы Запада в сознании российской молодежи.

Задание для наблюдения или мини-исследования:

- проанализируйте рекламную кампанию (российскую или западную, адаптированную к российскому ТВ) с точки зрения демонстрирования гендерных стереотипов.

Тема 10. Молодежь, гендерные стереотипы и насилие в современном мире

Кристина Гриффин в своей книге “Репрезентация молодежи” приводит несколько ответов студентов-выпускниц Бирмингемского университета на вопрос, что для них значит быть молодыми (речь идет о начале 90-х гг.).

“Я не могу больше ждать, когда стану старше 20 лет...”

“В день, когда мне исполнится 21, я погружусь в зимнюю спячку...”

“Слишком много давления оттого, что растешь так быстро, так сильно давление экзаменов и карьеры, так легко впасть в депрессию, особенно от отношений взрослых к молодым людям, что, если бы было возможно уйти от этого и наслаждаться, как хочешь, сама по себе, это было бы просто прекрасно...”

Почему Гриффин ссылается на ответы именно девушек, а не юношей? Это не случайность, поскольку давление со стороны общества на молодых женщин всегда сильнее специфических ожиданий по отношению к ним намного больше, чем к растущим мальчикам, хотя и тем, и другим расти в равной степени непросто.

В данном разделе речь пойдет не об открытых формах насилия, подавления и агрессии, а о тех завуалированных проявлениях насилия и сегрегации, которые существуют в повседневной жизни.

Символическое насилие может проявляться по-разному: как скрытое и неявное, транслируемое через мифы и стереотипы. В определенном смысле к символическому может быть отнесено и непрямое насилие, например, насилие посредством слова, насилие над идеальными выборами или ценностными предпочтениями.

Мир жесток хотя бы потому, что “ввел” насилие, убийства в частный мир, личное пространство каждого человека и особенно - подростка. Медиа привнесли драки и кровь в каждую детскую спальню. Современный человек (подросток) совершенно спокойно сосуществует рядом с ними в одном пространстве, не испытывая от этого особого дискомфорта. Расти в одной спальне “с убийцами и насильниками” намного сложнее, чем расти в атмосфере размеренной повседневности, в окружении заботливых родителей, в доме, в который приходят лишь те гости (как живые, так и вымышленные), которых ждали и приглашали хозяева.

Жесток ли современный мир?

Этот вопрос выглядит сегодня общим местом. В своей риторичности он банален. Мир жесток! Об этом постоянно говорят “моральные антрепренеры” в масс-медиа, эти слова как клише используют политики, ссылаются на этот расхожий аргумент люди искусства. Однако, как правило, акцент в их анализе делается на открытых, явных формах подавления и эксплуатации. Такое же отношение воспроизводится, когда говорят о насилии мужчин по отношению к женщинам - речь, как правило, идет (если вообще идет) об открытых формах насилия. Мы уже ссылались на ряд концепций, в которых довольно часто женщина (девушка) воспринимается как “активная жертва”.

Подростки, молодежь – это не только субъекты насилия, как это часто описывается в криминалистических дискурсах социологов и психологов. Не в меньшей степени современная молодежь и подростки являются объектом насилия, где субъектом насилия выступают

государство (политическая воля), социальные институты (прежде всего, система образования), новейшие формы культуры, масс-медиа и реклама. Испытывает молодежь определенное давление и со стороны усложняющегося противоречия между семейными патриархальными отношениями и сознанием молодых людей эпохи поздней современности.

При рассмотрении этой проблемы мы использовали как работы современных западных (прежде всего, английских социологов), так и результаты исследований, проведенных НИЦ "Регион" (Ульяновский госуниверситет) в течение 1995-97 гг.

1. Современное гендерное пространство взросления

Молодежь, переживая переход от детства к взрослости, осваивает целый ряд необходимых социальных позиций. То, что мальчики и девочки растут по-разному, кажется очевидным, однако далеко не столь очевидным это было для социологов, изучавших молодежные проблемы. Нужно было пройти через достаточно долгий период жесткой феминистской критики существующих субкультурных и девиантных парадигм в социологии молодежи для того, чтобы девочки действительно начали включаться в контекст социоанализа, причем не просто как некая тень или повторение мужских культурных моделей поведения, а как самостоятельный объект исследования.

1.1. Амбивалентное отношение взрослых к молодости и основные барьеры взросления

Процесс взросления и роста у современных девушек протекает намного сложнее, чем у юношей. Мы уже останавливались на проблеме амбивалентного отношения взрослых к периоду молодости и к растущей молодежи. С одной стороны, взрослые довольно терпимы по отношению к своим детям, с другой стороны, они чаще совершенно не терпимы к чужим детям.

Если бы взрослый мир, мужской и женский, был более определенным в своем отношении к девочкам, к тому, какими на самом деле он хочет их видеть, какими они, по его мнению, должны быть, им было бы, намного легче расти.

Однако, взрослые не упрощают, а усложняют эти барьеры.

Барьер 1. Биологический: анатомия девочки - ее судьба?

"Я не была девиантной девочкой, я любила музыку, любила танцевать и подвергалась, может быть, самому тяжелому подавлению со стороны родителей именно за то, что я читаю. Я воспитывалась в патриархальной семье. Меня воспитывали так, что я должна уметь мыть пол, посуду, а я любила читать книги..." (из интервью).

До сих пор существует устойчивый стереотип описания различий в генетических предрасположенностях мальчиков и девочек. Мальчики "по природе своей" должны быть более агрессивны, поскольку они отвоевывают новое пространство, именно они, прежде всего, формируют новые нормы, разрушая прежние. Девочки "по своей природе" испытывают потребность в воспроизводстве существующих патриархальных ролей, должны сохранять и обустройства те нормы, которые открывают и формируют мужчины.

Если девочка агрессивна и жестока, то, прежде всего, она жестока и агрессивна в "проблемной" сексуальности. Этот преобладающий сексуальный акцент в описании женской агрессивности связан как со стереотипами патриархальных властных отношений, так и с дискурсом биологического детерминизма. Девочки всегда совершают в этом контексте двойное

нарушение: по отношению к общепринятым нормам вообще (как и мальчики) и по отношению к распределению половых ролей (к мужчинам и мальчикам, в том числе), поэтому их сексуальная агрессивность ("реальная", а чаще всего потенциальная) вызывает большее общественное порицание. Подобное отношение к девочке формируется, конечно же, из общественного отношения к женщине в целом. Можно сослаться здесь на существующие культурные стереотипы, берущие свое начало еще из христианства. "Кого выбирает Бог?" Бог выбирает мужчину, а женщину оставляет Дьяволу. В культурной традиции христианства все греховное, дьявольское связывается, как правило, с женским присутствием и с искушением мужчины женщиной.

Барьер 2. Социальные институты.

Социальные институты "заботятся" о социальной организации взросления девочек, о правильности их вхождения в социум, о том, чтобы они заняли традиционные женские позиции. Каковы же эти позиции?

С точки зрения доминирующей в общественном мнении культурной идеи (не только в России, но и на Западе), девочка растет, чтобы выйти замуж. Существуют, конечно, различия в понимании путей, сроков, традиционных ритуалов. В Англии, например, это более гибкое и толерантное отношение, в России эти социальные ожидания взрослых проявляются жестче, вся школьная организация направлена на то, чтобы правильно подготовить девочку к замужеству. Поп-культура, масс-медиа организуют вокруг этой подготовки целый процесс, рассказывая невероятно трогательные романтические истории, раскрашивая этот период в самые привлекательные краски. Вокруг "подготовки к замужеству" формируется целая потребительски ориентированная индустрия. Эта атмосфера существует на фоне взрослой амбивалентности по отношению к молодежи.

Взрослые всегда испытывали по отношению к молодежи противоречивые чувства. Во-первых, страх, поскольку молодость всегда несла в себе потенцию изменения. Во все времена взрослые видели в молодежи предвестников жестоких изменений того, что уже устоялось. С другой стороны, молодость, молодежь вызывает у взрослых невероятную зависть. Потому что молодость – это не просто возраст, это еще и символ здоровья, чистоты, надежд. Этот символ успешно эксплуатируется в современных масс-медиа и, разумеется, в рекламе, которая вся построена на символе молодости.

Между этими двумя полюсами – завистью и страхом, надеждой и отчаянием – растут реальные молодые люди, формируются их ценности и интересы. Взрослые окружают процессы взросления постоянными моральными паниками. Моральные паники и на Западе, и в России по разным поводам возникают с определенной периодичностью. Так, например, хорошо исследована в Англии паника "брошенного дома". В результате процессов индустриализации женщины начали активно включаться в процесс производства, дети оказались без необходимого присмотра матерей – возникла целая паника относительно того, кто же вырастет из этих брошенных детей. Другой пример – моральные паники вокруг молодых (черных) девушек: они стали новой мишенью для обсуждения проблем женских сексуальных отклонений.

Барьер 3. Семья.

Семья – это самое близкое сообщество, которое характеризуется атмосферой постоянного воспроизводства устойчивых патриархальных принципов распределения внутрисемейных ролей между мужчиной и женщиной, между мужем и женой. В качестве занимательной иллюстрации сошлемся на один пример – рекламный клип, который демонстрировался в разных вариантах в Англии и в России.

- Эпизод 1. Действие разворачивается в аптеке. Входит некто, скорее, юноша (судя по одежде) и что-то просит у аптекаря. Через мгновение становится ясно, что он покупает презервативы. Очередь (общественность) достаточно негативно на это реагирует (он покупает целую пачку презервативов!). Аптекарь понимающе улыбается, с удовольствием отпуская парню эту "порцию". Одобряя его поведение, и как эксперт, профессионально разбирающийся в этом взрослый: "Это абсолютно нормально и даже более того!", и как мужчина, демонстрируя свою мужскую солидарность.
- Эпизод 2. Этот же парень подъезжает к дому, стучится в дверь, ему открывает девочка (девушка), радостно ему улыбается и убегают переодеваться, – по всей видимости, они собираются отправиться куда-то вместе. В это время отец, сидящий в холле и читавший до этого момента газету, поднимает голову, и мы видим, что это тот самый аптекарь, продававший юноше презервативы.

Налицо новое столкновение взрослого мужчины и подростка. Отец – это уже не тот взрослый аптекарь. Теперь он реагирует по-другому. Салидарность и одобрение сменяются ревностью и тревогой: ведь теперь речь идет не о какой-то абстрактной девочке и не об абстрактных сексуальных отношениях, а о его собственной дочери.

Этот рекламный клип – очень точная и яркая иллюстрация амбивалентной природы взрослых (родителей). Одно дело – говорить о детях вообще: здесь используются одни мерки, взрослые здесь более толерантны, более просвещенны и понятливы. Когда же речь идет о собственных детях, взрослые занимают совершенно другую позицию, они уже не так открыты новому.

В Англии идет и "вторая серия" этого клипа, которую в России не показывают. Видимо, те, кто консультирует западные рекламные агентства, проанализировав нашу реальность, решили, что в России толерантность еще не достигла того уровня, чтобы адекватно понять смысл клипа.

Место действия то же. В аптеку заходит некто, сначала неясно, юноша это или девушка. Сначала мы не видим лиц, камера снимает все со спины: джинсы на подтяжках, рубашка с закатанными рукавами, ботинки на толстой, тяжелой подошве, короткая стрижка. Одним словом, унисекс – столь модный сегодня на Западе образ. Когда камера разворачивается, мы обнаруживаем, что это девушка.

Аптекарь уже не столь радостно, но все-таки с пониманием (роль профессионала-эксперта к этому обязывает) продает ей целый кулек презервативов. Очередь же реагирует совершенно по-другому: "Настороженно и неодобрительно по отношению к девочке, которая сама покупает целый пакет презервативов. Она выходит на улицу, заводит машину (джип), подъезжает к дому и звонит в дверь. Ей открывает юноша, и они так же, как и в первой серии, собираются куда-то вместе уходить. В этот момент появляется отец парня – тот самый аптекарь.

Если в первом клипе мужская солидарность у отца остается, несмотря на настороженность, то во втором клипе налицо откровенное неприятие и даже, пожалуй, брезгливость. Эта девочка – не его дочь, и по отношению к ней у отца мальчика проявляется осуждение в квадрате. Она откровенно воспринимается им как распущенная и сексуально агрессивная (сама покупает презервативы!).

Барьер 4. Группа сверстников – "peer group".

В качестве примера сошлемся на одну историю из школьной жизни, рассказанную девушкой, недавно закончившей школу.

Уроки труда. Девочек учат готовить и шить, то есть “чисто женским” занятиям, мальчиков учат вытачивать деревянные или железные шурупы для домашнего хозяйства. Девочки готовили суп, который потом должна была попробовать учительница, чтобы оценить, хорош он или плох. “Так вот, для нас реакция учительницы была практически неважной, потому что самое интересное происходило потом. Когда суп был готов, учительница его пробовала и ставила за него какую-нибудь оценку. А потом прибежали мальчики с труда, которые вытачивали там свои деревяшки. И тогда уже они начинали пробовать. И для нас самым важным было, что скажут они – мальчики, а вовсе не учитель”. Мнение мальчиков в определенном смысле воспринималось как реакция их будущих мужей. Очевидно, что взрослое воспитание естественным образом воспроизводится в стереотипах поведения самих подростков: глазами мальчиков и девочек уже в школе смотрят друг на друга их взрослые мамы и папы, мужья и жены.

Взрослые амбивалентны по отношению к процессу взросления в целом, но девочка сталкивается с тем, что к ней применяют еще и некие, изначально неравные оценки. Взрослые в лице общества и его социальных институтов, в лице близких взрослых и сверстников выдвигают очень противоречивые требования к тому, какой девочка должна расти. Можно говорить хоть и о неявном, но все же достаточно сильном насилии.

1.2. Гендерная социализация и сексуальная идентификация

Прежде всего, гендерная социализация происходит в семье путем восприятия растущими девочкой или мальчиком ролей, которые предписаны в данном социальном контексте мужу и жене, женщине и мужчине. В современной семье этот процесс как для девочек, так и для мальчиков усложняется тем, что очень существенно изменяется роль матери (как психологически, так и социально). С точки зрения растущих детей, мать всемогуща, она имеет полную власть, именно от нее, особенно в ранней юности зависит то, как будет проходить взросление, насколько ребенок будет чувствовать себя защищенным. С другой стороны, именно растущая девочка замечает, что мать социально “импотентна”, если можно так выразиться, что в обществе она вовсе не обладает такой властью, как в семье. В обществе доминирует мужчина, в семье – женщина. Это приводит к тому, что дети уже с самого начала растут в ситуации подавления женщины, что сказывается на формировании образа матери.

Интересно складываются взаимоотношения растущей дочери и отца. Когда девочка растет, она сильно зависит от влияния отца. Он действительно первый мужчина в ее жизни. Первый объект ее любви, тот человек, который способен помочь ей определиться по отношению к своей собственной маскулинности, к той ее части, которая не является феминной. В каждой растущей девочке существует дисбаланс между маскулинностью и феминностью. Отец очень амбивалентен по отношению к растущей дочери. С одной стороны, он, будучи включенным, в различные связи и взаимодействия, воспринял стереотипы патриархально устроенного общества, у него самого сложилось определенное отношение к женщине вообще. К своей дочери у него совершенно другое отношение. Он желает, чтобы лично его дочь имела другую судьбу, чтобы его дочь росла по-другому, чтобы она достигла большего, потому что она достойна многого, она заслуживает лучшей участи, чем другие женщины. И, тем не менее, у девочки-дочери формируется внутренний конфликт. Отец формирует у нее завышенные притязания, а общество же уже к 5–7 годам, как говорят психологи, формирует у нее устойчивое представление о том, что она в этой властной половой иерархии находится в подчиненном положении.

Взаимоотношения с матерью. Девочка легко проходит социализацию, поскольку ей не нужно где-то далеко искать образ для своей гендерной идентификации. Тесное общение с матерью помогает ей преодолевать сложности, которые, например, существуют у мальчика. Мальчик

тоже невероятно сильно связан с матерью, но он должен идентифицироваться не с матерью, а с отцом. Отец же появляется в семье намного реже (речь идет о времени, проводимом с ребенком, а не о статусе). Но этот процесс имеет и обратную сторону. Мать видит в растущей дочери как бы повторение, а в чем-то и исправление своего жизненного опыта и стремится воспитать ее так, чтобы у нее не было тех сложностей, которые встретились ей самой в жизни. Тем самым, вольно или невольно, она передает девочке свои конфликты, свои проблемы. И если эти проблемы связаны с половой идентификацией, то и они вольно или невольно передаются девочке. Другое дело, как дочь это воспримет, принимая или сопротивляясь. Чувство половой идентификации у девочки формируется именно в этом амбивалентном пространстве отношений к матери и к отцу, где чередуются любовь и ненависть, обожествление и страх, потому что она далеко не все хочет воспринимать из материнского опыта, мать же пытается передать весь свой опыт дочери.

2. Разница в подходе к сексуальности мальчика и девочки

Амбивалентность взрослых по отношению к росту мальчиков и девочек проявляется в следующей проблеме. Сексуальность растущих мальчиков, которая параллельна развитию вторичных половых признаков и формированию их способности к полноценной половой жизни, воспринимается взрослыми как нечто нормальное, естественное. Сексуальное развитие мальчиков – это естественное развитие. Одинаково устойчивый стереотип на этот счет существует практически во всех культурах. Говорят так: мальчики должны в этот период “перебеситься”, они обязательно должны приобрести какой-то сексуальный опыт. Ничего страшного, никаких последствий для их природы это не принесет. Общество всегда демонстрировало большую толерантность к проявлениям подростковой мальчиковой сексуальности. Когда же девочка демонстрирует какие-то сексуальные отклонения, то взрослые относятся к этому предельно не терпимо, поскольку девочка должна себя беречь и хранить.

Это очень странно, ведь мы говорим об одной и той же молодежи. Девочки и мальчики растут в одном социальном и временном пространстве. Возникает вполне закономерный вопрос: где же и с кем мальчики будут проявлять свою “одобряемую” взрослыми сексуальную активность, получать свой “нормальный” опыт, если девочкам, растущим с ними рядом, общество в этой активности отказывает? Эта проблема воспринимается и переживается самими подростками очень неоднозначно.

В ходе нашего исследования было опрошено 120 подростков, в равном соотношении пола и возраста (от 14 до 17 лет). Опрос проводился на дискотеках города Ульяновска в 1997 г.

По мнению большинства опрошенных, как для девочек, так и для мальчиков в равной степени важно, чтобы в жизни любовь и секс были вместе. Опыт сексуальных отношений у мальчиков в этом возрасте в 1,5 раза больше, чем у девочек. Можно предположить, что, с одной стороны, девочки менее откровенны, с другой, – мальчики стремятся соответствовать существующему, описанному уже выше, стереотипу. И в том, и в другом случае это если и не подтверждает, то иллюстрирует выдвинутые гипотезы.

Вывод:

Единственный вывод, который можно сделать из наших эмпирических наблюдений, таков: ценности, модели и стереотипы сексуальных ориентаций, с одной стороны, достаточно традиционны, с другой стороны, – налицо и новые тенденции, что еще раз подтверждает,

что молодежь во всех ее проявлениях невероятно разная. Как термин молодежная культура следует заменить более корректным “молодежные культуры”, так и термин “подростковая сексуальность” видимо также стоит заменить на “подростковые сексуальности”.

В исследованиях по сексуальному насилию в семье насилие понимается как нарушение физического и морального пространства человека. Существует опыт изучения женщин с точки зрения анализа последствий физического насилия (речь идет только о тех женщинах, которые открыто признались в совершенном над ними насилии). Одна из самых интересных идей в контексте данного подхода заключается в специфическом проявлении криминологического дискурса – “виктимологии”. Идея заключается в том, что жертва как бы сама идет навстречу насилию, что в ней самой заключено некое “разрешение”: женщина (молодая девушка) своим поведением как бы сама провоцирует насилие, и если бы сама жертва вела себя по-другому, то и насилия бы не было.

3. Проблема насилия и формирование новых молодежных солидарностей

Современное российское общество находится на пике экономического кризиса. В какую форму будет переходить присущая молодости агрессивность, свойственная этому возрасту природа “бури и стресса”: в криминальные сферы, которые уже сегодня выступают определенным заказчиком и потребителем “молодости” в современной России; в семью – родительскую или собственную; в политическую активность в виде национал-патриотического экстремизма, религиозного сектантства или фундаментализма; в апатичную нейтральность и аполитичность бок о бок с употреблением психоделических наркотиков, “всеночным” рейвом и любовью к Карлосу Костанеде; к росту индивидуализма или формированию новых постмодернистских солидарностей?

В этой ситуации вполне обоснованно можно говорить о несвободном выборе молодежи одного из направлений для самореализации. Для “спокойного” (креативного) перетекания юношеской агрессивности (поисковая рискованная деятельность плюс импульсивность и максимализм) в социально приемлемые и одобряемые формы как минимум необходимо некое уже освоенное ценностное пространство.

Кризис, начавшийся в середине 80-х гг. вместе с крушением советской государственно-политической системы, фактически не прекращается до настоящего времени. Крах советской системы повлек за собой переворот во всей уровнях общественного устройства.

Молодежь ищет истину и ценности либо самостоятельно (через семью, соседство, окружение в формальной группе), либо, присоединяясь к “значимому” лидеру или группе, будь то партия, группировка, “бригада”, религиозная секта или другие типы общинности. Занять некую самостоятельную позицию современному молодому человеку подчас просто невозможно. Креативный индивидуализм как стадия внутреннего роста и период самостоятельного, самодостаточного формирования своих идентичностей не свойственен всей современной российской молодежи. Одной из необходимых предпосылок индивидуализма, помимо зрелых форм социальности, следует признать существование развитых форм общественно санкционируемых солидарностей, с присущими им социально одобряемыми ценностями. В подобной социокультурной атмосфере индивидуализм становится формой противостояния и сопротивления взрослому миру. Когда подобных социально одобряемых ценностей практически

не существует, то, скорее всего, начнут формироваться всевозможные новые молодежные солидарности (социально-активные формы поддержания своей идентичности) для сопротивления ценностному вакууму взрослого мира с помощью группы "своих". Эти процессы формирования самых разнообразных новых групп происходят на фоне резкого и многообразного расслоения российской молодежи на богатых и бедных, городских и сельских, "наших - чужих", элиту - плебеев, лидеров - аутсайдеров и т.д.

Можно предположить, что формируемые солидарности как способы и каналы адаптации к новым условиям российского рынка могут быть разной направленности. Грубо говоря, иметь положительный, отрицательный и некий нейтральный смысл по отношению к социальным векторам развития. Тем не менее, несмотря на разность ценностей, которые формируются и поддерживаются той или иной групповой активностью, вероятно, существуют и некие общие черты, отражающие сами механизмы адаптации молодежи как особой социальной группы к этим новым социокультурным условиям.

Помимо относительного роста агрессивности, криминализации молодежных культур и языка, молодежных масс-медиа, существуют и другие, более частные, но не менее значимые черты, характерные для общего бытования современной российской молодежи, отражающие значимые черты их повседневного существования.

Всякая солидарность и молодежная, в первую очередь, формируется в борьбе за жизненно важные ресурсы: географическо-территориальные (молодежные подростковые группировки), экономические и властные (криминальные структуры), ценностно-нормативные (религиозные), информационно-коммуникативные (виртуально-компьютерные).

Поэтому стремление молодежи противостоять изменениям (или отсутствию таковых) необходимо разделять по векторам: положительная, конструктивно ориентированная агрессия и негативная, деструктивно ориентированная.

В отсутствии контроля может увеличиться число деструктивных форм объединения - жестоких, агрессивных, экстремистских, превышая некий необходимый и допустимый предел, а это может привести к непредсказуемым последствиям. Проблема культурной ориентации особенно остро стоит именно перед молодежью. Без четкого уяснения места агрессивности, жестокости, насилия в структуре общественного развития сложно ориентироваться в постоянно меняющемся мире, находить критерии оценки для отделения подлинного от мнимого не только в культуре и искусстве, но и в жизни.

Многие исследователи указывают на то, что экстремистскому сознанию присущи компоненты неразвитого сознания: импульсивность, внутренняя напряженность, конфликтность, деструктивность. Важную роль в формировании насильственного сознания играют также нетерпение и нетерпимость. Эмоциональная черствость, тупая ограниченность нравственно-эстетических представлений характеризуют в равной степени, как инфантильное сознание, так и экстремистский менталитет. Общим для них остается и мифологичность сознания, отсутствие стремления к адекватному восприятию действительности. Криминализация общественной жизни, обращение массового искусства к темам насилия - все говорит о том, что инфантилизм затронул и общественную сферу. Под напором всеобщего "опрощения", снижается порог допустимого.

Происходит свыкание с предосудительным, утрачивается эмоциональная восприимчивость. Подобная трансформация общественного сознания при помощи масс-медиа может привести к тяжелым и необратимым последствиям.

4. Молодежь больше похожа на свое время, чем на своих родителей

Жестокий и сложный мир, невероятные катаклизмы, которые сейчас происходят в России, порождают и насилие, и жестокость среди подростков. Переходное состояние общества усиливает обычные для этого возраста всплески немотивированной агрессии. Причем для российской молодежи значимо не только физическое (открытое и явное) насилие, но и культурное, моральное, национальное, правовое. Не случайно моральное наказание, как это продемонстрировали наши исследования, является для подростков самым сильным.

Долгое время в отечественной науке господствовала парадигма "общества равноправия и справедливости", поэтому на проблему социокультурного насилия было наложено идеологическое табу. Новейшие процессы переориентации российского общества, открытие государственных и информационных границ с особой остротой поставили вопросы о социальном здоровье нации как необходимой предпосылке гармоничного развития Человека и Общества Будущего.

Обратимся к некоторым результатам нашего исследования. Так же, как и у взрослых людей, у подростков есть свой опыт жестокости. 34% старшеклассников считают, что жестокость однозначно присуща человеку и примерно столько же полагают, что в наше время может выжить только жестокий человек. Исследование показало, что у каждого третьего школьника (29%) есть личный враг, и каждый десятый ответил, что в его окружении есть человек, смерти которого он желал. Стремление наказать врага у подростков с их обостренным чувством справедливости можно считать неким магическим исправлением зла. Школьники скорее пойдут на моральное наказание своего врага (38%), чем на физическое (11,9%). И именно моральное наказание - изоляцию, бойкот, унижения - подростки посчитали самыми страшными и для себя. Следовательно, враг для подростка - очень значимая фигура, которую он проецирует на свой внутренний мир, назначая ему собственную меру наказания. Возможно, что, теряя веру во взрослый мир, подросток уже не нуждается в авторитетах, он сам чувствует себя судьей.

Война называлась подростками как наиболее яркое проявление жестокости в мировом масштабе: "... люди, затуманенные жестокостью, навязанной им их правительствами, идут убивать друг друга, и если хорошенько задуматься над этим, можно с ума сойти от жалости и попасть в дурдом" (из сочинения одиннадцатиклассника).

Как понимают подростки насилие со стороны родителей? Прежде всего, насилие оценивается ими как стремление родителей контролировать их учебу, свободное время, выбор друзей, расходы и т.д. Наиболее существенно расходятся представления подростков с пониманием их родителей о возможном вмешательстве в их жизнь. Наиболее значимый момент расхождения приходится на самый критический момент взросления (14-16 лет).

Отношение к наказанию.

Большее унижение собственного достоинства опрошенные школьники испытывают не от физического, а от морального наказания (насилия). При этом большинство мальчиков физическое наказание вообще не считают насилием, применение физической силы в качестве наказания у большинства подростков вообще не ассоциируется с жестокостью. Некоторые подростки даже хотели бы, чтобы лично их родители воспитывали более строго.

Ведущей фигурой в моральном унижении и насилии является для подростков учитель.

Отношение к школе и учителю у подростков похоже на разочарование Алисы из книги «Алиса в Стране Чудес», которая заявляет сказочным созданиям: «Вы всего лишь колода карт!» Подростков, прежде всего, волнуют личностные качества учителя. В экспертном опросе одна из учительниц высказала такое мнение: «... если бы сейчас Министерство образования разрешило ввести телесные наказания, то 10-20% учителей воспользовались бы ими». По результатам опроса, 24% подростков непосредственно сталкивались со случаями физического наказания со стороны учителя (данные приводятся из исследования НИЦ «Регион» - «Насилие и жестокость в современной провинциальной России» г. Ульяновск, 1997 г., грант РФФИ-97-06-80258).

Девочки и мальчики в определении жестокости.

Девочки действительно более требовательны к себе, их агрессия часто проявляется как самоагрессия, многие авторы пишут о том, что она в большей степени обращена вовнутрь, являясь по существу деструктивной по отношению к самой личности подростка. Психологи говорят о том, что это результат вынужденного внешнего приспособления, когда сохраняется и поддерживается адаптивный фасад поведения. Это находит выражение во внешней демонстрации девочками своего абсолютного согласия с существующими обстоятельствами. Женщины не просто воспринимают эти адаптивные «нормы» как нечто само собой разумеющееся, но подчас создается впечатление, что им действительно с ними вполне комфортно. Часто молодые женщины в интервью говорили о том, что они не видят никакого смысла в идеях феминизма. Подчас они демонстрируют откровенное их неприятие, говоря: «Не подумайте, я не какая-нибудь феминистка». В этом смысле очень интересна концепция шведских ученых о «женственности как маскарade». Женственность - это маскарad и игра, в которую женщина играет для общества, чтобы поддержать свою роль. Однако, анализ того, что происходит с самой женщиной в это время, того, что творится за фасадом этого маскарada, доказывает, что эта игра обходится женщине очень дорого.

Кого следует жалеть больше - животных или женщин? Мальчики и девочки жестоки и агрессивны по-разному, воспринимают они насилие тоже очень по-разному. Как среди мальчиков, так и среди девочек существуют качественно различные типы. Однако в ходе исследования обнаружилась одна интересная деталь: мальчики добрее и в большей степени испытывают жалость по отношению к животным (эти примеры взяты из анализа сочинений), а у девочек в большей степени жалость проявляется по отношению к людям. Вероятно, что в этом находит отражение некая компенсация патриархальности. Возможно, это связано с тем, что психологические потребности девочки в большей степени лежат в сфере взаимоотношений. Мальчикам же «по роли» предписано быть более агрессивным: им не положено плакать, расстраиваться, нельзя показывать свою слабость. Может быть, отношение к животным - это своеобразное перенесение нереализованной потребности в сострадании.

Приложение 1. "Фрики" и новая клубная культура

По материалам публикаций о клубной культуре.

Журнал «Птюч», зима 1995-96 гг.

... Клубная культура начинается с того момента, когда ты говоришь "нет" хотя бы своей учительнице... "Этот молодой человек выглядит так, как не должен выглядеть ни один молодой человек. Его внешний вид говорит о том, что завтра он не пойдет в бой и продаст родину," - со слов учительницы об ученике 8 класса.

Что такое "фрик"?

Расшифровка - человек, который может на себя одеть все, что угодно, если ему это видится как определенный, очень модный стиль. Другими людьми это может расцениваться как пошлятина. Панки с фриком не связаны. У панков все более ярко выражено. У них есть своя униформа, символы. Они ни в коем случае не будут выглядеть как инженер достатка ниже среднего образца 82 года. "Я люблю одеваться, чтобы была картинка. Экстравагантность - в спокойствии. На Западе этот стиль очень модный. Если на тебе костюм за 3 - 5 тысяч долларов, о какой молодежной культуре можно говорить?" - так говорит настоящий фрик.

Есть ли у нас клубная мода?

На московских дискотеках вырисовывается некая смесь рэпера с рейвером, широкие штаны, бандана.

Что такое "новая молодежная культура" - это хаус-музыка и танцы, вечеринки и клубы. Музыка - наиболее абстрактная форма искусства и наиболее реактивная. "Во время танца ты становишься бездумным, бесполом существом. Ты растворяешься в информации, ты получаешь информацию постоянно и расслабляешься постоянно. Мне кажется - это свойство нового человека, получение удовольствия от нахождения на пике информационном и культурном. Я не хочу заниматься сводничеством полов, обесполиванием или ополением. Людей выведет на новые отношения между полами и освободит именно стремление к получению новой информации, стремление быть на гребне. Соответственно это научит их не быть гомофобами и свободней относиться друг к другу. Тогда появятся бесполые отношения, когда девушку можно будет воспринимать как товарища, а не как сексуального партнера," - так говорит настоящий фрик.

Как можно прийти к идее клубов, клубной культуре?

"Эта музыка невероятно гипнотизирует, она не похожа ни на что другое, стоит один раз почувствовать - и внутри что-то щелкает, и ты уже знаешь, в чем изюминка в этой музыке, чем она хороша. И все, она тебя уже не отпускает никогда. Не важно, когда человек родился и сколько ему лет, а есть люди, которые любят веселье, танцы и танцевальную музыку. Я люблю танцы, потому что это место, куда можно наряжаться, где можно кривляться, хохотать, где чувствуешь себя в неадекватке, в нереалке".

Приложение 2. Новые и новейшие "ярлыки"

Поколение "X"

По материалам серии статей "Поколение X".
Журнал "ОМ", декабрь 1995 г. - декабрь 1996 г.

(...)

Если ты родился в 60-х, а тем более - ближе к концу их, то ты перечеркнул жирным "X", ставящем на тебе крест, как на активном участнике социальной жизни.

Книга Дугласа Коупленда "Generation X" положила начало этой дискуссии. Существует представление, что люди, принадлежащие к этому поколению, способны друг друга понять, даже если они из разных стран - это некий новый, постмодерный стиль жизни.

Поколением "X" называли еще битников. Многие ученые размышляли над тем, почему из кого-то в определенное время получается поколение - а из кого-то нет. Ясно одно: все когда-либо "нареченные" поколения объединяло одно - устойчивая неприязнь к отцам и к тому способу жизни, который они вели. "Хиппи устраивали культурную революцию и студенческие бунты, но всякая буржуазия прожевала их и выплюнула в виде постеров, фильмов про Вьетнам и миллионных тиражей рок-пластинок. Был переварен и отчаянно-анархический панк, и по всему западному миру воцарилась рейганомика и яппи, которые не желали ни с чем спорить, а хотели просто зарабатывать деньги и их тратить" (Д. Коупленд).

Пришли девяностые, и детям бэби-бумеров перевалило за двадцать. Twentysomething, как их окрестили, перестало казаться, что все хорошо в этом мире. Двадцати - с лишним летние решили, что виноваты отцы, обменявшие свои идеалы на дорогие автомобили: духовная свобода, культ свободной любви, и психоделические прогулки обернулись самоудовлетворенностью, СПИДом и наркобизнесом. Двадцатилетние стали вырабатывать тактику выживания. Главное - вовремя уберечься от трения с окружающей средой. В это же время каждый пятый выпускник не получал работы, в статистике смертности среди молодежи насильственная смерть заняла вторую строчку между несчастными случаями и самоубийствами, а СПИД отбил охоту к легкому сексу. Сорокалетние с удивлением замечали, что молодежь не очень то стремится включаться в гонку за теплый уголок под солнцем, а предпочитает плыть по течению без социальной ответственности. Эта молодежь оказалась объединенной каким-то желанием возрождения духа никогда не виденных ими шестидесятых, когда вроде бы все было лучше и проще. В моду вошла психоделия, появился неписанный свод правил под названием "политкорректность", похожий на жесткую контркультурную идеологию своим стремлением диктовать, что можно, а что - нельзя "прогрессивной личности". Молодые люди стали более разборчивы в половых связях, предпочитая устойчивые союзы. "Выглядело это так, будто двадцатилетние решили махнуть рукой на всех остальных и жить по своим правилам, как им хочется". Книга Коупленда вышла вовремя.

(...)

Как и всегда в XX веке, в рождении любой новой молодежной культуры (после рождения рок-н-ролла) - главным была музыка. Плотину прорвал грандж

"В холодном городе Сизтле молодежь культивировала хипповски - неконформистский

образ жизни, шаталась по кофейням (для Америки эта вещь совершенно нехарактерная, пахнущая Европой), слушала грязную тяжелую музыку, баловалась наркотиками и одевалась за пару долларов в секондхэндские рваные джинсы и толстые клетчатые рубашки. Альбом "Нирваны" с младенцем на обложке, плавающим с долларом в руке, назывался Nevermind - "расслабься". К этому направлению и приклеился ярлык грандж. Кальвин Кляйн прославился, выпустив на подиум худосочную Кейт Мосс, объект желания образца девяностых. Это был звездный час гранджа. Он быстро выдохся, весь его заряд растворился в растиражированных пластинках, клипах за два года. Этому способствовали и наркотики. Грандж был насквозь пропитан героином. Тема поколения X закрылась вместе с тем, когда Курт Кобейн выстрелил себе в голову" (Д. Коупленд).

Но энергия не растворилась в никуда. Рядом с гранджем существовала культура, замешанная не на героине, панке и культуре саморазрушения, а на психоделиках и эйсид-хаусе. Поклонники эйсид-хауса тоже принадлежали к "Поколению X". Deee-Lite одним из первых выплеснули заряд кислотной энергии в широкие массы. Из Детройта пришло техно, в Европе заиграли евро-бит. Появился абсолютно новый звук. Техно оказалось независимым и живучим организмом, оно пустило щупальцы во все уголки от коммерческих хит-парадов до андеграундных клубов. Расцвели - транс, эмбиент, хардкор, джангл. Появилось словечко "рейв", которое сконцентрировало в себе способ жизни, активное времяпрепровождение, тусовки, моду, манеру двигаться, жаргон, экстази и ЛСД. Когда появился рейв в Москве, казалось, ночная жизнь захватила столицу. Появился новый необычный, не тусклый мир. Действа рейвов походили на магические оргии.

(...)

Рейвов тоже можно назвать "Поколением X" - избегающие дневной жизни, выпадающие из предписанных социальных ролей, равнодушные ко всему. Однако нынешние рейвы - уже тоже другие.

(...)

Версия о смерти Поколения "X"

Дуглас Коупленд ставит крест на понятии "поколение X".

"... Название моей книги не имело никакого отношения к названию музыкальной группы Билли Айдла, как считали тогда многие, а было связано с последней главой книги Пола Фассела "Класс" - занятного социологического исследования о структуре классов американского общества. В этой главе Пол присвоил название "Икс" той категории людей, которые стремятся вырваться из круговерти повседневной жизни, диктуемой им их социальным статусом, необходимостью зарабатывать больше денег, карабкаться вверх по социальной лестнице - в общем, всем тем, что присуще современным условиям существования..." (Д. Коупленд).

(...)

"Поколение X" вышло мизерным тиражом в марте 1991 года, не имело паблисити и почти не упоминалось ни в одном литературно-книжном обозрении. Однако этим летом (1996 - прим. автора) один техасец по имени Ричард Линклейтер выпустил фильм "Сачок" (Slacker), персонажи которого - переучившиеся беззаботные эксцентричные балбесы - прямо-таки срисованы из моей книги. А в Сизтле зазвучала новая форма музыки: она была рассчитана на то, чтобы отключить слушателя от действительности, вывести за ее "скобки", хотя и весьма своеобразно: эта музыка была настолько громкой, что барабанные перепонки едва справлялись с напором звуков...

Как принято выражаться в прессе, двое не значат ровным счетом ничего, однако трое - это уже направление, тренд. Именно тогда, в начале 90-х, появились три слова - понятия, ставшие чуть ли не ругательными: "поколение X", "пофигист" (или "отстегнутый") и "грандж".

Проблемы начали возникать тогда, когда "трендовики" начали вычленять отдельные элементы образа жизни моих книжных героев: их нежелание утруждать себя решением каких бы то ни было проблем, с одной стороны, а с другой - стремление понять, кто же они есть. Эти отдельные элементы были раздуты до характеристики всего поколения. Частично в неверном понимании и определении целого поколения были повинны "бэби-бумеры", которые чувствовали себя выбитыми из колеи, что было вызвано экономическим спадом и стыдом за то, что они поступились ценностями в 60-ые, и начали переносить свое коллективное разочарование на тех, кто угрожал занять их место под солнцем. Каков результат? Все "поколение X" было объявлено монстрами, их протесты названы "хныканьем", а они сами - "размазнями"...

Ну, а потом начались исследования рынка сбыта и распродажа, вся эта рекламная кампания по поводу "городских модников", навязывание видеоизмененной комедии положений телевидения 60-ых. Ироничность и критицизм, которые использовало большинство молодежи для того, чтобы превратить смехотворно-идиотское состояние вещей в более или менее приемлемое, впервые были использованы в качестве подспорья в механизме продажи. Эта вселенская "порнография" была тем, что вызвало наибольшее возмущение молодежи, ибо она считала, что именно это и было присуще "поколению X". Дело усугублялось тем, что другие "периферийные" молодежные движения прошлого - волнения молодых эмигрантов в 20-ых в Париже, битники 50-ых, хиппи 60-ых и панки 70-ых - были классифицированы лишь по истечении какого-то времени, тогда как "поколение X" заклеили с самого начала, что само по себе являлось жестокой несправедливостью...

Примерно в это же время мой телефон начал звонить не переставая. Мне предлагали 10 000 долларов и выше за то, чтобы я посоветовал, как продать "поколение X". Например, кампания Гар сделала мне очень заманчивое предложение о создании рекламы, которое я вежливо отверг. В 1991 году, когда и республиканская, и демократическая партии (США) предложили мне за деньги дать советы по поводу "поколения X", я вообще отказался от разговоров на эту тему.

А вот теперь я заявляю, что понятия "поколение X" больше не существует. Курт Кобейн пребывает на небесах, "пофигист" стал блокбастером, а масс-медиа продолжают называть всех, кому от 13 до 39 лет "иксовиками". Это еще раз доказывает тот факт, что те, кто пытался сделать на этом деньги, никогда не понимали, что "Икс" является не обозначением возраста, но характеризует мировоззрение.

Практика навешивания ярлыков по-прежнему живет и здравствует: если кто-то решил, что ему удалось вас классифицировать, он считает, что после этого может использовать вас в своих целях. Избави вас Бог участвовать в любых дискуссиях по поводу тех или иных поколений. Что касается коммерческой обработки этой "нивы", то вечные рассуждения масс-медиа о "чувствительности представителей поколения X" всегда давали хороший урожай. Продавцы всегда хорошо знали, что для того, чтобы выкачивать деньги из темы бэби-бумеров, достаточно лишь прокрутить несколько песенок "Бич Бойз" и показать "вьетнамский" клип. Точно так же обстоит дело с "поколением X": те же продавцы наивно полагают, что оно, как и любое поколение, с удовольствием будет участвовать в распродаже самих себя. Ошибаетесь! Единственно верной формулой будет: X=X.

Кто-то может подумать, что бэби-бумеры, к 60-ым годам ставшие взрослыми, должны

были испугаться того, как успешно идеология индивидуализма приспособливается к изменениям в мире. Вместо этого они повсюду видели лишь одних чудовищ. Энди Уорхол как-то сказал, что ему очень понравился фантастический фильм, в финале которого монстр снес яйцо, ибо это предполагает преемственность. Мои три героя в эпилоге книги не откладывают яйца, но, может быть, в это время кто-то другой снес яйца? Я задумываюсь о том времени, когда из миллионов яиц, снесенных монстрами сегодня, вылупятся детеныши, пусть крохотные, пусть рогатенькие, но которые будут барахтаться в поисках чего-то настоящего, какой-то правды, бороться против невежества. А поэтому я прошу вас, будьте монстрами" (Д. Коупленд).
(...)

Какое оно - "Поколение X"?

Есть несколько базовых моделей.

Во-первых, запоздалый посланник из гранджа. Здесь возможны длинные волосы, козлиные бородки, рваные расклешенные джинсы, растянутые свитера, тяжелые ботинки. Татуировки по всему телу, особо модные среди девушек. У радикалов - серьги, украшающие не столько уши, сколько носы, губы, брови и совсем интимные области - соски, пупки и т.д. Некоторые персонажи прибегали даже к выжиганию на теле разных знаков по африканским племенным рецептам.

Эйсид - хаусовская молодежь привнесла с собой психоделию: нейлоновые рубашки с сумасшедшими росписями, высоченные платформы и прически разных расцветок. Но это в прошлом. Стилль плавно перетек в рейв со всеми его разновидностями. В ход идут все более искусственные материалы и цвета. Образцовый рейвер любит "Адидас" и "Дизель", а также пластиковые куртки, виниловые джинсы и флюоресцирующие маечки, что очень украшает дискотеки.
(...)

Панк, вечно юный идеал, вновь заявил о себе, и снова появились густые мазки вокруг глаз, одежда сужается, укорачивается и чернеет. Но даже если вам повстречается парень в одежде от Армани либо в простых "ливайсах", он вполне может оказаться показательным представителем поколения без названия.

Лэды и лэддизм.

По материалам публикации о "лэддизме".

Джон О. Хайген и Маймон Най.

"Мужики безобразят".

Журнал "Ровесник", N 11, 1996 г.

(...)

Мы об этом явлении и не задумывались, если бы некоторое время назад не начали наткнуться на это словечко практически во всех публикациях, посвященных современному английскому - не американскому - молодежному образу жизни.

"Лэддизм" - за него ратуют музыканты самой модной группы "Oasis", о нем в своем интервью говорят музыканты Blur, кинокритики уверяют, что в фильме "Три свадьбы и одни похороны" выведены типы современных лэдов, модельеры создают коллекции под лозунгами "Лэды и лэддетки".

У лэддизма два отца-основателя: одного зовут Шон О. Хейген, он журналист, который изобрел словосочетание The New Lad - в вольном переводе "мужик новой формации", второй - английский писатель Саймон Най.

Шон О. Хейген писал о "человеке новой формации, о котором так много говорят, но которого мало кто видел, должно быть, потому, что большинство донельзя правильных и положительных представителей этой человеческой породы умирают еще при рождении". "Мужик новой формации" - это молодой человек, стильно одетый, хорошо образованный, на много претендующий, но порой ведущий себя при этом так, что глаза на лоб лезут, а именно: как испокон веку вели себя лэды, то есть "парни из простонародья". Он пьет пиво, смачно рыгает после выпитого, пукает в общественном месте, громогласно обсуждает достоинства проходящих мимо женщин. То есть намеренно делает все, что приличному человеку делать явно не положено - в знак протеста "против политической корректности и всеобщей феминизации общества". Вот почему это сугубо английское явление, ведь понятие политической корректности "пришло из Америки, а англичане - народ упрямый и исторически все американское не жалующий. Весь кодекс поведения современного цивилизованного человека лэдом подчеркивается, а на знамени его начертаны три слова, определяющих круг первостепенных интересов: "Секс, выпивка, футбол".

Что же здесь нового? Хамоватые молодые люди были всегда, и никуда в светлом будущем от них не денешься. Важно другое - почва, на которой произрастают лэды. Если бы это были обычные малообразованные парни из малообеспеченных семей, вряд ли кто обратил бы на них внимание. Такие парни начинают интересоваться "культурные круги" только если кто-то из них "выбивается в люди", становясь писателем, музыкантом, актером, изобретателем. Тогда "культурные круги" с привычным лицемерием восклицают: надо же какой умный, а ведь из рабочих! И при этом требуют, чтобы выходец из рабочих вел себя так, как это принято в "культурных кругах", а сегодня в этих самых кругах надо вести себя не просто корректно, а политически корректно. (Типичный пример такого "выходца" - Дэвид Боуи).

Лэды - это представители самих этих кругов, а в "народ" они ходят в свободное от работы время.

Поскольку хождение в народ приобрело форму культурного досуга, то этот досуг принялись обслуживать. У лэдов появились свои журналы, свои телепрограммы, свои клубы - все то, что, по словам раскаявшегося в "изобретении лэддизма" О. Хэйгена, "представляет кратчайший путь для бегства из реального мира в дивный мир безмозглых супермужиков".

Но на совести бедняги О. Хэйгена не только лэды - уже независимо от него (типичный пример того, как творение вырывается из-под власти своего творца) появились лэддетки: то есть девицы из тех же кругов, которые ведут себя не просто как мужики, а как самое быдлистое быдло. Делают все то же, что делают лэды - даже блюют в общественных местах. И у них тоже есть свои журналы, телепрограммы и клубы...

Вообще-то лэддизм мало чем отличается от панкизма - не по внешним признакам и не по содержанию, а по "боевому пути". Слово punk, как и слово lad, тоже существовало в английском языке задолго до появления панков, причисленных ныне к разряду социальных и культурных феноменов: панком называл своего сэра Джона Фальстафа еще Шекспир. Первые панки также были выходцами из сугубо культурных, даже элитарных кругов, да и создатели панк-рока были очень непростыми юношами. Это уж потом все подряд вырядились в утыканные булавками лохмотья и выкрасили волосы в зеленое и в малиновое.

Вполне возможно появление лэдов и у нас: - по вечерам, после работы заместитель

управляющего надежным коммерческим банком, славный российский лэд, будет отправляться не в дорогой клуб, а напрямик "в народ" - к пивному ларьку... Впрочем, чтобы такое произошло, надо, чтобы у зам. управляющего были за спиной как минимум пять поколений "представителей культурных кругов"...

Еще один отец-основатель лэддизма - писатель и сценарист Саймон Най, который создал любимое лэддистами комедийное телешоу "Мужики безобразят". Критики назвали этот сериал "вкладом в развитие пофигистской культуры и рвотной реакцией на царящую повсюду политическую корректность".

Яппи - кто они?

По материалам статьи А. Тарасова
"Хочешь стать яппи? Становись. Тебе же хуже".
Журнал "Ровесник", N 5, 1996 г., с. 14-15.

"... настоящие яппи малиновых и зеленых пиджаков не носят. Так одеваются... торговцы наркотиками-пуэрториканцы в Штатах и "голубоватые" представители богемы в Европе. Уважающий себя яппи носит строгий костюм, предпочтительно тройку - шерстяной и очень дорогой, его одежда - это его витрина. Настоящий яппи поддерживает консервативных цветов - это касается и рубашек. Они ни в коем случае не унижают пальцы перстнями и не закалывают галстук булавкой с рубином - это не просто дурной вкус: считается, что тот, кто выставляет свое богатство напоказ, сам приманивает к себе налоговую службу. Значит, он неумен. С неумным партнером лучше бизнес не вести.

Яппи сами для себя издают журналы. Тиражи крошечные, распространяются в своем кругу. Названия либо простенькие "Молодой бизнесмен", "Новый бизнесмен", либо непередаваемые - "WAIS", "NABMW". Блестящее полиграфическое исполнение. Отличительная черта - нарочитое пренебрежение экономией. Поля в 8 см со всех сторон страницы. Основное содержание - письма самих яппи, преимущественно - о своих личных проблемах, жалобы на жизнь. Имен своих даже в этих узких кругах они не открывают, подписываются псевдонимами - например "Золушка", "Брат убийцы Джона Леннона" или даже "Мао Цзе Дун".

Любимая тема яппи - нехватка времени. Времени нет ни на что, кроме бизнеса, даже на сон. Спит типичный яппи не больше 5 часов. Дома бывают не чаще 2-3 раз в месяц. Дело не в том, что они трудоголики, а в том, что слишком острая конкуренция. Оставить бизнес даже на один час нельзя: можно успеть разориться.

Возникают у яппи проблемы со здоровьем. Все пользуются транквилизаторами, у многих проблемы с нервами. У каждого есть автоответчик, но то, что автоответчиками пользуются и все остальные, яппи просто бесит. Факсы у яппи вызывают такие же чувства.

Радиотелефон отравил жизнь у яппи. Даже заниматься любовью из-за радиотелефонов стало невозможно, но и отказаться от него страшно: потерянные минуты могут обернуться миллионными убытками. Яппи пьют снотворное, потому что представления о дне и ночи из-за постоянных перелетов по свету рушатся.

Пользуясь анонимностью журналов, яппи жалуются на проблему с сексом. Это ведь не климактерические старички, а спортивные, непьющие и некурящие парни. В 1990 году каждый

второй яппи испытывал проблемы с половой потенцией. В 1994 году лишь четвертая часть американских яппи не жаловалась на расстройство половой функции. Некий доктор Хилель Хофстадер, сексопатолог, пользующий почти исключительно яппи, жалуется в журнале WAIS, что пациенты его самого довели до невроза. Пока его еще держат большие деньги, но если дальше так пойдет, то врач плюнет на все и уйдет в муниципальную больницу лечить негров-наркоманов.

Жена, если верить письмам яппи, - это их крест. Обычно яппи сначала зарабатывают свои первые миллионы, потом уже женятся. Поэтому часто жена яппи - смазливая стройная девчонка или хищница, которую привлекли его миллионы. Духовного контакта с женой не получается. Семья из надежного тыла превращается в такую же враждебную территорию, как и бизнес.

Многие яппи заводят любовниц. Разоблачение связи грозит потерей лица, крахом карьеры. Необходимость столь тщательной конспирации тяготит обе стороны. Но у яппи нет времени на любовницу точно так же, как и на жену.

Травмирующее впечатление производят на яппи встречи с друзьями детства или соучениками, не ставшими яппи. Среди них есть те, кто не преуспел, но живет полноценной жизнью ходит на концерты, слушает любимую музыку, следит за книжными новинками... После этих встреч яппи страдает, остро ощущая свою культурную, интеллектуальную, духовную деградацию. Из жалобы некоего R.R.R.: "У него (приятеля) нет даже загородного дома, но ему на это наплевать. Зато он добрых полчаса рассказывал мне о том, какой гений был Шекспир, особенно если читать его в оригинале. Черт, у меня есть поместье на родине Шекспира, но нет времени просто его почитать - не то, что в оригинале... Этот парень никогда не был на Багамах - и не хочет туда! Зато он ходит на все выставки, и женщины просто липнут к нему сами... На кой черт мне столько денег, если у меня от них только бессонница и расстройство желудка, а у этого мерзавца нет денег, но он доволен жизнью?"

Яппи терзает страх за будущее.

Как выглядит яппи, с кем общается, куда ходит, что делает - решает за него его бизнес...

Сквоты

По материалам статьи
в журнале "Птюч", N11, 1996 г.

"... Это началось в далекие 60-ые гг., и как всегда, не у нас. Молодые люди, разочаровавшиеся в идеалах и нравственности социальных устоев, сбегали из своих домов, путешествовали автостопом и находили себе пристанище в брошенных и не годных для жилья строениях. Потихонечку осваивали их и начинали строить свою собственную и независимую жизнь. Так появились сквоты и сквотеры. Сквоты - это не просто квартира, место для ночлега и отдыха. Сквот - это скорее клуб, где молодые люди, занимающиеся альтернативной культурой, находят друг друга и пытаются что-то сделать вместе. Как правило, это получается нечасто. На одного талантливого сквотера обычно приходится 30 дармоедов, любящих зависать и проводить время в ничегонеделании, при этом имитирующих огромную творческую работу. Атмосфера и дух сквота помогают многим молодым людям адаптироваться и пробиться в по-

настоящему серьезную культуру. Так, приехавший откуда-то из провинции незадачливый способный паренек, оказавшийся в растерянности один на один с огромным городом, будь то Москва, Берлин или Нью-Йорк, находит сквот по душе, приживается в нем и с помощью друзей начинает осваиваться. Правда, старожилы рассказывают и том, как многих жизнелюбивых и талантливых провинциалов сквоты засасывают в свою привлекательную трясину. Одним словом, сквоты - явление неоднозначное, а сквотеры - люди космополитичные и, как минимум, интересные. На Западе сквоты уже почти обуржуазились. Туда ходят почти как в музей, и немолодые сквотеры с обвисшими животами (известные в узких кругах художники, байкеры, музыканты) в богатой, но неопрятной обстановке принимают гостей уже в роли жрецов. Школу сквотов в России прошли многие замечательные люди, ставшие сегодня уже легендами рок-звезды, художники, ди-джеи и даже функционеры..."

Грайсеры и Грайсинг

По материалам статьи
в журнале "Птюч", N11, 1996 г.

Грайсинг все более входит в моду

Лучшее определение "грайсеров" - панки Trainspotting'a. Они - фанаты локомотивов, фотографирующие эти огромные, очень сексуальные дизель-электровозы, которые на предельных скоростях рассекают в ночи по недоступным для посторонних глаз товарным линиям. А так как эти локомотивы держат в удаленных депо, огороженных заборами с колючей проволокой, то для того, чтобы сделать фото, надо украсть оранжевую тужурку путевого обходчика, перемахнуть через забор и получить прекрасную возможность встретиться с настоящими обходчиками, а то и транспортной полицией. Снимать при этом с себя штаны - необходимый ритуал; попав в депо и сфотографировав объект, грайсер часто спускает штаны, а его друзья щелкают его на память. Этакий мальчишеский злорадный жест, обозначающий торжество над властями, которые нагло встают между народом и его поездами. Акт залезания в депо грайсеры называют "dabbing in" (втыкаться) - термин, ставший названием специального английского грайсерского журнала "Dab in". Журнал формата А5 дает советы, как пробраться в депо, откуда лучше подсматривать за товарняками, репортажи о "втыканиях" со всей страны, много фотографий - с голой попой на фоне поезда, а также полемика против властей - от политических статей до лозунгов.

Вы хотите знать, зачем они это делают? Грайсеры не станут искать оправданий, чтобы в чем-то вас убедить, но они могли бы напомнить вам о тех, кто по пятам преследует музыкантов или покупает всевозможные ремиксы пластинки. Разве это не странно? В любом случае, поезда гораздо красивее поп-звезд. "Я же художник, а не одержимый. Иногда я просыпаюсь, смотрю на все свои фотографии поездов и думаю "почему?" А потом - "почему бы нет?" Фотографирование поезда с обнаженной попой - это возвышенный ритуал. Ритуал под названием грайсинг.

Библиография

Раздел 1. Отечественная социология молодежи

Аберкромби Н., Хилл С., Тернет Б.С. Социологический словарь. / Пер. с англ. Казань: Изд-во КГУ, 1997.

Аспекты социальной теории и современного общества. / Под ред. С.Е. Кухтерина и А.Ю. Согомонова. Центр социологического образования института Социологии РАН; Программа поддержки высшего образования Института "Открытое общество" (ОСИ, Будапешт); Институт "Открытое общество" (Россия, Москва). М.: Институт социологии РАН, 2000.

Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения. // Рубеж, 1992. №2. С. 69-82.

Блинов Н.М. Социология молодежи: достижения, проблемы. // Социологические исследования, 1982. №2.

Боряз В.Н. Молодежь. Методологические проблемы исследования. Л., 1973.

Васильева Е. Молодежь и насилие. // Социс, 1995. № 2.

Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Учеб. пособие. Екатеринбург - Н. Тагил, 1995.

Габияни А.А. Наркотики в среде учащейся молодежи. // Социологические исследования, 1990. №7.

Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля. Краткий очерк. // Рубеж, 1992. №2. С. 51-69.

Гилинский Я.И. Человек человеку волк. // Рубеж, 1995. №6-7. С. 100-118.

Гуревич П.С. Субкультура. // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университет. книга, 1997.

Дюркгейм Э. Норма и патология. // Рубеж, 1992. №2. С. 82-89.

Ефимова Н.Е. Молодежь как субъект массовой коммуникации. // Дети и молодежь в мире массовой коммуникации. М., 1988.

Жизненные силы патриотизма в современной России: Опыт социологического анализа. М.: РУСАКИ, 2000.

Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998.

Иконникова С.Н., Кон И.С. Молодежь как социальная категория. М., 1970.

Ильинский И.М. и др. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. М.: Ин-т молодежи - Голос, 1999.

Кармазина Т.П. Проблемы формирования культуры потребления. Минск: Наука и техника, 1986.

Карцева Е.Н. "Массовая культура" в США и проблема личности. М.: Наука, 1974.

Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.

Кон И.С. Психология юношеского возраста. М., 1979.

Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

Кон И.С. Юность как социальная проблема. // Бой идет за человека. Л., 1965.

Константиновский Д.Л. Динамика неравенства Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х к 2000-му). / Под ред. д-ра филос. наук, проф. В.Н. Шубкина. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

- Кравченко А.И. Введение в социологию. М.: Изд-во "На Воробьевых", 1994.
- Критика буржуазных теорий молодежи. / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1982.
- Левин Б.М. Наркомания и наркоманы. М.: Просвещение, 1991.
- Лисовский В.Т. Социология молодежи. Словарь прикладной социологии. Минск, 1984.
- Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Институт социологии РАН, 1993.
- Марцинковская Т.Д. История детской психологии. Учебник для студ. пед. вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998.
- Мельникова О.Т. Критерии типологии молодежной аудитории информационных телепрограмм. // Массовая коммуникация и развитие социалистического образа жизни. Тарту, 1986.
- Социальная структура и аномия. // Рубеж, 1992. № 2. С. 89-106.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999.
- Молодежный экстремизм. / Под ред. А. А. Козлова // Человек и общество. Выпуск 28. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.
- Молодежь. Методологические проблемы исследования. Л., 1973.
- Молодежь и проблемы современной художественной культуры. / Под ред. С.Н. Добротворского. СПб., 1990.
- Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений. Доклад Комитета РФ по делам молодежи. / Науч. рук. И.М. Ильинский, А.В. Шаронов. М., 1995.
- Молодежь России: положение, тенденции, перспективы. Доклад Комитета РФ по делам молодежи. / Науч. рук. И.М. Ильинский; ред. кол.: А.В. Шаронов (рук.) и др. М., 1993.
- Оборонко В.И. Западные молодежные субкультуры 80-х годов. М., 1995.
- Омельченко Е.Л., Блюдина У.А. Российская провинция и новый мировой порядок: культурные горизонты. // Социальное знание: формации и интерпретации. Часть 2. Казань: Изд-во КГУ, 1996.
- Омельченко Е. и Хилари Пилкингтон. Зачем мне врать? Опыт применения глубинного интервью. / Рубеж, 1997. № 5-6.
- Омельченко Е.Л. От секса к гендеру? Анализ дискурсов сексуальности в российских молодежных журналах. // Женщина не существует: современные исследования полового различия. / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.
- Омельченко Е.Л. Социокультурные аспекты подростковой девиантности. К вопросу о конструировании отношения к наркотикам в молодежной прессе. // Преступность как угроза национальной безопасности. / Под ред. А.И. Чучаева. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1998.
- Омельченко Е.Л. С печалью я гляжу на наше поколение. // Открытая политика, № 5-6, 1996.
- Омельченко Е.Л. Тепло друг человека? Провинциальная молодежь после сексуальной и накануне гендерной революции. // Рубеж, 2000. № 15.
- Омельченко Е.Л. Что они здесь потеряли? Путешествие в детство или поездка за экзотикой. // Провинциальная ментальность. Самара, 1997.
- Петров Д.В. Молодежные субкультуры. Саратов, 1996.
- Плакий С.И. Молодежные группы и объединения: причины возникновения и особенности деятельности. М.: Знание, 1988.
- По неписанным законам улицы... М.: Юридическая литература, 1991.

- Подростки и наркотики. Опыт исследования проблемы в школах города Ульяновска: социологический очерк. / Под редакцией Е.Л. Омельченко. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1999.
- Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика. Доклад Гос. комитета РФ по делам молодежи. / Рук. авт. кол. В.А. Луков, В.А. Родионов; отв. ред. В.А. Луков, Б.А. Ручкин. М., 1998.
- Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 год. Гос. комитет РФ по делам молодежи. / Рук. и отв. ред. В.А. Луков. М., 1996.
- Российская социологическая энциклопедия. / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Издат. группа НОРМА – ИНФРА, 1998.
- Русская женщина – 2. Женщина глазами мужчины. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинкветные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань: Экоцентр, 1997.
- Сикевич З.В. Молодежная культура: за и против. Л., 1990.
- Соболев Р.П. Запад: кино и молодежь. М.: Искусство, 1971.
- Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. М.: Институт социологии РАН, 1997.
- Социология в России. // Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 1998.
- Социология молодежи. Учебник. / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.
- Строева А. Дети, кино и телевидение. М.: Знание, 1962.
- Телеэкран приглашает детей. М.: Искусство, 1976.
- Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М.: Мысль, 1986.
- Фейгинов С.Р. Педагогические основы взаимодействия телевидения в коммунистическом воспитании подростков. М., 1977.
- Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. / Под общей ред. В.И. Успенской. Тверь, 1999.
- Ценностные ориентации молодежи в условиях перехода к рынку. // Молодежь и общество на рубеже веков. // Под науч. ред. И.М. Ильинского. Голос, 1999.
- Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. По материалам международной научной конференции. М.: Институт молодежи, "Социум", 1994.
- Чупров В.И. Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия. // Социологические исследования. 1994. №6.
- Шкурин В.Н. Неформальные молодежные объединения. М.: ВНИИЦИКПР, 1990.
- Энциклопедический социологический словарь. / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. // Пер. с англ., общ. ред. и предисловие А.В. Толстых. М.: Издат. группа "Прогресс", 1996.
- Юнг К.Г. Конфликты детской души. // Пер. с нем. М.: Канон, 1997.

Раздел 2. Зарубежная социология молодежи

- Abrams M. The Teenage Consumer. London: Press Exchange, 1959.
- Adorno T. On popular music. / On Record eds S. Frith and Goodwin. Pantheon, New York. 1941/1990.

- Althusser L. Ideology and the State. // *Lenin and Philosophy and Other Essays*. London: New Left Books, 1971.
- Amato P. Dimensions of the Family Environment as Perceived by Children: A Multidimensional Scaling Analysis. // *Journal of Marriage and the Family*, 1990.
- Barnes G., Farrell M., Windle M. Parent-adolescent Interactions in the Development of Alcohol Abuse and Other Deviant Behaviors. // *Parent-adolescent Relationships*. / Ed. by B. Barber and B. Rollins. Lanham: University Press of America, 1990.
- Barthes R. *Mythologies*. London: Paladin, 1989.
- Baudrillard J. The Beaubourg effect: Implosion and deference. 1982.
- Baudrillard J. *Symbolic Exchange and Death*. London: Sage, 1993.
- Baudrillard J. *Selected Writings*. Oxford: Polity Press, 1988.
- Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage, 1992.
- Berger J. *Ways of seeing*. London: Penguin Books, 1972.
- Berger P. *Invitation to Sociology*. Garden City: Doubleday Anchor, 1963.
- Bloch E. *The Principle of Hope*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1986.
- Bourdieu P. *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge & Kegan Paul, 1984.
- Bourdieu P. In Other Words. *Essays Towards a Reflexive Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Brake M. *Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985.
- Burke P. *Popular Culture in Early Modern Europe*. New York: Harper & Row, 1978.
- Callan V. and Noller P. *Marriage and the Family*. Sydney: Methuen, 1987.
- Carter E. Alice in the Consumer Wonderland. // *Gender and Generation*. / Ed. by McRobbie and M. Nava. London: Macmillan Education, 1984.
- Carter E. New Times in Cultural Studies. // *New Formations*. 1991. No 5.
- Clarke J. and Jefferson N. Working Class Youth Cultures. // *Working Class Youth Culture*. / Ed. by G. Mungham and G. Pearson. London: Routledge & Kegan Paul, 1976.
- Clarke J., Hall S., Jefferson N., Roberts B. Subcultures, Cultures and Class: A Theoretical Overview. // *Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. / Ed. by S. Hall and T. Jefferson. London: Hutchinson, 1976.
- Cloward R., and Ohlin L. *Delinquency and Opportunity. A Theory of Delinquent Gangs*. New York: The Free Press, 1960.
- Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. New York: The Free Press, 1955.
- Cohen P. Subcultural Conflict and Working Class Community. // *Working Papers in Cultural Studies*, 1972. No 2.
- Cohen P. *Rethinking The Youth Question*. London: Post 16 Education Centre, Institute of Education, 1986.
- Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers*. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- Collins W. Parent-child Relationships in the Transition to Adolescence: Continuity and Change in Interaction, Affect, and Cognition. // *From Childhood to Adolescence: A Transition Period?* / Ed. by R. Montemayor, G. Adams and T. Gullotta. Newbury Park, California: Sage, 1990.
- Coleman J. Current Views of the Adolescent Process. // *The School Years: Current Issues in the Socialization of Young People*. / Ed. by J. Coleman. London: Routledge, 1992.

- Coleman J., Hendry L. *The Nature of Adolescence*. London: Routledge, 1990.
- Coleman J. S. *The Adolescent Society. The Social Life of Teenager and its Impact on Education*. New York: Free Press, 1961.
- Communication and Citizenship. Journalism and the Public Sphere in the New Media Age.* / Ed. by Dahlgren Peter and C. Sparks. London: Routledge, 1991.
- Conger J., Petersen A. *Adolescence and Youth: Psychological Development in a Changing World*. New York: Harper and Row, 1984.
- Connell R., Ashenden D., Kessler S., Dowsett G. *Making the Difference: School, Families and Social Divisions*. Sydney: Allen and Unwin, 1982.
- Dahlgren A. *Tva världar. Om skillnader mellan unga kvinnors och unga mans verklighetssyn*. Lund: CWK Gleerup, 1977.
- Dahlgren Peter and C. Sparks (eds) *Communication and Citizenship. Journalism and the Public Sphere in the New Media Age*. London: Routledge, 1991.
- Douglas M. *Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Downes D. *The Delinquent Solution. A Study in Subcultural Theory*. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Downs W., Rose S. *The Relationship of Adolescent Peer Group to the Incidence of Psychological Problems.* // *Adolescence*, 1991. No 26.
- Douglas M. *Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Drotner K. *More Next Week! English Children and their Magazines, 1751-1945*. Aarhus: Aarhus University, 1985.
- Drotner K. (1991a) 'Kulturellt kon och modern ungdom' in Johan Fornas, Ulf Boethius and Sabina Cwejman (eds): *Kon och identitet i förändring. FUS-rapport nr 3*, Stockholm. / Stehag: Symposium.
- Eisstadt S. *From Generation to Generation*. New York: Glencoe, 1956.
- Ellis J. *Visible Fictions. Cinema: Televisions: Video*. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Erickson E. *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W.Norton and Company, 1968.
- Fine M., Moreland J., Schwebel A. *Long Term Effects of Divorce on Parent-child Relationships.* // *Developmental Psychology*, 1983.
- Folb, Edith A. *Runnin' Down Some Lines: The Language and Culture of Black Teenagers*. London: Harvard University Press, 1980.
- Foucault M. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. New York: Vintage/Random, 1979.
- Frith S. and Goodwin A. (eds) *On Record. Rock, Pop, and the Written Word*. New York: Pantheon Books, 1990.
- Frith S. *Sound Effects. Youth, Leisure, and the Politics of Rock'n'Roll*. London: Constable, 1983.
- Frith S. *The Sociology of Youth*. London: Open University Press, 1984.
- Frith S. *The Pleasures of the Heart: The Making of BBC Light Entertainment.* // Simon Frith. *Music for Pleasure. Essays in the Sociology of Pop*. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Fyvel T. *The Insecure Offenders*. London: Chatto & Windus, 1961.
- Gender and Generation.* / Ed. by McRobbie A., Nava M. London: Macmillan, 1984.
- Ginzberg E. *Toward a Theory of Occupational Choice: A Restatement.* // *Vocational Guidance Quarterly*, 1971.
- Glasser M. *Homosexuality in Adolescence.* // *British Journal of Medical Psychology*, 1977.

- Gramsci A. Wave of Materialism, and Crisis of authority. // Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. / Ed. by Q. Hoare, G. Nowell Smith. London: Lawrence & Wishart, 1971.
- Griffin C. Representation of Youth. The Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press, 1993.
- Gross N. Youth and the Army in the USSR in the 1980s. // Soviet Studies, 1990. No 42.
- Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: The Critique of Functionalist Reason. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Hall G. S. Adolescence. Its Psychology and its Relation to Physiology, Antropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education. 2 vols. New York: Appleton, 1994.
- Hall S. (ed) Politics of Crisis. Mugging, the State and Law and Order. London: Macmillan, 1978.
- Hall S., Jefferson T. Resistance Through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. London: Hutchinson, 1976.
- Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Heaven P. Contemporary Adolescence. A Social Psychological Approach. Sydney: Charles Stuart University, 1994.
- Hebdidge D. Subculture: The Meaning of Style. London: Methuen, 1979.
- Hoggart R. The Uses of Literacy. Harmondsworth: Penguin Books, 1958.
- Hojerback I. Nya medier - nya klyftor? Ungdomars medieanvändning i ett tioarsperspektiv. Lund: Sociologiska Institutionen, 1990.
- Honneth A. The Fragmented World of Symbolic Forms: Reflections on Pierre Bourdieu's Sociology of Culture. // Theory, Culture & Society, 1986. Vol. 66.
- Kandel D. On processes of Peer Influences in Adolescent Drug Use: A Developmental Perspective. // Adolescent behavior and Society: A Book of Readings. / Ed. by R. Muuss. New York: McGraw-Hill, 1990.
- Kinsman F. UK Leisure Markets: 1990 Survey Prospects to 1995. Staniland Hall, London, 1990.
- Kvande E. Kvinner og hogre teknisk utdanning. Trondheim: IFIM-NTH, 1982.
- Lamborn S., Mounts N., Steinberg L., Dornbusch S. Patterns of Competence and Adjustment among Adolescents from Authoritative, Authoritarian, Indulgent, and Neglectful Families. // Child Development, 1991.
- Manheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul, 1952.
- McRobbie A. Settling Accounts with Subcultures: A Feminist Critique. // Screen Education, 1980.
- McRobbie A. Feminist and Youth Culture: From 'Jackie' to 'Just Seventeen'. Basingstoke: Macmillan, 1991.
- McRobbie A., Garber J. Girls and Subcultures: An Exploration. // Resistance Through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. / Ed. by S. Hall, T. Jefferson. London: Hutchinson, 1976.
- McRobbie A. and Nava M. (eds) Gender and Generation. London: Macmillan, 1984.
- Mintel. Nighthclubs. Mintel Leisure Intelligence 3. 1992.
- Miller P., Moore K. Adolescent Sexual Behavior, Pregnancy, and Parenting: Research through the 1980s. // Journal of Marriage and the Family, 1990.
- Nava M. Consumerism and its Contradictions. // Cultural Studies, 1980. No 1.
- Nava M. Consumerism Reconsidered: Buying and Power. // Cultural Studies, 1991. No 5.
- Nava M. Changing Cultures. Feminism, Youth and Consumerism. London: Sage, 1992.

- Neville B., Parke R. Adolescent Fathers. // *Encyclopedia of Adolescence* (Vol.1). / Ed. by R. Lerner, A. Petersen, and J. Brooks-Gunn. New York: Garland Publishing, 1991.
- Newcomer S., Udry J. Parental Marital Status Effects on Adolescent Sexual Behavior. // *Journal of Marriage and the Family*, 1987.
- Noller P., Patton W. Maintaining Family Relationships at Adolescence. // *Adolescence: An Australian Perspective*. / Ed. by P. Heaven, V. Callan. Sydney: Harcourt Brace Jovanovich, 1990.
- Omel'tchenko E. From "macho to androgenous". Analysis of the discourse of sexuality in Russian youth magazines. // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. / Special issue by C. Corrin, June, 1999.
- Omel'tchenko E. Provincial Youth, Gender and Sexuality in Post-Communist Russia: A study of youth sexuality in Ul'yanovsk. // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. / S. Ashwin (ed.) Routledge: London, 2000.
- Omel'tchenko E. Young women in provincial gang culture: a case study of Ul'yanovsk. // *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia*. / Ed. by H. Pilkington. London and New York: Routledge, 1996.
- Omel'tchenko E., Pilkington H. Stabilization or Stagnation? A Regional Perspective. // *Elections and Political Order in Russia*. / Ed. by P. Lentini. Central European University Press, 1995.
- On Record. Rock, Pop, and the Written Word. / Ed. by S. Frith, A. Goodwin. New York: Pantheon Books, 1990.
- Parsons T. Age and Sex in the Social Structure of the United States. / T. Parsons. *Essays in Sociological Theory*. Glencoe: The Free Press, 1942.
- Pearson G. Hooligan. A History of Respectable Fears. London: Macmillan, 1983.
- Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed. London and New York: Routledge, 1994.
- Politics of Crisis. Mugging, the State and Law and Order. / Ed. by S. Hall. London: Macmillan, 1978.
- Prokop U. Weiblicher Lebenszusammenhang. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.
- Reimer B. The Most Common of Practices. On Mass Media Use in Late Modernity. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1994.
- Remote Control. Television, Audiences, and Cultural Power. / Ed. by E. Seiter, H. Borchers, G. Kreutzner, E.-M. Warth. London: Routledge, 1989.
- Ricoeur P. Interpretation Theory. Discourse and the Surplus of Meaning. Fort Worth: Texas Christian University Press, 1976.
- Roberts R. The Classic Slum. Salford Life in the First Quarter of the Century. Manchester: Manchester University Press, 1971.
- Rosenberg M. and Kaplan H. (eds) *Social Psychology of the Self-concept*. Illinois: Harlan Davidson, 1982.
- Rutter M. The Developmental Psychopathology of Depression: Depression in Young People: Developmental and Clinical Perspectives. New York: The Guilford Press, 1986.
- Safilios R.C. Sex Stereotyping in US Primary and Secondary Schools and Interventions to Eliminate Sexism. Klaeken: Council for Cultural Co-operation, 1981.
- Schaefer E. A Circumplex Model for Maternal Behavior. // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1959.
- Seiter E., Borchers H., Kreutzner G. and Warth E.-M. (eds) *Remote Control. Television, Audiences, and Cultural Power*. London: Routledge, 1989.

- Small S. Parental Self-esteem and its Relationship to Childrearing Practices, Parent-adolescent Interactions, and Adolescent Behavior. // Journal of Marriage and the Family, 1988.
- Sobol M., Daly K. The Adoption Alternative for Pregnant Adolescents: Decision Making, Consequences, and Policy Implications. // Journal of Social Issues, 1992.
- Social Psychology of the Self-concept. / Ed. by M. Rosenberg, H. Kaplan. Illinois: Harlan Davidson, 1982.
- Sprinthall N. and Collins W. Adolescent Psychology: A Developmental Review. New York: Random House, 1988.
- Thalin M. Fritid i valfarden. Svenska folkets fritids-och kulturvanor. Stockholm: RSHF, 1985.
- The Clubcultures Reader: readings in Popular Cultural Studies/ ed. by Steve Redhead, Blackwell, 1997.
- Tomlinson A. Consumption, Identity and Style. Marketing, Meanings, and the Packaging of Leisure. London: Routledge, 1990.
- Thornton S. Club cultures. Music, Media and Subcultural Capital. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Udry J. Biological Predispositions and Social Control in Adolescent Sexual Behavior. // American Sociological Review, 1988.
- Walsh F. Conceptualizations of Normal Family Functioning. // Normal Family Processes. / Ed. by F. Walsh. New York: The Guilford Press, 1982.
- West D. The Young Offenders. Harmondsworth: Penguin Books, 1967.
- West D., Farrington D. Who Becomes Delinquent? Second Report of the Cambridge Study in Delinquent Development. London: Heinemann, 1973.
- Willis P. Learning to Labour. How Working Class Kids get Working Class Jobs. London: Saxon House, 1977.
- Willis P. Common Culture. Symbolic Work at Play in the Everyday Cultures of the Young. Milton Keynes: Open University Press, 1990.
- Wilson E. Adorned in Dreams. Fashion and Modernity. London: Vigaro, 1985.
- Williams R. Keywords. London: Flamingo, 1981.
- Youth Culture in Late Modernity. / Ed. by J. Fornas and G. Bolin. London: Sage Publications, 1995.
- Zablocki B. D. and Kanter R. M. The Differentiation of Life-styles. // Annual Review of Sociology, 1976. No 2.
- Ziehe T., Stubenrauch H. Pladoyer fuer ungewöhnliches Lerner. Ideen zur Jugendsituation. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1982.

Патрик Хэвен

Современные подростки: социально-психологический подход¹

Влияние семьи

Первый опыт взаимоотношений с другими людьми у молодого человека происходит в контексте семьи. Считается, что качество процессов привязанности и развитие близких уз между родителями и ребенком в первые месяцы жизни очень важны для дальнейшего эмоционального здоровья человека. Семья – это та арена, на которой происходит изучение и понимание мира, а также первичная социализация. Данные исследований показывают, что семейные отношения в течение подросткового возраста имеют очень сильное влияние на целый ряд сфер, таких, как: автономия и полноценное развитие дальнейшей независимости человека, самоуважение, индивидуальная патология, проблемное поведение.

Семья – одна из наиболее важных поддерживающих систем, которая реально имеется в наличии у ребенка и подростка. Любое ослабление этой поддерживающей системы (развод родителей или негативное отношение родителей к ребенку) имеет важное значение для функционирования подростка, развития его адаптивных способностей и адекватных идентичностей.

Ниже мы рассмотрим, в какой степени эти факторы (в частности, родительский стиль, контроль или, например, развод родителей) влияют на развитие подростков и их эмоциональную приспособляемость.

Теоретические перспективы

Попытки более глубоко понять характер семейных взаимоотношений осуществлялись с разных теоретических позиций. Особо следует выделить символический интеракционизм, теорию социального изменения и теории семейных систем.

1. Символический интеракционизм пытается представить мир (“посмотреть” на него) глазами подростка. Ключевыми понятиями или символами при этом являются: роли, категории, позиции и определения ситуаций. В соответствии с этим взглядом на семью, подростки организуют свое поведение и взаимодействие с другими людьми в терминах, выражающих их собственное восприятие этих символов. Подростки и их родители выполняют разные роли в семье, и их взаимодействие в большой степени зависит от их собственных определений этих ролей. Когда подростки реагируют на действия своих родителей, их реакция включает интерпретацию родительских действий. В соответствии с этой позицией, поведение должно рассматриваться в терминах восприятия других членов семьи.
2. Максимизация наград и минимизация наказаний, центральные элементы теории социального изменения. Подросток может быть вовлечен именно в это, а не другое действие в надежде, что это может повлиять на чье-либо поведение. Подобное взаимное изменение (под влиянием взаимных ожиданий) происходит в каждом межличностном взаимодействии.
3. Многие авторы считают, что семья должна рассматриваться как система: это объединенная система людей, где не просто все ее члены (системы) взаимосвязаны, но каждый имеет

¹ *Heaven Patrick C.L. Contemporary Adolescence: A Social Psychological Approach. Sydney. Charles Stuart University, 1994. Ch.3. Перевод с английского Е. Омельченко.*

еще и внешние связи. Каждый элемент может влиять на любые другие не только в пределах системы, но и в границах своего непосредственного внешнего окружения

В соответствии с системной перспективой семья рассматривается как сложное соглашение (приспособление) взаимосвязанных отношений. Для некоторых семей характерны гармоничные отношения, в то время как другие переживают конфликт. Хотя не все семьи характеризуются наличием конфликтности, природа отношений между детьми и родителями всегда подвергается изменениям с того момента, как только ребенок достигает возраста раннего подростка.

Рассмотрим три модели, в основу которых положена различная степень половой зрелости: последняя выступает в качестве некоей детерминанты отношений между родителями и подростками. Их можно интерпретировать в свете символического интеракционизма, теории социального изменения и системного подхода. В первой модели гормональные изменения, происходящие в ребенке, вероятно, имеют воздействие на его (ее) эмоциональное состояние, а, следовательно, влияют и на взаимоотношения с родителями. В одном исследовании, например, было обнаружено, что родители придают значения изменениям, происходящим с их детьми в период их полового созревания, больше, чем сами подростки. Без всякого сомнения, физиологические изменения, происходящие с подростком, ясно напоминают родителям, что их "ребенок" растет и вскоре должен будет принять новые "взрослые" роли в обществе. Савин-Вильямс и Смолл выяснили, что родители были менее обеспокоены ранней половой зрелостью сыновей, чем поздней половой зрелостью дочерей. Подобные физические изменения в подростковом возрасте символизируют наступление взрослости.

Модели семейного функционирования

Существует несколько разных, хотя и взаимосвязанных моделей функционирования семьи. Интегративная модель комбинирует элементы и конструкты каждой из главных моделей. Соответственно, можно выделить восемь измерений здорового функционирования семьи.

- *индивидуальность – взаимопроникновение;*
- *взаимность – изоляция;*
- *гибкость – ригидность (твердость);*
- *стабильность – дезорганизация*
- *адекватное (точное) восприятие – искаженное восприятие;*
- *ситуативный – функциональный (ролевой) конфликт;*
- *ролевое взаимодействие – конфликтные роли;*
- *четкие – искаженные (размытые) поколенческие границы.*

"Положительные" факторы характеризуют нормальное функционирование семьи, причем улучшение в одном измерении ведет к улучшению в других. Важно помнить, что "нормальное" функционирование не является исключительно прерогативой традиционной семьи.

Влияние родителей и детей-подростков друг на друга

Конечно, нельзя сказать, что ребенок не испытывает влияния со стороны других факторов (помимо семьи) – типа вне семейного социального опыта или ценностей групп сверстников.

(peer groups). Однако влияние семьи наиболее сильно. Родители оказывают воздействие на своих подростков несколькими путями.

Во-первых, родители выступают в качестве ролевых моделей, чье поведение подростки наблюдают и имитируют.

Во-вторых, родительские стили и система воспитания ребенка оказывают важное влияние на социальное и эмоциональное развитие подростка.

В-третьих, родители передают свои ценности и моральные нормы детям. Сюда же относятся и общие системы верований, какое поведение считается в рамках семейных ценностей приемлемым.

В-четвертых, родители являются важным источником информации по целому ряду тем и проблем. Следовательно, коммуникация между родителями и подростками действительно является наиболее важной.

Родительские стили

Независимо от своего пола, социального опыта и других характеристик все подростки так или иначе сталкиваются с ключевыми проблемами своего развития: это адаптация к физиологическим изменениям, создание и утверждение эффективных социальных отношений, согласованных собственной сексуальностью, утверждение самоидентичности или подготовка себя для карьеры. Утверждалось, что семья является важнейшим фактором для достижения этих целей.

В своем ставшем уже классическом исследовании, проведенном в 1950-е гг., Шэфер предложил двумерную схему поведения родителя: автономия – контроль и враждебность – любовь. Он полагал, что в секторе враждебность – контроль родители, вероятно, будут требовательными и авторитарными в отношениях с детьми, а в секторе автономия – любовь они будут действовать демократичным образом. Несмотря на то, что различные теоретики впоследствии разработали много других схем, именно эта двухмерность – “эмоциональная поддержка” и “родительский контроль” – возникает практически постоянно.

Позднее Ноллер и Паттон выделили две основные родительские стратегии и их возможное влияние на подростка. Авторы заметили, что, если родители стремятся поддерживать низкий уровень принуждения, их ребенок, скорее всего, будет достаточно социально-ориентированным. С другой стороны, принуждение, сочетаемое с недостатком поддержки, вероятно, приведет к поведенческим проблемам среди подростков. Данные говорят о том, что эти родительские качества могут действовать как по отдельности, так и в комбинации при определении психологической приспособляемости подростка.

Родительский контроль

Влиянию контроля родителей на развитие подростков уделяется немало внимания в исследовательской литературе. Эмпирические исследования показывают, что подростки, оценивающие своих родителей как авторитетных, обладают большими способностями, более “продвинуты” в своем социальном развитии, характеризуются более высокой степенью самоуважения и развитыми умственными способностями, чем те, кто оценивают своих родителей как все позволяющих или, напротив, излишне авторитарных.

Некоторые ученые считают, что “все позволяющее” родительство – слишком туманное, неопределенное понятие. Они различают авторитетные и авторитарные формы контроля, так же,

как разрешение на те или иные действия подростка может быть либо потворствующим (возникающим в силу терпимости родителей), либо попустительским (возникающим в силу равнодушия родителей). (...)

Каждый из этих стилей имеет свои последствия для подростков. Самые большие различия наблюдались между подростками из авторитарных и "попустительских" семей. Различия между авторитарными и "потворствующими" семьями (имеется в виду влияние на подростка) состоят в том, что развитие подростков из авторитарных семей оценивается, в целом, более высоко (однако, эти различия не особенно велики). В нижеприведенной таблице показаны основные различия между влиянием родительского контроля на подростка. Как видно из таблицы, наиболее благоприятное влияние на подростков оказывает влияние "авторитетной" семьи.

Родительский контроль	"Результат" для подростка
"авторитетные" семьи	Хорошие способности (в том числе академические), высокая степень приспособляемости; хорошее психологическое развитие, редкое "проблемное" поведение, более редко (чем у молодежи, которой потворствуют) встречающиеся психические и соматические проблемы.
"попустительские" семьи	Более низкое психическое развитие; незначительное отличие от "авторитетных" семей по степени самоуверенности, социальным и академическим способностям, часто встречающееся "проблемное" поведение.
"авторитарные" семьи	Позитивные ориентации на школу, считают недопустимым использование наркотиков, имеются соматические симптомы; высокая степень социальной адаптивности, самоуверенность; в поведении часто встречаются несущественные отклонения от нормы.

Семейная коммуникация

В основе коммуникации между родителями и подростками лежит взаимная интерпретация того, что подразумевается обоими участниками общения. Разумно предположить, что теплый стиль, используемый родителями, качественно иначе повлияет на поведение подростков, нежели авторитарный или принудительный стиль. Семейная коммуникация необходима для здорового функционирования семьи и ее членов. Здоровая коммуникация оказывает положительное воздействие на степень независимости и самооценку подростка. Семьи, характеризующиеся здоровой коммуникацией, показывают большую сплоченность, адаптивность и удовлетворенность.

Мальчики и девочки-подростки различаются по своим ожиданиям коммуникации в семье. Девочки чаще описывают свои разговоры с мамами, чем с папами, мальчики – с папами о сексуальных проблемах и о жизни в целом. Девочкам оказываются более близкими мамы, чем папы, мальчики в равной степени близки обоим родителям. В целом, мать для подростка – более желанный собеседник, отцы же представляются более строгими (способными наказать).

Психическое здоровье родителей

Большое количество данных говорит о важности связей между психическим здоровьем родителей и их ребенком-подростком. Например, результаты некоторых лонгитюдных исследований свидетельствуют о наличии связи между патологическим поведением родителей и серьезными расстройствами (шизофрения и депрессия) у их детей.

Австралийские исследователи интересовались степенью, в какой проявление той или иной семейной патологии (конфликты между членами семьи, низкая степень солидарности и удовлетворенности членов семьи) было связано с индивидуальными симптомами, неврозами, проблемами с самоуважением и неудовлетворенностью жизненными обстоятельствами. Результаты этого исследования показали, что различные проявления семейной патологии имеют тенденцию к взаимозависимости. Конфликт между членами семьи обычно ассоциируется с низкой степенью солидарности и т.д. Более того, большинство членов патологической семьи часто слабо ассоциированы со своими ролями.

Семья действует как сильный социализирующий агент, и родительские позиции, ценности и поведенческие проявления часто сказываются на поведении детей.

Другие исследования рассматривают комплексные связи между родительским самоуважением, практикой воспитания ребенка и поведением подростка. Смолл, например, предположил, что родители, которые сами ощущают себя выше других, склонны воспитывать ребенка с позитивной самооценкой и развивать в нем хорошие адаптивные социальные способности.

Матери с низким уровнем самоуважения более склонны наказывать своих детей, и в результате подросток становится более изолированным. Отцы с низким уровнем самоуважения чаще прибегают к порке. Таким образом, высокая степень родительского самоуважения положительно сказывается на стиле коммуникации в семье. Кроме того, матери с высокой самооценкой легче общаются со своими детьми и подталкивают их к независимому поведению. Отцы с позитивной самооценкой чаще используют физическую силу для дисциплинирования своих детей. (...) И если по отношению к подростку применяется физическое наказание, то с его стороны вероятна негативная реакция и стремление к автономии. (...)

Роджер Хердинг

Понимая подростков²

Изменения взаимоотношений с родителями

Почему подростки становились объектом воспитания на протяжении всей истории? Почему идея “разрыва поколений” столь притягательна для многих людей?

Ответы на подобные вопросы позволяют нам охарактеризовать изменения отношений молодежи, во-первых, с родителями и с другими взрослыми, а во-вторых, со сверстниками.

При переходе из детства во взрослость подросток переживает целый ряд критических ситуаций в своих взаимоотношениях со старшими поколениями. Наиболее ярко это проявляется в отношениях с родителями. Конечно же, круг общения может быть шире. наряду с родителями в качестве центра могут выступать родственники, друзья родителей, учителя. Если же родитель только один (например, родители разведены), круг “значимых взрослых” может включать только его. В любом случае подросток так или иначе выстраивает свои взаимоотношения со взрослым миром и ориентирован, по крайней мере, на одного взрослого человека.

Типы родительства

1. Авторитарный.

В этом случае один или оба родителя склонны к властному и даже диктаторскому способу управления. Часто эти родители были недостаточно строги со своим чадом, когда он был ребенком. Когда же ребенок подрос, родительская монополия на процесс принятия решения стала подкрепляться физическим наказанием.

Д. Баумринд в книге “Авторитарные версии родительского контроля” писал: “Авторитарный родитель пытается формировать, контролировать и оценивать поведение ребенка в соответствии с набором стандартов поведения”.

В такой семье характер ребенка, а позднее подростка формируется в соответствии с образом родителей. По причине непоколебимой веры в “набор стандартов поведения” многие родители традиционных вероисповеданий принимают негибкие способы отношений со своим подростком. Христиане, евреи, мусульмане, индуисты могут говорить своим детям: “Не спорь с нами. Мы знаем, что лучше для тебя. Просто делай так, как тебе велят”.

Это скорее внушение, внедрение какой-то идеи, “обработка”, чем образование. Молодой человек может стать зависимым взрослым, который не имеет собственных мыслей и неспособен на творческий поступок. Другие могут быть смяты авторитарными родителями, и как следствие, иметь низкую самооценку. Один подросток написал мне следующее: “Я живу в христианской семье. Мой отец очень властный, он всегда одерживает победу, т.е. последнее слово в разговорах (если они вообще есть) всегда остается за ним. Это делает домашнюю жизнь невыносимой и подавляет мою индивидуальность, когда отец рядом”.

2. Мягкий.

Если авторитарные родители принимают решения и не допускают подростка к процедуре принятия решения, мягкие родители позволяют своим чадам делать все, что угодно. Они

² *Hurdling R. Understanding Adolescence* London: Hodder and Stoughton, 1989 Ch 5 Перевод с английского У. Блюдиной

скорее сверхопекающие, сверхзащищающие или небрежные (невнимательные). Сверхзащищающие родители имеют тенденцию доминировать и подчинять себе подростка. Мир опасен: "О, дорогой, она опаздывает на 10 минут, я уверена, ее изнасиловали". "Дождь, и я знаю: он попал в аварию". "Я думаю, мы не можем доверять новому приятелю Мери - ты видел его взгляд, когда они выходили?"

В этих случаях молодежи разрешается делать все, чего она хочет, но инициатива подростков блокируется родительскими опасениями. Такие подростки могут стесняться, потому что их родители приезжают слишком рано, чтобы забрать их с дискотеки или вечеринки. Такие дети часто вырастают в застенчивых, неловких или нервных взрослых.

Сверхзащита по отношению к ребенку может иметь множество причин. Она может возникать из соответствующей социальной диспозиции: беспокойные родители сами могли иметь беспокойных родителей. Это может быть результатом недавней трагедии, когда, например, любимый сын или дочь были спасены от серьезной болезни или опасности.

Если сверхзащищающий родитель может быть разрешающим и быть любящим, то небрежный (невнимательный) родитель разрешает и при этом стремится поскорее освободиться от ребенка: "Я не возражаю против того, что ты делаешь, только не приставай ко мне". Молодой человек чувствует, что его не признают и, вероятно, страдает от низкой самооценки все дальнейшие годы.

3. Демократичный.

Главный принцип демократичной семьи – совместное принятие решений.

Демократичная семья подчеркивает автономию ребенка и его ответственность. Разрешающая модель ведет к автономии в стиле "свобода во всем" – без ответственности, автократичная модель создает иллюзию чувства ответственности, но не реальную свободу. Демократичные родители имеют четкое представление относительно того, что есть подросток. Демократичная семья может принять решение, не прибегая к авторитарным методам и не теряя любви друг к другу.

Один из основных источников конфликта в этом возрасте – желание сына купить мотоцикл. В автократичной семье дискуссии может вообще не возникнуть ("Конечно же, нет!"); нет дискуссии и в позволяющей семье ("Конечно, дорогой, без проблем!"). Демократичным родителям необходимо спросить себя, чего они боятся ("Может случиться авария, а потому мы не должны позволять ему купить мотоцикл"), а затем спросить сына о том, откуда у него возникло такое желание, уверить его в том, что они слушают его внимательно и относятся к его доводам серьезно. Это довольно сложный процесс, но это один из важных шагов ребенка по направлению к зрелости.

Библия и родительство

Обратимся к Библии как модели родительства. В библейские времена люди жили в патриархальных обществах, и отцы играли автократичные (деспотические) роли в семье. Авторитаризм всегда порождает сопротивление, и в рамках Моисеевых законов упрямый и непокорный сын мог встретить смерть от камней в руках "старших людей в воротах его города". Более мягкий стиль родительства, например, в истории Исаака и Ребекки. В "Бытие" (25) мы читаем, как Исаак просит Господа Бога за свою бесплодную жену Ребекку. Через некоторое время она беременеет и приносит близнецов.

Может быть сработало пророчество, что "старшему будет помогать младший", и она оказывает предпочтение второму родившемуся Якову больше, чем старшему Исаву. Когда дети становятся подростками, мы читаем: "Мальчики выросли, и Исав стал отличным охотником, человеком открытой страны, а Яков был тихим, все время в тени. Исаак, у которого был вкус

к диким играм, любил Исава, а Ребекка - Якова". (Gen. 25: 27-8). Яков был "женственным" и взлелеянным матерью, а Исава - активным, мужественным и одобряемым отцом. Каждый родитель имел своего любимца. Неудивительно, что Яков стал сверхзащитающим отцом. У него была огромная семья, но первому сыну своей второй жены он уделял больше всего внимания. Схема для родительства выводит на Новый Завет, утверждающий скорее авторитарные, чем демократические или разрешающие принципы.

В послании "От Луки" мы встречаем 12-летнего Иисуса, который посещал Иерусалим со своими родителями для подготовки к следующему году, когда он должен будет "вступить в возраст" как юный иудей. Здесь мы видим ключевые принципы правильного баланса между родителями и их растущим сыном. Они не сверхпекающие, чувствуют себя свободно относительно того, что их сын будет возвращаться с друзьями и родственниками. Они не небрежны, т.к., когда узнают, что его нет с другими, действуют очень быстро. Их стиль авторитетный и демократичный.

Родители (и другие взрослые) как модели

В подростковый период взрослое поколение в значительной мере определяет ответы подростков на вопросы: "Что мне следует делать в жизни?", "Какой женщиной или каким мужчиной мне следует быть?" и т.д. Социологи считают, что ответы на эти вопросы определяют "рабочие и сексуальные роли", и пример родителей в данном случае выступает как модель. (...) Джон Коулман определяет этот процесс как "степень, в которой молодые люди определяют как свои собственные позиции и принадлежность, так и к другому человеку".

Давид Стаффорд-Кларк, психиатр, выяснил, что дети из смешанных (этнических) семей часто оказываются очень одаренными. (...)

В демократической семье степень влияния отца и матери часто приблизительно одинакова. Боуверман, например, показал, что из трех возможных семейных структур - патриархальной, матриархальной и равнотриархальной - в последней подросток, скорее всего, будет ориентироваться на своих родителей. Там же, где более властной фигурой является либо отец, либо мать, подросток меньше будет отождествлять себя с обоими родителями. Причем худший сценарий для развития подростка в том случае, когда отец менее властная фигура, а лучший - когда родители разделяют свое влияние поровну. Если родители не являются "важным моментом" для подростка, находятся другие значимые взрослые.

"Поколенческий разрыв"

От родителей часто можно услышать: "Если он уже сейчас такой, когда он еще маленький, то что же будет с ним, когда он станет подростком!". Среди взрослых очень распространено мнение, что подростковый период - это досадливая неприятность, происходящая с молодыми людьми. Такая точка зрения во многом сконструирована средствами массовой информации, где образ подростка часто эксплуатируется с целью получения прибыли: изображается "бунтующая молодежь" - наркоманы, хулиганы и т.д.

Семейный конфликт между поколениями возможен, когда семье десять лет: в это время у родителей возникает проблема собственной идентичности - так называемый "кризис середины жизни". Наиболее вероятны конфликты между поколениями, когда дочери около 15 лет, а сыну - 17 или чуть больше. Поводы для конфликтов - одежда, волосы, вечернее время. Конфликты более вероятны в деспотических и небрежных семьях. "Поколенческий разрыв" - симптом семьи со слабыми связями "родитель-подросток".

Стюарт Холл, Тони Джеферсон

Сопротивление через ритуалы. Молодежные субкультуры в послевоенной Англии³

Теория 1. "Субкультуры, культуры и класс"

Мы рассмотрим тему молодежных субкультур; наша цель – объяснить их как феномен, возникший в послевоенный период.

(...)

"Молодежь" ("молодость") возникла в качестве опасной категории в послевоенной Англии как одно из наиболее ярких проявлений социальных изменений, происходивших в тот период. (...) На нее указывали как на социальную проблему моральные стражники общества: говорилось, что это что-то, с чем надо "что-то делать".

Трудно доказать, что такое заметное явление, как "молодежная культура", – было лишь конструкцией средств массовой информации (...). Грамши, однако, предупреждал нас, что "при изучении структуры необходимо отличать органические движения – относительно постоянные, от движений, которые могут быть названы "конъюнктурными". И которые возникают как сиюминутные, непосредственные, почти случайные". Целью является "найти верное соотношение между тем, что является органичным, и тем, что конъюнктурно". (...) Молодежная культура выступает как отправная точка для подобного анализа.

(...)

Некоторые определения

Начнем с основных определений. Термин "молодежная культура" отправляет нас к "культурным" сторонам существования молодежи. Под "культурой" мы понимаем следование социальными группами определенному образу жизни. (...) "Культура" группы или класса – это специфический и отличительный "способ жизни" группы или класса, значения, ценности и идеи, воплощенные в институтах, в социальных отношениях, в системе верований, в нравах и законах, в материальной жизни". (...) Культура включает "карты смыслов, значений", которые делают вещи понятными для людей – ее членов. Эти "карты значений" не просто заключены в сознании: они объективированы в условиях социальной организации и отношений, через которые индивиды становятся "социальными индивидами". Культура – это способ, каким социальные отношения групп структурируются и обретают определенную форму; это также и способ выражения этих форм, их понимания и интерпретации.

Социальный индивид, рожденный среди конкретного набора институтов и отношений, в то же время рождается и в конкретное сочетание значений, смыслов, что обеспечивает ему доступ к этой системе. (...) "Закон общества" и "закон культуры" (символический порядок социальной жизни) – это одно и то же. Структура социальных отношений и их смыслов определяют коллективное существование групп. Они также ограничивают и изменяют жизнь группы и воспроизводство ее социального существования. Мужчины и женщины сформированы обществом, культурой, историей. (...) Каждая группа на основании исходных условий что-то создает, (...) тем самым культура воспроизводится и трансформируется. (...) "Люди сами творят свою историю, но делают они это не так, как им того хочется, а сообразно обстоятельствам, уже заданным им историей" (К. Маркс). Культура, следовательно, отражает путь группы в истории.

(...)

³ Hall S., Jefferson T. Resistance Through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. London: Hutchinson, 1976. Перевод с английского У. Блодиной

Группы, существующие в пределах одного общества и имеющие схожие материальные и исторические условия жизни, без сомнения, способны также к пониманию и других культур. Однако, так же, как каждая группа занимает свое особое место в системе отношений производства, власти, богатства, так и культуры могут занимать по отношению друг к другу господствующее или же подчиненное положение, располагаясь вдоль шкалы "культурной власти". (...) Мир имеет тенденцию быть выстроенным вокруг властных отношений.

(.)

Это не означает, что в обществе существует лишь одна система идей и культурных форм. Группы или классы, не имеющие большой власти, тем не менее находят способы выражения и самореализации через свою культуру подчиненных позиций. Однако, при этом структуры и смыслы, наиболее адекватно отражающие позиции и интересы властного класса, будут доминировать в социально-культурной иерархии. Борьба между классами за материальную и социальную жизнь, таким образом, всегда принимает форму длительной борьбы за "культурную власть". (...)

Господствующая культура сложного общества никогда не является однородной. Она состоит как бы из слоев, отражая различные интересы господствующего класса (например, есть мнение аристократии и мнение буржуазии). (...) Подчиненная культура не всегда находится в открытом конфликте с ней. Достаточно долгое время они могут сосуществовать, (...) подчиненная культура будет при этом "противоречить изнутри".

(...)

В современных обществах основными группами являются классы, следовательно, главными культурными образованиями будут "классовые культуры". В рамках "классовых культур" могут располагаться "субкультуры" - более мелкие культурно-классовые образования; их следует рассматривать относительно того более широкого культурного контекста, частью которого они являются. При этом первую культуру мы будем называть "родительской".

(..)

Субкультуры должны достаточно существенно отличаться от "родительской" культуры, чтобы рассматриваться в качестве самостоятельных. Они должны локализовываться вокруг определенного вида занятий, ценностей, территории - чего-либо, что позволит отличить их от "родительской культуры".

(...)

Когда отличительной особенностью групп, помимо прочего, является возраст (в данном случае, молодость), мы имеем дело с молодежной субкультурой.

Некоторые молодежные субкультуры обладают устойчивыми характеристиками "родительской" классовой культуры например, (..) "культура делинквентности" мальчиков-подростков из рабочего класса. Однако, некоторые субкультуры возникают только в особый исторический момент (.): какое-то время они находятся в центре внимания общественности, постепенно становясь все более расплывчатыми и в конечном итоге сходя на нет. Именно такой вид субкультуры интересует нас более всего. Специфическая одежда, стиль, проблемы тэджи-боев, модов, рокеров или скинхедов отделяют их, с одной стороны, друг от друга, а с другой - от более общей культуры мальчиков (в меньшей степени, девочек) из рабочего класса в целом. (...) Через свою одежду, действия, стиль жизни они могут давать разные, с точки зрения культуры, ответы на проблемы, поставленные их социальной классовой позицией. При этом участие в той или иной субкультуре не отгораживает их от проблем более общей "родительской" культуры. Таким образом, субкультура остается подчиненной по отношению к господствующей культуре.

(...)

Майкл Брейк

Сравнительная молодежная культура⁴

Субкультура и стиль

Основными компонентами стиля являются: имидж, манеры, арго.

1. **Имидж** – внешнее проявление некоего смысла, состоящее из костюма и его значимых аксессуаров, таких как: прическа, украшения (драгоценности) и художественные поделки.
2. **Манеры**, прежде всего, походка, осанка. Иначе говоря, это то, во что “актер” одет и как он носит это.
3. **Арго** – словарь данной социокультурной группы, способ артикуляции и коммуникации посредством употребления специфических слов

Важный аспект стиля – это четкое отделение работы от досуга. (...)

Стиль используется социологами в самых различных смыслах. Он может указывать на тех, кто хочет подчеркнуть свою принадлежность к данной символической группе, он помогает проводить водораздел между группами генеральной социокультурной стратегии – все это позволяет людям идентифицироваться со значимыми – вне терминов классовой идентичности – описаниями. Искусству стиля “обучаются” в социальном взаимодействии со значимыми субъектами других субкультур. Представление, “презентация” стиля требует от субъекта (актера) того, что в театре называется “осанкой” – некоей способности не только иметь, но и уметь носить костюм и правильно пользоваться голосом для создания искреннего имиджа. Очевидно, что подобная форма “репрезентации” мастерства часто может вызвать желание проверить его на “качество”, то есть вне других членов этой субкультуры.

“Природа нашего одевания (наряда) очень сложна. Одежды (одевания) – это невероятно много всего сразу. Одежда – это наши социальные оболочки (скорлупа), система сигналов, с помощью которых мы транслируем наши интенции, которые часто являются лишь проекциями наших фантазий, разные одежды – это различные виды нашего оружия, наши вызовы миру, – наши, видимые всем, обиды...” (А. Картер). Мы можем использовать одежду для того, чтобы бросать вызовы доминирующим нормам, мы можем с ее помощью высказывать мнение о той среде, что нас окружает. “Сами для себя мы можем думать, что наша одежда выражает нас самих, но на самом деле она выражает в то же самое время и среду нашего обитания, подобно рекламе, поп-музыке, легкой фантастике, чтиву, фильмам второго сорта. Именно так это происходит на сублимационном, эмоционально нагруженном, неинтеллектуальном, чисто инстинктивном уровне” (А. Картер). Стиль одежды служит также и индикатором стиля жизни и в качестве такового обращается к подсознательным ценностям, в которых комбинируется создание нашего имиджа (визуального вызова) как на структурном, так и на экзистенциальном уровне

Короче говоря, стиль на уровне субкультурного действия есть способ само репрезентации носителя арго, использующего костюмы и всяческие аксессуары, взятые из контекста господствующей моды и переводящего этот набор “слов” в свою собственную риторику. Различием между условным костюмом и образностью является нарочитость. Американский уличный говор в черных гетто повлиял на язык доминирующей белой культуры, изменил ее ритм посредством представлений об африканском темпе и привел в замешательство аутсайдеров моды сложным набором метафор, заимствованных из черных субкультур

⁴ *Brake M. Comparative Youth Culture The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada* London Routledge & Kegan Paul, 1985 Перевод с английского Е. Омельченко

Кларк и его коллеги проиллюстрировали это следующим образом: "...экспроприруя стиль одежды у высшего класса, тедди-бой "покрывает" пропасть между по большей части школярским (учебным) представлением неквалифицированного люмпена о реальной карьере - и конкретных жизненных случаях о "всегда-одетых-так-как-будто-никуда-торопиться-не-надо" опытом воскресного вечера. Так происходит экспроприация и фетишизация потребления и собственно стиля. Моды покрывают своим стилем пропасть между "никогда-нескончаемым-уикендом" и "отрезвлением-понедельника" и началом смертельно скучной работы".

Субкультуры, социальная реальность и идентичность

Считается, что субкультуры предлагают в большей степени "магические", чем реальные решения противоречий, присущих социэкономической системе для "актера" определенного уровня. По отношению к молодежной субкультуре это может быть представлено как проблема поколения. С другой стороны, стиль субкультуры позволяет выражать идентичность посредством взвешивания проекции образа - Я, "магически" освобожденным от класса и профессионального рода занятий. Субъективная перцепция и интерпретация структурных проблем персонализируется, ограничиваясь конкретной классовой позицией актора. Кроме того, эти проблемы дорисовываются общиной, в которой живут акторы. Для актора существует, по видимости, возможность собственного волюнтаристского отбора субкультур, из которых он может выбрать подходящий ему стиль. На самом деле вхождение в субкультуру лимитировано возможностями, во многом определяемыми классовой принадлежностью, уровнем и качеством образования.

Эмпирически можно определить, как скопление субкультурных групп находится в локализованных пространствах социально-классовой структуры общества, определенных совместным опытом (в смысле прошлого опыта) класса, образованием и местом жительства (соседством). Однако естественно, что степень проявления и артикуляции субкультурного жизненного стиля и "объективная" предрасположенность к какому-либо из них значительно варьируется. Отношение субкультур и возраста очень важно, потому что подростковость есть период перехода от школы к работе, от работы к женитьбе (замужеству), поскольку в этом отношении проявляется вторичная социализация подростков.

П. Бергер и Т. Лукман в свое время писали: "В первичной социализации проблема идентификации практически отсутствует. Нет выбора значимых других. Общество предлагает кандидату для социализации уже предопределенную позицию значимых других, которых он должен принять без возможности выбора какого-либо другого отношения. Ребенок не интернализирует мир своих значимых других как один из возможных миров. Он интернализирует его как мир, единственно существующий и мыслимый ..."

В представлении детей социальные институты выглядят частью символической тотальности, которую ученые, поэтому и называют "символическим универсумом". Все в этом мире имеет смысл в отношении к гегемоническому ощущению - полученный мир ощущается как единственно возможный мир. Но, как пишут Бергер и Лукман, поскольку этот универсум не столь уж упорядочен, появляющиеся в нем аномалии и противоречия должны быть преодолены (их следует избегать). Одна из функций культуры, согласно М. Дуглас, - это перевод категорий универсума в общественно узнаваемые модели: "Культура в смысле общественном стандартизирует ценности общины, опосредует опыт индивидов. Она предлагает, прежде всего, основные категории описания мира, позитивную модель, в которой идеи и ценности аккурратно

упорядочиваются. И, кроме того, она имеет авторитет, благодаря чему каждый посвященный приобретает некое согласие с собой, потому что находится в согласии с другими".

Девияция имеет в этом смысле "инакомыслящую" природу, поскольку бросает вызов чистоте символического универсума. Девиянты выглядят как аутсайдеры, выделяются из общины как некие "левые" или как иммигранты, они описываются именно как аутсайдеры, принимающие участие в чужом символическом универсуме, который существует органично в своей, "другой" по отношению к ним, культуре. Группа девиянтов поднимает вопрос о моральной власти в обществе, ведь с этого момента любой символический универсум будет иметь дело с проблемой, чье определение реальности будет "большинством" взято за основу.

Субкультура может придать своей идеологии форму девиянтности, которая будет угрожать проявлению согласия в символическом универсуме. Субкультура осознается потенциальными носителями благодаря вызовам символическому универсуму и помогает им идентифицироваться с ней. Рекрут использует ценности и образность субкультуры для изменения своего предшествующего образа. Глейзер называл это дифференциальной идентификацией, то есть идентификацией не по подобию, а идентификацией по различению.

Развитие аналитических подходов к изучению субкультур

Г. Беккер утверждал, что достаточно плодотворный путь рассмотрения девиянтности - через значение "моральной карьеры": "Все причины не могут быть учтены в анализе одновременно. Нам нужна модель поведения, в основу которой положен некий факт из ряда причин, модель, которая развивается в порядковой последовательности... Мы должны действовать шаг за шагом, вслед за изменениями в индивидуальном поведении и его перспективах в порядке все большего нашего понимания этого феномена".

Рассмотрим это положение в более широком теоретическом контексте, а для этого различим:

1. Природу девияции, которая включает в себя информацию о путях и способах различения девиянтов от не-девиянтов; характер взаимоотношений различных субкультур с "большим" обществом; модели взаимодействия внутри субкультуры.
2. Общественные реакции на девиянта. Кроме анализа разброса отрицательных мнений о "девиянтах", эта позиция должна включать в себя изучение общей реакции общественного мнения на девиянта, и в частности - реакцию масс-медиа. Принимаются они, отклоняются или подвергаются общественному позору.
3. Природную (естественную) историю девияции, включая социализацию девиянта, реакцию значимых других на его субкультурность. Необходимо также учитывать критические точки в карьере девиянта, как, например, изменения в самопонимании - кризисы самоидентификации.
4. Включенность девиянта в социум, мера его социального участия: род занятий, статус, доход, а также влияние этих моментов на то, как он стал девиянтом.

Некоторые теоретические рамки (подходы) требуют рассмотрения процесса приобщения, включения индивида в субкультуру ("процесс становления членом той или иной субкультуры"), так же, как и отношений, которые субкультура имеет с обществом, всего комплекса социальных и культурных взаимодействий между ними.

Д. Дензин об этом писал следующее: "... центральным моментом в понимании поведения между людьми, является уровень и вариативность символов и разделяемых ими символических значений, управляющих взаимодействием индивидов в общих для них ситуациях".

Для рассмотрения субкультур необходимо исследовать:

1. Природу субкультуры (историческое развитие субкультуры, ее взаимодействие со структурными проблемами более широкой социоэкономической структуры; стиль и образность субкультуры требует некоей герменевтической перспективы, в рамках которой можно исследовать смыслы, которые она может иметь для потенциальных носителей). Какие проблемы “разрешаются” этой субкультурой с точки зрения “новобранцев” – это также очень важно для понимания привлекательности субкультуры для молодежи.
2. Социальные реакции на субкультуру. Воздействие масс-медиа на природу субкультуры. Важно исследовать и влияние значимых других, характер социальных реакций моральных авторитетов: предпринимателей, общественности и официальных защитников морального порядка.
3. Естественная история моральной карьеры членов субкультуры также должна быть реконструирована. Молодежь, прежде всего, “прикрепляется” к сообществу через его ценности, затем посредством ответственности за поддержание зависимости от этого сообщества, и, наконец, благодаря финансовым обязательствам, которые означают, что ситуацией уже нужно владеть самостоятельно. Этот же аргумент может быть использован по отношению к коллективной девиации в форме субкультуры. В сложных обществах всякому хочется знать, как другие несубкультурные элементы, в своей другой, “акторской” жизни управляются с встающими перед ними проблемами.
4. Социальная организация субкультуры. В ней различается два уровня:
 - а. Субкультурное отношение к социальной структуре и то, какое воздействие это отношение имеет на социальное взаимодействие внутри субкультуры;
 - б. Ценности, нормы, символы, модели и образы поведения, характерные для данной субкультуры, рассматривать которые необходимо в фокусе ее собственной организации.
5. Живучесть субкультуры и причины ее “конца”. *Субкультура не есть нечто неизменное. Необходимо исследовать как грани ее изменений, так и ее динамичные формы.*

Одна из первых проблем заключается в том, как различные формы субкультур могут сосуществовать одновременно? Ведь плюрализм культуры вовсе не означает того, что различные социальные группы имеют равное влияние на политическую власть или равные возможности во “влипании”, переносе своих культурных моделей на общество.

С. Коен пишет: “Можно выделить три уровня в анализе субкультур: один – **исторический**, в котором упор делается на выявлении специфических классовых позиций. Другой – **подсистемный**, акцент в котором делается на изменениях, переходящие от одного субкультурного компонента к другому. Третий – анализ **реальной “жизни” субкультуры**, ее реальности, которая осуществляется теми, кто ее поддерживает”.

При этом принято считать, что изучать субкультуры нужно в четырех основных сферах:

1. Респектабельная молодежь. Естественно, что молодежная мятежность достаточно относительна, немало молодых людей проходит по жизни без какого-либо включения в ту или иную тинэйджерскую культуру. Они могут быть вовлечены в поток молодежной моды, но при этом совершенно не обязательно, чтобы они поддерживали те жизненные стили, которые стоят за этой модой. Эта группа молодежи, с точки зрения девиантных субкультур, выглядит негативной референтной группой, оценивается членами субкультуры как “конформистская” или “просто” молодежь – “нормальная молодежь”.
2. Делинквентная молодежь. Важно то, что тинэйджеры во многом отражают и воспроизводят классовые культуры своих родителей, и что их классовая принадлежность наполняет все

сферы их жизненного мира. Делинквентные субкультуры чаще всего исследовались как некий переход, путь к взрослому качеству "рабочего класса", прежде всего, с точки зрения влияния этого перехода на молодых мужчин-подростков. Мужчины действительно оказываются чаще вовлеченными в нелегальные виды деятельности, такие как кража, насилие или вандализм - в то время как девочки преимущественно ассоциируются с сексуальными отклонениями, с их использованием содержаниями нелегальной протекции.

3. Культурные бунтовщики. Эта группа стремится к вовлечению в субкультуры, граничащие с традициями образы жизни богемы. Они располагаются на перифериях литературно-артистического мира, становясь самоотверженными последователями и приверженцами этого мира "богемы" даже в большей степени, чем сами артисты.
4. Политизированная и военизированная молодежь. Эта группа примыкает к радикальным политическим традициям. Размах их политических амбиций может быть огромным - от защиты окружающей среды, выдвижения своих "общинных" политиков к открыто милитаристским действиям. Они могут быть обособленной политической группой или существовать на окраине массового социального движения, как, например, движения за мир в 1950 г.

Суммируя все это, можно предположить, что наиболее эффективным и плодотворным для изучения субкультур будет поле коллективных девиаций.

Следует также признать и тот факт, что субкультуры выполняют особые функции для молодежи:

1. Они предлагают решение некоторых структурных проблем молодежи на "магическом" уровне, особенно проблем, созданных внешними противоречиями социоэкономической структуры, которые коллективно переживаются молодежными поколениями. Часто эти проблемы являются частью классовых переживаний - эффектом осознания классовой принадлежности и сопротивления молодежи социально-экономической заданности их будущего.
2. Они предлагают некую новую культуру, из которой можно отобрать значимые культурные элементы, такие как: стиль (моду), досуговые ценности, повседневные идеологии и жизненные стили. Эти элементы способствуют формированию идентичности вне той солидарности, которая предписывается им "соответствующей" (их уровню) работой, семьей и школой.
3. Они есть некая альтернативная форма социальной реальности, которая, конечно же, апробируется в классовой культуре, но опосредуется ближним окружением (соседством) или несуществующей - символической общиной, воспринятой через масс-медиа.
4. Субкультуры предлагают осмысленный, значимый путь жизни в рамках "свободного" времени - в течение досуга, который был вынесен за рамки инструментального и скучного мира работы.
5. Субкультуры предлагают новые экзистенциальные дилеммы для принятия индивидуальных решений. В частности, они могут включать использование бриколажа молодежного стиля для конструирования своей идентичности вне школы или работы. Кроме того, все субкультуры имеют тенденцию быть именно маскулинными субкультурами, особенно это касается субкультуры рабочего класса.

Межпоколенческий конфликт - это некая дисфункция социализации, результат слабой интеграции между обществом и возрастными группами. Возраст - это основная социальная и культурная характеристика социальных акторов. Молодежь, особенно подростки, есть период подготовки к взрослой жизни, основанной на разделении труда. В доиндустриальных обществах подростковость перемещалась во взрослость через принимаемое всеми и достаточно очевидное окончание детства и начало взрослой жизни. Но в индустриальных обществах все эти процессы намного усложнились. Молодежь как возрастная страта вовсе не является в индустриальном мире неким центральным интересом для экономики.

Ш. Айзенштадт об этом писал так: "... юность есть переходная фаза между миром детства и взрослым миром". Но, однако, не все субкультуры связаны с возрастными акцентами. А отсюда следует, что субкультуры могут быть рассмотрены не только с точки зрения их собственных культурных элементов, часто они могут формироваться и существовать как исторический ответ на уже существующие субкультурные моды. Каждое поколение стремится решить структурные проблемы своего коллективного существования, получается, что молодежь уже имеет свою собственную историю субкультур. Молодежь всегда особенно остро ощущает пропасть между тем, что происходит, и тем, чему и как их приучали верить.

Молодежная культура и класс

Молодежь и подростки были в центре внимания исследований в 1930-х годах в Америке. Иллюстрацией может служить конференция Американской социологической ассоциации в 1934 г. Главная социологический тезис того времени состоял в том, что утверждалось, будто бы подростки живут в ином, чем взрослые, мире и творят "включение в социальный порядок", отличный от взрослого общества. Таким образом, социология молодежи начиналась как наука о сепаратной подростковой культуре.

Т. Парсонс был тем ученым, который создал термин "молодежная культура" и проанализировал это явление досконально через комбинацию возраста и сексуальных ролей. Он полагал, что молодежная культура развивается в противоречии к ценностям взрослого мира: идеям производительного труда, рутины конформизма и ответственности. Молодежь развивает свои ценности в пространстве потребления, досуга и принципа безответственности. Взгляды Парсонса, таким образом, как бы вне историчны и противоположны классовому анализу. По Парсонсу, молодежная культура располагается как бы на мосту между зависимостью детства и независимостью взрослости. Получается, что подростковость есть некий вид "ритуального перехода", особенно для молодежи среднего класса, поскольку молодежь рабочего класса существует, по мнению Парсонса, на периферии культуры.

Парсонс доказывал этот тезис, описывая сдвиги акцентов в молодежной культуре среднего класса в 1950-е гг. В те времена, как он полагает, молодежи было предоставлено больше независимости, благодаря чему развилась мощная группа "верных" подростковых стилей. Развилась романтичность, которая сопровождала "начало ухаживания" за противоположным полом, характерным стало обожествление популярных фигур и народных героев. Молодежь из рабочего класса осталась вне картины успеха среднего класса, реагируя на культуру школы делинквентностью и прогулами. В 60-е годы Парсонс воспринимает молодежную культуру уже не просто как "принудительную независимость от, и антагонизм к взрослым ожиданиям и авторитетам", сколько как феномен солидарности сверстников - "пир групп". Верность группе сверстников придает силу и группе, и подростку, правда молодежь, как считает Парсонс, становится благодаря этому более ответственной к консервативному контролю взрослых, и поэтому - более интегрированной в господствующую взрослую культуру. Политически молодежь поддерживала право на социальные изменения, которые стимулировали ее активность, но молодежь при этом оставалась в состоянии социальной фрустрации, будучи лишенной власти и влияния. Вывод Парсонса: несмотря ни на что, молодежь оказывается в большей степени готовой к работе, чем к оппозиции системе. Радикальные молодежные - классовые - движения в течение 1960 гг. стали для него настоящим шоком.

Все стало восприниматься иначе. Для социологов молодежи Парсонс был частью борьбы

времен холодной войны, сконцентрированной на имидже Америки как плюралистической демократии, содержащей в себе возможности индивидуального выбора и открытого соревнования за власть. Этот взгляд Америка демонстрировала в противоположность культуре советского общества - тоталитарному государству, с присущей ему "добровольной" партийной элитой, которая манипулировала пассивным и конформистским населением.

Джеймс Коулман считал, что политический плюрализм вырастает из культурных различий, то есть несхожести. В своих работах он стремился продемонстрировать существующий плюрализм высшей школы через выявление различий между статусными системами, представленными уже в средней школе. Он полагал, что существование общеприняемого, необходимого уровня победы (успеха) в школе, было именно тем принципиальным моментом, по отношению к которому строились все неформальные статусные системы среди студентов (которые либо поддерживали этот уровень достижимости, либо были в антагонизме к нему).

Большое значение для исследования взаимоотношений и взаимовлияний между молодежной культурой и классовой принадлежностью имеет понятие "территории". Очень важным представляется рассмотрение социального значения, которое территория имеет в локальном "соседстве" рабочего класса. Физическое пространство - это не просто территориальный императив, но и символ всего стиля жизни. Статус локального соседства - это центральный момент для этого символа, но важно учитывать еще и глубокий контекст борьбы за достойное поселение. Внутренний город населен отверженными группами, часто этническими меньшинствами или иммигрантами.

Культурный плюрализм важен также и там, где актер лишен соседства. В рамках субкультурной теории, Сазерленд и Крисси развили модель так называемой обучающей теории, базирующейся на операциональных предпосылках, развитых в психологии. Этот подход был развит Глейзером. Он, в частности, писал: "... когда молодой человек следует криминальному образцу поведения, то он идентифицирует себя с более "продвинутыми" в этом направлении - реальными или воображаемыми - личностями, с перспективы которых его криминальное поведение выглядит вполне приемлемым".

Развитие молодежной субкультуры продолжается на основе ролей, и значение субкультуры заключается в способности к конструированию идентичностей. Опыт подростков приводит к восприятию школы как бессмыслицы. С этой точки зрения девиантные субкультуры появляются как позитивная опора для группы, создающей символическую и социальную оппозицию (вместе с контридеологией) официальной школьной культуре.

Это так называемая альтернативная идентичность, которая может быть сконструирована из субкультурных элементов, выступающих прямыми альтернативами к тем, что характерны для системы школьных ролей.

В гомосексуальной субкультуре отражается некое предощущение будущих сложностей в идентификации (невероятно сложный жизненный сценарий), которые именно в данном случае усиливаются различиями в ощущениях. Эти ощущения развивают усиленное одобрение тех субкультур, которые появляются в порядке компромисса между, желанием обрести идентичность, с одной стороны, и с другой, - реальной ситуацией социального неодобрения этой гомосексуальной субкультуры. Стабилизация идентичности, следовательно, поддерживается нормативной системой субкультуры, но построение ее модели происходит обычным для субкультуры путем.

Теория аномии, и ее влияние на изучение субкультур

Коен утверждал, что существует не один, а три типа молодежной рабочей субкультуры:

1. Конфликтно-ориентированная субкультура, первейший интерес которой - это насилие;

2. Субкультура тех, кто пристрастился к наркотикам, развившаяся как некое утилитарное направление для облегчения добычи наркотиков;
3. Полупрофессиональная воровская субкультура, которая подталкивает все новых и новых подростков к включенности в преступный мир.

Коен подчеркивал, что рабочая - молодежная - субкультура является по существу родительско-мужской, и определял ее как "наиболее привычное (и предсказуемое) разнообразие, которое может быть названо садовым разнообразием или делинквентной субкультурой".

Матза в своих исследованиях делинквентных субкультур и девиации не просто поднял их понимание на высокий социологический уровень, но и снабдил рассмотрение этой проблемы феноменологической перспективой. Главное в его теории то, что девиация - это не просто обычные искажения, что сами девианты стремятся распознать через свою субкультуру смысл самой реальности. Они поддерживают достаточно глубокие ценности, которые не являются отражением традиционной модели условной морали, но которые пытаются нейтрализовать их моральную скуку. Делинквенты используют различные техники нейтрализации, лингвистические конструкты, которые как бы "смягчают" их действия. Этот акт нейтрализации предполагает:

1. Опровержение (отрицание) ответственности ("Я это не имел в виду");
2. Отрицание нанесения травмы (ущерба) ("Я на самом деле не хотел задеть его");
3. Отрицание жертвы ("Да он просто педик - чудаковатый");
4. Осуждение тех, кто осуждает ("Все нас вечно задевают");
5. Взывание к более высокой лояльности ("Всегда нужно помогать своим ребятам").

Эти практики направлены на то, чтобы нейтрализовать и отразить силы социального контроля. Главное, что Матза доказал - это то, что делинквентность не является неким реальным отличием от другой (нормальной) молодежи, что очень многое из их поведения характерно для всех молодых людей с их амбициозной волей. Матза утверждает, что субкультура есть некая позиция, которая уполномочивает на совершение делинквентных актов, которые могли бы быть совершены любым членом группы. "Комедия ошибок" случается с каждым членом девиантной группы. Именно скука, ощущение фрустрации ведет подростков по "течению" - "в" и "из" делинквентности. Это похоже на эпизодичные моральные каникулы. Делинквенты оказываются "не принужденны и не уполномочены к подвигам и не вольны, выбирать их". Вот они и плывут по течению... Этот поток становится неким средним путем между свободой и контролем.

Делинквентность - это переходное состояние, некое преддверие ада, между конвенциональной моралью и собственно преступлением. Делинквентность отвечает изменением направления на требования каждого, флиртует сейчас с одним, потом - с другим, не переносит и избегает полномочий, уходит от решений. Смысл отчаянной попытки делинквентных субкультур - "... это вернуть гуманизм человеческому "Я", от решения которого зависит, произойдет нечто или нет".

Образование: анти-школьная культура и досуг

Образование является для всей молодежи самым центральным как объединяющим, так и разделяющим их опытом. Неформальный статус детерминант конструируется в оппозицию к формальным достижениям, принятым в школе: атлетизм для мальчиков и внешняя привлекательность и наружность для девочек.

“Совершенно естественно, что герои молодежной культуры – поп-певцы, сочинители текстов, дизайнеры одежды и другие выступают более привлекательными для достижения их позиций, поскольку это не требует, по мнению молодежи, долгих лет обучения, работы и жертв.. молодежная культура есть новый опиум для тинэйджерских масс”, – пишет Серджерман.

Общественная реакция и наклеивание ярлыков: моральные паники, народные герои и народные дьяволы

В 1972 г. Стенли Кoen публикует очень важное исследование, “выпрыгивающее” из круга традиционных трудов по делинквентности, развивая идеи “label-theory” (теории наклеивания ярлыков) и теории транзакционизма в их применении к молодежной культуре, масс-медиа и общественным реакциям. Центральное понятие в его теории – это понятие коллективного решения и конструирование жизнеспособной (осуществимой) идентичности ...

Автор изучал вкусы различных образовательных школ и нашел некий стандарт для “про и анти” школьных субкультур. С двумя большими созвездиями, привлекающими противоположные школьные субкультуры. Это, во-первых, “уличная субкультура” и, во-вторых, – поп-медиа культура, которая базируется на ценностях, инициируемых масс-медиа для подросткового потребления. Эта культура используется, прежде всего, учениками, выходцами из среднего класса, которые не воспринимают уличную культуру. Эта группа привлекалась также с помощью ценностей “прогрессивной” музыки, принципа индивидуализма (делание своих собственных дел), которые переключались с теми же идеями в прародительской культуре среднего класса.

Событийное продуцирование стиля есть больше, чем простая амальгама всех независимых элементов: стиль извлекает свои специфические качества из организации всех элементов вместе в одном общем ансамбле, воплощая и выражая групповое самосознание.

Культурные бунтари – делинквенты из богемы и из среднего класса

Концепция “молодежной культуры” популярна своим применением к объяснению бегемных субкультур. Несмотря на то, что субкультуры были концептуализированы через внеклассовую позицию, они могут быть соединены своим происхождением с интеллигенцией среднего класса. Субкультуры среднего класса могут быть дифференцированы от субкультур рабочего класса, как в своих формациях, так и организациях. Субкультуры рабочего класса, как правило, не занимают всего времени – это part-time субкультуры – некий временный эпизод в короткой передышке, они основываются на идеологии соседства с локальными группами. Молодежь рабочего класса стремится быть вовлеченной в различные виды досуга, которые опосредованы контролем взрослого авторитета. Субкультуры среднего класса имеют тенденции к большей диффузности.

Исследования социологов часто посвящаются анализу альтернативных адаптаций среднего класса к различным формам доминирующих институтов, таких как: “альтернативный” стиль жизни, воспитание детей в коммуне, “свободные школы”, нетрадиционная медицина, группы саморазвития и самовознаграждения и т.п.

Конечно же, само понятие “выпадения или выбрасывания” из этой возможности предполагает некую локализацию в классовой структуре, и тот, кто выпадает или возвращается в социум, сталкивается с грубой реальностью жизни рабочего класса, которая существует взамен полета из “никогда-ничего-не-имел”.

Досуг и работа в индустриальном обществе остаются совершенно separable, работа позволяет более или менее нормально питаться и иметь возможность получать удовольствие от досуга - игру, которая дает отдохновение от скучной работы, хотя и является невероятно дорогим моментом в образе жизни молодого индустриального рабочего.

Расплывчатость границ различных культур среднего класса, разная степень их артикулированности приводит к тому, что, когда они становятся оппозиционными друг другу, они становятся политически и идеологически открытыми, часто становятся предметом обсуждения и критики в масс-медиа. В этом они поддерживаются посредством развития прессы андеграунда, которая в течение 60-х гг. представляла собой политический и культурный критицизм в истеблишменте и которая распространялась также и на понятие организованной контркультуры.

Участие в субкультурной организации означает принятие маргинальной социальной роли, как и не принятие этой роли в определенной позиции, что тоже может привести к маргинальности. Таким образом, членство становится определенной проблемой молодежной культуры. И хотя молодежная культура стремится следовать классовым традициям (принципам организации), это не исключает вероятность того, что какая-то часть этой молодежной страты может стать "исключением" из правила соответствия данной культуре, "предписанной" классовым происхождением.

Американские традиции исследования молодежных субкультур

Большинство исследований основывались на анализе различных социокультурных меньшинств и ограничивались преимущественно психологическими интерпретациями. Понятие молодежной культуры крайне не критически использовалось в поствоенной социологической литературе, где молодежь рассматривалась по большей части как нечто единое, вне ее классовой принадлежности. По большей части для анализа молодежной культуры использовалась парсоновская модель, которая представляла молодежную культуру как отдельную культурную систему, разделяемую всеми молодыми. Более или менее специфические и безответственные молодежные культуры существуют в конфликте со взрослым миром, который полон ответственности, конформизма и озабочен продуктивной постоянной работой. Эти теории подчеркивали в молодежных культурах гедонистические установки и "их непокорность реальности взрослых ожиданий и взрослой дисциплине".

"То, что мы часто называем молодежной культурой, есть результат творения некоторых молодых и некоторых не столь молодых личностей", - пишет Бёрдж.

Существует три традиции в описании молодежи, которые вырастают из господствующей идеи мятежности. Идеи, которой принадлежит особое место в творении "специального" взгляда на молодежь, той молодежной мятежности, которая постоянно клеймится, как результат ее незрелости и отсутствия чувства ответственности. Эти традиции заключаются в следующем:

1. Деликвентность, которая, хоть и не осуждает собственности, однако посягает на нее. Эта традиция формируется в противовес методичности и рутине, репрезентированной внутри школьной системы.
2. Богемизм активно побуждает к атаке на пуританство и на лишенное чувственности, сплошь рационализированное буржуазное общество.
3. Радикализм, в фокусе внимания которого экономическая и политическая эксплуатация.

Эти традиции все еще остаются актуальными и для современного анализа молодежной культуры.

Любовь и замужество - побег в романтику

Девочки постоянно получают из масс-медиа и популярного чтения отчетливые сигналы о культе именно феминных черт. Чтение комиксов, в которых с самого раннего возраста усиленно акцентированы сексуальные роли, начинается практически одновременно с возникновением первичных сексуальных впечатлений в возрасте семи-восьми лет. Центральной темой маркетинга, нацеленного на девочек и подростков периода полового созревания, был романтизм. Романтическая привязанность и зависимость от мужчины постоянно подчеркиваются, даются советы, в которых упор делается на эмоциональность, навыки макияжа и моды, взятую так же, как и головокружительное одеяние из жизни поп-звезд. Эта индустрия преуспевает благодаря модным журналам, нацеленным на специфические возрастные группы, полные теми же советами о романах и сексе с большим количеством взрослых историй об "ином", "отлетном" и беспроблемном мире-мираже. Актуальность напряжена, и мода обычно демонстрирует выделение самости, которая показывает миру, что девочка происходит из поля модной феминности, где у нее нет никакого отношения к классу, а лишь к мистическому миру обитания модной иерархии, основанной на популярных медиа-фигурах.

"Поддержание своей красоты, манеры одеваться становится своеобразным видом ее работы, которая делает ее ответственной за обладание своей личностью в такой же степени, в какой она должна взять на себя обязательства за свой дом и поддержку домашнего хозяйства, ее эго, таким образом, выглядит как выбранное и сотворенное ей самой", - пишет Симона Де Бовуар

Для девочек существует, таким образом, два источника для будущей социализации - школы и дом, масс-медиа, повернутые вспять с помощью интерпретаций феминности, которые добавили фаталистический смысл идеям замужества и материнства. Для большинства девочек, особенно девочек из рабочих, именно замужество и материнство, которое по видимости наполняется целым комплексом положительных эмоциональных ощущений, становятся главной привлекательной целью их жизни. И только после замужества женщина осознает свою изоляцию и опустошенность. Фактом является то, что средний возраст для замужества среди женщин - это 22 года, средний женский возраст рождения последнего ребенка - 26 лет, 42 % всех замужних женщин работают. Школы, особенно в бедных районах, где возможности для женщин достаточно ограничены, подготавливали девочек для рынка замужества так же усиленно, как и для рынка труда. Будущая работа при этом рассматривалась как временная и не очень важная.

Значение и понимание смысла сексуальных различий, в нашем обществе транслируется в образовательные термины не только потому, что существуют различные субкультуры среди школьников и среди школьниц, но даже и в специализированных версиях более обширного толкования культуры. Женское будущее все еще продолжает определяться по существу домашними терминами - это тот стереотип, который существующая образовательная система лишь немного размывает.

Организация и формы субкультур девочек остаются во многом неизведанной материей для эмпирических открытий и исследований. Девочки присутствуют в мужских субкультурах, но как бы полностью внутри них, и редко они рассматриваются со стороны проявления каких-либо активных форм женской идентичности. Их субкультура может иметь некие социально значимые фокусы, что-нибудь в манере одеваться "для побега" от зависимости дома, школы и работы, но поскольку еще отсутствуют определенные модели феминности, которые бы отбрасывали традиции, их субкультура развивается внутри мужской, хотя она и начала более активно эволюционировать, когда развилась женски ориентированная субкультура.

“Женщин обычно присоединяют к мужчинам, и они не должны говорить о чем-либо так же много, как мужчины. Всегда существовала сравнительно небольшая группа одиноких женщин, но и им не было позволено иметь реальное достоинство или определять свою идентичность вне мужчины” (П. Уиллис). Это связано еще и с тем, что подавляющее большинство именно мужских исследователей применяли маскулинные дефиниции для описания женских ролей в молодежных субкультурах.

МакРобби доказала, что девочки по своей природе вовсе не маргиналы, но они структурно другие, они вытесняются мужской доминантой на периферию социальной активности потому, что девочки в основном оказываются вовлеченными в другие формы активности. Девочки проводят больше времени дома. Фрис описал три причины “отсутствия” девочек в субкультурах: первая связана с тем, что родители более тщательно контролируют их свободное время, вторая – с тем, что девочки вынуждены брать на себя роль ученичества по освоению норм домашней занятости, которая начинается именно в родительском доме. И третья причина – это то, что девочки проводят очень много времени в подготовке себя к внедомашнему досугу. “Замужество есть смысл карьеры девочек, источник конструирования ее досуга. Этот аргумент может быть развит и дальше: досуг девочек есть их работа. Это именно досуговая активность становится стартовой позицией в их карьере, для того, чтобы привлечь именно тех мужчин, которые подходят им для замужества”, – пишет С. Фрис.

Празднование маскулинности

Подростки среднего класса (равно как и рабочая молодежь) поддерживают культ маскулинности, но не так явно, как в среде рабочего класса. У них нет соседских традиций, характерных для настоящих локальных общностей, нет мифических подсчетов известных всей округе прошлых битв. Тем не менее, и среди них соревновательность и маскулинность принимают самые разнообразные формы, институализируясь в их образовании и в рабочих ситуациях. В целом культ маскулинности является основой отношений с другими мужчинами и с женщинами. В сельской местности пабы используются для усиления культа маскулинности: женщины обычно поддерживают солидарность и амбивалентность соперничества между мужчинами; шутки обычно касаются стереотипов о женщинах как презренных сексуальных объектах, которых нужно контролировать, престиж мужчины соотносится с его способностью контролировать свою жену и касается различных вариантов супружеских отношений. Это нормальная черта гетеросексуального мужчины в группе. Конечно, эти отношения передаются и молодым мужчинам. В основе этого лежит личностный опыт мужчины, полученный им на работе, опыт, который выражается через бесконечную драму группового взаимодействия.

В рамках патриархального сознания культурная норма человеческой идентичности определяется через дефиницию маскулинности. И в рамках патриархальности культурная норма мужской идентичности состоит во власти, престиже, привилегии и прерогативы как “над”, так и “против” женского начала. Мужская солидарность – это форма институционального обучения поведению, с помощью которого мужчины узнают и усиливают друг друга. Мужская солидарность есть то, как мужчины обучают друг друга тому, что затем называется патриархальной властью в культуре. Мужская солидарность – это то, как мужчина получает власть, и мужская солидарность есть то, как он ее хранит. Это иллюстрирует важность групп сверстников для молодых мужчин в молодежной культуре. У мужчин посредством этой традиции развивается конфликтная позиция по отношению к будущей семье, они так же, как и их отцы, становятся символом маскулинности, постепенно обретая способность поддерживать и контролировать это.

Один из эффектов господства гетеросексуальной мужской культуры был не только в ответе феминисток, но и в жизни геев. Субкультурные исследования молодежи никогда не придавали особого внимания гомосексуализму, а ведь по отношению к нему подчеркивание маскулинности во всех молодежных субкультурах выглядит удивительным.

Молодежные культуры и идентичность

Одна из привлекательных сторон молодежной культуры состоит в ее разбойничьей, мятежной эксцентричности. Это особенным символическим образом закрепляется в стиле и музыке. Европейская популярная музыка была ответом на американскую музыку. Американская музыка популярна в Европе только потому, что она не европейская (с присущей ей ассоциативностью, с ее традиционной сдержанностью). Британская музыка популярна в Америке потому, что она вызывает в воображении мифическую Великобританию вместе со свежей и преданной молодежной культурой. Пригородная культура означает преуспевание в школе, ответственность за семью и эмоциональные взаимоотношения, преданность карьере и конструктивное использование досуга. Уличная культура становится мифическим антитезисом ко всему этому. Кроме отчаяния и противостояния авторитетам, новизны и насилия, эта культура означает еще и включение ее членов в защиту некоей символической территории.

Квазиделинквентные, доминирующие мужские уличные молодежные субкультуры, имеющие дело с безработицей и расизмом среди подростков, опосредованные культурой местного гетто, находятся невероятно далеко от квазибогемной культуры колледжа с ее корнями в интеллигенции среднего класса.

Но именно эти субкультуры предлагают свое пространство для того, чтобы получать удовольствие, формировать гетеросексуальность и маскулинность. Эта доминирующая гетеросексуальная идеология ведет к гегемонии традиционных взглядов на роли и понятия, касающиеся сексуальности. Несмотря на страх взрослых за распушенность, который обычно является своеобразной формой их проекции, в обществе по-прежнему господствовала ответственность. Молодым людям нужно было пространство, на котором они могли эксплуатировать идентичность, отделенную от ролей и ожиданий семьи, работы и школы. Молодежная культура предлагала коллективную идентичность, референтные группы, из которых молодежь могла развить свою индивидуальную идентичность. Это снабжало молодых людей когнитивным материалом, из которого в последствии развились альтернативные виды, сохраняющие, однако, мятежность по отношению к взрослым авторитетам.

Молодежная культура привлекает тех, кто чувствует небольшие обязательства или имеет небольшие "капиталовложения" в свой существующий статус. Эта культура привлекает тех, кому не хватает чувства реальности. Там, где жизнь молодых людей преодолевает это отчуждение или изоляцию, там, где он/она чувствуют себя неудачниками, сценарии, заключенные в субкультурах, становятся невероятно привлекательными.

Стенли Коен

Народные бесы и моральные паники: возникновение модов и рокеров⁵

Социальные обстоятельства, жизненный эпизод, индивид или группа индивидов опасаются быть определены как угроза социальным ценностям и интересам, природа которых представлена в стилизованном и стерео типизированном виде масс-медиа; моральные баррикады возводятся редакторами, политиками и другими “правильно думающими” людьми.

Иногда объект паники - относительно новый, в другое время - нечто уже давно существующее и вдруг вышедшее на первый план. Иногда паники проходят и забываются, продолжая существовать в фольклоре и коллективном сознании (памяти); иногда они оставляют более долгое эхо, отзвук и могут производить серьезные изменения в легальной социальной политике и даже в способе понимания обществом самого себя.

Один из наиболее часто повторяющихся типов моральных паник в Великобритании в послевоенный период ассоциируется с опасностью различных форм молодежной культуры (первоначально практически полностью молодежной культурой рабочего класса, но впоследствии все чаще базирующейся на среднем классе или студенчестве), чье поведение девиантно или делинквентно. В большей или меньшей степени эти культуры ассоциируются с насилием. Тэдди-бои, моды и рокеры, хелс энжелс, скинхеды, хиппи - примеры таких культур.

Существуют разные отношения к проблемам наркотиков, студенческим волнениям, политическим демонстрациям, футбольному хулиганству, вандализму различного вида, преступности и насилию в целом. Тэдди-бои и рокеры не просто идентифицируются в терминах “особости” их поведения как использующие насилие и наркотики, а как некие отличительные, особые социальные типы. Эти группы заняли твердую позицию народных бесов - они были видимым напоминанием того, какими не надо быть. Эти подростковые группы символизировали собой социальные изменения, которые имели место в Англии за последние 20 лет.

В начале 60-х термин “modernist” означал только стиль одежды, а понятие “rockier” было едва ли знакомо кому-то за пределами маленькой группы, которая так себя идентифицировала. Через 5 лет редакторы газет говорили о модах и рокерах как о феномене, который не имеет аналога в английской истории. Еще через 5 лет эти группы были известны всем, однако вскоре они исчезли из общественного сознания, оставаясь в коллективной памяти народными бесами прошлого, с которыми сравнивают современные страхи. Феномен взлета и падения модов и рокеров содержит все элементы, из которых может быть выведено суждение о моральных паниках.

В понимании моральных паник были заимствованы соответствующие структуры из социологии права, научной сферы социальных проблем и социологии коллективного поведения. Этими проблемами занимались Беккер, Гасфилд и другие исследователи. Существует детальное описание случаев массовой истерии, иллюзий и паник, исследования того, как общество справляется с неожиданной опасностью или беспорядком, вызванными физическими катастрофами и бедствиями. Символические интеракционисты ориентируются на изучение толпы и бунта как социальных типов, помещенных в поле коллективного поведения.

Социологическое изучение преступности, делинквентности, использования наркотиков и других форм социальной девиации и проблемного поведения в последние 10 лет подвергаются радикальной переориентации. Эта переориентация - часть того, что может быть названо

⁵ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Basil Blackwell, 1972. Ch. 1. Перевод с английского У. Блюдиной.

“скептической революцией” в криминологии и социологии девиации. Старая традиция была “канонической” в том смысле, что признавала существование неких понятий как авторитетных (властных), стандартных, универсально и нормативно принимаемых. Новая традиция скептична в том смысле, что когда встречаются термины типа “девиантный”, то спрашивается – “девиантный по отношению к кому?” или “девиант от чего?”; когда говорят, что нечто – социальная проблема, спрашивается – “проблема для кого?”; когда определенные условия или поведение описывается как дисфункциональное, угрожающее или опасное, спрашивается “кто это установил и почему?”

Беккер пишет: “Девиация создается обществом. Смысл этой фразы – не в обычном ее понимании, когда причины девиации находятся в социальной ситуации девианта или в “социальных факторах”, которые предшествовали его действиям. Я имею в виду, что социальные группы создают девиацию созданием правил, чье нарушение является девиацией и применением этих правил к отдельным личностям и маркированию их как аутсайдеров. С этой точки зрения девиация – не качество действия, а скорее последствие применения другими правил и санкций к “провинившимся”. “Девиант” – ярлык, который успешно используется, девиантное поведение – поведение тех людей, которые маркированы как “девианты”.

Многие авторы, придерживающиеся транзакциональной перспективы, обращались к проблематичной природе социального ответа на девиацию и способ, которым подобные ответы влияют на поведение. Это может изучаться на уровне “лицом к лицу” (например, какое воздействие имеют на ученика высказывания его учителя, что он “не должен учиться в такой хорошей и порядочной школе; он недостоин”), или на более широком социальном уровне (например, как “проблемы наркотиков создаются и формируются определенной социальной политикой”) Девиация, таким образом, становится важной, когда субъективно оформляется в активную роль, которая становится основой для принятия социального статуса.

Первичная девиация имеет только маргинальные смыслы для социального статуса и самопонимания до тех пор, пока остается симптоматичной, ситуациональной, рационализированной или в некотором смысле “нормализованной” как принимаемый и нормальный вариант.

Таким образом, девиантный жупел не всегда принимается. Человек может игнорировать или рационализировать его. Этот тип последствий процедуры “лицом к лицу” – только одна часть картины, более важны символические и непреднамеренные последствия социального контроля в целом. Девиация в смысле опасности стабилизируется как артефакт социального контроля.

Как моды и рокеры идентифицировались, как на них навешивались ярлыки и как они контролировались? Через какие стадии и процессы проходила эта реакция? Почему реакция имела именно такие особые формы? Какими были мифологемы, стереотипы, схемы объяснения, методы контроля, которые кристаллизировались в отношениях между девиантами и остальным миром?

Существует огромное количество стратегий для изучения подобных реакций. Одна из них – изучение отношения общественного мнения к определенным формам девиаций. Другая – запись реакций в контексте “лицом к лицу” – например, как люди реагируют на нечто, что воспринимают как гомосексуальное предложение. Еще одна – изучение отношения к особым контролирующим агентам, например, полиции.

Центральное измерение понимания реакции на девиацию и всей общественности в целом, и агентов социального контроля есть природа и сущность информации. Каждое общество обладает набором идей о том, что вызывает девиацию и набором образов типичного девианта – и эти понятия и идеи формируют соответствующие представления о тех или иных формах поведения. В индустриальных обществах основа информации, на которой строятся эти идеи, постоянно получается вторичным образом. Она возникает, уже подвергшись обработке со стороны масс-медиа, и это значит, что информация подлежала альтернативным определениям

в смысле того, как она должна быть собрана и представлена.

Особая роль принадлежит масс-медиа в определении и формировании социальных проблем. Медиа выступает агентом морального возмущения (нравственного негодования), даже если они сами это не осознают, их способ предоставления определенных фактов может быть достаточен для возникновения определенного негодования, беспокойства или паники. Когда подобные чувства накладываются на общественное ощущение того, что некоторые ценности нуждаются в защите, существуют реальные условия для создания новых социальных правил или определения социальной проблемы. Результатом этого может быть вид символического процесса, который Гасфильд описал в понятии "морального коридора".

Медиа может оставлять размытое чувство беспокойства относительно ситуации: "с этим нужно что-то делать", "когда это закончится?", "подобные вещи не могут продолжаться бесконечно".

В случае с использованием наркотиков мы можем видеть, как медиа влияет на нормативные беспокойства общественности через навязывание определенных моральных директив в мир дискурса, и таким образом может создавать определенные социальные проблемы быстро и драматично. Этот потенциал масс-медиа эксплуатируется теми, кого Беккер называл "моральными антрепренерами". И действительно, масс-медиа посвящают девиации огромное количество пространства, медиа-времени: сенсационные преступления, скандалы и страсти вокруг них.

Как заметил в свое время Э. Эрикссон, "значительная часть того, что называется "новости", посвящена отчетам о девиантном поведении и его последствиям". А подобные "новости" - главный источник информации о нормативных контурах общества. Они говорят нам о том, что правильно и неправильно, о границах, за которыми начинается риск и о формах, которые могут принимать бесы (дьяволы).

Много исследований посвящено пониманию роли масс-медиа в создании моральных паник и народных дьяволов. Как я уже говорил, информация не получается из первых рук и имеет тенденцию быть обработанной таким образом, что проблемы воспринимаются нами крайне стереотипизированно. Мы реагируем на определенный эпизод (например, сексуальную девиацию, использование наркотиков или насилие) в терминах нашей информированности о данном феномене (насколько он типичен в нашем понимании), в зависимости от уровня нашей толерантности для этого типа поведения и непосредственного нашего опыта.

Масс-медиа могут усилить и вообще формировать у толпы чувство ожидания (надежды, предвкушения) и обеспечивать содержание слухов. Хотя комментаторы модов и рокегов часто обвиняют "гласность" ("рекламу") за случившееся, термин "гласность" используется в некоторой степени в ограниченном смысле. Это скорее относится к "гласности" непосредственно до события (во время "предупреждающей фазы"), которая рекламировала волнения - где они будут происходить. Один из факторов "рекламирования" события ("делания его общественным") - способ, который может его сделать привлекательным, но маловероятно, что это прямо повлияло на выбор цели (задания). Так, например, на вопрос, откуда они узнали об этой идее, 82,3% назвали друзей как источник информации, 2,9% - газеты и 2,9% - ТВ. Таким образом, медиа скорее усиливает, чем инициирует определенные слухи. Однако, были описаны случаи, когда сенсационные репортажи на ТВ прямо будоражили толпы людей.

Внимание журналистов, репортеров и фотографов может стимулировать новые действия молодежи. Так, приводится пример, когда оператор с камерой попросил подвигаться группу молодежи перед камерой: "Мы размахивали флагами, которые были у нас. Это было очень приятно; это вызвало новый импульс активности". Таким образом, если действия молодежи записываются на камеру, это может способствовать тому, что они будут выкрикивать лозунги или даже кидаться камнями. Степень включенности в такие действия в подобных ситуациях возрастает.

Саймон Фрис

Социология молодежи⁶

Так ли необходимо посвящать целую главу в книге определению понятия “молодежь”? Неужели все мы не знаем, кто такие молодые люди? “Молодежь” - это не только термин социологического жаргона. Это слово понятное каждому; слово, которое можно встретить каждый день в газетах, услышать каждый день в разговорах. “Молодежь”, согласно толковому словарю, - состояние молодости. Что еще можно к этому добавить?

Социологические проблемы возникают, когда мы пытаемся сделать такие понятные вещи более определенными, точными, ясными. Словарь дает лишь начальную позицию, описывая молодежь как возрастную группу. Люди определенного возраста молоды и могут быть отделены от людей других возрастных групп - детей, с одной стороны, и взрослых, с другой. Теоретические социологи редко оценивают общество возрастными категориями - чаще они группируют людей в терминах класса или статуса, расы или гендера. Но возрастные категории используются в социологических исследованиях. Просмотрите книги, которые используют таблицы, например, общественных опросов (исследований), и вы найдете разделение людей по возрасту: до 16, от 16 до 24, от 24 до 35, от 35 до 45 и т.д. Таким образом, социологи верят, что люди разных возрастов ведут себя по-разному.

Первый вопрос, поднимаемый социологами молодежи: молодые люди - это люди определенного возраста, находящиеся между детством и взрослой жизнью, которые формируют определенную социальную группу, но четко определить возрастные группы оказывается очень сложно. В каком возрасте ребенок перестает быть ребенком и становится “молодым человеком”? В каком возрасте люди становятся “взрослыми”? Довольно-таки заманчиво установить произвольные правила для проведения исследования, сказав, что молодежь - все от 11 до 20. Но предположение, что каждый из этой категории ведет себя “по-молодежному” и является частью молодежной культуры, может вызвать обоснованные возражения. Многие 15-летние ведут себя как дети, а многие 18-летние - уже как взрослые (например, женятся и заводят детей).

Другими словами, понятие “молодежь” описывает аспекты социальной позиции людей, которые влияют на их биологический возраст, но не определяются им полностью. Если, например, конец молодости обозначить как принятие на себя ролей взрослого человека - женитьба и рождение детей, работа и карьера, ведение собственного домашнего хозяйства - то получится, что люди перестают быть молодыми в самом разном возрасте.

Картина оказывается даже более сложной, когда мы сравниваем одинаковые возрастные группы в разных обществах или в разные исторические времена. Каждый человек переходит из детства во взрослую жизнь, но организовывается этот переход в разных обществах и в разные времена по-разному.

Один из неплохих способов, позволяющих понять, что, значит, быть молодым, как считается в Великобритании, демонстрируется с помощью одного упражнения: на листе бумаги нужно написать три названия: “Ребенок - Молодежь - Взрослый”, а под ними - перечень социальных характеристик каждой группы. Оказывается, что достаточно легко отделить характеристики ребенка от взрослого, но совсем не так просто отличить характеристики молодого человека от характеристик двух других групп.

⁶ Frith S The Sociology of Youth. London: Open University Press, 1984. Перевод с английского Е. Омельченко.

Лучше всего рассматривать молодежь в терминах зависимости и независимости.

Начнем с зависимости. С одной стороны, они - дети, которые зависимы, с другой стороны - они взрослые, т.к. достигли независимости. Молодость - термин, описывающий это движение от зависимости к независимости. Молодые люди более независимы, чем дети, отсюда их общее недовольство родителями: "Перестаньте воспринимать меня как ребенка; я уже взрослый и могу сам выбрать себе одежду" (поздно приходить, иметь друга и т.д.), но они все еще зависимы от взрослых, от средств к существованию и знаниям, зависимы от их любви и по причине безопасности.

Понятие "независимости" связано со следующими институтами.

а) СЕМЬЯ.

"Молодость" характеризует, описывает семейную позицию таким образом, что молодой человек становится менее независимым от семьи (имеются в виду любые формы семьи). В Великобритании существует предположение, что раз дети, в конечном счете, уходят из родительской семьи, заводят свои семьи и ведут свое хозяйство, то это значит, что "молодость" означает изменение формы семьи.

б) ОБРАЗОВАНИЕ.

Первое очевидное социальное движение по направлению к независимости детей от родительской семьи есть момент, когда они идут в школу.

Школьная жизнь меняется, когда ученики становятся взрослее, постепенно увеличивается их личная ответственность за школьную работу, их успех и неудачи. Ученики начальной школы, организовывающие свою работу вокруг выбранных ими на начальном уровне обучения предметов, более независимы, чем дети в детском саду.

в) РАБОТА.

Предполагается, что окончание школы означает конец молодости. Когда человек выходит на рынок рабочей силы, сам зарабатывает себе на жизнь, неужели он не получает статус взрослого? Молодые рабочие определенно имеют больше независимости, чем школьники (или молодые безработные), но они все еще включены в процесс достижения статуса взрослого. Частично имеются в виду деньги - молодым платят меньше, чем взрослым рабочим; предполагается, что они все еще живут со своими родителями, они не полностью независимы. Частично имеется в виду само рабочее место. Прежде всего, молодые рабочие нуждаются в элементарном обучении основам профессии, и, находясь в статусе обучаемого, они остаются под влиянием власти взрослых. Помимо этого, они находятся под строгими формами дисциплины, поскольку они "социализируются" и приобретают рабочие привычки.

Не все взрослые обладают полной независимостью (и большая часть молодых рабочих не собирается становиться боссом), однако, молодые рабочие в целом более управляемые.

г) ДОСУГ.

Молодежная культура, как мы в дальнейшем покажем, особенно ассоциируется с отдыхом, развлечениями. То, как молодые люди выражают себя в досуге (одежда, музыка, танцы), это делает их особой социальной группой, и большинство социологов в сфере молодежи, в действительности, есть социологи в сфере молодежного досуга.

Второй важный аспект перехода из детства во взрослость связан с понятием "ответственность". Молодежь часто характеризуется как "безответственная", но на самом деле молодость - время, когда все новая и новая ответственность принимается молодым человеком: ответственность за домашнюю работу, за то, как проводишь время на вечеринке и в выходные

и т.д. Это отражает изменение молодыми людьми институциональных ролей, но "рост" имеет и психологический подтекст, включающий интеллектуальное и эмоциональное развитие. От молодежи ожидают "зрелости", рассматривают их как зрелых, но если зрелость и считают более определенным понятием, чем юность, тем не менее, оно лежит позади ясного и простого способа определения и разделения молодежи и взрослых людей - закона.

Закон определяет мир взрослый в терминах ответственности - люди считаются взрослыми, если они рассматриваются законом как могущие быть ответственными за свои действия, когда они считаются вполне зрелыми для того, чтобы принимать определенные решения для самих себя. Сложность и запутанность здесь в том, что определенный вид ответственности связывают с определенным возрастом.

Закон регулирует все эти виды активности и утверждает явное, очевидное отличие между взрослой и юношеской ответственностью. Молодость, другими словами, частично имеет легальные, общепринятые определения, и когда закон изменяется (например, изменение возраста окончания школы с 15 до 16 лет или снижение возраста начала голосования с 21 до 18) - все это есть значения молодости. Но здесь нужно сделать последний штрих: закон определяет, когда мы способны к определенным действиям (и должны брать во внимание биологический возраст как лучшее измерение), однако это не принуждает нас принимать ответственность взрослого человека. Большинство людей женятся и выходят замуж, например, через несколько лет после того, как это легально разрешено. Это предполагает интервал между легальными (официальными) и социальными определениями взрослости (взрослой жизни).

Война - наиболее часто называемый опыт, который может связать поколение вместе, но быстрые технологические изменения и циклы подъема и спада в экономике могут также повлиять на разграничение поколений друг от друга. Жители Великобритании, которые росли в годы депрессии 30-х гг., вырастили детей, чьи жизни пришлось на экономический бум 50-60-х, которые в свою очередь вырастили детей, чье время пришлось на молодежную безработицу 80-х. Подобный разный социальный опыт приводит к разным предположениям и ожиданиям относительно того, как общество может и должно работать, и эти различия могут в конце концов выразиться в социальных конфликтах или в "интервале поколений".

Если рост, взросление - процесс как психологический, так и социологический, то из этого следует, что юность, "состояние молодости" есть также и психологическое, и социологическое состояние. Понятие "юность" было введено американским педагогом-психологом Стенли Холлом в начале этого столетия для описания эмоциональных проблем молодежи, с которыми она может сталкиваться при уходе из родительской семьи, при развитии независимой личности и т.д. Холл, подобно многим другим психологам, верил, что юность - это период эмоционального "шторма и стресса", и поскольку были социологические данные, подтверждавшие это, нет ничего хуже воздействия, направленного на увеличение продолжительности этого периода - юности. Напряженность, например, между биологическими и социологическими аспектами роста - физическая готовность к сексуальной активности или поступлению на работу возникает за несколько лет до социальной разрешенности этих действий, и одна из важных функций молодежной культуры - помощь в решении этих проблем.

Почему социальные и психологические условия существования молодежи стали проблемой в последнее десятилетие? Ответ, очевидно, лежит в увеличении продолжительности перехода от детства во взрослость, но вопрос остается: почему это время увеличилось? Очевидный ответ (тот, что понятен каждому) - потому что стало более сложным разделение труда, более сложным стал технологический процесс производства, поэтому подготовка к принятию

ролей взрослого человека требует больше времени. Но в этом процессе обучения есть опасность для молодежи ее возвращения в Индустриальную Революцию, и мы выяснили, что ключ к пониманию увеличения продолжительности этого перехода - не технология, а отделение Дома от Работы. Это значит, во-первых, что процесс становления взрослым включает уход от родительской семьи, получение независимой позиции на рабочем рынке, и, во-вторых, успех взрослого человека основывается на овладении формальным мастерством и квалификацией. От детей крестьян ожидают, что они будут работать на земле родителей, их место работы определено позицией их родителей. Дети рабочих должны сами найти себе работу. Окружающая обстановка, в которой будет проходить образование детей, точнее школы, в которых их дети будут обучаться, были выбраны их родителями. Исторически, так же, как и социологически, следовательно, молодежь как социальный институт есть продукт изменения отношений в семье, в школе и на работе. Теперь я хотел бы вернуться к обсуждаемому в этой книге объекту - социологии молодежи.

"Культура" - понятие проблематичное для социологов и как будто имеет много смыслов, используемых людьми. Социологи молодежи имеют тенденцию наделять это понятие наиболее общим смыслом, понимая под ним "способ или образ жизни". Молодежная культура, следовательно, определяется как "способ жизни, разделяемый молодежью". Говоря это, однако, важно добавить, что к подобному определению молодежной культуры можно подойти с двух сторон.

Молодежная культура может описывать определенную систему веры, ценностей, символов и активности, которая разделяется молодыми людьми. Начальный пункт этого описания - эмпирическое наблюдение за социальной жизнью молодежи. Социологи видят, что определенные молодежные группы - панки, например, имеют свой стиль в одежде, в причёске, они предпочитают определенную музыку, развивают собственный сленг, вкусы, собираются в определенных местах. Можно сделать предположение, что схожая активность, схожие действия предполагают схожие ценности, и задача социологов - изучить их и понять смысл наблюдаемого поведения. В целом это называется английским подходом к молодежной культуре.

С другой стороны, молодежная культура может быть понята с функционалистской точки зрения. Отправная точка в этом подходе - в том, что молодежь имеет общую, разделяемую всеми институциональную позицию и схожие социальные проблемы. Молодежная культура относится к способу, которым эти проблемы решаются в повседневной жизни - это функция решения проблем. В целом этот подход к молодежной культуре считают американским.

Первое влиятельное социологическое изучение молодежной культуры было опубликовано в Великобритании Марком Абрамсом в книге "Подростковое потребление", которая появилась в свет в 1959. Абрамс был исследователем рынка, и его книга была эмпирическим изучением новой потребительской группы, которая возникла почти незаметно в 50-х годах, но стала в конце 50-х жизненно важной для большого количества компаний, производящих молодежную продукцию. Важность книги Абрамса заключалась в том, что она описывала характерные формы молодежного поведения, которые сами по себе не были преступными, уголовно наказуемыми формами. "Молодежная культура" несла в себе намек на внешние признаки уличных банд и их безобразных действий. Как потребительская группа молодежь отличалась от других возрастных групп не своим "плохим" поведением, а просто особенностями своего выбора на рынке, и это был тот выбор, который открывал, обнаруживал "подростковую культуру".

Массовая культура означала форму культуры, в которой людьми манипулировали как потребителями при помощи большого бизнеса, и исследование Абрамса поднимало вопрос, который все еще часто задается: является ли молодежная культура в действительности лишь продуктом практичных рыночных людей и рекламных агентов?

Почему молодежь тратила деньги по-иному, чем взрослые? Опять-таки ответ выглядит простым. Отличие между взрослым и молодежным потребительством в том, что молодежь тратила свою зарплату на "краткий гедонизм" - на отдых и удовольствия. Их покупательские привычки были рыночным выражением недостатка их взрослой ответственности и независимости.

Исследование Абрамса показало, что молодежь не просто тратит деньги на модные тряпки и кассеты, но также и то, что молодежь тратит деньги на специфически молодежную одежду и записи. Часть удовольствия, которые они получают при покупках, лежит в утверждении своей идентичности, это выражает удовольствие от не-взрослости. И в этом была причина, почему "подростковое потребительство" не может рассматриваться как часть "подростковой культуры".

В чем была социальная важность этой культуры? Для некоторых социологов, включая Абрамса, способ, которым молодежь тратит деньги, обнаруживал, определял определенную молодежную досуговую группу, но не отражал определенный способ бунта, сопротивления. Подростки принадлежали все еще институтам дома, школы и семьи, их центральные ценности были все еще теми, что они переняли от родителей.

Таким образом, тинэйджерская культура заполняет собой пробел повышением уместности традиционных норм молодежного поведения. Родители не могут дать своим детям совет относительно того, как вести себя по-тинэйджерски, потому что они ими никогда не были (в этом потребительском смысле, контексте). И поэтому, как я уже предположил, рыночное исследование Марка Абрамса измеряет массовую тинэйджерскую культуру, систему вкусов и потребления (трат, расходов), которая превосходила соседство, узы сообщества и традиции. На самом-то деле "тинэйджерская" культура была формой американской культуры. Даже тэдди-бои комбинировали свой вид со стилем Голливуда. И они, подобно всем английским подросткам из рабочего класса, слушали американскую музыку, рок-н-ролл. Само понятие "подросток" было для большинства английских взрослых чуждой американской идеей, включающей американские мифы, американских идолов, фантазии американской жизни.

Образ американской молодежной культуры, который был воспринят английскими подростками из рок-н-рольных музыкальных записей и фильмов, был впервые сформирован в 20-х годах.

За этим стояло ускоряющееся отделение дома и работы. Представители среднего класса могли оказывать влияние на решения своих детей относительно их карьеры и образования, секса и замужества, досуга и потребления, и эта возможность все увеличивалась. Институты и колледжи стали замещать семью в роли центра социальной жизни молодежи из среднего класса и становились источником их моральных ценностей. Но к концу 30-х годов американские социологи такие, как супруги Линды, наблюдали рост в институте маленького города "самосознания субкультуры молодежи".

Взрослые беспокоились, что тинэйджерская культура сможет растворить не только классовые различия, но и различия между молодежью-конформистами и отклоняющейся молодежью обоих классов, и американские социологи сконцентрировали свои исследования на изучении этой проблемы. "Молодежная культура" была окружающей обстановкой и для девиантных и для конформистских подростков, и для уличных зевак и для школьников, и постепенно она становилась также и окружающей обстановкой для попыток контролирования молодежи.

И в социологической, и в популярной литературе в 50-ые гг. стало возникать неясное, спутанное представление об американских подростках. С одной стороны, это был **подросток-как-бунтарь**, с другой стороны, это был **подросток-как-все-американцы**.

Если образ преступника был преувеличен под воздействием "моральной паники", то образ высшей школы (институтовский) был и стереотипом, и попыткой сделать всех подростков "замечательными" и контролировать их культуру путем поощрения "хороших" видов деятельности.

Что осознали американские писатели, так это то, что молодежная культура не статична (как список ценностей, выраженных в подростковых товарах), а динамична - молодые учатся быть подростками. Молодые растут, делая ошибки, они могут чувствовать себя угнетенными, притесненными своими ровесниками также, как поддержанными ими.

Молодые люди стали символом определенного вида общего удовольствия. "Быть молодым" ассоциировалось с потребительством, модой, попс(ой) и фан(ом). "Молодежь" стала продаваемым идеалом для подрастающих. В рекламе, фильмах и музыке молодежь использовалась для утверждения свободы и представления "хорошего времени". В 50-х гг. в Великобритании термины "молодежная культура" и "тинэйджерская культура" были взаимозаменяемыми, равнозначными - оба относились к молодежи рабочего класса. Подразумевалось, что молодежь среднего класса имеет смысл жизни в долгосрочной идее карьеры и достижений. Но поскольку молодежная культура стала все больше и больше приобретать идеологический смысл, контекст, относясь к досуговым идеалам также, как к реальности, то постепенно она стала привлекательна для подростков из среднего класса, которые быстро стали понимаемы как английская "молодежная культура" (часто обманчиво описываемо в терминах бесклассовости).

Даже в 50-х гг. американские социологи предполагали, что в процессе становления фанатами рок-н-ролла дети из среднего класса часто медленно, осторожно и обдуманно перенимали то, что воспринималось ими как ценности низшего класса - грубость, возбуждение (волнение), потворство (потакание) своим желаниям, они сознательно были в оппозиции своим родителям.

Решение этой молодежной проблемы - в урегулировании равной групповой культуры, обеспечении отсутствующих норм. Молодежная культура 60-х, наоборот, все больше и больше соединяла (связывала, отчетливо произносила) неприятие подобных норм.

Тот аргумент, что молодежь среднего класса была намного более "политичной", чем даже "девиантная" молодежь рабочего класса, был подвергнут сомнению субкультурными теоретиками в 70-х, но в конце 60-х это выглядело как само собой разумеющееся утверждение.

Для подростков средних классов и студентов колледжей, обучающихся на профессионалов и менеджеров, потакание их краткосрочному гедонизму отрицало обязательства их родителей относительно планов карьеры и "уступало удовольствию".

Неудивительно, что молодежь и США, и Англии переживала молодежную культуру как форму "освобождения" от скучных ожиданий их учителей и семей, и в результате поколенческий разрыв (интервал) был усилен, подкреплён наличием противозачаточных пилюль, которые давали молодой женщине ещё один вид сексуальной свободы.

Молодежная культура 50-х происходила из досугового поведения молодых рабочих. Молодежная культура 60-х обладала тем набором качеств, свойств, которым надеялись овладеть "успешные" дети, когда им будет по 20 лет.

Это имело 2 политических последствия.

Первое, студенты чаще организованы в более формальные возрастные группы, чем другая молодежь, у них больше формальных форм для выражения - студсоюзы, газеты, представительства. Колледжи обеспечивают также и непосредственную мишень (цель) для студенческой политики. В 60-е молодежная культура включала студенческие кампании против школьных правил, против дисциплины в колледжах и контроля за их досуговой активностью. Но внимание вскоре переключилось на более важные объекты, на непосредственно организацию знаний и образовательную силу (власть), т.к. студенты требовали некоторого своего влияния над их учебным планом и экзаменами. Результатом подобных требований явилось студенческое движение.

Второе политическое последствие вытекало из первого. Молодежная культура среднего класса включала более старших, более четко выражающих свои мысли людей, чем молодежная культура рабочего класса, декларирующая специфический отказ остепениться, успокоиться и вести себя как взрослые.

События 1968 г. не только во Франции, но и по всему миру подняли актуальные социологические вопросы. Является ли молодежь теперь группой, объединяющей людей по интересам? Является ли молодежь образцом действий и ценностей, которые, с одной стороны, отличают их от взрослых, а с другой стороны, дают им общую идентичность, превышающую их внутренние классовые различия?

Социологические исследования подтвердили, что существуют важные культурные различия между молодыми членами разных социальных классов, какими бы ни были их личные персональные интересы. В ретроспективе это выглядит так, что короткий момент межклассовой молодежной солидарности в 60-х должен был быть связан с более специфическими историческими факторами.

Следовательно, первое социологическое заключение может быть выдвинуто, исходя из вышесказанного. Аргументы относительно молодежной политики должны даваться в соответствии с контекстом. Вопрос «является ли молодежь группой интересов?» поднял разные проблемы в 80-х гг. Теперь мы должны взглянуть на кросс-культурный опыт безработицы (точнее, неполной занятости), новые формы образования и обучения.

Функциональный подход к социологии начался с идеи, что общество, социальная структура подобны телу, биологической структуре. Социальные институты могут объясняться так же, как биологи объясняют части тела: упоминанием об их функциях поддерживается общество (тело) живым. Биологи говорят, что каждая часть тела - печень, волосы и ногти - имеют или имели жизненные функции. Органы могут терять свои функции (и, в конечном счете, потерять совсем) как биологические структуры в процессе эволюции, но ничто не существует лишь по биологическим причинам.

Биологи интерпретируют части тела в контексте сохранения жизни организма, и, таким образом, следуя биологической аналогии, функционалисты связывают социальные институты с сохранением общества. Получается, что институты, не функциональные в указанном смысле и разрушающие общественную жизнь, не смогут долго просуществовать.

В 50-х функционалисты изучали американскую тинэйджерскую культуру, опираясь на эти аргументы. Они начали с положения, что молодежные культуры (в том числе и преступные) имели социальную функцию и онтологически проявились, потому что решали проблемы, возникшие в результате изменений в американской социальной структуре. Задачей социологов было объяснить, какую функцию играет молодежная культура в поддержании социального порядка и показать, как это происходит.

Но возникал еще один вопрос: кем эти функции были представлены?

Функционалисты обычно описывают институты как функционирующие «для общества», но мы также можем посмотреть на способ, которым институты функционируют для своих членов. Например, женитьба способствует поддержанию социального порядка, но она еще имеет функцию для людей, которые женятся (и эта функция в том, почему они женятся). То же самое можно сказать о молодежной культуре. Функциональный подход означает объяснение этой функции не только для общества как целого, но и для молодежи, которая создала культуру для самих себя.

Функциональный подход к молодежной культуре (его контуры) были впервые очерчены американским социологом Т. Парсонсом во времена второй мировой войны во время дискуссии

о роли возрастных групп в обществе. Однако, полную систематичную разработку ей дал Ш. Айзенштадт в 1956 г. в книге "От поколения к поколению".

Он начал с того, что все дети должны быть социализированы прежде, чем они могут достигнуть полного статуса взрослого. На них должны повлиять моральный код общества, в котором они растут, его общепринятые правила, они должны получить знания и навыки, необходимые для осуществления ими взрослых ролей (следовательно, социализация может изменяться в соответствии с полом и социальным классом ребенка).

В примитивных обществах ценности, которые передаются детям в семье, практически такие же, что и те ценности, которые будут организовывать их взрослую жизнь, и, следовательно, изменение статуса от ребенка к взрослому - не очень проблематичный процесс. Даже знания и умения взрослых приобретаются "естественно", как часть социального опыта и взросления, и, поэтому, момент перехода во взрослость - лишь ритуал: наступление половой зрелости или церемония посвящения во взрослую жизнь. А самой молодости как таковой не существует.

В современных индустриальных обществах, наоборот, существует важный структурный разрыв между семьей, в которой вырос ребенок, и экономической, и социальной системой, в которой он со временем займет определенное место. Изменение статуса (от ребенка к взрослому) никогда не есть быстрый и легкий процесс, он означает долгий период перехода, где молодость является важной структурной позицией. Общество становится более сложным (это необходимое последствие социальной эволюции) и новые специализированные социальные институты нуждаются в поддержке. Поскольку семья начинает концентрировать на себе эмоциональную и сексуальную функции (скорее, чем экономическую), то новым социальным институтам необходимо поддерживать другие аспекты социализации и управлять уходом из семьи. Молодежная культура, короче говоря, должна быть понята через процесс отделения современным индустриальным обществом детей от их семей, подготовки к помещению их в широкую социальную систему.

Каковы бы ни были различия между ними в других областях, все молодые люди должны быть социализированы, найти себя в социальных институтах, разделить чувство субординации. Эти институты могут быть для молодых, но они не контролируются ими. Они движутся взрослыми: молодежь - центр их цели, но молодежь остается маргинальной в смысле власти.

Функционалисты объясняют социальные институты в терминах социальных проблем и их культурных решений. Проблема описывается, ссылаясь на напряжение, существующие внутри социальной структуры; решение описывается в терминах (условиях) облегчения подобного напряжения. Молодежная "проблема" лежит, следовательно, в маргинальном статусе молодых людей; молодежная культура ослабляет беспокойство, опасения и сомнения. Социологическая важность молодежной культуры лежит в ее кодах поведения и одевания. С этих перспектив, все формы молодежной культуры (студенческий клуб любителей игры в регби или бритоголовые футбольные банды) имеют схожие функции.

Подход "решения проблемы" к молодежной культуре используется многими социологами, которые не считают себя функционалистами. Изучающие субкультуры, например, также объясняют молодежную культуру в терминах решения молодежных проблем. Они выделяют разные аспекты, думая над вопросом, для кого функционирует культура. Для функционалистов некоторые молодые люди менее властны, чем другие, более маргинальны в социальном смысле. Дети, которые неудачны в школе, больше подвержены влиянию альтернативных источников статуса, чем те, которые успешны в школе.

Понятие "равных групп" родилось из допущения социологами того, что не легко забыть о

том, что упоминание о молодежной культуре есть упоминание о людях одного возраста, делающих что-то в группах, описываются ли эти группы как группировки, банды или как субкультуры. Молодежная активность означает групповую активность. Существует социологическое предположение относительно того, что молодежь развивает свой вкус в одежде и музыке в группе, что они смотрят футбольные матчи или танцуют или "ничего-не-делают" в группе. Во взрослом обществе, как писал Коулман, люди принадлежат к ясно определенным социальным сообществам, они организуют свое поведение вокруг жестких систем ценностей и престижа, принятых в их сообществах.

Равные группы, короче говоря, поддерживают первые шаги молодых людей из семейной жизни, дают им их первое знакомство с другими способами вхождения в социальный мир. По началу это может иметь значение сравнения, которое использует ребенок в споре со взрослыми - "мама Карен разрешает ей идти на дискотеку", но поскольку активность в равных группах является центром социальной жизни молодежи, то они становятся главным пунктом в молодежном поведении. Равные группы позволяют их членам отстаивать свою независимость от родительских семей, т.к. они все еще могут развивать дружбу и эмоциональную поддержку, что бы они ни делали. Позиция функционалистов в том, что равные группы имеют смысл как источник не новых ценностей, а нового способа нахождения своего места в мире. Они перестают означать однажды достигнутый статус взрослого. Люди "вырастают" из молодежной культуры, поскольку устанавливают, утверждают новую, особенную форму эмоциональной связи (женитба, собственная семья), т.к. они становятся отождествляемы с профессиональной или карьерской позицией. Социологические и психологические моменты роста не могут быть отделены друг от друга. Молодежная культура только тогда становится проблемой, когда люди отказываются расти, и это (как социологи типа Т. Парсонса утверждали в 60-е гг.) нуждается скорее в психологическом, чем в социологическом объяснении.

В последние годы Кингс Роуд в Челси стали любимым местом для американских туристов. Они приезжают сюда получить картины "племени английской молодежи" (как описали их в журнале Таймс) - панков, бритоголовых, тедов, рокеров, модов, рокабили, новых романтиков. Эти племена имели последователей и в США, и в Европе, но являются исключительно английским феноменом и точкой интересного парадокса: в 50-х Америка была моделью для молодежной моды, музыки и подростковой культуры, теперь же Англия выглядит образцом стилей. Как можно объяснить молодежную культурную историю в этих двух современных индустриальных обществах? Почему Англия производит подобную драматическую серию захватывающих молодежных субкультур?

Существует две очевидные причины. Во-первых, намного выше пропорция американской молодежи продолжает полное образование после 16 лет. Их активность имеет формальную, студенческую форму. Английские выпускники, наоборот, должны создавать их собственный молодежный мир и идентичность. Во-вторых, социальная мобильность выше (или думается, что она выше) в США. Американские подростки выглядят верящими в возможность изменения их жизни намного больше, чем английские подростки.

Я напомнил здесь об этом для того, чтобы поставить финальную точку относительно структурно-функционального подхода к молодежной культуре. Подобно всем социологическим теориям это должно быть связано с его историческими обстоятельствами - в данном случае это 50-е гг. Эта теория объясняла молодежную культуру во времена относительного изобилия и оптимизма. Если молодежная культура была "функциональной", это было частично потому, что процесс роста (взросления) не был особенной и проблематичной вещью - люди смотрели в

будущее. В других обстоятельствах молодежная культура несла самые разные смыслы, значения и поднимала разные проблемы. К ним я сейчас и хотел бы обратиться.

В своей важной книге "Хулиган" Дж. Пирсон рассказал историю юношеского преступления, фокусируясь в своем рассказе на общественных реакциях на молодых преступников. Он начал в настоящем, цитируя аргументы современных газет и политиков относительно того, что контроль над правонарушениями из рук вон плох и что срочно необходимы новые формы дисциплины и наказания. Эти редакторы помнят закон 50-х гг., время "до молодежной культуры", когда всепозволяющее общество и всестороннее образование размывало традиционную семью и школьную дисциплину. Проблема выглядела следующим образом: в последние 20 лет молодежь потеряла всякое уважение к власти.

Если мы посмотрим на реакцию на молодежные правонарушения в XIX веке, определим преступления, за которые молодые могли быть осуждены, приговорены на определенный срок, станет ясно, что часто молодые преступны в смысле взрослых (взрослым образом), т.е. такие преступления совершают и взрослые. Но существуют правонарушения исключительно молодежные. Молодежь, например, рассматривается источником особого вида беспорядков - банды мальчишек на улицах, занятых деструктивным или насильственным поведением ("хулиганизм" и "вандализм"), у которых нет видимых материальных мотивов, которые не обеспечивают их товарами или наличными деньгами. Хулиганизм кажется доставляющим удовольствие сам по себе, и банды хулиганов были источником "заражения" - простодушные юнцы были вовлечены в их активность, действия, полностью выпадали из-под влияния взрослых и все больше криминализировались. Если сложить все эти проблемы вместе, то становится очевидно, что в XIX веке государство имело право контролировать молодежное поведение, разгонять банды, брать под стражу безработных, даже если они в действительности и не нарушали закона. Улицы были неким "природным" источником постоянного воспроизводства преступности и преступных элементов, и государство реагировало на это физическим искоренением членов банд и группировок.

Юношеская преступность была впервые осмыслена как проблема, когда в криминологии доминировал функционализм. Позитивистские криминологи, такие, как Ч. Ламброзо, верили, что "криминальность" была неким врожденным качеством преступников, которых именно это и отличало от "не-криминальных", обыкновенных людей.

Существуют две сложности в применении этого подхода к юношеской преступности.

Во-первых, молодежные правонарушения, как правило, происходят в группе, поэтому возникает вопрос, могут ли криминальные группы в целом трактоваться как "зараженные", генетически "обреченные" наподобие преступных индивидов?

Во-вторых, существует определенное политическое противодействие и эмоциональное нежелание смириться с тем, чтобы всех детей и молодежь трактовать как генетически предрасположенных к преступности. Не могут ли они быть пересоциализированы и реформированы? Позитивистские криминологи вскоре стали комбинировать свой биологический подход с необходимостью контролировать социальное окружение, когда речь идет о совершении преступления.

Психодинамический подход к правонарушениям оставляет массу социологических вопросов без ответа. Как можем мы объяснить "естественность" правонарушений, совершаемых определенными молодыми людьми в определенных местах? Откуда пришли нормы правонарушителей? Как можем мы объяснить коллективные формы правонарушений? В чем значение банд, группировок? Почему поведение преступников принимает именно такие формы? Что именно эти формы означают для самих преступников? Ведь само по себе вряд ли

может возникнуть эмоциональное побуждение, чтобы разбивать молочные бутылки или совершать увеселительную поездку на машине без разрешения на то ее хозяина. Это скорее всего уже факт какого-то культурного выбора.

Американские социологи начали детально изучать преступно ориентированные культуры в 20-х гг. Они исходили из того, что психодинамичный подход был слишком негативным, поскольку объяснял преступления ссылкой на недостатки здоровой социализации.

Чикагская школа социологии применила “субкультурный” подход к анализу преступности, что нашло отражение в серии детальных исследований среды обитания молодых преступников. Одна из стратегий заключалась в том, чтобы провести анализ преступных групп, банд (группировок), с помощью описания их социальной организации, правил, методов отбора, рекрутирования новичков, через расшифровку их властных структур. Для понимания того, как функционируют преступные группировки, ученые анализировали личностные смыслы их внутренних коммуникаций для самих членов. В последствии именно эти подходы стали использоваться социальными работниками при создании специальных клубов для мальчиков и молодежи, как примеры законных способов реализации тех же функций и смыслов

Другая группа исследователей, представлявших Чикагскую школу, проводила исследования на стыке с этнографией, анализируя местные и этнические сообщества, на которых базировались молодежные группировки, прослеживая условия их социализации таким образом, чтобы обнаружить связь субкультуры правонарушителей с особыми формами их родительских культур.

Рост уровня преступности в США в 30-е гг был результатом, как считал Р Мертон, увеличивающегося разрыва между американским идеалом равных возможностей, американским определением успеха в терминах материальной мудрости и власти и реальной депрессией бедности, материальными неудачами и “блокированным доступом” к образовательным и деловым возможностям для большинства представителей низших классов в Америке.

Преступность, как считал Мертон, сигнализирует не о разрыве с основными американскими целями, а об усвоении их нелегитимных значений. Молодежная преступность в этой перспективе была понята как отражение путаницы в сфере норм и в сфере отношения к их легитимным и нелегитимным значениям. Подобная “аномия” может быть понята только в более широком социальном контексте. Простых ссылок на неадекватную социализацию в пределах семей оказывается здесь явно не достаточно. Решение проблемы преступности, другими словами, лежит скорее в экономических и социальных преобразованиях, нежели просто в моральном реформировании.

Важность работы Мертона состоит в том, что, пожалуй, впервые правонарушения и преступления молодежи были определены как общественные, а не только как индивидуальные проблемы. Следовательно, “нормальность” или “ненормальность” молодых преступников нуждалась скорее в социоисторическом, чем в психологическом объяснении. Мертон, однако, подобно всем другим довоенным социологам, трактовал юношескую преступность как первые шаги по направлению к миру взрослой преступности и, следовательно, был солидарен с тенденцией трактовки криминальности молодежных группировок по аналогии с криминальностью взрослых преступных банд. Послевоенные социологи изменили эту тенденцию.

Уже исследование, проведенное А Коеном с мальчиками-правонарушителями, показало, что преступления молодежных банд были по существу “не-утилитарными”. Действия большинства группировок не включали в себя стремление к материальной выгоде, скорее они были просто деструктивными (насилие против людей и собственности) и доставляли удовольствие на уровне субъективных переживаний специфическим внутренним волнением, которое молодые люди переживали в это время. Ребята из группировок, воровали машины не

для их перепродажи, а просто для того, чтобы весело покататься, переживая всю рискованность ситуации, оттого, что не имели на это никакого права. Потом они просто ее разбивали. Удовольствие, получаемое в процессе совершения какого-либо безобразия и нарушения закона ради самого себя, как предполагал Коен, становилось умышленным переворачиванием социальных норм. Коен считал, что дело не в том, что молодые люди, вступая в банды, становятся антисоциальными. Скорее наоборот, молодые люди уже асоциально ориентированные объединяются в банды, потому что только внутри небольших автономных групп могут поддерживать и воспроизводить антисоциальные нормы и статусы.

Закономерно возникает вопрос: с чем связано то, что некоторые молодые люди становятся антисоциальными? Коен предположил, что это является своеобразной реакцией на их институциональный опыт: "Определенные дети отрицают статусы, принимаемые в уважаемом обществе, поскольку не могут понять критерии этой уважаемой статусной системы. Преступная субкультура решает эти проблемы, обеспечивая детей подходящим критерием статуса".

Корни преступности, таким образом, следует искать в неудачах детей в школе и на работе, в недостатках их социальных достижений и престижа в "уважаемом" смысле.

Из классического учения Уайта "Общество уличных подворотен" Коен взял разделение молодежной культуры низшего класса на учеников колледжа и мальчишек из подворотен. "Ученики колледжа" стремились к статусу среднего класса, используя такие нормы среднего класса, как индивидуалистическое подчеркивание значений образования, квалификации, почитаемости, брака. Дворовые мальчишки культивировали коллективное переворачивание норм среднего класса, подчеркивая непосредственное удовольствие, агрессию, празднование грубости (стойкости, жесткости) и волнения, которые не сулили в дальнейшем ни наград, ни похвал.

Недостаток подхода Коена к преступности - в приравнивании "ценностей среднего класса" к американским нормам. Получалось, что девиантными, по определению, оказывались ценности не-среднего класса. Он также оставил без внимания отношение дворовых мальчишек к ценностям рабочего класса.

Этот момент был развит Уолтером Миллером, который считал, что молодые преступники могут быть лучше всего поняты не с точки зрения переворачивания ими ценностей среднего класса, а с точки зрения их приспособления к нормам своего "низшего" класса. Преступниками их делали не их "девиантные нормы", а интенсивность их желания приспособиться к таким ценностям, как грубость, волнение и возникающему в результате их действий конфликту с властью среднего класса (например, в школах). Проблема, с которой сталкивались дворовые мальчишки, согласно Миллеру, была не в их неудачах с точки зрения норм среднего класса, а в их маргинальной позиции, а также в их "закрытой" локальной рабочей солидарности. Столкновения молодых преступников с властью среднего класса вызывали возмущение. Но для них собственный социальный опыт в школах и на работе был менее значим по сравнению с ощущением своей незначимости среди сверстников. Недостатком подхода Миллера было то, что в результате получалось, будто бы все мальчишки из рабочего класса должны стать преступниками. Это никак не помогало объяснению причин того, почему, например "учащиеся в колледжах", парни из рабочей среды становились девиантными в своих локальных культурах.

Д. Матза начал изучать характер описания собственных действий самой молодежью. Он сделал открытие, что сами они не проводят четкого разграничения между их "преступным" и "не-преступным" поведением. Преступники пытались объяснять свои девиантные действия, ссылаясь на различные уважаемые в обществе нормы, которые организуют их остальную

жизнь. Преступные действия совершаются потому, что молодые преступники верят в то, что при определенных условиях "нормальное" решение суда может быть отложено. Матза заключил, что процесс становления девиантом включает не обучение девиантным ценностям, а девиантным оправданиям своих действий.

Аргумент Матза сделал очевидным то, что преступность есть результат взаимодействия людей, ведущих себя определенным образом, и других людей, определенным образом на это реагирующих. Назвать некое действие преступным - значит также описать и социальную реакцию на него.

Эта теория поднимает ряд важных проблем.

Во-первых, сторонники этой теории объясняют преступность как процесс, а не как устойчивое состояние. Следовательно, социологи должны, прежде всего, четко определить ситуации, в которых преступность может быть, а может и не быть конструктивной. Не каждый футбольный матч заканчивается разборкой, и не каждый футбольный хулиган включается в драку. Реакция полиции, прохожих и СМИ так же важны для возникновения преступления, как и собственно действия преступников. Преступление часто переживается молодыми людьми как несчастный случай, который может усилить ощущение несправедливости и может объяснить, почему молодые люди чувствуют себя так уязвленно и сопротивляются при задержании, спрашивая: "Почему именно меня?"

Из этого следует, что если действия и реакция равно важны для совершающих преступление, то им следует уделять равное исследовательское внимание. Беккер и его коллеги попытались показать, как происходит распространение девиации: обозначение лейблом человека как девианта может сделать более интенсивным его девиантные действия. Ярким примером подобного процесса было навешивание английской полицией ярлыка на черных молодых людей, когда их стали трактовать как "сложные" просто из-за "девиантного" цвета их кожи. Своими реакциями английские полицейские не просто "одобряли", но и как бы "узаконивали" принятие черными подростками законов и порядков белых людей.

Теория ярлыков изменила взгляды социологов на то, кто должен быть включен в анализ преступности, стало очевидно, что те, на кого наклеивают ярлыки, должны изучаться в той же степени, как и те, кто наклеивает ярлыки. Важно, например, научиться разбираться в позиции моральных антрепренеров (журналистов, моралистов и политических говорунов), которые напрочь отрицают наличие собственных "проблем" у панков, молодых людей, курящих наркотики и нюхающих клей, у футбольных хулиганов и т.п. Ярлыки, навешиваемые на преступников, имеют собственное социологическое, историческое и культурное значение: всегда важно понять, почему они развивались именно таким образом?

Самым сомнительным моментом этого подхода остается то, что социологи больше стремятся не объяснить, а оправдать поведение молодежи. Особенно сильно это прослеживается в социологии девиации и делинквентности. Как мне кажется, наиболее важной социологической проблемой является следующее: особый интерес социологов к тому, почему некоторые молодые люди - делинквентны, может оставить без объяснения то, почему большая часть молодежи - не делинквентна. Социологи, фокусирующиеся на молодежных проблемах, как бы постоянно воспроизводят идею о том, что молодежь сама по себе - проблема. Я уже говорил, что в данном случае игнорируются девушки, которые не попадают в рамки различных девиантных моделей, а преимущественное изучение черной молодежной культуры еще более запутывает вопрос о существовании женского хулиганства. Все это имеет очевидные последствия: азиатская молодежь не сильна в литературе, например, но она не считается "проблемой" в привычном общепринятом смысле.

Почему же взрослые так «сверхчувствительны» к молодежной преступности? Почему нормальная забота и волнение о подростках так часто принимает форму моральной паники? Стенли Коен предположил, что моральная паника отражает стремление взрослых совладать с определенными социальными изменениями, определенный уровень беспокойства по поводу экономической и моральной стабильности общества. Молодые люди становятся объектом подобного беспокойства, потому что они на виду. Они олицетворяют собой явный предмет для применения подобных чувств. Досуговое поведение молодых людей открыто всем, поскольку разворачивается в общественных местах. В силу их относительного безвластия и беспомощности они представляются именно той группой, на которую можно воздействовать с помощью моральных усилий полиции и учителей.

«Проблема» молодежной девиации есть отражение заботы и волнения взрослых относительно молодежи в целом. Социологи, которые от объяснения специфики преступников приходят к предположению о том, что все молодые люди - девианты, оказываются вынужденными решать вопрос о связи между девиацией и конформностью. Часто случается так, что социологи переносят на представления о молодежи свои собственные политические заботы и проблемы.

Согласно словарю, субкультура - это «социальная, этническая или экономическая группа со своим особым характером в пределах культуры общества». Именно в таком смысле этот термин впервые использовался социологами, чтобы уделять внимание определенным культурным образцам различных меньшинств внутри плюралистического общества. Так, например, мы можем говорить о мормоновской субкультуре в США или китайской субкультуре в Англии.

На первый взгляд английские молодежные группы не вписываются в эту модель. Молодые люди всех стилей в большей степени определяются доминирующими культурными институтами семьи и школы, классовым происхождением и местом работы; их стили не являются их образами жизни, оставаясь всего лишь чертами их досуга. С другой стороны, эти досуговые группы, которые выглядят уникальным английским феноменом, не могут быть определены в терминах других теорий молодежи.

Они «девиантны», но не обязательно «делинквентны». Их стили зависят от подростковых культур коммерческого типа, наиболее очевидная из них - это поп-музыка. Эти стили созданы не ими, а менеджерами, обслуживающими коммерческие рынки молодежной культуры. Тем не менее, стили тэдов, модов, панков и бритоголовых вовсе не были выдуманы бизнесменами. Включенная в них молодежь не является «бесклассовой», однако эти молодые люди вовсе не автоматически включены, вписаны в культуру своих родителей. Английские молодежные стили возникают как эксцентричные феномены внутри их маленьких семей и в локальном соседстве. Субкультуры помогают молодым людям идентифицироваться со своими и постичь чувства своего отличия от общества. Однако, нельзя забывать о том, что субкультуры продолжают оставаться внедренными в общество.

Следует сказать, что субкультурный подход к молодежи не так уж легко резюмировать. В нем раскрывается новая перспектива в анализе молодежной культуры, которая как бы собирает вместе нити других подходов, развивая при этом особый, скрытый от непосвященных теоретический жаргон.

Чикагские социологи рассматривали молодежную преступность как коллективное поведение, организованное вокруг центральных ценностей группы. Короче говоря, они стремились к тому, чтобы объяснить молодежную девиацию в терминах дружбы и преданности, царящих внутри молодежных преступных субкультур. Возникает вопрос: откуда эти ценности субкультуры появились?

Английские социологи молодежи (как и их американские двойники) пришли к выводу, что девиантные молодежные субкультуры являются субкультурами рабочего класса. Молодежь,

озабоченная уходом из своих рабочих семей и соседства, хранит в себе память о социальном опыте рабочего класса, который она получила в процессе взросления: они учатся в плохом классе в школе, заканчивают школу как можно раньше, чтобы найти работу. Из этих эмпирических наблюдений следует социологический вопрос: каковы отношения между подобным классовым опытом молодых людей и их субкультурными стилями? Как девиантные группы выражают ценности рабочего класса? Какова их связь с культурой их родителей-рабочих? Почему подобные стили разделяются только меньшинством молодежи рабочего класса? Являются ли тэды, моды, панки и бритоголовые более или менее "классово-сознательными", чем их "нормальные" сверстники?

Бритоголовые банды говорят "мы" против "них" - это явно классовый, а не поколенческий жест... Шоковые ценности девиантных стилей, эффекты, производимые ими на окружающих: уход от работы, аресты полиции - все это вытекает из их внутренней сути. Молодежь конца 70-х, например, красила свои волосы в зеленый цвет, не только потому, что он им просто нравился, но и потому что они предвидели эффект, который тем самым произведут на людей. Они хотели демонстрировать, выставять напоказ свой мятеж, бунт, и это был бунт не просто против своего социального опыта как представителей рабочего класса, но и против попыток среднего класса его всячески ограничивать.

Американские социологи считали, что молодежные делинквенты выражают "природную" культуру низшего класса, они существуют внутри интенсивных, но спонтанных общественных системах веры и ценностей, с которыми они выросли (в особенности, это касается идеи маскулинности, "настоящего мужчины").

Английские социологи развили этот аргумент таким образом. Они начали с предположения, что девиантные стилисты не просто бессознательно отражают существующие нормы рабочего класса, но используют их в качестве основы для противодействия и сопротивления ожиданиям школы и работы. Это их явное, видимое, публичное и коллективное решение на выбор подобного сопротивления, что и отличает эти молодежные группы и от конформной "нормальной" молодежи рабочего класса, и от членов группировок.

Определение субкультурного стиля как "сопротивления рабочего класса" приводит к ряду социологических утверждений. С одной стороны, этот стиль связан со специфическим социальным опытом рабочего класса, с другой стороны, он же является своеобразным политическим ответом на этот социальный опыт.

Пытаясь объяснить, как символическое поведение становится формой классового противодействия, писатели шли прямо от теории ярлыков. Сторонники теории ярлыков считали, что социальная девиация - это следствие влияния ярлыка, но не выясняли, почему те, кто наклеивал ярлыки, были по существу плюралистичны в своих предположениях.

Решающее, критическое различие между американской теорией преступности и английской теорией субкультур лежит в использовании понятия "идеологии". Оба подхода согласны с тем, что девиантное поведение лучше всего понимать как форму решения молодежной проблемы.

Понимание того, что молодежная девиация является своеобразным способом генерирования альтернативных форм успеха и наград, было большим прорывом американской социологии, и английские исследователи позднее применили это к девиантным стилям Великобритании.

Затем в исследованиях появляется новый аргумент: девиантные стили являются решением идеологических проблем, это своеобразный ответ на пробелы и противоречия в системе идей относительно того, что молодежи было предложено (родителями, медиа, индустрией подросткового потребления, государством) в качестве способа понимания их маргинальности.

Панки и бритоголовые, моды и тэды вряд ли говорят о “победе культурного пространства”, “сопротивлении на идеологическом уровне” или “магическом исправлении сообщества”. Для социологов, особенно выходцев из среднего класса, всегда существовало некое искушение праздновать подростковую девиацию, восхищаясь своей лояльностью и волнением, своими переживаниями уличной жизни, что могло привести и приводило к частичному забвению болезненных проблем улиц. Если для американских сторонников этих теорий делинквентности подобный подход означал романтизацию бандитской жизни, то вопрос о романтизации “сопротивления” сторонниками марксистской субкультурной теории остается неясным.

В соответствии с теорией субкультур молодежные стили являются формами сопротивления не потому, что их стилисты сознательно противостоят “буржуазной идеологии”, а потому что использование социальных знаков дает им чувство контроля над их собственной жизнью: члены групп привлекают, таким образом, общественное внимание не только к себе, но и к противоречиям в доминирующей идеологии. “Сопротивление через ритуалы” выражается следующим образом: конфискация, экспроприация стиля одежды высшего класса помогали преодолеть разрыв между в значительной степени ручными, неквалифицированными, почти люмпеновскими жизненными успехами, карьерами и жизненными шансами, с одной стороны, - и опытом воскресных вечеров под названием “выражены-а-пойти-некуда”, с другой. Экспроприруя и фетишизируя потребление и сам стиль, моды покрывают разрыв между “никогда-не-кончающейся-неделей” и “возвращением скуки понедельника, тупиковой работой”.

Наиболее выразительная критика теории субкультур концентрируется вокруг оценок девушек или, скорее, вокруг недостатка этих оценок в целом. Эти выводы были сделаны Анжелой МакРобби и Джени Гарбер. Они задались вопросом, почему девушки были практически исключены из анализа культуры тэдов, модов и бритоголовых?

Женщины-скинхеды и панки явно протестуют против общепринятых подходов к культуре фемининности и женственности, но в пределах своих субкультур продолжают поддерживать традиционные рабочие гендерные различия.

МакРобби также предположила, что в действительности нет такой вещи, как женская субкультура, то есть способа, которым девушки из рабочей среды могут коллективно противостоят доминирующим культурным нормам как группа девушек. Молодые девочки-подростки разделяют специфическую культуру “спальни”: женская групповая дружба развивается в домашних стенах, основываясь на интересах к общим журналам типа “Джеки”, разговорах о поп-звездах и т.д. Но эта дружба довольно кратковременна, по мере взросления она становится менее важной, потому что их жизнь начинает определяться их маргинальным статусом в субкультурах или их включением в коммерческую (попсовую) культуру женственности.

Смысл ее исследований в том, что подростковая активность, анализируемая в рамках теории субкультур, активность, которая описывается как “сопротивление через ритуалы” или “завоевание культурного пространства”, является на самом деле только мужской активностью. Если девушки “завоевывают пространство” или “сопротивляются через ритуалы”, они делают это настолько по-другому, чем мальчики, что социологи-мужчины оказываются просто не способными замечать эти отличия.

Социология молодежи была по большей части социологией молодежного досуга. Существовали многочисленные теоретические разногласия относительно того, что означает молодежный досуг, тем не менее, эмпирические изучения фокусировались вокруг молодежной досуговой активности. Однако, в последнее время фокусирование внимания ученых только на отдыхе начинает отступать. В последние 10 лет, например, наиболее актуальная молодежная

проблема в Англии (и в большинстве других капиталистических стран) - это молодежная безработица. Что могут сказать об этом социологи, изучающие досуг?

Некоторые ученые, исходя из представлений о существовании некоего равенства между безработицей и досугом, заключили, что безработица будет стимулировать более интенсивное включение молодых людей в молодежную культуру. Эти выводы, на самом деле, являются своеобразным отражением успешности ответной политики английского правительства по отношению к молодежной безработице.

При развитии этого аргумента возникают две проблемы. Во-первых, досуг должен быть определен в противоположность работе, "свободное" время переживается в контрасте с дисциплинированным временем (будь то в школе или на работе), следовательно, не работать - еще не значит все время играть. Во-вторых, безработица не переживается коллективно как досуг. Социально-психологические исследования показали, что хотя большинство неработающих молодых людей знают, что большинство вокруг них тоже не работает, они все же рассматривают свою ситуацию как индивидуальную проблему и совсем не в смысле "свободного" выбора или "свободного" времени. Безработица - это значит оставаться в постели, околачиваться вокруг дома, смотреть весь день телевизор или видео, пинать мячик, скучать, но вовсе не отдыхать.

Социологический смысл этих моментов заключается в том, что последствия культуры массовой безработицы не в усилении, интенсификации предшествующих образцов молодежной культуры, а в переопределении опыта молодежи рабочего класса. В 50-х и 60-х, когда социологические теории молодежи были особенно распространены в Англии, большинство молодых людей покидало школу в 15 лет, прямо включаясь в рабочие сообщества подростков. Они зарабатывали относительно хорошие деньги, получая определенную степень независимости и дома, и на рабочем рынке. В 80-х г. большинство молодых людей оканчивают школу в 16 лет, становятся безработными или вступают в краткосрочные обучающие программы. Они имеют относительно низкий заработок и уже другую степень независимости от родителей и системы социальной защиты.

Обычно социологи фокусируются на "субъективности" молодежи; они интересуются тем, как и почему молодые люди конструируют себя в качестве особой группы или стиля. Но "молодежь" также является результатом действий других людей; молодежь конструируется как особая роль, структурная позиция или институт рыночными силами, политикой государства и прочими условиями. Массовая молодежная безработица не может быть понята в терминах собственного выбора молодежи или даже как статистический эффект, следствие общего экономического спада. Молодые люди выглядят специфическими безработными, и нам важно понять, как "молодежь" конструируется в качестве особой категории на рынке рабочей силы.

Вопрос очень прост. Почему работодатели (наниматели) не хотят принимать на работу "молодых рабочих"? Почему, имея такую возможность, они принимают на работу взрослых? Общепринятый ответ заключается в следующем: современная молодежь не имеет достаточного уровня мастерства и способностей. Это приводит к критике школьной системы в целом. Одно из последствий роста молодежной безработицы ведет к исчезновению института ученичества (срока обучения), настоящие рабочие должны обладать набором персональных качеств - ответственностью, самодисциплиной, гибкостью во взаимоотношениях, пунктуальностью и т.д. Это "жизненное мастерство", которое рабочий приобретает вместе с опытом. На рынке рабочей силы, следовательно, "молодой" рабочий проигрывает.

Современное акцентирование на опыте необходимо понимать в его историческом контексте. В 60-х г. индустриальные социологи проводили большое количество эмпирических исследований "перехода из школы на работу". Одной из задач этих исследований было улучшить обслуживание

карьеру, сделать процесс устройства на работу более эффективным. Однако и эти социологи были удивлены тем, как много занимает у выпускников обоих полов процесс остепенения на определенном рабочем месте. Переход от учебы к работе означает на практике пару лет продолжающегося трудового движения. Молодые люди часто меняют места работы по внутренним тривиальным причинам; работодатели, реагируя на это, считают доказанным, что молодого необученного рабочего отличают: случайность выбора данного места, небрежная, безответственная позиция, плохое отношение к работе. "Превращение" во взрослого рабочего, следовательно, означает довольно долгий период экспериментирования со своим рабочим местом.

Быть рабочим сегодня - значит быть взрослым рабочим, опытным рабочим. Работодатели почти исключительно хотят получить постоянных, ответственных работников, которые могут адаптироваться к изменениям, не требуя при этом дорогого обучения. Раз выпускники школ не способны самостоятельно овладевать рабочей дисциплиной, то в этот процесс включаются государственные агенты, призванные обеспечить этот переход путем развития Молодежных обучающих программ.

Каков смысл изменения социального опыта подростков для идеологии молодежи? В некотором отношении молодежная безработица просто расширяет существующий разрыв между коммерческим имиджем молодежи и их каждодневным социальным опытом в конструировании работы и соседства. Как показал Дэвид Доунс, всегда существовали группы молодежи из рабочего класса, для которых "тинэйджерская культура" была недоступна, недостижима. Подобные молодые люди испытывали недостаток ресурсов для достижения "успеха" в подростковых терминах точно также, как и для успеха в условиях работы или школы, откуда их "делинквентное решение" проблем престижа и способ обретения чувства собственного достоинства.

Об этом можно судить и по росту публичного беспокойства относительно молодежной безработицы, выразившегося в успешной молодежной политике правительства. Это, в свою очередь, привело к изменению молодежных медиа-имиджей. Возникшее напряжение между молодежью как идеалом и молодежью как угрозой было частично преодолено новым измерением молодежи как жертвы. Пресса и политики, например, начали ссылаться на "потерянное поколение", говоря о том, что молодежь становится "угрозой на помойке". Интересно наблюдать за увеличением количества телевизионных программ, обращенных к молодежи, которые пытаются быть одновременно и забавно-занимательными и серьезными, в которых поднимаются вопросы, связанные со сложностью получения достойной работы, приобретения молодежью собственного дома, организации вынужденного досуга и т.д.

Пол Уиллис

Совместная культура: символическое преобразование работы в игру в повседневности молодежных культур⁷

Функции субкультуры

Большинство исследователей все еще продолжают приписывать чрезмерное значение оппозиции между молодыми и пожилыми, между детьми и родителями, приводя примеры обрядов инициации, которые (первым делом в примитивных обществах) используются для обозначения перехода от детства к взрослости. Недостаток этих концепций заключается в том, что они не учитывают историческую специфику, не объясняют, почему именно эти конкретные формы встречаются именно в это историческое время.

Тривиальным выглядит разговор о периоде после второй мировой войны как о времени огромных сдвигов, которые привели к разрушению традиционных британских образов жизни и замене их новой, на первый взгляд, классово невыраженной структурированной системой. Социологи подробно рассматривали дезинтеграцию сообществ рабочего класса, доказывая, что разрушение традиционного уклада приводит к более глубоким и менее очевидным изменениям. Как указывает Бергер, ориентиры могут быть не только географическими, но биографическими и персональными, и исчезновение привычных ориентиров после войны знаменует коллапс всего привычного типа жизни.

Несмотря на самонадеянную уверенность обеих партий - лейбористов и консерваторов - в том, что Великобритания вступила в новую эру изобилия и равных возможностей, и в том, что "нам никогда не было так хорошо", как сейчас, классы не торопятся исчезать. Формы, в которых класс продолжал сохранять себя (культурные формы, в которых классовый опыт находит свое выражение), делают эти изменения чрезвычайно драматичными.

Развитие молодежной культуры нужно рассматривать только как часть процесса культурной поляризации общества. Относительное увеличение покупательной способности молодежи рабочего класса и изменение системы образования в 1944 г. (Бутлер) мы можем рассматривать как факторы, способствовавшие субкультурной артикуляции поколенческого сознания молодых людей после второй мировой войны. Сознание еще основывалось на обобщенном опыте класса, но способы его выражения были отличны от традиционных, а в некоторых случаях даже противоположны.

Значение класса как смысловой категории в анализе молодежной культуры не признавалось до недавнего времени. Внешне как бы самопроизвольный взрыв демонстративных молодежных стилей дал повод многим исследователям трактовать молодежь как новый класс, как недифференцированное социальное сообщество (подростки-потребители).

Теории субкультуры в Англии уходят корнями в традиции городской этнографии, которые можно проследить вплоть до XIX века. Однако научный подход к субкультуре (со своей методологией включенного наблюдения) был оформлен в 1920-х годах, когда группа социологов и криминологов в Чикаго начала собирать данные о подростковых уличных шайках и девиантных группах (профессиональных уголовниках, торговцах контрабандой и др.). В 1927 г. Ф. Трашер провел обследование более 1000 уличных шаек, а позднее В. Уайт описал ритуалы, повседневную жизнь и подвиги одной отдельной шайки.

⁷ Willis P. Common Culture: Symbolic Work at Play in the Everyday Cultures of the Young. London: Open University Press, 1990. Ch. 5. Перевод с английского Е. Омельченко.

Включенное наблюдение продолжает играть большую роль в изучении субкультур, но, тем не менее, этот метод страдает рядом значительных недостатков. Отсутствие аналитической модели ставило такого рода исследования в маргинальную позицию к преимущественно позитивистски ориентированной социологии. В таких исследованиях субкультура, обычное правило, представляется как независимый организм, функционирующий автономно по отношению к более масштабному социальному, политическому и экономическому контексту. В результате картина субкультуры оказывается часто весьма неполной. В 1950-х Алберт Кoen и Уолтер Миллер попытались восполнить недостающую теоретическую базу путем соотнесения и сравнения доминантных и субординантных ценностных систем. Кoen подчеркивал компенсаторную функцию подростковой группировки, например, подростки рабочего класса включались в школьные группировки, чтобы развить альтернативную форму повышения самооценок. В шайке ценности правильного мира – здравомыслие, амбициозность, конформизм и др. – заменялись их противоположностями: гедонизмом, неповиновением авторитету, поисками поводов для проявления недовольства. Миллер сосредоточился на ценностной системе молодежных группировок, подчеркивая сходство их культур с родительскими культурами. Он аргументировал это тем, что многие из ценностей девиантных групп повторяют в извращенной или преувеличенной форме “ключевые смыслы” взрослых представителей рабочего класса. В 1961 г. Матза и Сайкс использовали категорию “ценностей андеграунда” для объяснения существования института узаконивания как положительной, так и преступной молодежной культуры. Вслед за Миллером исследователи признают, что потенциально разрушительные цели и намерения существовали и в тех системах, которые рассматривались как абсолютно респектабельные. Они обнаружили, что такие ценности андеграунда, как стремление к риску, легкая возбудимость, волнение привнесены в молодежную субкультуру скорее для поддержания, чем подрыва будничной жизни.

Позднее эти теории были проверены в ходе полевых исследований в Великобритании. В 60-х Питер Вилмот заключил, что гипотеза о полной бесклассовости молодежной культуры была преждевременной и необоснованной. Он зафиксировал, что стили свободного времяпрепровождения, доступные молодежи, отражают противоречия и разногласия классового общества. Его последователь Фил Кoen, операционализируя этот тезис, определил субкультуру как “... компромисс между двумя противоположными потребностями: потребностью воспроизводить и выражать автономность и отличие от родителей... и потребностью в поддержании родительской идентификации”. В аналитической модели Кoена “латентная функция” субкультуры заключалась в “... выражении и решении, хотя бы на магическом уровне, противоречий, которые сохраняются в скрытом виде в родительской культуре”.

Моды, например, пишет Кoen, “... пытаются реализовать, правда, в воображаемых отношениях, условия существования социально мобильного белого рабочего... в то время как... их жаргон и ритуальные формы ... продолжают напоминать... многие традиционные ценности родительской культуры”.

Эта последняя цитата указывает на взаимодействие идеологических, экономических и культурных факторов, которые порождают субкультуру. Обосновывая свою теорию этнографическими деталями, Кoen включил понятие класса в свой анализ на более высоком уровне, чем это было до него. Он не только проанализировал класс как абстрактное понятие внешних условий, но и показал класс как реальную материальную силу, реализующую себя на практике и проявляющуюся в культурном стиле. Сырой материал истории преломляется и опредмечивается в линиях костюма модов и в подошве обуви тэдов. Внимание к проблемам

класса и к сексуальности, напряжение между конформизмом и девиацией, семьей и школой, трудом и свободным временем в замороженном виде представлены в зримых формах, и Коен предложил способ реконструирования истории и обнаружения скрытого смысла стиля.

Если мы будем уделять излишнее внимание связям между родительской и подростковой культурой, то возникает опасность потерять какие-то существенные идентификационные факторы последней.

Очень трудно найти в субкультуре панков, например, символические попытки “восстановления каких-нибудь социально связанных элементов, потерянных в родительской культуре” (пишет другой английский социолог – С. Коен) помимо аналогичных фактов выражения суперструктурированной и четко ограниченной групповой идентификации. Более того, панки, как кажется, пародируют отчуждение и пустоту, которые так привлекают внимание социологов, преднамеренно реализуя предсказания многих социальных критиков. Они “празднуют” в героико-комической форме кончину общества и коллапс традиционных форм смысла.

Анджела МакРобби

Феминизм и молодежная культура: от журнала "Джеки" до "Уже 17"⁸

Девочки и субкультуры

Кажется, что очень мало написано о роли девочек в молодежных субкультурных группировках. Они исключены из классических субкультурных этнографических исследований, поп-историй, журналистских полевых исследований. Если девочки появляются, то это скорее способ, которым некритично усиливается стереотипический образ женщины, с которым мы так хорошо знакомы... Например, Фивел ссылается в своем исследовании на "бессловесных пассивных девочек-подростков"... или, например, представляет их как маргиналов: "Эти описания как нечто, относящееся только к нам, выносятся в сноску к общему тексту. Мы входим в повестку дня где-то между понятиями "молодежь" и "любое другое занятие". Мы сталкиваемся с мужской культурой как бы "между прочим" и "периферийно". Следуя всем этим рефлексиям, получается, что мы в действительности не находимся в ней" (в мужской культуре - прим. пер.).

Как мы понимаем невидимость, неразличимость девочек? Неужели девушки действительно не существуют в молодежных субкультурах? Или это скорее зависит от способа исследования, который делает их невидимыми?

Если девушки и появляются в социологических описаниях, то чаще всего они трактуются в терминах их сексуальной привлекательности. Но и в этом фокусе это их "социальное качество" трактуется по-разному. Например, Пол Уиллис описывал незамужних девушек, болтающихся около парней с мотоциклами, которых он и изучал, следующим образом: "Похоже, что их объединяет общее сильное желание достичь уровня мужских позиций и общая неспособность быть по-настоящему привлекательными для серьезных и долгих отношений с мужчинами. По сравнению с замужними молодыми женщинами они более неряшливы и менее привлекательны".

Что это, если не типичная трактовка девушек, в которой отражается "природная" связь между маскулинностью исследователя и респондентов? Или дело в исследователе, который, прежде всего, изучает мальчиков на мотоциклах, и поэтому ему трудно получить искренние ответы об их отношении к девочкам и разобраться в том, как они на самом деле оценивают своих подруг? Он, вероятно, как раз и воспроизводит эти проблемы, используя привычный для него язык исследования, подсознательно адаптируя его к контексту исследовательской ситуации.

Уиллис также попытался прокомментировать ответы девушек на вопросы, связанные с их позицией в группе мотоциклистов. Он пишет о том, что столкнулся с их неприветливостью, нежеланием говорить. Они, по его мнению, начинают сразу хихикать, часто переводят разговор на воспоминания и свой прошлый опыт. Здесь возможны различные варианты интерпретаций: является ли такое поведение реакцией на исследователя как на мужчину, или это результат того, что "он" (исследователь) идентифицируется у девушек с "ними" (мальчиками на мотоциклах - мужчинами); является ли это характеристикой способа, которым девушки обычно преодолевают пространство, отведенное им в по-мужски - доминирующей или по-мужски-определенной культуре? И не подталкивает ли это их к отступлению, особенно в ситуации, когда их оценивают, когда на них уже навешен ярлык, наделивший их исключительно сексуальными атрибутами?

⁸ McRobbie A. *Feminism and Youth Culture. From Jackie to Just Seventeen*. London. Macmillan, 1991. Перевод с английского Е. Омельченко.

Это тот случай, когда девушки ведут себя по-другому, чем в обычных (гендерно-смешанных) ситуациях. В классе, например, девочки часто могут демонстрировать силу, перед которой мальчики отступают. Можно предположить, что в ходе исследования Уиллиса, девочки просто чувствовали неудобство и неловкость оттого, что их спрашивают о тех ситуациях, в которых они не имеют особой власти и важности, особенно если предположить, что девочки, которых опрашивали, не были постоянными подругами мальчиков.

Попытаемся обрисовать некоторые способы, с помощью которых, на наш взгляд, можно исследовать отношения между девочками и субкультурами.

Многие из понятий, используемых при изучении мужских субкультур, сохраняются, например, определяющее место классового происхождения, важность школы, работы, досуга и семьи, общий социальной контекст, в пределах которого возникают субкультуры и структурные изменения в послевоенном британском обществе. Все эти моменты действительно частично определяют различия между субкультурами. Однако, не менее важным остается вопрос пола и гендера, а именно: как гендерное измерение, становясь фокусом молодежных культурных исследований, переформирует это привычное поле?

Субкультуры среднего класса могут собой охватывать все время, быть, что называется "full-time" стилями, в то время как субкультуры рабочего класса чаще всего ограничены досуговой сферой. Подобное структурирование во времени потребностей и культурных выборов должно работать также и для девочек. Вероятно, что для хиппи-девочек из среднего класса, как и для мальчиков, намного легче найти "альтернативную" карьеру в контркультуре, чем бритоголовой девочке из рабочего класса найти подходящую работу в своей культуре. Следовательно, некоторые субкультурные системы релевантны и для мальчиков, и для девочек, в то время как другие намного более гендерно-дифференцированы (там, где гендерная идентификация является одним из основных доминирующих принципов). Если женщины маргинальны в мужской рабочей культуре, то это потому, что они центральны по отношению к субординации в целом. Они маргинальны на работе, потому что центральны в семье. Маргинальность девочек в субкультурах, сфокусированных однозначно на мужчинах может увести наше внимание от к узнаваемым подростковым и до-подростковым женским сферам, вроде тех, что формируются вокруг тинэйджерских звезд и поп-музыкальной индустрии.

Осмысливая все эти проблемы, можно попытаться сформулировать несколько ключевых вопросов, к которым будет адресовано последующее изложение:

- Являются ли они (девочки) существующими, но невидимыми?
- Если они существуют и видимы, являются ли их роли такими же, как и у мальчиков, но более маргинальными, или же они совсем другие?
- Является ли позиция девочек специфичной в отношении к их субкультурному выбору или их роли отражают более общую социальную субординацию женщин в доминирующей культуре?
- Если девочки не обладают таким же, как мальчики, набором субкультурных выборов, то что представляют из себя другие, т.е. дополнительные (помимо "мужских"), способы, которыми девочки организуют свою культурную жизнь?
- Являются ли эти способы организации социокультурного пространства девочек субкультурными в их собственном понимании?

Действительно ли девочки исключены из субкультур?

Наиболее очевидный фактор, который усложняет прямой ответ на этот вопрос, - это доминирование мужчин и мужских исследований в сфере социологических работ. Парадоксально то, что исключение женщин из фокуса этих штудий оставалось характерным для новых

радикальных теорий девиации и делинквентности, так же, подобно тому, как это было и в традиционной криминологии.

За исключением, может быть, сексуальной девиации женщины оставались социальной "категорией", совершенно не известной и не понятной для критических и радикальных теоретиков. Эта общая невидимость, неразличимость была, конечно, зацементирована социальной реакцией на сверх экстремальные манифестации молодежных субкультур. Популярная медиа концентрировала свое внимание, прежде всего, на сенсационных инцидентах, ассоциировавшихся с каждой субкультурой. Когда женщина возникает в пределах широкообсуждаемой структуры моральной паники, то, как правило, ей отводится более безобидная роль. Боязнь вседозволенности, неразборчивости в сексуальных контактах, которая возникает с приходом культуры хиппи, приводит к включению девочек и женщин в сферу интереса, поскольку они являются непосредственными участниками широко обсуждаемых форм "новой любви". Эти формы поведения начинают повсеместно восприниматься не просто как сигнал их персональной деградации и безответственности, но и как знак падения моральных ценностей общества в целом. Хотя следует признать, что "увеселительные ценности" в союзе с сексуальным либерализмом, характерные для 60-х годов, разбалансировали и немного притупили крики ужаса моральных гвардейцев, стоящих на страже социально одобряемых норм.

Являются ли девочки существующими, но невидимыми?

По всем этим причинам женская невидимость или их частичная видимость в молодежных субкультурах становится качеством "самонаполняющегося пророчества". Женщины и девушки действительно составляют меньшинство в этих группировках. Эксклюзивное внимание и исследователей и медиа уделялось как мужскому выражению и мужским стилям, так и усилению и расширению каждого субкультурного имиджа именно как мужского образования.

Хотя девочек и коснулся подъем доходов молодежи в 50-х годах, их зарплаты были не так высоки, как у мальчиков. Структура и способы "трат" и расходов мальчиков и девочек были ориентированы также на разное. Журналы для девочек концентрировались преимущественно на феминном способе потребления, обращаясь, прежде всего, к девочкам из рабочего класса. Их активное участие в "рабочем" мире помещалось в этих текстах в пространство дома и замужества, а не в пространство работы как таковой. Последняя понималась как чисто мужской контрмир. Поэтому для девочек принятие культуры тэдди-боев было своеобразным бегством от клаустрофобии семьи на улицу и в кафе.

Многие девочки действительно могли принимать соответствующий тэдам прикид, однако, они не стремились (и не хотели) так же много времени, как мальчики-тэдды тратить на "мотание" по улицам. Девочки должны были быть более осторожными, чтобы "не попасть в сложную ситуацию", ведь чрезмерное "мотание" без дела по подворотням могло быть воспринято мальчиками как сексуальное приглашение. Двойной стандарт самым строгим и жестким образом поддерживался именно в 50-ые годы, чем в любое другое время. До тех пор пока существуют сложности в получении и применении эффективной контрацепции, ограничение возможностей для проведения своего времени вне контроля и наблюдения со стороны представителей противоположного пола, пока остается финансовая зависимость женщин из рабочего класса от своих мужей - до этих пор общезначимым будет мнение о том, что хорошая репутация для женщины имеет намного большее значение, чем что бы то ни было другое. Соседство продолжает процветать и преуспевать благодаря слухам и сплетням, и девочки, которые проводят слишком много времени на улицах, однозначно оцениваются им как неразборчивые и "потерянные".

Благодаря распространению досуговой индустрии внимание взрослых постепенно стало распространяться не только на мальчиков, но и на девочек. Девочки становятся таким же объектом внимания, как и мальчики, когда их досуговая активность начинает проявляться в тинэйджерском смысле: девочки начали вырезать из журналов фотографии, собирать записи любимых певцов и самостоятельно покупать журналы. Косметика, конечно, использовалась ими для демонстрации себя "вне дома" - на работе, на улице и в дансинг-холах, но ритуалы примеривания модных тряпок, экспериментирование с волосами и макияжем были базирующейся-дома-активностью. Можно предположить, что девичья культура на определенный период располагается и действует в пределах своего дома или дома своих друзей. Пределы девичьих спален становятся пространством для больших "дел" новой тинэйджерской потребительской культуры. Девочки-подростки, конечно же, включались в новую публичную сферу потребления, предоставленную им вместе с невероятно бурным ростом досуговой индустрии, но они как бы "распространяли", продлевали потребление и на частную сферу - в пространство дома и спальни.

Включенность девочек в субкультуру тэдди-боев дополнительно поддерживалась не публичным образом. Девочки, которые сами себя считали "тэдди-герлз", действовали и вели себя, вероятно, так же или почти так же, как и их обычные, не субкультурные подруги. Экспериментировать с этим стилем девочки, скорее всего, предпочитали у себя дома. Из этого краткого анализа следует, что гендер скорее, чем субкультурная принадлежность структурирует различия между подростками.

Похожий процесс можно наблюдать и по отношению к рок и поп-музыке. Девочки и мальчики как включенные, так и не включенные в субкультуры, по-разному отвечают на эти феномены. Мальчики в большей степени склонны к рок-музыке, ориентируясь на получение технической информации о ней. Их отношение к поп-музыке может складываться проблематично вплоть до отрицания. В то время как девочки, наоборот, становятся фанатами, прежде всего, поп-музыки, читателями любовных комиксов, на которые оказала влияние попса.

Эта система включенности усложняется в пределах субкультур. Если мы посмотрим на тяжелую, ориентированную на мужчин субкультуру рабочего класса типа бритоголовых конца 70-х (скинхедов), мы можем обнаружить среди них лишь небольшие группы девочек. Обычно они занимают периферийные позиции в качестве герлфрендов или "прихлебательниц". То, что в прессе признали факт участия девочек в некоторых бритоголовых перепалках (стычках), говорит скорее о том, что женщины становятся видимыми в общественном смысле, чем о росте женского насилия.

Какие основные факторы могли повлиять на то, что некоторые девушки все-таки предпочли субкультурный выбор с его запутанным и усложненным жизненным сценарием, а не следование своей "природной" привлекательности? Вероятно, в определенном смысле свою роль здесь сыграло развитие более мягких феминизированных субкультур 60-х гг.

Известно, что среди "модов" в то время были тысячи "мод"-девушек, которые появлялись в ночных клубах, на улице, на работе и даже участвовали в столкновениях между модами и рокерами по выходным дням в середине 60-х. Хорошо известна озабоченность "модов" своим стилем, которая была отчасти связана с их специфическим "прикидом". Для них всегда существовала опасность выглядеть однополо ("моды" были, вероятно, первой "унисекс" группой). Получалось так, что женоподобность "модовских" парней предоставляла девочкам больше свободного пространства внутри этой субкультуры, чем когда бы то ни было.

Это бисексуальные моменты были закреплены и развиты, в том числе и самими "модами" в направлении к потребительству, что в какой-то степени предопределило подобный и для хипповского андеграунда, и для психоделии хиппи. В этом пространстве, невероятно плотно "заселенном" отнюдь не только молодежью среднего класса, мы можем обнаружить молодых женщин, имеющих гораздо более высокий статус, чем в других субкультурах. Как в свое время однополость 60-х гг. стимулировала развитие хиппистской сексуальной двусмысленности, приведшей к формированию образа "унисекса" и "бисекса" в ярком и пышном роке середины 70-х гг., так и сами девочки, и фемининность как способ их репрезентации, стали более доступными в пределах господствующей лексики молодежных субкультур. Однако, феминизация мужских образов, так, как это выглядело, например, в иконографии Дэвида Боуи или Микки Джаггера, или даже Гари Глиттера, не должна нас вводить в заблуждение, что нечто существенно изменилось и в отношении к имиджу феминности в целом. Для девочек намного меньше позволяется проявлять сексуальную подвижность даже внутри этих "новых" субкультур. Девочки по определению "всегда фемининны".

Если девочки видимы, то в чем их роли? И отражают ли эти роли общую субординацию женщин в культуре?

Возьмем три образа (имиджа): девочка на мотоцикле, девочка-мод и девочка-хиппи. Попробуем описать следующее: где они существуют, каков способ их презентации, каким образом поддерживается, сохраняется и воспроизводится их культурная субординация.

Девочка на мотоцикле

Девочка на мотоцикле, одетая в кожу, - это своеобразный вид субкультурного глашатая. То есть это девушки, как это представлялось в прессе, обладающие новым и угрожающим видом сексуальности. Этот образ часто использовался как символ новой либеральной сексуальности 60-х гг. Он был воплощен в образе Бриджит Бордо верхом на мотоцикле с взъерошенными волосами, летящими за ней. Этот более "высокий" светский имидж закодировал чисто "женскую" сексуальность в современный, смелый и мягкий образ. С матовыми губами, дерзким выражением густо подведенных глаз и расстегнутой молнией жакета, модель выглядела сексуально бесчувственной и почти невыразительной. Это был, следовательно, имидж "at odds", разрывающий с традиционной фемининностью и одновременно намекающий на некую непристойную сексуальную девиацию. В то же время этот же имидж был утилизирован в рекламе и мягкой порнографии (эротике). Это может служить примером того, "как" в пределах репертуара субкультурных образов эксплуатируется то, что девушки и женщины более предрасположены к потребительству, чем к "ритуалу сопротивления" даже в столь эпатажной, как рокеровская, субкультуре.

В собственно рокерской или мотоциклетной культуре этот сексуализированный имидж девочки, катающейся на мотоцикле, оставался скорее фантазией, чем реальностью. Если Пол Уиллис был прав, то лишь несколько девочек смогли когда-то проникнуть в символическое сердце этой субкультуры - в детальное знание машины (мотора мотоцикла), в товарищество и соревнование между наездниками. Дружба рокеров со своими девочками выглядит полностью зависимой от того, насколько хороши они как герлфренды. В группах Ангелов Ада, где субкультурная динамика была еще в большей степени маскулинной, у девочек были свои особо институализированные роли. Если они не становились полноправными субъектами в своей группировке, то для них оставалась лишь одна доступная роль - роль "матери".

Девочка-мод

Культура модов предоставляет намного больше субкультурных возможностей для реализации девочек. Эта культура появилась из основного потребительского направления подростков рабочего класса. В середине и конце 60-х больше девочек-подростков были заняты на работе, чем это было прежде. Возникали новые сервис-секторы, особенно в урбанистических центрах. Работа в новых бутиках, участие в шоу бизнесе и в другом, связанным с модой и одеждой, бизнесе - все это предполагало некоторую степень изысканности в манере одеваться. Где-то с середины 60-х гг. развиваются определенные бизнес-правила, что девочки за прилавком в новых бутиках своим собственным видом должны выражать имидж магазина и, таким образом, обеспечивать продаваемые в магазине модели наглядностью, становясь некими прототипами для молодых покупателей. "Очаровательный вид" и статус работы в такой интересной сфере часто перечеркивался долгими часами работы и низкими зарплатами. Полная занятость и относительная свобода "выглядеть некоторой частью" работы подстрекали девушек к еще большей свободе в семейной жизни. В метком и живом описании Тома Уолфа жизни "модовских" девочек в Лондоне присутствуют истории о том, как многие из них проводили свободное время на квартирах и в жилых комнатах рабочего класса. Эта относительная свобода была одним из тех факторов, который сделал подобный образец более желательным для девочек. Они охотнее выбирали идентичность в культуре модов, чем какую-либо другую.

Поскольку стиль модов был спокойно-незаметным для тех, кто не разбирался в его нюансах, включение в него выглядело для окружающих более гладким и "нормальным" дополнением рутины дома, школы и работы. В этом стиле было меньше вероятности для провокации сердитых родительских реакций, поскольку доминирующим в их имидже были ясность, аккуратность, опрятность и отсутствие откровенного эпатажа. Родители и учителя знали, что девочки выглядели "скорее странными со своими выкрашенными белым лицами и обрезанными (выщипанными) волосами", но, как заметил Дэвид Лейинг, "что-то было особенное в том, как они двигались, чего взрослые не могли понять". Участие в этой субкультуре практически полностью сводилось лишь к "уверенному" ношению правильной одежды, наличию правильной стрижки и хождению в нужные клубы. При наличии подобной "комбинации" необходимых аксессуаров и видов активностей девочка признавалась "модом". Как и ее мужской двойник, девочка-мод демонстрировала такое же беспокойство по поводу деталей своей одежды, такое же сверхвнимание к своему появлению на публике. Специфический стиль лица заключался в особенностях макияжа, прежде всего - выбеленное лицо, полностью выщипанные брови и огромные затемненные глаза. Стиль тела требовал стройности.

Вероятнее всего, что девочка-мод стала привлекать внимание комментаторов и журналистов по причине общего "однополого" подтекста субкультуры. Именно они не раз обращали внимание и отмечали женственность мальчиков, и "мальчишескую" фемининность девочек. Эти особенности стиля лучше всего продемонстрированы в модных фотоснимках Твиги.

Отсутствие преувеличенной маскулинности, подобно рокеровской субкультуре мальчиков на мотоциклах, сделало модовскую субкультуру одновременно и волнующей, и доступной для девочек. Подобно их женским двойникам мальчики-моды с большим желанием принимались на работу в бело-воротничковый офис, чем на непрофессиональную ручную работу. Интересно, что большая видимость девочек в субкультуре, самих по себе или в их увязке с мальчиками проявилась в том, что в определенной степени увеличилась и социальная уверенность девочек-подростков в 60-х гг. как из рабочего, так и из среднего класса.

Однако, эта новая возможность и новая степень самоуверенности не должны интерпретироваться слишком свободно. Работа действительно обеспечивала девочек свободными деньгами, давала непосредственный доступ к потребительским продуктам, но отнюдь не прибавляла им возможности для служебного продвижения или дальнейшей карьеры. Не существует каких-либо материалов для того, чтобы предположить, что участие в мод-субкультуре изменяло социальные ожидания девочек или ослабляло связи между матерями и дочерьми, даже если они временно жили на квартирах. Замужество по-прежнему воспринималось ими как нормативное социальное действие.

Девочки-хиппи

Термин "хиппи" - это, конечно, некое обобщение, ширма, прикрывающая различные группы и ответвления. Достижение высшего образования предоставляет девочкам среднего класса пространство, которого их двойники из рабочего класса лишены. Своя квартира или комната в общежитии дает девушкам-студенткам некое пространство для экспериментов, свое собственное время и относительно свободный досуг. Впереди у нее есть также 3 или 4 года, в течение которых замужество не столь актуально. Отсутствие строгого разграничения между работой и отдыхом также позволяет развивать свой уникальный личный стиль. Девушка из среднего класса может выражать себя в одежде без необходимых ограничений, связанных с работой.

Тем не менее, в субкультуре хиппи преобладают традиционные сексуальные роли, как это описывали многочисленные феминистские авторы. Фемининность незаметно движется между "земной матерью", прерафаэлитской мистикой, неким подобием богини, воплощенной в песенном цикле Боба Дилана, и мечтательно-сказочной хрупкостью Марианны Фейсфул. Медиа представляют наиболее яркие образы хиппи, которые должны интерпретироваться с особой осторожностью. Моральная паника вокруг "грязных хиппи" особо акцентирует внимание на сексуальной аморальности их коммунного проживания. Достаточно драматичное отражение фемининного имиджа у девочки-хиппи все еще подтверждает уже существующие стереотипы, и, тем не менее, андеграунд хиппи восстает против традиционного опыта - распространенного социального и молодежного протеста. В пределах этого ограниченного пространства внутри самих хиппи и даже на страницах подпольной прессы уже был слышен первый шепот феминизма.

Есть ли у девочек альтернативные способы организации и социальной жизни?

Важным может быть не вопрос - "существуют или нет девочки в мужских субкультурах?", а вопрос - существуют ли дополнительные способы, которыми девочки взаимодействуют между собой для формирования собственной субкультуры, которая стала бы узнаваемой в еженедельных комиксах и журналах для девочек?

Например, культура «teeny-bopper» (игра типа лотто, в которой используются вырезанные из журналов минипостеры - прим. переводчика), которая базируется на бесконечной смене молодежных мужских поп-звезд и является особенностью послевоенной культуры девочек. Этот вид культурной формы заметно отличался от мужских субкультур своими коммерческими источниками. Эта игровая культура появилась из самого сердца поп-музыкального бизнеса и была сориентирована на молодежные журналы с использованием радио и ТВ для еще более широкого привлечения внимания. Конечно же, это выглядело не столь созидательно-творческим, меньше всего ассоциировалось с субкультурами молодежи рабочего класса, в том виде, в каком их рассматривали социологи-мужчины. Тем не менее, звезды teeny-bopper-ов приносили исключительно социальный подтекст и предлагали уникальные возможности для своих фанатов.

Больше всего это увлечение было распространено среди 11-13-летних девочек. Феномен "teeny-bopper-ов" в 70-х разрастался вокруг этой юной возрастной группы. Тем самым к поп-культуре привлекалась и та возрастная группа, которая еще не начала обращаться к главному поп-направлению. Привлекательность звезд типа Дэвида Кэссиди для медиа-индустрии была связана не только с высокими продажами его дисков, но и с «правильной», точной подачей фильмов и ТВ-компаний о нем, "teeny-bopper" с самого начала был большим бизнесом.

Главные направления во вкусах, которые обнаруживаются в популярности звезд, можно легко рассматривать как отраженный вид культурного консерватизма. Девочки легко становятся покупателями, они рады сопровождать и поддерживать непринужденный, практически не агрессивный, не бунтующий и наиболее переработанный вид поп-культуры. Однако, это слишком наивный и упрощенный способ объяснения существующих в действительности не столь уж пассивных и мирных форм культов актеров, спортсменов и т.д. Даже в переработанной форме поп-культуры можно попытаться классифицировать различные процессы:

1. Девочки до-подросткового возраста менее свободны, чем их братья. Считается, что они больше подвержены риску изнасилования, если находятся одни на улице. Родители больше оберегают и защищают своих дочерей, чем сыновей, которые в некоторых ситуациях должны научиться проявлять себя как настоящие мужчины. Культура "teeny-bopper"-ов связана именно с этими ограничениями. Участие в ней не обусловлено необходимостью, проводить время вне дома, на улицах. Стили "teeny-bopper"-ов могут легко размещаться в пределах школьного или домашнего времени. Для того, чтобы быть фанатом Кэссиди или Бэй Сити Роллеров, требуется только ходить на их концерты, большинство из которых заканчиваются достаточно рано, и поклонники могут спокойно идти домой.
2. Существует несколько ограничений для включения в эту субкультуру, базирующуюся на коммерции. Участие в ней не связано с соблюдением строгих правил и не требует специальных обязательств по отношению к некоей общей идее. Включенность в субкультуру не наделяет девочек уверенностью, что у них большое количество денег. Их одежда дешевая, цена на их журналы - в пределах карманного недельного бюджета, их записи никем не запрещены, концерты, которые они посещают, достаточно редко воспринимаются как удовольствие.
3. Членство в субкультуре не связано с персональным риском. Для девочек в этом возрасте мальчики остаются неизвестной величиной и ассоциируются с угрозой. Сексуальный опыт - это то, от чего девочки всех социальных классов хотят держаться некоторое время подальше, оставляя это для будущего. Они знают, однако, что выход вечером с мальчиками неизменно несет в себе возможность поцелуя или «ласк». Фантазии о мальчиках из «поп-мира» не требуют ничего подобного. Они «любят» своих фанаток, не требуя чего-то взамен. Фотографии, которыми украшены стены в спальнях, побуждают девочек постоянно пристально на них смотреть. Этот своеобразный взгляд на расстоянии формирует в их сознании имидж мужчины. В постерах подчеркивается, прежде всего, физическая маскулинность, с акцентами на область промежности. Эти фотографии красавцев «позволяют» на себя смотреть. Это одна из немногих возможностей пристального взгляда на мальчиков и получения представлений о том, как они выглядят. Мальчикам «позволяется» открыто смотреть на девочек на улице и в школе, но для девочек считается неприличным делать то же самое им в ответ. Отсюда привлекательность долгого, пристального взгляда на кумира.
4. Вид фантазий, которые конструируют девочки вокруг своих кумиров, играют такую же роль, как и обычные дневные фантазии. Они могут делиться друг с другом историями о своем столкновении с каким-то кумиром в супермаркете, или о том, как он ее выбрал из

- центрального ряда на концерте. Оба эти примера фантазий содержат в себе сильный сексуальный элемент и несут в себе значение отвлечения от требований работы или школы, или других аспектов опыта, который воспринимается как скучный или не вознаграждаемый.
5. Девочки, в пределах этих субкультур, на самом деле достаточно активны, хотя их интимная иконография и выглядит так, будто воспроизводит традиционные гендерные стереотипы: девочки как пассивные фанаты и звезды как активные мужчины. Эти девочки являются сверхактивными потребителями. Если, например, очередная запись окажется скучной или просто плохой, то будущее звезды оказывается в опасности. Если звезды выглядят невнимательными, равнодушными к тем, кто их боготворит, они, вероятно, потеряют свои места не только в чартах (списках популярности), но и в долях участия в популярных концертах. Самое важное это то, что "teeny-bopper"-ская культура дает этим девочкам шанс отличить и отделить себя от других - и от тех, кто моложе, и от тех, кто старше. Они больше не маленькие девочки и еще не подростки. Это сложное и анонимное пространство постоянно трансформируется в поисках активной феминной идентичности.
- (...)

Заключение

Участие девочек в молодежных субкультурах может быть понято через движение от "классической" модели субкультурной территории. Девочки имеют другой досуговый и другой персональный мир, отличный от их замужних подруг. Это предполагает использование ими других возможностей для "сопротивления".

Некоторые из культурных форм, ассоциирующиеся с доподростковыми девочками, например, могут рассматриваться как ответ на имеющийся у них статус девочек и как ответ на опасения перед их переходом в мир подросткового сексуального взаимодействия. Один из аспектов этого противостояния можно увидеть в чрезвычайно плотных и дружных группах, сформированных девочками. Функция социальной исключительности подобных групп заключается в том, чтобы добиться частного, недостижимого мира.

Таким образом, субкультуры "teeny-bopper"-ов могут быть проинтерпретированы как специфические способы покупки свободного времени в пределах коммерческого направления, как уход от реального мира сексуальных столкновений к фантазиям об этих столкновениях с помощью образов (имиджей) и товаров, которые этим коммерческим направлением предлагаются.

Сведение счетов с субкультурой: феминистская критика

"Молодежная культура" и "социология молодежи", и особенно, их критические и марксистские перспективы были центральными направлениями в развитии культурных учений в последние 15 лет. Акцент, начиная с работы Национальной Конференции по Девиации (NDC), постоянно делался на формах мужской молодежной культуры. Один за другим следовали исследования отношений мужской молодежи к классу и классовой культуре, к государственной машине, к школе, к рабочей солидарности. Футбол анализировался как мужской вид спорта, выпивка - как мужская форма досуга, закон и полиция - как патриархальные структуры, концентрирующиеся на мужской молодежи - потенциальных правонарушителей. Я не знаю исследования, которое рассматривало бы приоритеты молодости и семьи.

Вытеснение сопутствующих значений "молодежи" акцентом исключительно на мужчинах неизбежно создавало проблемы для тех, кто занимался преподаванием. Если преподаватели не могли или не желали использовать существующие тексты "прямо", какой же у них был выбор?

Один из них - отклонить существующую литературу как окончательно мужски-ориентированную, базирующуюся исключительно на мужском поле и переместить внимание на альтернативные территории культуры девочек. Это могут быть: идеологические конструкты о девичестве, характер их объединений в различных институтах и культурных формах, способы их репрезентаций в контекстах различных институтов и культурных форм - школы, семьи, законодательства и популярных медиа. Опасность подобного подхода заключается в том, что можно пропустить некоторые вопросы, которые, если их рассматривать в феминистской перспективе, могли бы помочь нашему пониманию маскулинности мужской культуры и сексуальности и их места внутри массовой культуры.

Есть и другой выбор - стремиться комбинировать последовательное проведение анализа девичьей культуры в увязке с молодежной культурой в целом, как это и должно быть в социологических и культурных исследованиях. Не следует отказываться от субкультурной «классики». Просто она должна быть критически перечитана таким образом, что вопросы, которые до сих пор игнорировались или не принимались во внимание в силу своей запутанности, становились бы центральными. Проверая их слабости и дефекты, можно эффективно рассматривать вопросы, непосредственно относящиеся к политике феминистов. В чем, например, природа женского и девичьего досуга? Какую роль играет гедонизм, бегство в фантазии, воображаемые и мнимые решения в их жизни? Какой доступ к этим сферам и символам имеют женщины?

(...)

П. Уильямс и Д. Хебдидж в своих работах показали, как мальчики-подростки из существующего культурного материала их повседневной жизни и из фантазий формируют свои разнообразные модные, стили. Оба заимствуют понятие "стиля" из классового контекста. Поэтому рассматривают культурные "жесты" молодежи, в которых отражается их подчиненная позиция в неполных, противоречивых и даже "ампутированных" формах. Подобное понимание связано с тем, что эти авторы фокусируют свое внимание на языке мужской подростковой сексуальности, которая запечатлевается в этих текстах. Вопросы, связанные с сексизмом молодежи рабочего класса и с сексуальным насилием демонстрируют, как класс и патриархальные отношения работают вместе: иногда с удивительной жестокостью, а иногда - рука об руку с романтикой, любовью и женитьбой. Как сказал один из мальчиков Уильямса о своей подруге: "Она любит заниматься домашней работой (мат). Брюки, на которые меня вчера стошнило, ... я (мат) ... прошлой ночью и она ... (мат) их постирала для меня. Она хороша как золото, и я хочу жениться на ней как можно скорее".

(...)

Молчание

Одним из центральных принципов женского движения было то, что личное - это политическое. Феминисты осознали тесную связь между личным опытом и областями, выбранными для изучения - автобиографии начали вторгаться в исследовательский материал, проясняя очень многое из того, о чем написаны тексты. Даже если личный выбор автора не очевиден в самом тексте, его биография обязательно заявит о своем интересе и опишет свой субъект во введении.

Хотя некоторые радикальные социологи (мужчины) и не отрицали важность личного опыта в усилении тех или иных политических акцентов в их осведомленности о предмете исследования,

допущение о том, что и их собственный опыт повлиял на определение сущности исследуемого субъекта выглядело в большей или меньшей степени табуированным. Это молчание особенно раздражает в литературе о хиппи и контркультурах, связанных с наркотиками, где уход от глубокого анализа как бы вытесняется подозрительно преувеличенным количеством методологических оправданий. Дело не в моем стремлении читать между строк в текстах о субкультурах, разгадывая и расшифровывая различные нюансы. Вопрос в том, что собственное безмолвие и аннулирование персонального опыта из так называемых "более" объективных социальных наук переносится и на авторское умолчание в других областях, намного более важных для феминистов. Не случайно совпадение, например, таких моментов. В то время как социология девиации и молодежи процветали в начале 70-х годов, социология семьи оставалась все еще погруженной в структурный функционализм Талкотта Парсонса и была для каждого социолога самым нелюбимым выбором. Если же искать структурные пробелы во всей этой молодежной литературе, то пропущенными оказываются именно сфера семьи и семейной жизни. Отсутствуют комментарии о том, что хиппи имели дело с контркультурным сексуальным разделением труда, оставив серию апокрифов о "свободной любви". Немногие писатели интересовались и тем, что случалось, когда мод возвращается домой после уикенда. Смысл и значение имело лишь то, что случалось, происходило на улице.

Эти "пробелы" могут быть поняты исторически. Социология преступности (девиации) молодежной культуры была одной из первых областей, на основе которой гегемония Парсонизма была подвергнута сомнению. Многие радикальные молодые социологи, идущие в авангарде этой атаки были рекрутированы из New Left (Новых Левых), из студенческого движения конца 60-х и даже из контркультуры хиппи. К тому времени, еще до опасности женского движения начала 70-х, представления о бегстве из семьи, о буржуазных обязательствах детей и целая сфера семейного потребления оформилась в качестве особого крыла в левой политике. Sheila Rowbotham описала, что именно в некоторых левых кругах женщины рассматривались как искушение и соблазн, обеспеченный особым сексуальным "капиталом" для отвлечения рабочих и активистов от реального дела революции.

Понятно, что с тех пор многие представления изменились. Хотя работа феминистов и облегчила исследования семьи за пределами функционализма, литература по субкультурам и молодежной культуре едва лишь начинает обращаться к доказательству того, что структура культурного сопротивления имеет отношение и к женщинам. Писатели, сами себя определяющие как противников семьи и ловушек романтики, противников скуки бессмысленного труда, похоже, интересуются совсем другими группами.

В литературе, посвященной временным "взлетам" тэдов, модов и рокеров, не уделяется никакого внимания женщинам. А ведь им было намного труднее даже временно "отстраниться" от реальности. Однако символические "полеты" мужчин часто совершались за счет женщин, особенно матерей и девочек. Парни, конечно, способны как-то устроиться на улице, но они не могут там же есть, спать или заниматься любовью. Их удовольствие часто выглядит результатом сексуальной эксплуатации девочек. И в чувствительной, чувственной литературе урбанистического романтизма, который резонирует сквозь большинство молодежных культурных дискурсов, место для девочек находится только на заднем сидении мотоцикла:

"Просто оберни свои ноги вокруг этих вельветовых скоб (обводов колес)

И стяни свои руки вокруг моих машин (моторов, инструментов).

Мы будем ехать до тех пор, пока мы не упадем, детка,

И мы никогда не вернемся назад,

Я просто боюсь, я одинокий водитель,

Но я знаю, что это такое".

Написанное о субкультурах и сами субкультуры - совсем не одно и то же. Можно проследить, как одновременно разделяются некоторые символы субкультур: либеральное разрешение рок-музыки, возбуждение от скорости, алкоголя или даже футбола, и при этом оставаться слепым к некоторым из наиболее тягостных и гнетущих характерных особенностей "проживания" в этой субкультуре.

(...)

Вопрос сексуального разделения все еще остается более или менее необъясненным. В работе "Learning to Labour" Пол Уильямс аргументирует, что культура, которую парни принесли в школу и на рабочие места, является результатом их отношения к той позиции, которую они занимают в трудовой иерархии. Это дает ключ к пониманию многих наиболее противоречивых аспектов мужской культуры рабочего класса. Но что эти выводы значат для девичьей и женской культуры рабочего класса? Одна из самых сильных, ударных особенностей исследования Уильямса - это то, что он показал, что стоит за недвусмысленным унижением женщин. Он считал, что это он является языком агрессивной маскулинности, через который парни проявляют недовольство по отношению ко всем тягостным структурам, в которых они существуют. Весь его текст наполнен ссылками на крайнюю жестокость этих ребят. Так, например, власть одного учителя была подорвана тем, что она была заярлычена как "cunt". Скука в классе после этого была смягчена имитацией мастурбации гигантского пениса и заменой официального языка учителя на молебны из "сексуальных непристойностей". Парни демонстрируют свое отвращение и страх перед менструациями, при всякой возможности подменяя гигиенические салфетки - "неловким положением тряпки". Видимо, существует насилие, поддерживающее подобную образность, которое становится очевидным из описаний парнями сущности сексуального контакта - "сильно помять ее". Не комментируя крайнюю жестокость сексуального двойного стандарта парней, Уильямс расспрашивает их в деталях о том, как образы сексуальной власти и доминирования используются в качестве вида последнего оборонительного прибежища. Когда он спрашивает Джоя о его будущем, тот отвечает: "Я не знаю; единственное, чем я интересуюсь, ... (мат), так это тем, как много женщин я смогу трахнуть, если тебе это интересно".

Хотя Уильямс показывает, как мужской рабочий труд детерминирует выбор определенных ценностей, например, культурное воспроизводство слесарства от отца к сыну, мужская гордость за физический труд и презрение к "писанине", но он не интегрирует эти наблюдения маскулинности и патриархальной культуры в единый контекст: семья-рабочего-класса. Семья - это лицевая сторона тяжелой культуры рабочего класса, более мягкая ее сфера, в которой отцы, сыновья и бой-френды должны быть (и есть в действительности) эмоционально кем-то обслуживаемыми. Эта связь между жестким (крепким) внешним имиджем парней и их личным, частным опытом - отношениями с родителями, герл-френдами - все еще нуждается в объяснении.

Дискурсы неуважения (непочтительности)

Нелегко разобрать "субкультуру" Дика Хеббиджа в пределах некоего заданного критического просмотра, поскольку автор постоянно уходит от упрощения, избегая снижения смысла до какого-то одного существенного значения. Один из его аргументов очевиден, что, изучая конкретные и символические "местности-для-встреч" черной и белой (безоговорочно, мужской) молодежи, мы можем понять практически все о субкультурных стилях: их опасность, их формы, ритмы их возникновения и "свертывания". От оценки «Black Experience» он перешел к способам, которыми эта культура была воспринята, отдав должное белым интеллектуалам-

мужчинам и некоторым группам молодежи рабочего класса. В сердце этого процесса он поместил: рок-музыку, черную душу и регги, белый рок (особенно музыку и, стиль Дэвида Боуи), и конечно, "протест" панка.

Принимая во внимание тенденции к романтизации подобных субкультурных коллективных подношений, Хебдидж подчеркивал опасность того, что это может привести к игнорированию абсолютной дикости, свирепости, угнетенности, подавленности и эксплуатации, которые собственно и сотворили "черную" культуру. Он не пытался "утопить" это пояснение целой плотной эмпирических фактов, а представил свое прочтение стиля в таком виде, в каком читатель может принять или не принять в зависимости от собственного желания. Несмотря на то, что он акцентирует внимание на существующем пренебрежении к этничности и наличию расизма в молодежной и субкультурной работе, похоже, что он совсем не обращает внимания на такое же пренебрежение к сексуальности и сексизму.

Он утверждал, что молодежная субкультура - это сумма попыток ее определения, объяснения, романтизации и наказывания (лейбелизации). Моральная паника и клевета приводят к конструированию такого количества субкультур, сколько детей на улице. С этим связано важное для него открытие, что не существует необходимой зависимости между спецификой субкультурного стиля и территорией проживания рабочего класса.

(...)

Уважение маскулинности

Чем просто каталогизировать "недостатки" "субкультуры", я хочу обратиться к трем вопросам, поднятыми феминистским прочтением этого текста: степень, с которой субкультурные bricoleurs заимствуют патриархальные значения, подтекст амбиционной сексуальности в молодежных культурах и вопрос связи гендера с моральной паникой.

Дик Хебдидж утверждал, что стиль разбивает правила и что его находки - комплексная смесь, полученная из существующих в наличии знаков и смыслов. Их опасность зависит от той степени, в которой они угрожают своим значением нарушению существующего порядка. Эти исторические, культурные конфигурации не могут быть свободны от особенностей, преимущественно тягостных для женщин. Тэды обращены к стилю Эдвардианских джентельменов. Моды, объединяясь в пределах "модернизма" новых белых представителей рабочего класса (нового белого рабочего класса), "грабят" женский гардероб, а "милая" черная молодежь промышляет по городским окраинам. Отклоняющимся панкам более подходили "запрещенная" иконография с порнографическим привкусом и по-мужски определенный дискурс превосходства. Конечно, было бы нелепо ожидать чего-то другого. Момент, который я подчеркиваю, - очень значимую дифференциацию в соответствии с гендером тех, кто поддерживает тот или другой стиль. Так, например, девушки-панки, носят, прежде всего, подтяжки.

Мы говорим через нашу одежду, поэтому мы все еще продолжаем это делать в соответствии с нашим полом. Хотя Хебдидж отметил сексуальную двусмысленность в отношении к стилю (и особенно к личностям типа Дэвида Боуи), он не рассматривал это как центральную особенность прямо сквозь субкультурный спектр. Для него субкультурный стиль - это Sta-prest-брюки, Ben Sherman-рубашка и pork-pie-шляпы. Я не предполагаю, что во всех субкультурах ценится трансвестизм, однако, очевидно, что субкультуры формировали и влияли на различные "движения", поднимающие вопросы о сексуальной идентичности, которых избегал Хебдидж. Обеспечивают ли субкультуры относительно безопасную структуру, в пределах которой мальчики и молодые мужчины могут избежать давления гетеросексуальности?

Для феминистов главная политическая проблема – оценить важность этого для женщин. Если субкультура предлагает бегство от требований традиционных сексуальных ролей, тогда отсутствие в ней девочек, отрицание их способности оценить подобные “решения” – это признак их более глубокого притеснения, угнетенности и подавленности, а также признак монополии гетеросексуальных норм, которыми они окружены, что находит выражение в идеологии романтической любви. Тогда как современные мужчины, манипулирующие и заигрывающие с фемининностью, получают некоторые права на возможность сексуального выбора, на гендерное экспериментирование, сексуальная неопределенность и гомосексуальность среди девочек выглядят по-другому. Никто не пытается объяснить экскурсы Дэвида Боуи в женскую личность в терминах его неспособности привлекать женщин. Но любой показатель подобной двусмысленности в девочках сигнализирует о том, что они не могут делать то же самое, совершать это в мире, который по-прежнему остается миром мужчин. Недостатки смещенного выбора, бегство от гетеросексуальных норм все еще выглядят синонимами отклонения. (Популярная пресса меньше всего желает иметь дело даже с модной бисексуальностью среди женщин of Andy Warhol.) Моя задача, поэтому, не повесить лейбл на субкультуры как гомосексуальные, но показать, что бегство от гнета подростковой гетеросексуальности в пределах молодежной культуры или группировок с четко обозначенной идентичностью остается более или менее недоступным для девочек.

В конце я хотела бы прокомментировать способ, которым Хебдидж описывает процессы реагирования и взаимодействия с масс-медиа, сопровождающие прыжок субкультуры в место, освещенное популярностью. Он с полной ясностью раскрывает несоответствие аргументов старой моральной паники, предлагая лучшую оценку того, как “регулируются” молодежные культуры. Но опять, из-за того, что его модель не “огендерена” (not gendered), он теряет понимание того, что это – гендерно-специфичные процессы. В конечном счете, субкультурные потрясения могут быть частично *размытыми*, потому что среди других проблем они могут выглядеть как шутка (fun). Можно вернуться к его ссылке на идею, что мальчикам должно “сеять свои дикие зерна” – эта привилегия, скорее всего, принадлежит молодым женщинам. Это не значит, что все опасности сразу исчезают, но, по крайней мере, в этом случае не будет сюрпризов, поскольку это имеет отношение к гендеру. Даже двусмысленность мужской сексуальности могла быть более эффективно рассмотрена именно в этом отношении. (Мальчики с кольцами в ушах, выжженными волосами и в маскарадно женственном одеянии.) Но если бы Sex Pistols были женской группой и также бы плевали на сцену, и ругались матом на месте, высвеченном софитами, реакция общественности была бы более возбужденной. Подобное событие приветствовалось бы в популярной прессе как вероятность общего морального падения. (...)

Прогулки за чертой – для девочек это будет по-другому

Рок-музыка была такой большой частью поствоенных молодежных культур, что ее присутствие часто отмечалось всеми писателями; культурным значениям, выраженным другими формами, не уделялось того внимания, которого они заслуживали. Дик Хебдидж сделал кое-что для исправления этого положения, но опять-таки без развития перспектив, чувствительных к гендеру и сексуальному разделению. Моя задача здесь экспериментальна и проста. Подобная перспектива должна исходить из понимания того, что рок просто как чистый звук не имеет значения. Музыка должна размещаться в пределах дискурсов, через которые она посредничает с аудиторией, и в пределах которых эти смыслы связываются вместе и коллективно

артикулируются. Elizabeth Cowie показала, как видео просмотры конструируют чувство исключительности того или другого фильма по-разному, поэтому просмотр альбома или концерта устанавливает свои собственные термины и мифы, через которые мы приходим к узнаванию музыки. Один миф, энергично поддерживаемый прессой, - овладение "рок сценой" мужчинами. Писатели и редакторы, кажется, совершенно не способны представить, что девочки могли бы составить довольно большую группу их читательских аудиторий. На самом корню опасный сексизм был разрушен панк-фестивалями: Рок Против Расизма и Рок Против Сексизма. Некоторое уважение было отдано женщинам-музыкантам в *New Musical Express* или *Melody Maker*, но считается, что с женщинами более удобно и спокойно иметь дело в столбце сплетен на последней странице, чем с женами или герл-френдями более ярких рок-фигур.

Уровень описания сцен с наркотиками, характерными для субкультур, демонстрирует схожие условия. Их список известен: алкоголь - для тэдов, рокеров и скинов, пилули - для модов и рокеров, галлюциногены - для хиппи, кокаин и героин - для других, более близких к роковой сцене групп.

Глупо воображать, что женщины не принимают наркотики: известно, что изолированные домохозяйки часто встречаются среди наиболее тяжелых пользователей наркотиков, а девочки в период позднего тинэйджерства составляют одну из самых больших суицидальных групп, попытки которых вызваны передозировками наркотиков. Можно также предположить, почему может возникнуть такое представление, считается, что те воображаемые решения проблем, которые привлекают мальчиков, не обладают такой же привлекательностью и для девочек. Существует общепринятое мнение, которое глубоко вписано в сознание большинства женщин, что мальчикам не нравятся пьющие или принимающие наркотики девочки; что потеря контроля влечет за собой сексуальную опасность и что пьянство или наркотики приводят к психическим расстройствам. Более яркий пример - излишний алкоголизм мужчин в популярной мифологии, романах и фильмах помогает поддерживать имидж беспомощной сексуальной привлекательности, что подталкивает женщину к выполнению роли потенциальной нянечки или социального работника. При этом преждевременно состарившиеся от алкоголя женщины редко внушают подобные же желания.

Смыслы, которые "наворачивались" вокруг оборудования для мотоциклов или музыкальных инструментов, сделали их недоступными для использования женщинами или девушками. И хотя девушки более заметны в панк-субкультуре (и в количественном, и в популярном представлении), чем в более ранних субкультурах, я случайно натолкнулась на зрелище "gobbing" (плевок) в девушек-панков. Закрепление за ними маргинального имиджа - центральный вопрос их уличной видимости. На улицах всегда субкультурная активность проявлялась более ярко: это одновременно как бы обнаруживает реальность существования группы и в то же самое время гарантирует доминирование мужчин в ней. Улица остается в определенном смысле табу для субкультурных женщин: подумайте о не амбициозном подтексте термина "streetwalker" (гуляющий по улице) - для мужчины и тоже самое - для женщины ("морально сомнительные женщины"). Некоторые девочки из рабочего класса могут позволить себе снимать квартиры, для них вечерние выходы значат скорее свидания, сопровождение и место, куда пойти - диско, данс-холл или паб. Более юные девушки стремятся оставаться дома или собираться в молодежных клубах; те, которым практически некуда больше пойти, кроме улицы, запросто становятся беременными за год и исчезают опять дома, поглощенные заботой о ребенке и домашнем труде.

Конечно, в подобной крупномасштабной генерализации существуют проблемы. Концептуально очень важно отделить популярные публичные имиджи и стереотипы от жизненного опыта, уровень идеологического представления, с которым мы сталкиваемся

ежедневно, от эмпирического наблюдения и социологической информации. Но на практике эти две стороны подпитывают друг друга.

Каждодневная жизнь может быть хотя бы частично понятной (постижимой) в пределах терминов и имиджей, предложенных медиа, популярной культурой, образованием и искусством. Однако, ничто не должно парализовать наши критические способности. Это очевидно, например, из последних исследований, согласно которым девочки сопротивляются питью именно из-за сексуальной опасности в состоянии пьянства. Это не значит, что девочки не пьют. Большинство доступной информации показывает, что они пьют с большим доверием и меньшим напряжением, только если у них есть надежный бойфренд, способный их защитить. Не следует схематично подходить к употреблению наркотиков, особенно когда речь идет о субкультурах, ориентированных на “тяжелые” наркотики. Интересен способ предупреждения девочек против употребления тяжелых наркотиков в западно-германских медиа (уровень пагубной привычки там намного выше, чем в Англии). Они используют аргументы о том, что героин может нанести ущерб твоему внешнему виду, твоему телу и твоей сексуальности. Они усиливают момент того, как “что это совсем иначе действует на девушек”: саморазвитие девушек, таким образом, ставится в зависимость от степени, в которой ее тело и сексуальность публично (открыто) оцениваются как ценное.

Кристин Гриффин

Репрезентация молодежи: исследование молодежи и подростков в Британии и Америке⁹

Век подростка: от 1880 до 1980

Имеет смысл выделять следующие перспективы в социологии молодежи:

1. "Mainstream" в социологии молодежи используется для описания господствующего направления, которое интерпретирует причины возникновения молодежной культуры (прежде всего, подростковой девиантности).
2. Радикальные перспективы - направления, которые сформировались через теоретическую, политическую и методологическую критику господствующей тенденции в социологии молодежи.

В этих перспективах просматривается стремление представить молодых людей как бы в двух ипостасях - и как источник, и как жертву целой серии социальных проблем, через адаптацию термина "жертва-виновник" для поиска причин этого специфического феномена. Радикальные перспективы в наибольшей степени апеллируют к структуралистской и постструктуралистской парадигмам.

Десятилетие 80-х - эпоха Тэтчер и Рейгана - продемонстрировало подъем "нового права" по обеим сторонам Атлантики, что повлияло на воскрешение из мертвых принципов биологического детерминизма, который ранее имел большой успех в трактовках "молодежи" и "подростков". Однако, сегодня все острее ощущается необходимость преодоления дисциплинарных барьеров в изучении молодежи, и, прежде всего, разрыва между социологией и психологией.

Современные молодежные исследования частично могут быть прочитаны как отражение или отголосок гегемонии (господства) здравого смысла во взглядах на молодежь и подростков, в качестве всех значений и ценностей, которые ученые стремятся брать за основу. Этот подход включает в себя: конструкции некоего возрастного статуса молодежи; разграничение между "нормальными" и "девиантными" формами подросткового поведения; семейные формы культурной практики и т.п. Словом, "молодежь" - это не некая гомогенная категория. Материальные условия жизни разных молодых людей, их жизненный опыт не имеют какого-то общего смысла или значения. (...)

Открытие "подросткового возраста"

Обычно открытие этого феномена приписывается американскому психологу Стенли Холлу. В его работе синтезированы различные темы западных идеологов девятнадцатого века вокруг проблем образования, сексуальности, семейной жизни и рабочей занятости.

Для Холла и его современников подростковость определялась как психологический период, который актуализируется с началом полового созревания. Холл представлял подростковость как процесс становления и период перехода, обрисованный в категориях духовной перестройки

⁹ Griffin C. Representation of Youth. The Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press, 1993. Перевод с английского Е.Омельченко.

юной личности. Для Холла источники религиозной перестройки связаны с психологическими изменениями полового взросления: пробуждением сексуальных желаний и переходом к нормальной взрослой генитальной гетеросексуальности. Холл пытался сочетать христианскую теологию с его собственным представлением о психологической генетике. В результате его работа была полна противоречий.

Зарождение половой зрелости располагается в неуправляемых биологических импульсах, которые инициируются периодом “шторма и стресса”, для которого характерны альтернативные и оппозиционные эмоции. Подростковость была представлена как период невероятного стресса для всех. Переживаемое в этот период гормональное волнение помещает подростковость по ту сторону “зрелой” взрослости. Холл одновременно отстаивает необходимость использования в отношении подростка двух противоречивых микстур: свободы и контроля. Свобода позволяет подросткам открывать их потенции, а контроль абсолютно необходим для установления порядка и самодисциплины. Холл доказывал, что нормальная сексуальность впервые проявляется в период полового созревания и что она приобретает форму генитальной гетеросексуальности. Он по-своему трактует психоанализ Фрейда.

Холл комбинировал в своей трактовке подростковости противоречивые элементы “расового” анализа и евгеники. Его трактовка социального класса достаточно ясно происходит из его подхода к регуляции “делинквентности”. Его исследования фокусируются на подростковых ошибках и недостатках, которые он представляет как врожденные разрешения по отношению к раннему “варварскому” прошлому. Хотя его двухтомный опус сейчас мало кто читает, его имя по-прежнему цитируется во многих современных текстах как имя “первооткрывателя” подросткового возраста.

Молодежь, преступность и “делинквентность”

Научная литература о делинквентной молодежи выросла частично из официальной заботы об активности молодых людей вне взрослого надзора родителей, учителей и работодателей. В течение всего 19 века подобные побуждения особенно ярко отражались в перманентной моральной панике по поводу уличных городских банд молодых людей из рабочего класса. Официальная литература рисовала этих подростков с точки зрения уважаемой буржуазии. Поэтому естественно, что преступность ассоциировалась с молодыми городскими рабочими, особенно с молодыми мужчинами. Последние были представлены как нуждающиеся в протекции от самих себя и от различных взрослых искушений городской жизни.

Молодые женщины конструировались как один из источников подобных искушений, а частично и как некоторая группа риска, которая включается в криминальную активность и поэтому также нуждается в протекции. Делинквентность в основном представлялась как молодежные реакции на “нормальное”, цивилизованное поведение, ценности которого конструировались в качестве универсально признанных. Одним из центральных моментов официальной заботы о молодежи была критика семейных практик рабочего класса, методов воспитания детей и культурного опыта, которые также понимались как выражение “цивилизованных” буржуазных норм.

Эти паники об “опасных классах” и делинквентной молодости, находящейся вне взрослого контроля комбинировались с давлением социальных реформаторов на изменение судебной системы западных обществ и особенно порядка судебного надзора над подростками.

(...)

Биологический детерминизм

Психологические исследования “юношеской делинквентности” в сильном долгу перед биологическим детерминизмом (впрочем, и социологические исследования уходят своими корнями в этот подход), который конструировал “меньшинство” и культуру рабочего класса как социально испорченный и “ухудшенный” вариант норм, принятых среди европейского среднего класса. Растущее влияние Чикагской школы и увядающая сила генетического определения класса, тем не менее, не смогли всецело устранить роль биологических источников происхождения “делинквентности”: акцент в подобных дебатах делался все-таки навстречу фокусу понятий “расы и преступности”.

К примеру, согласно теории Л. Элвиса, криминогенное поведение в своей основе прямо произрастает из генетических факторов, хотя и социальные факторы могут играть партикулярную роль, особенно по отношению к расе и классовому происхождению. Элвис разработал концепцию о семи универсальных демографических корреляциях криминального поведения, которые ассоциировались с серьезным преступно-криминальным поведением (насилием и кражей собственности). Эти корреляции были основаны на его собственном отборе журналистских описаний более чем 500 случаев. Автор допускает, что его теория может быть рассмотрена как расистская, если расизм определять как веру в то, что генетические и неврологические факторы приносят свои коррективы в формирование различной расовой принадлежности и влияют на многие базисные поведенческие модели. Себя он расистом не считает, поскольку, по его данным, “восточные люди” менее криминально опасны, чем так называемые г-селективные группы (Элвис никогда не придерживался взгляда о превосходстве в этом смысле белой расы). Его идеи могут показаться достаточно анахроничными для тех, кто не знаком с социобиологической литературой, однако, его хитрость со статистической корреляцией, “доказавшей” наличие причинной зависимости между демографическими характеристиками и криминальным поведением, остается общим местом для всех господствующих тенденций исследования “делинквентной молодежи”.

(...)

Делинквентная личность: психологическое измерение

Не существует достаточно четкого разграничения между биологическим детерминизмом и моделями социального, культурного или психологического “лишения - депривации” и/или “неполноценности”.

Бёрт использовал уже давно дискредитированные техники френологии, доказывающие с помощью фотографий, что какие-то определенные лица (имеются в виду черты лица - прим. переводчика) были особенно характерны для молодых преступников. Его преданность резюмирующим теориям социального дарвинизма наиболее отчетливо проявилась в следующих словах: “Делинквентность более подходит к животному, чем гедонисту... он (делинквент) обречен, всегда быть фатально подстрекаемым вперед силами природы, теми жизненными силами, которые дает весна, что оживляют самую покорную скотину”. По мнению Бёрта, проблема делинквентности имеет подчеркнuto биологические источники, которые обостряются неадекватной родительской дисциплиной.

Многие другие исследователи описывали делинквентную молодежь как результат изоляции их семей от исторических и социокультурных источников, в этом контексте делинквенты часто рассматриваются как жертвы. В психологическом измерении делинквентности связывались воедино генетическая предрасположенность и влияние среды обитания. Делинквентность рассматривалась психологами как разрыв между психологическим развитием и социализацией,

что демонстрировалось через противоречивость тому, что принято считать нормальным, рациональным и ценностно-ориентированным поведением.

Ключевым аргументом теории лишения является то, что молодые люди обращаются к “делинквентной” модели поведения в результате негативного социального, культурного, экономического и психологического воздействий. Последнее определяется в самых простых экономических терминах (бедность, нищета); в характеристиках домашней атмосферы (“брошенные семьи”); в психологических терминах (“чисто делинквентная личность”) или в терминах культуры (“недостаточная социализация”).

Теория депривации получила огромную поддержку в Великобритании в течение 1970-х гг. “Депривация” по сути, использовалась в качестве синонима к культуре рабочего класса (или не-белого среднего класса). Причина делинквентности большинства форм криминальной активности и целый ряд “социальных проблем” могли быть отнесены к эффектам “депривации”, которые затем переносились от поколения к поколению через различные формы “неполных” семей и культурных практик. Структурные объяснения и влияние бедности были скрыты социальными и культурными измерениями в духе этой теории. “Брошенные дома” и материнская занятость образуют значимое качество в непрофессиональных объяснениях “делинквентности” вопреки многочисленным эмпирическим исследованиям, которые изучали подобные связи.

Оригинальные истории “делинквентности” были связаны с поиском причин социально конструируемого феномена, который располагался внутри девиантных индивидов (которые, как правило, репрезентировались как черные рабочие и/или мужчины), или с их недостаточной культурной деятельностью и/или формой семьи. Эти определения давались с помощью понятий преступной виновности, в которых делинквентная молодежь могла занимать обе позиции - как жертвы, так и виновника преступления.

(...)

Радикальная криминология и деконструирование делинквентности

Изучение и анализ источников девиантности были самыми популярными и многочисленными в мировой социологической литературе, однако, именно теоретическим подходам к этому рассмотрению был придан вид радикального анализа, что нашло отражение в реакции ученых против давления уже “установленных” причин “делинквентности”. Новая криминология, хорошо известная также как радикальная криминология, теория субкультуры или новая теория девиаций, появилась в 1940-50 гг. вместе с различными исследованиями городских (мужских) уличных банд - группировок. Делинквентность была реконструирована преимущественно в коллективных, а не в индивидуальных терминах. Целая серия наблюдений и этнографических исследований была посвящена различиям между делинквентной молодежью и их неделинквентными сверстниками, через попытки конструирования их как неких “других” (Г. Беккер). В своих работах о курении марихуаны Беккер доказывал, что делинквентность была не просто результатом недостаточной или неадекватной социализации, но она была как бы идентичной антимodelью некриминогенного поведения. Молодые люди, которые включались в делинквентную активность, выглядели личностями, которые приспосабливаются к ценностям, существующим внутри криминогенных групп. Причем в самих этих группах подобные ценности вовсе не считались криминальными или даже просто плохими. Теории культурного конфликта и анализ молодежных субкультур середины 70-х годов сделали более эффективными усилия исследователей, направленные на деконструкцию понятия делинквентность с точки зрения неомарксистской перспективы.

Теория ярлыков, которая обычно связывается с именем Ламерта, формировалась под сильным влиянием радикального анализа. Теория ярлыков оказала давление на социальную и политическую реакцию по отношению к девиации, принесла с собой полное разрушение категории “делинквентности”, продемонстрировав вызов гиперкриминологизации молодежи.

Феминистские попытки доказать, что и гендер, и сексуальность были настолько же важны, как и классовые отношения, особенно когда речь идет о молодых женщинах, встречались учеными не просто с недоумением, но подчас и просто с презрением. Таким образом, выпадали из анализа делинквентности не только женщины, но также и цветные меньшинства.

При интенсивном изучении литературы по “подростковой делинквентности” обнаруживаются явные различия в массе источников, которые открыто конкурировали друг с другом в течение 1970-х гг. Неадекватные объяснения безработицы, тезис “жертва-виновник”, характерный для преобладающего стиля проблематизации “делинквентности”, к началу восьмидесятых годов распадаются под давлением экономических и политических изменений.

“Ужасная молодежь”: клинический дискурс

Клинический подход к делинквентной молодежи конструирует ее как отличную от ее якобы не делинквентных сверстников и как психологически “ужасных” личностей. Подобное “психологическое смещение” в целом свойственно при использовании понятия “слабой социализации”. С тех пор, как “ужасную молодежь” начали рассматривать как необязательно виновную в своей делинквентности, она начала постоянно представляться в качестве пассивных субъектов депривации.

Клинический дискурс перекликался здесь с соответствующим дискурсом потребления, где делинквентность была отнесена к разновидности болезни, которая может проявляться сама по себе в различных видах беспорядочного потребления, подобно злоупотреблению наркотикам, в беспорядочном питании, суицидах и т.п. Для того, чтобы провести различие между клиническими и психологическими работами, делинквентная молодежь должна быть перемещена за пределы чисто “диагностического” дискурса умственно здоровых профессий. Подведение подросткового возраста под медицинские категории было произведено в большом количестве штудий.

Не все разработки обучающих и терапевтических программ для “ужасной молодежи” конструировались на основе некритического отношения к клиническому дискурсу и медицинской модели подросткового возраста, большинство критических или прогрессивных интервенций в подростковую стремилось базироваться на контекстах социологического подхода (или подхода социальной работы) в большей степени, чем на клинической психологии или психиатрии.

“Запущенные молодые”

В клиническом случае “делинквентная юность” считалась излечимой; в образовательном дискурсе девиантная молодежь становится культурно реабилитированной. “Лечение” формирует концептуальную и материальную связь между этими двумя дискурсивными конфигурациями как в обучающих схемах откорректированных образовательных институтов, в программах социальной работы с молодежью, так и в терапевтических интервенциях. Результаты различных “лечащих” программ были описаны в научных журналах, издаваемых клиническими психологами, работниками служб поддержки благосостояния, стажировавшимися социальными работниками и чисто научными исследователями. Но дискурсы, касающиеся образования, обучения, клинической сферы и криминальности, не обязательно находятся только между ясными институциональными или дисциплинарными границами.

Дискурс образования и обучения в наибольшей степени преобладает в текстах, которые описывают специфические технологии, “нацеленные” на “делинквентную” молодежь. Сами молодые люди не всегда выступают единственным фокусом подобного обучения, с тех пор как происхождение их псевдодепривации понимается не только как их позиции в “неравной” или “лишенной” группе сверстников (или семейном прошлом). Клинический подход вместе с образовательным подчеркивал потребность как в заботе, так и соответственно, в протекции трудной молодежи, которая подвержена постоянной опасности. Дискурс неприязни (недружелюбия) демонстрирует огромное количество зловещих историй об обработке, которой предполагали подвергнуть делинквентную молодежь. Белые и черные молодые рабочие, особенно молодые мужчины, оставались фокусом подобных историй об исправительных институтах, которые по-прежнему играют центральные роли в научных текстах о делинквентности.

Клинический дискурс отграничивается от различных психологических идей, которые выглядели в определенном смысле психологической смутой, поскольку в них просматривалась мысль о “нормальности”, естественности периода делинквентности для молодых людей. Дискурс неприязни проводит границу между склонностью к бунту, который преподносится как нормальное состояние подростковой и даже как неизбежный аспект ранней юности (особенно для молодых мужчин) и теми ее проявлениями, которые могут представлять опасность для общества. (...)

“Мятежная молодежь”: дискурс неприязни

Один из наиболее важных дискурсов в литературе о “делинквентной” молодежи вращается вокруг ее криминальности и той атмосферы неприязни, в которой молодежь социально конструируется как “делинквентная” или девиантная в еще более угрожающих терминах. Этот дискурс объединяет различные элементы, которые концентрируют внимание на наиболее оригинальных историях о “делинквентности”. Прежде всего, на проблемах влияния групп сверстников; на семейных формах, в которых они существуют и формируются; на социальной депривации и психологическом “отчуждении”. “Склонность к бунту”, которая как бы неизбежно играет одну из главных ролей в юношеском и подростковом возрасте, как раз и создает первоначальную связь с включением молодых людей в делинквентную активность и субкультуры. Отдавая должное концепции Дюркгейма об аномии и марксистской концепции отчуждения, изучение юношеской мятежности внутри господствующей перспективы вращалось все-таки вокруг психологического измерения мятежности.

В этом контексте допускается, что “мятежная молодежь” (молодые мужчины – рабочие) может быть обучена тому, как правильно направлять свою потенциально разрушительную энергию в относительно приемлемые формы, к примеру, в различные виды спортивных соревнований.

Дискурс мускульного соревнования

Связью между спортивными соревнованиями, преступностью и маскулинностью насквозь пропитаны современные исследования “делинквентной юности”. Начало этого объединения можно обнаружить в идее о необходимости мускульной христианской маскулинности и в растущей роли спортивных соревнований в образовании (молодых мужчин), берущих свое начало с XIX века. Мускульное тело конструируется через идеологию и практику соревнований, ограниченных “хилой” феминностью. Идеал мускульного тела был непосредственно увязан с понятием расы, что нашло своеобразное отражение в дебатах о мнимых “причинах” достижений “черных” в атлетике.

Дискурс мускульного соревнования объединяет “молодость”, спорт, досуг, “делинквентность” и маскулинность в особую конфигурацию. Это делается частично с помощью теории катарсиса, в соответствии с которой участие в соревновательном спорте, даже в качестве зрителей, может помочь освобождению всей агрессивной подростковой энергии, которую молодые люди получают только благодаря наличию мужского тела. Эта энергия представляется частично похожей на ту, которая выражается в “делинквентной” активности в среде менее контролируемых групп и индивидуумов, на которые не распространяются нормы среднего класса.

В русле мускульного дискурса изучаются психологические аспекты различных видов спорта, устанавливаются психологические связи между спортивными успехами и проигрышами их участников. Многие из этих работ имеют биологический, биохимический или физиологический фокус, хотя в некоторых текстах используется достаточное количество социологических и психологических отсылок.

Использование соревновательного спорта как терапии для “разбойничьего” молодого (мужского) рабочего класса, остается, без сомнения, чисто западным подходом к соревнованию, использованию и контролю мускульного тела в спорте.

(...)

“Болезненная молодежь” и беспорядочность потребления

“Делинквентность” использовалась для описания громадного числа видов социальной активности: от простых прогулов занятий в школе до поджогов. На вершине списка делинквентных актов всегда - злоупотребление наркотиками и насилие.

Понятие жизненного стиля чаще всего использовалось для контраста с “нормальными” молодыми людьми как пассивными потребителями доступных продуктов и услуг. Понятие потребления использовалось для описания относительно активного включения в “выбор” специфических жизненных стилей для определения того, насколько индивиды свободны.

Однако, не во всех текстах по социологии молодежи злоупотребление веществами (наркотиками, алкоголем, таблетками и т.д.) используется с точки зрения критической перспективы, то есть идеи о порочности связи между мужественностью и злоупотреблениями подобного свойства.

(...)

“Испорченная молодежь”: дискурс сексуальной девиации

Молодые женщины входят в исследовательскую литературу о молодежи через проституцию. Другой сферой, в которой дискурс о сексуальной девиации играет ключевую роль, являются исследования “подростковой” гомосексуальности, которые по-прежнему остаются сфокусированными преимущественно на мужчинах. В относительно специфической литературной традиции по девиантной сексуальности, которая включает проституцию и “подростковую гомосексуальность”, исследователи часто поддаются искушению морализаторства об “извращенной молодежи”.

Научные исследователи и либеральные социальные реформаторы в западных обществах очень долго представляли проституцию как форму девиантной сексуальности между женщинами и мужчинами в контексте женской гетеросексуальности и мужской гомосексуальности. В течение всего XX века официальное отношение к молодежной городской преступности было связано именно с гетеросексуальными молодыми женщинами. Это отношение выражалось в том, что проституция определялась как качество “соблазнительниц”, направленное на провокацию маскулинных гетеросексуальных импульсов. Этим подчеркивался статус молодых женщин как потенциально находящихся в зоне “риска”. Во многих общественных обращениях проституция

остается олицетворением женской гетеросексуальной девиантности. Лишь в очень ограниченном круге публикаций практика сексуальной индустрии для рабочих представлялась вне криминально-жертвенной модели, сконструированной посредством дискурса сексуальных девиаций. Литература о молодых людях, делинквентности и проституции имеет тенденцию рассматривать женских и мужских “работников” сексуальной индустрии в отдельности. (...)

Дискурс сопротивления и переживания

В радикальной субкультурной теории “делинквентность” конструируется как рефлексивное сопротивление доминирующим социальным ценностям, всей культурной практике, идеологическим и материальным условиям жизни. С точки зрения радикальной перспективы, дискурс сопротивления и переживания бросает вызов всем негативным определениям молодежной девиантности. Как доказал М. Брейк, “субкультуры обращены к вопросу об адекватности доминирующей культурной идеологии”. Переживание является здесь ключевым понятием, оно может означать форму сопротивления, к примеру, геноцидной расистской культуре.

Преступление как работа

Цветные молодые люди, особенно афро-американцы в США и афро-карибцы в Великобритании, в официальной литературе представляются, как правило, в виде объектов необходимого институционального исправления. Господствующей является точка зрения, упор в которой делается на якобы девиантной или ущербной природе молодых мужчин или их семейной и культурной предыстории.

В рамках дискурса сопротивления и выживания включенность молодежи в криминальную активность, представленная как специфическая “работа” для предприимчивой молодежи, часто локализуется вокруг споров о роли неформальной или теневой экономики в периоды высокого уровня молодежной безработицы. Внутри этого подхода эта “энергичная” молодежь представляется преимущественно в негативном свете как потенциальная угроза “реальной, настоящей” экономике и, конечно же, как девиантная и ущербная. С точки зрения радикальной перспективы, включенность молодежи в крайние виды активности такие, как участие в разбое или грабеже, действительно ближе к сопротивлению, особенно когда речь идет о выживании рабочей молодежи, угнетенной невыносимыми экономическими обстоятельствами жизни.

Теории молодежи и досуга

Досуг остается особой сферой исследования девиаций, поскольку располагается вне любого взрослого надзора. Иногда фокус подобных исследований направлен на специфические виды активности молодежных субкультурных групп. Иногда на те виды досуга, которые ассоциируются со специфическими субкультурами. С определением самого понятия “досуг” дело обстоит не на много лучше, чем с делинквентностью. Если при определении последнего исследователи, стремясь его деконструировать, кружили вокруг тезиса жертва-виновник, то в исследовательской литературе по досугу кризисным стало отношение между досугом и работой. Напряженность этого отношения особенно обострилась в 70-е гг. вместе с ростом безработицы, феминистским анализом бесплатной домашней работы женщин, изменением идеологии и моделей потребления. Досуг определялся через время, которое не оплачивается

жалованием (то есть как не-работа). Дискуссии велись вокруг количественного подсчета времени вне оплачиваемой работы и сна. Однако в этих исследованиях рассматривались, прежде всего, вопросы связанные с тем, что различные группы понимают под досугом (его качеством и свободой).

"Неполноценная молодежь"

Представления о том, что молодые люди сами по себе не способны распоряжаться свободным временем, и поэтому оно становится источником всяческих социальных проблем, а, следовательно, именно поэтому молодежь нуждается в обучении того, как правильно использовать свободное время в конструктивном смысле – именно такое понимание связано с дискурсом образования и обучения молодежи досугу.

С точки зрения биологической модели, подростки детерминированы гармональными изменениями и у них отсутствуют как таковые личностные способности к досугу. Следовательно, именно эти способности и следует развивать.

(...)

"Бунтующая молодежь"

Поскольку безработная молодежь сама по себе не способна нормально (и позитивно) конструировать свое свободное время, постольку она оказывается вдвойне общественно опасной.

Определение мятежности британского социального психолога М. МакДермотта (1986), включает в себя пять моментов:

- 1 - "негативизм к хозяину", как и к любому доминированию вообще вместе со стремлением к автономии и независимости;
- 2 - "негативизм к симпатии" как реакция нежелания чувствовать ни к кому особой симпатии, равно как и в свою очередь вызывать ее у кого-то;
- 3 - "негативизм к цели";
- 4 - "негативизм к параделям";
- 5 - "негативизм по отношению к чему-то ради самого себя" - удовольствие от негативизма к себе самому.

В его исследовании проводится анализ молодежной неприязни (недружелюбия), проявляющихся как у нормальных, так и у потенциально опасных подростков. При этом он пытается использовать очень осторожные различия между мятежной молодежью и их немаятежными сверстниками.

Сексуальные девиации

Сексуальность – один из первых моментов, вокруг которого конструируется женская делинквентность. Поиски источников такой девиантности часто связываются с особенностями их семейной жизни. Молодых женщин при этом изображают или как слишком, или как недостаточно гетеросексуальных. Смысл этих исследований сводится к значению строения женского тела, поэтому именно переход к нему рассматривается как потенциально опасный. С тех пор, как моногамная гетеросексуальность ассоциируется только с замужеством и только в этом виде конструируется как "естественная", ранняя гетеросексуальность не одобряется.

Психологическая андрогенность (двуполость) ассоциировалась с комбинацией маскулинных и феминных характеристик и выглядела более психологически здоровой формой по сравнению с традиционными типами гендерной идентификации, особенно для женщин.

Литература о гетеросексуальной девиации фокусируется на молодых женщинах, при этом гетеросексуальная распушенность выглядит как знак девиации для молодых женщин и как индикатор нормальной маскулинной сексуальности для молодых мужчин. В литературе господствующего направления, посвященной "подростковой сексуальности", существование лесбиянок, геев, бисексуалов вообще игнорируется. Нормативная природа гетеросексуальности, замужества и семейной жизни, вытекающие из нуклеарной формы семьи, в принципе не подвергается никакому сомнению.

Феминистский же подход стремится представить переход к гетеросексуальности для всех молодых людей как крайне критический момент их жизни в ситуации патриархального контроля, особенно для молодых женщин. Феминистская литература пытается иначе представить паники вокруг женской сексуальности, которые часто, по их мнению, связаны с моментами кризиса патриархальной сексуально-гендерной системы общества в целом.

Молодые люди и частная сфера: семейная жизнь и сексуальность

Различия же между частной и общественной сферой по-прежнему недостаточно ясны, особенно с тех пор, как некоторые понятия из частной сферы стали использоваться для исследования общественной сферы. Интересно, что уже в конце 80-х гг. Маргарет Тэтчер сказала, что "больше не существует такой вещи, как общество, а есть только семейная жизнь". Она всячески пыталась доказать, что именно семье теперь отводится первейшая роль в формировании нации и национальной солидарности.

Угрозы гетеросексуальным - нуклеарным - семейным нормам

Некоторые типы семейной жизни (в основном называемые традиционными) долгое время представлялись как нормальные и идеальные в западных обществах, поэтому все другие формы семейственности или домашней практики выглядели "девиантными", и поэтому к ним относились как к потенциальному источнику социальных проблем. Уже в 80-е гг. стало достаточно трудно говорить о традиционной семье, официальная статистика отмечала значительную отдаленность практик семейных отношений от нормы. Многие феминистские исследования о домашнем насилии взорвали благодушную картину семейной жизни.

В паниках о семейной жизни семья представлялась как форма угнетения женщин и детей, как источник потенциальной поддержки усиливающегося расизма и роста безработицы, которые были характерны для жизни рабочего класса во времена Тэтчер и Рейгана. Молодежь входила в этот панический климат различными путями.

В официальной литературе существовала длинная предыстория, касающаяся оценок гомосексуального поведения, особенно среди молодых мужчин. На Западе геи были криминализированы, с ними постоянно велась "работа" с помощью судебно-правовой системы в союзе с медицинскими профессионалами, в то время как лесбиянки, как правило, игнорировались внутри медицинской или клинической области. Подростковая гомосексуальность преподносилась через разграничение между якобы временной формой гомосексуальности ("это только лишь проходная фаза") и бесповоротной формой "подлинной гомосексуальности". Радикальные исторические исследования перешли от концепции девиантной практики "содомии" и "лечения мужской гомосексуальности" к современному анализу не-девиантных индивидуальностей с их специфическими процессами сексуальной идентификации. Лесбийские феминистские исследования подвергли проверке женские истории "романтической дружбы", разнообразные конструкции лесбиянства как женской сексуальной патологии и как формы девиантной женской идентификации.

(...)

Хилари Пилкингтон

Молодежь России и ее культура¹⁰

Понимание молодежной культуры на Западе

• *Молодежь в городе: субкультуры и делинквентность.*

Дискуссия о молодежной культуре началась с открытия “молодежи” как независимой социально-демографической категории с присущим ей аутентичным образом жизни. В Англии процесс быстрой урбанизации начался с огораживания общинных земель, который способствовал трансформированию крестьян в наемных рабочих, разрушал традиционные схемы и правила наследования, выталкивал молодых рабочих в города. Рефлексия особенности “молодежи” начиналась с осознания того факта, что общество теряет контроль над урбанизированной молодежью.

В столетие с 1770 по 1870 урбанистические группировки молодежи из рабочего класса, основанные на принципе соседства и контроля над территорией, возникли как базовые единицы образования молодежной культуры. Некоторые из этих группировок были характерными для современных урбанистических субкультур. Субкультура “хулиганов” по-прежнему остается в обыденном сознании символом английской городской культуры нового времени. “Хулиганы” стали широко известны после ареста большого количества молодых людей за пьянство, буйное поведение, уличные скандалы, нападение на полицейских во время августовских праздников в 1898 г. Впоследствии банды “хулиганов” стали ассоциироваться с уличными боями (столкновениями улица на улицу).

Проблемы, связанные с хулиганами и с другими урбанистическими молодежными субкультурами, были проблемами для юристов и законного порядка. Однако, необходимость предупреждения преступности была не единственной причиной для артикуляции субкультуры хулиганов через дискурс закона и порядка. Хотя рост делинквентности и зафиксирован в криминальной статистике, Гиллис считал, что это может объясняться скорее расширенным пониманием феномена делинквентности, чем реальным ростом насилия и преступности. В действительности преступные действия группировок типа хулиганов были лишь частью их особого образа жизни, который выглядел жупелом для социального и морального порядка. Реальная проблема была связана с социальным контролем потенциальных бунтовщиков в среде рабочего класса. Второй центральной темой дискурса закона и порядка стало продвижение новых, основанных на урбанизме институтов социального контроля, которые, как предполагалось, заняли бы место традиционных деревенских механизмов поддержания коллективной морали.

• *Трущобы, подворотни и банды: город как живой организм.*

Накануне мировой войны была проведена серия исследований внутренней структуры и культурных практик урбанистических группировок в Соединенных Штатах. Эти исследования стали частью развития новой школы в урбанистической социологии. В историю социологии эта школа вошла как Чикагская Школа. Подход чикагцев (теория социальной экологии) основывался на применении принципов экологической стабильности в естественном мире к урбанистическому окружению; эта предпосылка исходила из существования определенных условий для урбанистического развития. Урбанистические районы разрастались вокруг важных ресурсов,

¹⁰ *Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed London-New York: Routledge, 1994.*
Перевод с английского Е. Омельченко

натуральных или созданных человеком, и по мере того как город рос, естественное местоположение населения начинало пугать невероятными ритмами роста населения. Постепенно центральные городские пространства начали использоваться только для бизнеса и индустрии, а население начало перемещаться к окраинам. Поскольку такая внутренняя миграция была связана с более широкими условиями иммиграции в Соединенные Штаты, организация внутренних сообществ различных этнических групп становится важным элементом исследований гетто и трущоб, их особого образа жизни. Делинквентная активность была, однако, не единственной активностью банд. Модель социальной экологии была принята теми, кто интересовался “группами подворотен”. Исследование Трашера молодежных группировок Чикаго 1927 года показало, что их члены активно участвуют в различных спортивных состязаниях: футбол, плавание и атлетика.

Второй взгляд на теорию делинквентной молодежи идет от функционалистской школы социологического анализа. Эта школа связывает делинквентное или девиантное поведение с потерей норм или социального контроля, которые являются результатом разрушения социальной стабильности. Различия между этими подходами (социальной экологией и функционализмом) лежат в объяснении причин социального разрушения. В функционализме эти причины зависят не от моделей натурального (естественного) мира, а заимствованы из понятия аномии Дюркгейма. С помощью последнего объясняется внешнее окружение или ситуация, в которой социальные нормы теряют свою силу и влияние над действиями индивидов. Дюркгейм полагал, что эта дезориентация человека была важным элементом современного общества. Роберт Мертон заимствовал дюркгеймовское понятие аномии для интерпретации девиантного или делинквентного поведения, которое, как он считал, было результатом аномии, возникшей из противоречия между разрушением в современном мире традиционных ценностей, нормами потребительского общества (возросшими потребностями) и существующими возможностями для их реализации.

• **“Игра поколений”: молодежь и структурный функционализм.**

Делинквентное поведение молодежи явилось причиной многих широко известных моральных паник по поводу молодежи, эксплуатировавших тезис о том, что здоровье будущего общества зависит от морального здоровья молодежи. Эта символическая важность имеет корни в биологии, поскольку молодежь рассматривалась как особая социальная категория из-за своих физических и психологических характеристик. Молодежь определялась как переход от безответственности детства к ответственности взрослого, включая переход через половую зрелость к сексуальной зрелости, переход от эмоциональной зависимости к независимости. В этих дискурсах юность переживалась молодыми людьми как период “шторма и стресса”, являющегося результатом бунта или сопротивления взрослому миру, к вступлению в который они готовились. В результате чего общепринятым стало и само понятие, и представление о том, что этот период жизненного цикла человека очень труден, и что молодые люди нуждаются в руководстве взрослых (родителей, школы или государственных институтов).

Однако для представителей социальных наук “молодость” была не только индивидуальным психологическим, но и социальным опытом. Последнее как раз подталкивало к дифференциации второй базовой социологической категории дискурса - “поколения”. Под поколением понималась социальная группа, существующая как результат общего социального опыта - общего для представителей одного периода жизненного цикла. В постоянно модернизирующемся обществе каждое поколение рассматривалось как отличающееся от тех поколений, которые были до, и будут после. Понятие поколения помогало объяснить многие ключевые социальные процессы.

В традиционном обществе окончание детства отмечалось ритуалом или празднованием, что, по сути, означало, что подросток занял аутентичное место во взрослом обществе. В современных индустриальных обществах, наоборот, роли, представленные в пределах семьи, перестали гармонизировать с более широкой социальной системой. Таким образом, идентификация с членами семьи не гарантировала (и не обеспечивала) достижения полной социальной зрелости и статуса взрослого в социальной системе. Возрастные группы могли способствовать сохранности и поддержанию стабильности социальной системы. Однако, помимо этой интегративной функции они могли иметь и “дезинтегративную функцию”, которая демонстрируется в девиантных группах сверстников.

Роль поколений в истории ассоциируется с работами Карла Мангейма. Мангейм рассматривал поколения не как механический продукт биологии, рожденный в определенное время, а как социальный конструкт, формируемый историческим стечением обстоятельств, и, следовательно, поколенческое сознание рассматривалось им как более значимое понятие, особенно в периоды быстрых социальных изменений или нестабильности. Понятием поколенческого сознания Мангейм демонстрировал свою веру в то, что социальные изменения не только находят отражение в действиях молодежи, но также и производятся молодежью. Более того, в соответствии с Мангеймом, сегменты поколения (поколенческие образования) часто переживают одни и те же конкретные исторические проблемы очень разными способами.

Ш. Айзенштадт был в большей степени функционалистом в подходе к молодежи и ее субкультурам. Он считал, что молодежные субкультуры играли важную роль в подготовке (социализации) молодых людей к жизни во взрослом мире – жизни за пределами родительской семьи. Потому что именно молодежные культуры создавали набор ценностей, позиций и поведенческих норм, которые возвращали чувство власти, потерянное молодыми людьми в результате их маргинальной социо-экономической и культурной позиции в современном обществе.

- **Молодежь как потребитель.**

Структурные функционалисты не были одиноки в изображении поствоенной молодежи как более или менее пассивного получателя (реципиента ценностей и норм) доминирующей культуры. Парсоновская картина молодежной культуры отражала новый социальный климат поствоенного периода, характеризующийся понятиями общества изобилия, правом на отдых (наряду с правом на работу), стремлением выразить себя через досуг.

- **Молодежь в социалистическом обществе: жертвы западного влияния.**

Официальное заявление о полном построении социалистического общества в 1936 г. олицетворяло собой приход новой культурной эры. В соответствии с культурной моделью социалистической молодежи это означало, что парадигма “молодежь как строитель коммунизма” больше не может сосуществовать с молодежью, которая была жертвой бывшей системы, как это было сделано в случае с беспризорниками. Корни существующих социальных проблем, таким образом, следовало искать в девиантных отклонениях нового общества, любые недостатки (и несовершенства) в социальных отношениях больше нельзя было отнести к “жертвам прошлого”, каждый “социалистический” человек должен был с этого момента нести полную ответственность за свои личные действия. Одним из последствий этого явилось то, что все чаще и чаще родители признавались виновными в безнадзорности, а дети, которые нарушали закон на улице, наказывались как подростковые нарушители. В начале 30-х вместе с беспризорниками с улиц в тюрьмы и лагеря были сметены многие другие “элементы” криминального мира, что стимулировало создание тюремно-лагерной культуры (блатная культура). Влияние этой “культуры” на молодежную сферу и сегодня остается столь же сильной, как и накануне войны.

Декларация о построении социализма также имела серьезные последствия для переосмысления роли комсомола. Его первоначальная задача - защита молодых рабочих и крестьян от эксплуатации - не имела больше смысла в обществе наполовину коммунистическом, государство которого оставалось органом пролетариата. На съезде 1936 г. было заявлено, что комсомол должен был стать одним из массовых организаторов, чья главная задача - внушение молодежи чувства самоотверженности по отношению к социалистическому государству. Но вместе с ростом культа личности Сталина индивидуальная ответственность постепенно становилась коллективной виной. В ноябре 1938 г. все члены Секретариата и Бюро Центрального Комитета комсомола были арестованы как "враги народа".

Нападение Германии в июне 1941 г. повернуло главный фокус кампании против врагов родины на опасность извне. В очередной раз комсомол начал мобилизационную кампанию. Больше 10 миллионов комсомольцев приняли участие в войне и более 3 тысяч подпольных комсомольских организаций принимали активное участие в партизанском движении на оккупированной территории.

После войны появилась опасность "высокой культуры" и "иностранный влияния", в связи с этим вспоминается казус: Жданов с его понятием "идеологической диверсии". Несмотря на свою скоростную смерть в 1948 году, он оказал очень важное влияние на развитие советской культуры - с конца 1946 г. им проводилась антиджазовая кампания, в ходе которой были арестованы тысячи музыкантов, а джаз был назван "инструментов американского империализма".

Эта линия сверху сопровождалась растущим интересом к западной музыке и стилю среди культурной интеллигенции и урбанистической молодежи, которая поколенчески окрепла еще до начала "культурной оттепели" Хрущева. Наиболее очевидный знак этого - появление первой узнаваемой молодежной культурной группы - стилинг.

Стилиги имели свой собственный стиль, который был интерпретацией стилей американского рок-н-ролла, и свой собственный жаргон.

• **Пятидесятые: оттепель или голодная война?**

Хотя хрущевский период в целом рассматривается как эпоха культурной оттепели, когда Советский Союз открыл себя миру, это время также было периодом усиления международного недоверия к Союзу. Несмотря на смерть Сталина в 1953 г., не ослабевало развитие идеи о равнозначности, равенстве между антисоветским поведением, демонстрирующим себя в установлении приоритетов гражданина-потребителя над гражданином-рабочим, и проникновением западных тенденций и поклонения им. Советская молодежь больше не была жертвой буржуазных норм, которые достались от прошлой жизни, она рассматривалась как жертва современного западного влияния. Именно этим объясняется нападение на джаз и западные танцы как источники массового развращения молодежи. В этой практике советские идеологи следовали высказыванию Горького, который приравнял джаз к "гомосексуальности, наркотикам и буржуазному эротизму". Комсомол начал активную кампанию избавления от дьявольского влияния общественных танцевальных площадок. Тем не менее, даже в начале 30-х (известных как эра красного джаза) и европейские, и советские джаз-банды были невероятно популярны. Таким образом, только в начале 50-х, особенно вокруг стилинг, понятие "молодежь-как-жертва-западного-влияния" стало полноправной парадигмой, через которую начали рассматриваться молодежные проблемы. Но почему именно стилиги стали символом первой волны современного неформального движения?

Во-первых, стилиги были серьезным вызовом советской идеологии, но не потому, что они обладали властью, или были многочисленной группой, а потому, что они были первой

манифестацией нового феномена, к появлению которого страна была идеологически не готова. Стиляги были очень сильно пространственно ограничены. Как правило, они придерживались центральных, больших и хорошо развитых урбанистических районов мегаполисов. В своем стремлении “выделиться” они озаменовали начало новой эры культурных стратегий урбанистической молодежи. Их появление совпало с новой волной урбанизации после войны и со снижением рабочего дня с 8 до 6 часов для 16-18-летних в июле 1956 года. За стилягами последовали битники 60-х (и их соперники штатники), а впоследствии - хиппи. В 70-х рок-музыка стала главным языком молодежи, и ко все новым волнам фанатов хиппи присоединились фанаты хэви-металл, байкеров, панков и различных движений фанатов поп-музыки. Во-вторых, несмотря на ограничения Хрущевской оттепели, это был период открытости, который помог развитию культурных стратегий западного направления. В третьих, урбанистическая утонченность (изощренность, искусственность), с которой ассоциировались стиляги, стала частью вызова против элитности и неравенства, также являвшихся характеристиками хрущевского периода. В 1957 г., например, были введены новые правила получения высшего образования, дающие приоритет тем, кто уже проработал на производстве 2 года. Стиляга же первоначально изображался как привилегированный студент вуза, который потерял чувство вкуса и был “введен в состояние транса, восторга и испуга вульгарной музыкой” (американский фокстрот и бугги-вугги) и который, если не остановится, станет “сверх-рафинированным интеллектуалом с буржуазными вкусами и пристрастиями”. В четвертых, макрополитическая обстановка холодной войны крепко соединила в ассоциации девиантные молодежные стили и стремление Запада к ниспровержению СССР. Молодежь стала рассматриваться как основная мишень (цель) холодной войны, чьи бойцы сражаются не за территорию Центральной Европы, а за воздушные линии, ее пересекающие. Антисоветская сущность музыки, которую слушала молодежь, рассматривалась как интегральная часть этой войны. Против стиляг проводилась массивная кампания. Были организованы комсомольские бригады для проведения идеологической борьбы против них; в Свердловске и Ульяновске этим патрульным группам было предписано обрезать волосы и штаны местным стилягам. Пресса высмеивала этих молодых людей, называя их дешевыми спекулянтами, которые окружают иностранные отели, ловят иностранцев и продают имя Советского Союза за жвачку. Неудивительно, что общим решением этой проблемы стало напоминание этим молодым людям, что значит быть советскими, которое выражалось в насильственных ссылках “на север, в дикую тайгу, где они смогут лучше понять, как уважать человеческий труд”.

Одна из карикатур стиляги в журнале “Крокодил” показывала его сидящим на высоком стуле в баре, курящим и пьющим коктейль. В 2 часа дня к нему подходит бармен и говорит: “Извините меня, звонила ваша мама. Она беспокоится, сделали ли вы домашнюю работу”. На другом рисунке был изображен молодой человек - как бы стиляга, который сидел в машине “Победа” на фоне надписи “Папина “Победа” (“Победа” была самой популярной в те времена советской автомашиной). Были развернуты дискуссии о вкусах и манерах, в которых сами молодые люди критиковали тех из них, кто преклоняется перед “американским образом жизни”. Были утверждены программы для “того, чтобы поднять культурный уровень молодежи” - строительство клубов, домов культуры, кинотеатров и библиотек. (“Культурная Кампания Лиги молодых коммунистов”, 1958).

Новая парадигма “молодежь-как-жертва-западного-влияния” не просто заменила парадигму “молодежь-как-строители-коммунизма”, а усилило ее, поскольку каждая капля энергии, использованной на танцплощадке, была энергией, которая могла бы и должна была бы быть вложена в строительство гидроэлектростанции.

Хотя ленинская диалектика, которая рассматривала включенность новой личности в общественную жизнь через ее активное участие в коммунистическом строительстве, оставалась центральным принципом образования молодежи, в хрущевское время образование вновь начинает рассматриваться в качестве первоочередной задачи, решение которой должно помочь строительству социализма на новом этапе. Это должно было быть достигнуто через образование всех рабочих в духе идеологической целостности, честности, верности коммунизму. В молодых людях стремились культивировать коммунистическое отношение к труду и социальной экономике, от них требовалось полное отрицание буржуазных взглядов и морали, у них должна была формироваться богатая духовная культура. Это означало новый поворот в отношении к заботе о молодежи – молодежь не только должна была быть мобилизована, но и контролируема. После съезда 1949 г. в ВЛКСМ усилился акцент на сохранение политической ортодоксальности и идеологической чистоты. После 1955 г. это приняло более целенаправленные формы подавления комсомолом мелких нарушений, включая разбои и хулиганство, с помощью собственных патрулей – комсомольских дружин. Комсомол также пытался контролировать растущее число молодежи через прием их в свои собственные ряды. Но именно в это время появились первые независимые молодежные группы, например движение **коммунаров** – вполне легальное движение, которое возникло для борьбы с территориальными бандами и группировками за власть, общества защиты природы – **“Дружины охраны природы”**, **клубы самодельной и туристической песни**, **НТТМ** и **школы молодых рационализаторов**. Это было время большей интеллектуальной свободы. Появлялись различные ассоциации независимой литературы и искусства. В то же время это был период возобновления обязательства идеологического единства и чистоты – именно при Хрущеве проходила травля стиляг. В этот период комсомол успешно расширял и свое членство, и сферу активности, которая стала включать в себя также и задачи контроля над молодежным досугом.

• **Тусовка: рыночность, глобализация и московская молодежная культура.**

Анализ записанных мною интервью обнаружил три поколения стиляг. Под “поколением” я понимаю не когорту (последователей, сторонников) вхождения в группу или выхода из группы; поколения в значительной степени могут частично совпадать с этим представлением, особенно во время роста группы. Но главное это то, что акцент делается на том, что это были тусовки, которые отличались друг от друга символическими кодами одежды и поведения. В данном контексте под поколением понимаются некие группы, вокруг которых развиваются стилистические идентичности. В одном (“ретро-стиль”) были объединены два поколения: самое первое поколение стиляг, которое возникло после 1985 г., число которых резко возросло к 1987 г.; и второе поколение, которое возникло в конце 1987 г. – начале 1988 г., ассоциировалось с ростом популярности рок-групп “Браво” и “Бригада С”. Эти тенденции должны быть объяснены в контексте не только внутренней групповой динамики, но и всей молодежной культурной сцены. Подобная контекстуализация открывает два главных процесса, формировавших группы между 1988 и 1991 гг.: движение по направлению к аутентичности в пределах данной тусовки и движение по направлению к включению или исключению в отношениях с другими тусовками. Эти две идеи могут помочь объяснить динамику изменений в молодежном культурном мире. И в первую очередь – движение по направлению к аутентичности (подлинности, достоверности).

Стремление к аутентичности, которое характеризовало, к примеру, второе поколение стиляг, носило не только просоветский, но и гендерный характер. Важность гендера особенно заметна, если смотреть на тусовку в пределах более широкого контекста московской молодежной

культурной сцены. Это было связано с тем, что солистом группы "Браво" была женщина. Мужчины – члены групп с имиджем "Браво" чувствовали некоторую неловкость: именно об этом они говорили, как о первой причине, по которой они покидали тусовку. Считалось совершенно естественным, что девушки существовали в тусовке наравне с молодыми людьми и покидали ее только тогда, когда возвращались в "нормальную жизнь", обычно выходя замуж или после наступления беременности. Парни же, в отличие от них, уходили по двум причинам: либо их забирали в армию, либо они присоединялись к другой тусовке.

Хотя парни-стиляги могли стать фанатами "Депеш Мод" или панков, чаще всего они уходили в рокабили. Уход второго поколения стилиг в рокабили начался весной 1989 г. и к лету того года среди стилиг остались практически только девушки. Один из парней, который ушел из стилиг и присоединился к рокабиям, так сказал о причинах этого перехода: "Они (рокабили) более агрессивны, но они – более крутые. В то время было всего лишь несколько стилиг, кто мог ответить на агрессию, многие были пассивны, и мне это не нравилось".

Но, что стилиги ассоциировались с советским прошлым, а не с Америкой (ее прошлым или настоящим), не вызывало негативных реакций. Многие из стилиг говорили, что их интерес к группе возник не из прослушивания "Браво" или Элвиса Пресли, а из обаяния, очарования 50-х гг., которые ассоциировались с чувством большего мира, спокойствия, периода меньшего давления в советской истории – периода открытости. Многие стилиги знали о музыке и стиле того периода от родителей.

Процесс трансидентификации, который сопровождал движение в рокабили, часто включал адаптацию англо-звучащих кличек типа "Майкл" или "Джон", которые выглядели "круче". Для третьего (пост-"Браво") поколения стилиг группа "Браво" воспринималась как память и начальный момент, от которого им следовало идти к настоящим вещам, т.е. к корням рок-н-ролла. "Крутость", в терминах которой трактовались рокабили, не была связана со стилем или музыкой, в этом отражалась уличная позиция стилиг. Определяя, что значит быть хорошим членом тусовки, один из парней, который перешел из стилиг в рокабили, сказал: "Это значит не усложнять жизнь для какой-либо из тусовок, быть интересным собеседником, быть оцениваемым кем-то, уметь постоять за своего друга, быть "одним за всех и все за одного".

Маскулинный стиль рокабилей не был привлекательным или крутым в глазах стилиг. Стиль рокабилей также ассоциировался с жестокостью, пьянством, неуважением к девушкам и хулиганством. Старые члены стилиг ассоциировали рокабилей с антисоциальным имиджем и говорили, что, хотя в то время стилиги и рокабили были членами одной тусовки, их одежда и поведение были гораздо ближе к панкам, чем одежда и поведение стилиг.

Движение к аутентичности среди стилиг, таким образом, означало больше, чем их растущий опыт в потреблении западной музыки, информации и артефактов. Это включало движение по направлению к иерархично дифференцированной тусовке, в которой ритуал представления новых членов группы становился все более важным с точки зрения недоступности их группы для лохов. Целью аутентичности также стала выработка тяжелой маскулинной идентичности. Это выражалось в движении от стиля советского рок-н-ролла к более тяжелому американскому прототипу. Стратегия рокеров не позволяла девушкам-стилягам создать мир для своей собственной позитивной фемининной идентичности, и это, в сочетании с уходом из группы "Браво" Жанны Агузаровой, оставило девушек-стиляг на мели.

Тенденции к включенности многих молодых людей в московскую молодежную культуру и к перестройке всей этой культурной сцены весьма обманчивы, несмотря на кажущееся, на первый взгляд, очевидное предположение о росте плюралистичности и контркультурных связей.

Как это было показано, распад тусовки стилиг сопровождался и усиливался растущей иерархической строгостью и адаптацией более жестких гендерных кодов доминирующей культуры. Второй этап моей полевой работы в Москве в 1991 г. показал, что тусовка дала толчок другим молодежным культурным формированиям, которые были более иерархичны, более эксклюзивны и менее опасны для доминирующей культуры. Тусовка превратилась в тусовку, в часть особого советского существования; она стала багажом, который отстал от поезда в процессе вхождения в новое глобальное сообщество и рынок.

Саймон Вильям

Сексуальности эпохи постмодернизма. Постмодернизация секса¹¹

“Существуют моменты в жизни, когда вопрос, может ли думать один человек не так, как другой, и воспринимать не так, как другой, - абсолютно необходим, если человек собирается продолжать смотреть на мир и рефлексировать”.

Мишель Фуко

Само использование термина “постмодерн” в применении ко многим аспектам социального опыта предполагает, что мы находимся в той точке культурного развития, которая может рассматриваться только в качестве некоего водораздела. Через искусство, гуманитарные и естественные науки этот момент культурного состояния открывает простор для ощущения интеллектуального кризиса – кризиса парадигм. Действительно, сам термин “постмодерн” возникает, чтобы стать неким инструментом для описания широкого спектра выводов и переопределения нашего культурного прошлого; “коллаж” и “пастиш” становятся основой для появления в культурном пространстве чего-то нового.

Несмотря на провозглашение будущих потрясений и многочисленных революций чуть больше 10 лет назад, из которых сексуальная революция с неизбежностью должна была стать одной из наиболее широко рекламируемых, будущее, кажется, должно перевернуть само себя. Модернизм, который для большинства был обещанием постоянного развития (для некоторых – постоянной угрозой) и появления нового, кажется, лишь наполовину имеет к этому предрасположенность, как будто бы мы вообще исчерпали возможности нового.

В более общем смысле, оптимизм – широкомасштабный оптимизм, который затрагивает практически все аспекты социальной жизни, два десятилетия назад выглядел как выбранный способ рефлексии для большинства глубоких и мудрых пессимистов. Впервые западный мир являет себя без мечты о “завтрашнем дне”, который должен быть ярче, чем сегодня. Социальный мир немногим более десяти лет назад обещал мудрость, здравый смысл и новые “технологии” для обогащения нашей сексуальности, которая смогла бы обогатить нашу жизнь. И вот идея сексуальности возникает в постмодерне, чтобы предложить нам намного меньше. Либерализация сексуального в прежние времена рассматривалась как отказ от зависимости по отношению к традиционному “сопровождению” сексуальности опасностью и осуждением, как отказ от требований, что нечто позволено только, если предварительно использовать очень специфические средства, большинство из которых лишь отдаленно имеют какое-то маленькое отношение к сексуальному удовольствию.

60-е и 70-е годы, которые могут рассматриваться в качестве апофеоза модернизма, были кульминацией периода изменений, оптимизма и наивности. Горизонт будущей сексуальности предполагал в то время сравнение образов сексуального здоровья и удовольствия, сейчас же над ним полностью доминирует сравнение образов грозящего сексуального несчастья.

Из этой краткой ретроспективы можно сделать два вывода. Во-первых, имеющий надежду настолько же прав, как и тот, кто ее потерял – не стоит доверять утверждениям “сексологов”.

¹¹ Simon W. Postmodern Sexualities The Postmodernization of Sex London-New York: Routledge, 1996. Перевод с английского Е. Омельченко

Во-вторых, будущее сексуальности совсем не находится под контролем того, что в данный момент сексуальность утверждает. Возможно, еще меньше это зависит от представлений о том, что мы слишком мало об этом знаем, или от того, что мы, возможно, узнаем в следующие несколько лет.

Надеюсь, что подобное рассмотрение сможет привести к расширению нашего беспокойства о сексуальном, к отрицанию его традиционной позиции в качестве привилегированной изоляции и к попытке понять - как сексуальное помогает формировать наш личный опыт? Как более широкий контекст социальной жизни может формировать сексуальный опыт на его наиболее фундаментальном уровне?

(...)

Слабость и незначительность недавнего прошлого

Начало научного изучения секса, основные, базисные подходы к пониманию его природы можно обнаружить в далекой памяти человечества. Рост и расширение научного внимания к сексуальному можно отнести к концу второй мировой войны. Половину этого сорокалетнего периода практически полностью доминировали работы одной лишь группы исследователей - последователей Алфреда Кинси.

После двух десятилетий (1950-1970) почти беспрецедентного роста благосостояния, средний класс Северной Америки был вынужден демонстрировать талант не просто для достижения успеха, но и для наслаждения жизнью, для приобретения тех символов, которые олицетворяют успех. Таким образом, сексуальное, которое до этого было источником компенсации общих деприваций и отказов от жизни, одним из мотивационных стимулов для достижений, становится чем-то, чем можно оперировать, а не просто созерцать. Сексуальное становится доказательством многих возможностей для реализации жизненного опыта.

Отсюда толчок к развитию как теоретической, так и прикладной научной работы в сфере секса. Эта была эпоха не просто финансового обогащения, но и изобильного внимания ко всем аспектам сексуального опыта.

(...)

Модернизм как способ жизни

Модернизм демонстрирует всеобъемлющую приверженность понятию прогресса, идее постоянного движения по направлению к достижению постоянно меняющихся идеалов. Модернизм в искусстве приблизил нас к чистым выражениям великого и возвышенного - науке эпохи модерна вверялось приблизить нас к чистой и окончательной правде. Ну, если и не к окончательной, то к улучшенной версии правды - то есть к той, которая намного ближе к правде, чем все предыдущие ее версии, как будто изменения в ней были синонимичны увеличению самой правды. В более конкретных терминах, близких нашему предмету, в эпоху модернизма ожидалось, что применение научного знания к сфере сексуального разрешит его (ее) историческую тайну.

(...)

Модернизация как натурализация

Культурные отклонения были отданы на откуп обдумыванию в контексте рассмотрения их "сексуальных оснований", однако, все еще в изоляции от собственно культурного опыта, что в действительности усиливало продолжающееся изгнание сексуального из социальной жизни.

Опыт сексуального образа действия обязательно рассматривался в переводе его на язык описания отдельных, характерных фактов сексуального поведения: господствовала идея о том, что создание некоего атласа “физической географии сексуального оргазма” может стать основанием для совершенной науки о сексуальности. Натурализация сексуального опыта требовала такого взгляда на сексуальное, который было бы все больше “антиисторичным”. Антиисторизм же, в свою очередь, еще больше конкретизировал абстрактность, все это привело к тому, что оргазм стал вещью в себе, “гиперреальностью”. Географическая репрезентация стадий оргазма – эта новая наука о сексе, которая как бы соучаствовала в воспроизводстве “отвержения оргазма”, к счастью, отвергаемого скорее в размышлениях о нем, чем в переживании оргазма большинством людей.

Эта натурализация секса способствовала, во-первых, адаптации предпочтения таксономического (и систематического) разделения. Кинси использует гомосексуальный – гетеросексуальный континуум для описания различных проявлений сексуальности. Дискретные категории, помещенные в этот континуум, часто становятся либо некими субпространствами, в которых люди описываются через определенный набор их позиций в этом континууме, либо некоей специфичной позицией среди других по отношению к какому-либо характерному атрибуту. Таким образом, многие продолжающиеся поиски источников гомосексуальности основаны на наивном предположении о том, что существует некая одна причина, а именно, что гомогенность действий подразумевает гомогенность действующих. В действительности, сложные смыслы всех разнообразных видов, типов и форм сексуальности растворяются в глобальных идентичностях, которые затемнили намного больше, чем открыли и прояснили.

Концептуализация объекта сексуального желания была настолько абстрактной, что, при конкретном применении к поведению, проблема сексуального желания была почти целиком затуманенной и ограничена проблемой гендера сексуального желания. Это привело к вульгарному бихевиоризму, который имеет тенденцию передавать невидимый смысл всего ненаблюдаемого поведения, типа мотивации, которые ведут к сексуальному волнению. Парадоксальным образом попытки уменьшить значимость гомосексуального – гетеросексуального измерения привели к сырому материалу, из которого была “создана” гомосексуальность, чье отличие объяснялось через природу самих индивидов, и объяснение это было практически “расистским” по характеру.

(...)

Стимул как правда в себе

Натурализация секса, которая сопровождала его модернизацию, приветствовала теорию стимула (drive theory) Фрейда и связанное с этим изобретение “сексуально отзывчивого” младенца и ребенка. Эта идея признавалась даже тогда, когда отрицалось многое другое из багажа психоаналитической теории. Взгляд на сексуальность как биологический процесс способствовал введению специфического языка сексуального поведения, который выглядел независимым от специфичных смыслов, необходимых для его выражения после детства; в этом языке сексуальность определялась без непосредственных социальных или эмоциональных значений и смыслов.

Сохранение иллюзии сущностной невинности ребенка позволило сформироваться научному дискурсу сексуальности без “подключения” эротических смыслов. В результате сексуальность и эмоциональность были дистанцированы друг от друга, что правдоподобно объективировало сексуальное поведение, которое могло быть описано как некая биологическая система, имеющая сходство с процессом пищеварения.

(...)

Информация: объяснение без понимания

Идея натурализации секса возникла в более широком контексте применения научного метода к широкому набору человеческих действий, многие из которых не могли быть в равной степени проинтерпретированы с помощью понятия субъекта внутри объективирующего подхода. Новая сексуальная наука рассматривалась как накопление исчерпывающих и четких изображений частей, составляющих сексуальность человека. Этот подход отличался от подхода анатомистов XXVIII-го века, которые предполагали, что найдут секрет жизни на анатомическом столе. Некоторые аналоги этого редукционистского применения научного метода могут быть обнаружены в движении Сексуальной Гигиены в Германии в 20-х гг., в элементах биоэнергии Вильгельма Райха.

(...)

Постмодернизация как денатурализация

Вопросы, определяющие повестку постмодернизма, последовательно наблюдаемые в пределах многих контекстов, имеют тенденцию разделять некоторые элементы или, может быть, некоторые из способов описания одного и того же фундаментального феномена. Наиболее распространенный из них - неожиданный консенсус в том, что основания для консенсуса собственно и отсутствуют. Может быть, это не настолько отсутствие самого консенсуса, сколько чувство этого отсутствия, усиленное неожиданным и часто дискомфортным переживанием культурного плюрализма.

Марксизм, неodarвинизм и фрейдизм выглядят в этой ситуации несколько обновленными, в них совершенно отсутствует некая единая интеллектуальная тенденция, которая бы доминировала; их идеи представлены на "рынке", напоминая некий сюрреалистический карнавал, который развернулся на полпути к чему-то. Одним из позитивных аспектов этого нового плюрализма является движение по направлению к отказу от линейных, одномерных понятий интеллектуального прогресса, уход от обещаний приведения условной, неопределенной и тягучей реальности в гармонию с необходимыми, неизменными принципами жизни. Этот же плюрализм принес с собой переоценку модели возрастающего, взаимодействующего прогресса в науке, в контексте которого само понятие науки может выглядеть не намного лучше, чем принудительное и латентно идеологическое рассмотрение темы человеческой сексуальности, полное банальностей. В постмодернистских дебатах существует преувеличенное принятие вероятности того, что широкая вариативность человеческого поведения формирует чувство относительности всего, что осуждает нас за некие перманентные ошибки, или, по крайней мере, обязывает нас ощущать временность, предварительность и условность этих ошибок.

Наблюдение Карен Хорни полвека назад о том, что "не существует другой вещи, кроме нормальной психологии, которая смогла бы держать всех вместе", является разновидностью повторяющегося и обновленного обращения, которое уменьшает риск обмана самих себя в соответствии с культурно-историческими ограничениями нашей работы. Последние исторические исследования открыли, что попытки ограничения "фактов" специфичным временем и местом на языке безвременного и универсального не служат ни науке, ни обществу.

(...)

Реальности сексуальной революции

Что пугает недавно утвержденную и все еще обсуждаемую натурализацию секса, так это растущее осознание того факта, что не только смыслы сексуального изменяются в зависимости

от социоисторического контекста, в пределах которого переживаются эти изменения, но также и сама природа сексуального также может измениться. Другими словами, необходимость для поиска новых понятий, относящихся к сексуальному, следует не просто из неадекватности и ошибок прежних понятий сексуальности, а из того факта, что реальность сексуального размывается и продолжает размываться постоянными изменениями.

“Сексуальная революция” могла в действительности быть революцией, которая создала временное сжатие, концентрацию этих “размытостей” и внутри индивидов, и через группы; после этого стало невероятно трудно говорить о каких-либо доминирующих сексуальных гомогенностях, кроме большинства самых примитивных, конкретных уровней – уровней отдельных органов и их “проходов”. Стало более вероятно, что люди, которых разделяли всего лишь несколько лет или какие-то незначительные различия в их жизненных историях, способны “проживать идентичное сексуальное поведение” самыми разными способами и часто с очень разными последствиями. За обманчивой стабильностью языка (“поцелуй – это просто поцелуй”), находится смысл этого опыта и опыт этого смысла, которые очень изменчивы.

Распознавание существования множественности гомосексуальности было и остается достаточно медленным процессом. Еще в большей степени может быть сопротивление раскрытию существования множественности гетеросексуальности. Одним из главных источников сопротивления этому узнаванию была натурализация секса с последующим утверждением понятий сексуального как смыслов органов, проходов и филогенетического наследства.

(...)

Сексуальность постпарадигмального общества

Неправдоподобность возврата к статус кво более раннего периода гарантирована не только важностью происшедших изменений в пределах сексуальной сферы, но и целым рядом изменений, которые произошли и продолжают происходить во многих других секторах социальной жизни. Изменений, которые одновременно происходят интерактивно с этими и другими изменениями в сексуальной сфере; изменений, которые делают применение таких терминов, как постиндустриальное и постмодернистское, удобным. Существовали и продолжают существовать смещения в распределении рабочей силы, структуре наших сообществ, условиях формирования и поддержания семьи и во многих других аспектах нашей жизни. Проблема не только в том, что изменилось распределение поведения, его смыслов и институциональных ответов, но и в том, что с этими изменениями сам характер человеческого опыта тоже может находиться в процессе изменения.

В относительно стабильных и достаточно гомогенных социальных условиях (парадигмальных порядках) продолжительность существования “self” (самости, Я-сущности) гарантирована продолжительностью социальной жизни. Наоборот, в больших, гетерогенных, сложных и склонных к изменениям условиях, “self” и его интеграция становятся столь же проблематичными, как и смысл прошлого, который есть постоянный предмет, рассматриваемый из разных контекстов социального опыта, с точки зрения различных социальных практик и, таким образом, являющийся постоянным предметом ревизии, осмотра, проверки, пересмотра.

(...)

Подростки и сексуальность: невоспоминаемая молодость

Благодаря Фрейду мы получили некоторые наши первые представления о том, как пережитое в младенчестве и детстве влияет на все последующие стадии развития. Отсюда

возникает вопрос: до какой степени возможная “неудача” (“ошибка”) Фрейда доходит до терминов его собственного подросткового опыта, влияющего на его собственный взгляд на детскую сексуальность? Эта подростковая амнезия или инфантильный опыт как экранная память также рассматривались многими учеными.

Там, где общества обеспечивают крепкую, принудительную, все еще внешне без разногласий, интеграцию сексуальных ролей в другие роли, потребность в неловком (застенчивом) управлении специфической сексуальной идентичностью – такой, которая сопровождает и культурные смыслы, и внутри физический ответ – минимальна. В подобных относительно стабильных, хорошо интегрированных культурных условиях “сексуальные привычки” могут пониматься много более схожим образом с тем, в котором они могут трактоваться как разновидность привычек в еде и предпочтений в преферансе. И пищевое, и сексуальное поведение в подобном контексте воспринимаются совершенно естественно прикрепленным и к вере, и ценностям. Действительно, в подобных социальных условиях сексуальные “беспорядки” или сексуальная “девиации” были бы не более общими, чем “беспорядки” и “девиация” в еде. Как результат, существует небольшая потребность в моде на сексуальную идентичность.

Там, где это не является, подобно современным обществам, таковым, усиливающаяся гетерогенность и усиливающийся выбор ведут к проблематичной, альтернативной, а иногда – и к конфликтной версии “хорошей жизни”. Апробирование и сотворение связей между сексуальным желанием и требованием более широкого саморазвития может стать одной из главных доминант формирования индивидуальных версий эротики.

Дж. Форнас, Г. Болин

Молодежная культура в поздней современности¹²

Молодежь, культура и современность

Молодежь - это то, что молодо и что принадлежит будущему. Молодые люди моментально ассоциируются с тем, что ново в любой культуре. С негативной стороны молодость часто ассоциируется с тем, что опасно для будущего. Это происходит тогда, когда непонимание специфики современной молодежи соединяется с пессимистическим диагнозом о дегенерации нового поколения, мораль и нормы которого полностью выводятся из грехов и трагических последствий современности. Подобные реакции становятся особенно заметными, когда современная молодежь в союзе с вредным воздействием масс-медиа становятся единственными "козлами отпущения", виновными во всех грехах современности.

(...)

Подобная морализаторская критика современности часто идет наперекор законам логики, когда единственным принципом выделения "молодежи" как некой формы ассоциации становится вина за то, что их объединяет - возраст. Сама проблема связи молодежи и медиа должна быть рассмотрена более подробно и объяснена с помощью более сложных и глубинных механизмов, которые, к сожалению, игнорируются. Не может же молодежь быть виноватой только потому, что она - молодежь, как это часто бывает с "черными" иммигрантами, гомосексуалистами, левыми или феминистами. Подобный сорт упрощенного критицизма опускает представления об амбивалентности и нюансах молодежной культуры, медиа и современности и часто стремится решить все проблемы с точки зрения мгновенно возникающей реактивной ностальгии по старым "добрым временам".

С позитивной стороны молодежь долгое время ассоциировалась с будущими надеждами, обещаниями лучшей жизни и верой в прогрессивное развитие. Здесь есть две рациональные идеи. Действительно, молодые люди - это завтрашние взрослые, кто-то из их поколения наверняка будет представлять будущую власть. Биологическая, психодинамическая и социокультурная гибкость молодежи дает ей громадное преимущество и большие возможности, чтобы быстрее всех улавливать глубокие, но скрытые социальные изменения и выражать их на языке собственного, неповторимого стиля жизни.

(...)

Молодежь, артисты и ученые - это три наиболее продуктивные группы, которые способны "посеять" нечто новое, и способны воспринять то, чего ранее не существовало. В современной молодежной культуре именно эти три благодатные группы особым образом концентрируются и поэтому часто становятся основой для здорового любопытства. Нельзя, однако, особенно идеализировать молодежь и упускать из вида реальные проблемы, которые с ней связаны.

Во-первых, не все молодые люди являются авангардом инноваций. Многие из них невероятно консервативны, хранят старые рутинные привычки и обычаи. Это может происходить потому, что их потребности подчас настолько невероятны, что в целях своей безопасности они вынуждены своеобразно их "охранять". Особенно тогда, когда и они сами, и мир вокруг них находятся в состоянии загадочных, таинственных и ни на миг не прекращающихся

¹² Youth culture in late modernity Edited by Johan Fornas and Goran Bolin (1995) Sage Publications, London Перевод с английского Е. Омельченко

изменений. Некоторые из них становятся конформистами, другие обращаются к фундаменталистам, а некоторые включаются в расистские или даже фашистские движения.

Исследователи по разным причинам приходят к изучению молодежи. Одни из них действительно крайне озабочены проблемами своих взаимоотношений с молодежью (детьми, учениками, соседями) и стремятся найти пути их улучшения. Другие, желая помочь, включаются в трудные жизненные ситуации молодежи, преодолевая вместе с ними препятствия, которые встречаются им на своем пути. Есть еще и третьи, которые в большей степени раздражены взрослым обществом, чем молодежью, поэтому стремятся найти в молодежной культуре решение “взрослых” социальных проблем, проявляя настоящее любопытство к тому, что молодежью уже создано.

Все три мотива имеют полное право на существование. Вряд ли стоит, во-первых, отрицать тот факт, что у некоторых взрослых возникают серьезные проблемы с некоторыми молодыми. Во-вторых, многие молодые люди живут в “болезненных”, безобразных и абсолютно неподходящих условиях, что может значительно усложнить процесс исследовательского включения в их проблемы. В-третьих, кто-то может просто получать великое удовольствие от творческих аспектов молодежной культуры, их инновационной сущности и их богатого прогрессивного потенциала.

В культурных исследованиях молодежи есть три ключевых концепта - каждый невероятно важен для определения.

Молодежь (или молодость), с одной стороны, - фаза психологического развития, в течение которой развивается и изменяется тело подростка (пубертатность).

С другой стороны, это есть фаза психологической жизни, проходящая через различные фазы ранней и поздней подростковости.

Молодежь есть также социальная категория, обслуживаемая различными институтами - школой, ритуалами (конфирмация или замужество), законодательством - всем тем, что регулирует возрастные ограничения.

И, наконец, есть нечто такое, что детерминируется культурой и ассоциируется с музыкальными, визуальными и вербальными знаками. Это нечто детонирует с тем, что определяется как молодость по отношению к статусам, которые интерпретируются как детство и взрослость.

Исследования в молодежной культуре по очевидным причинам в наибольшей степени связаны с последним различием, но и все другие аспекты влияют друг на друга. И хотя исследователи никогда не смогут сойтись в некоем едином определении, они вынуждены содержательно перемещаться внутри этих границ. Важно, чтобы ясен был аспект, на котором фокусируется исследователь, тогда у нас 13-летние не окажутся смешанными с 30-летними, а пубертатность - с молодежной культурой.

(...)

Культура - одно из наиболее противоречивых понятий. Известны сотни попыток его определения. В течение длительного времени пространство дефиниций делилось между двумя главными полюсами. С одной стороны, описательно эстетическая концепция культуры, которая разрабатывалась внутри институтов искусства и которая тяжело воспринимала популярную культуру и чуть легче - эстетические аспекты повседневности. С другой стороны, антропологические концепции культуры, которые охватывали так много, что включали в себя, и способы жизни людей, и их привычки, и идеалы. Обе эти экстремальные позиции были модифицированы, и сегодняшние представления о культуре являют собой некий сорт конвергенции вокруг герменевтики и семиотических концепций культуры как символической коммуникации.

(...)

Современность (modern)

Огромное количество исследований посвящено изучению современности и ее различных фаз. Как классические дискуссии о модернизме, так и более поздние «постмодернистские» теории не должны игнорироваться.

Интерес к современности комбинирует несколько тем. Это - желание открытия настоящего и идентификации с ним, стремление понять, что является специфическим для нас и нашего мира в их соотношении с прошлым. Это - некое недоумение от эфемерности настоящего и интенсивности наших ощущений о «здесь и теперь», которыми насквозь пропитана молодежная культура. Но это также и стресс от этого нового, от всех его превратностей.

Не все, что ассоциируется с настоящим или новым, есть синоним модерни или модернизации. Мы проводим различие между модернизацией как процессом, модерни как условием и модернизмом как отношением и реакцией против этих условий. Кроме того, можно выделить некоторые фазы в modern эре, хотя и с достаточно неточными или диффузными границами и с отсутствием полного понимания о различиях между направлениями.

Многие наверняка найдут очевидным, что радикализация и интенсификация modernity стали особенно заметны в течение послевоенного периода, и даже точнее - после 1960-х годов. Возможно, что 1989 год с его всемирными политическими революциями более точно и ярко обозначил смену фаз в глобальном масштабе. В любом случае различные термины и обозначения находятся в постоянном употреблении с соответствующими им явными преимуществами и недостатками: супермодернити, гипермодернити, постмодернити, рефлексивмодернити и т.д.

Молодежь, культура и модерни прорастают друг в друга. Молодые люди всегда культурно ориентированы и выражают себя неожиданным и необычным образом в различных текстах, картинах, музыке, стилях, моде, фантазиях и образах. Даже сами молодые люди могут рассматриваться другими (как правило, взрослыми) как некие культурные достопримечательности.
(...)

Интерпретации

Большинство последних исследований молодежной культуры связаны с использованием качественных методов, даже если теоретические модели, которые легли в их основу, были поддержаны количественным материалом. Качественные методы всегда лимитируют обобщение, но это может быть преодолено с помощью интенсификации интерпретаций. Статистически значимая связь может повлечь за собой что-то из временного параллелизма между феноменом и причинным отношением, в котором один фактор обуславливает другой. После большого количества мыслительных интерпретаций, наблюдений над связями между двумя феноменами, может появиться некий третий фактор, который влияет на оба предыдущих. Выбор любого отношения всегда требует качественного анализа и интерпретации, а не сбора количественных данных.

Важная часть диалога между исследователями касается реинтерпретации материала друг друга, частично на основе нового материала о другом феномене, частично на основе других теоретических перспектив. В этом направлении богатое и контрастирующее сплетение интертекстуальных интерпретаций символов, текстов и дискурсов культурных феноменов действительно выглядит волнующе.

Каждая интерпретация культивирует частную сторону или аспект, утилизирует различные дистанцированные модели, что приводит анализ к противоречию с живым эмпирическим материалом. Постфрейдовские психоаналитические теории предлагают концепцию субъекта и его желаний.

Понимающая социологическая традиция, идущая от Маркса, Вебера, Дюркгейма и Парсонса, связывает воедино социентальные измерения и категории. Семантическая теория анализирует культурные символы и язык. Поздние модернистские рефлексивные мульти-размерные герменевтики, как у Paul Ricoeur (1976), помещают эти частные элементы в более грандиозное движение - от внешности до глубинной семантики. Этот процесс начинается со спонтанной солидарности с тем, что исследуется, пропускается сквозь различные дистанции, структурированные модели анализа и теоретические проблемные формулировки, приходя, наконец, к более глубокому и богатому пониманию значения, которое может быть понято не как самоочевидное, но как противоречивое и мультифакторное. Подобное объяснение и понимание, дальнейшее и близкое, критическое и взаимодействующее продолжается в новых герменевтических спиралях ...

(...)

Диалоги

Эти направления исследования молодежной культуры движутся сквозь время и пространство, сквозь физический, культурный и социальный уровни модернити и сквозь такие категории, как возраст, гендер, этничность, класс и география. Тематическое поле располагается между временными (преходящими) разновидностями модернити, с одной стороны, и физическими и социально пространственными сферами в поздней современности, с другой. Различные теоретические стволы комбинируются самыми невероятными и оригинальными способами.

Исследования в форме опросов в этой сфере кажутся совершенно невозможными, принимая во внимание их обязательное разделение между индивидуальными и групповыми интересами, субъектами и центрами, перспективами и результатами. Исследования молодежной культуры включают в себя несколько фиксированных институтов, но множество различных полей, связанных с другими теоретическими и практическими анализами. Исследователи - они все туристы в этом поле, некоторые как интеллектуальные кочевники, но большинство с фиксированным адресом в своей выбранной дисциплине.

(...)

История высокой и низкой культуры

Фундаментальный разрыв между высокой и низкой культурой довольно долго существовал внутри европейской культуры. Низкая культура - это «популярная» или неофициальная культура, которая определялась общественными вкусовыми арбитрами. Ее не берут во внимание в школьном образовании, о ней мало пишут в газетных рубриках, посвященных культуре. Но именно эта культура доминирует количественно. Высокая, «серьезная» или официальная культура есть то, что символизирует нашу «культурную легальность» в учебниках и исторических презентациях, именно она получает ассигнования от национальных департаментов культурных дел. Ее организаторы сидят в академиях и обществах и получают Нобелевские премии. И все-таки - это культура меньшинства, и это очень важно, поскольку эта культура ассоциируется с группой, которая посредством своей культурной позиции имеет власть над официальным вкусом.

(...)

Культура средневекового карнавала

В старинных европейских культурах не существовало особого разделения между высокой и низкой культурой. Трагедия не исключала комического взгляда на мир, но сосуществовала

с ним - греческие трагедии последовали за комическими сатирами. Согласно Бахтину, в классической Греции не было резкого разграничения между официальной и популярной культурой. Впервые популярная культура получает неофициальный статус в Римской античности. В течение Средних веков разрыв становится фактом. Смешное и фривольное выступали против религиозных культов, феодальных церемоний и социальных правил этикета. Официальная средневековая культура становилась все более и более глубоко серьезной.

Возникли представления о двух культурных традициях: высокой и мелкой, маленькой. «Высокая» традиция развивалась как культура образованного меньшинства, которое общалось на латинском языке. «Мелкая» традиция была парадоксально развита большинством и использовала местные или национальные языки.

В одно и то же время Европейская высшая страта изучала классическую латынь или учения отцов церкви и участвовала в фиестах, фестивалях и карнавалах. Большинство из них искренне радовались клоунам, акробатам, танцующим медведям, они слушали баллады певцов и рассказчиков, смеялись над низкими фарсами. Когда с 16 века популярная культура стала письменной, появились памфлеты, сенсационные истории и чтиво.

В Европе популярная культура развивалась благодаря многочисленным фестивалям, наиболее важные из них организовывались вокруг первых дней мая, в середине лета, и за 12 дней до Рождества. Средневековые люди посвящали около 3 месяцев в году фестивалям и празднествам. Было принято, что между праздниками должно быть не более 8 недель.

В течение этих фестивалей обычный порядок жизни нарушался. Секс и насилие были свободными. Перевернутый мир был излюбленной темой карнавалов: люди, в процессе игр и маскарадов превращались в животных, женщины - в мужчин и наоборот. Все ставилось с ног на голову: женитьба и помолвка, похороны и рождение.

Молодые юноши играли ведущую роль в этих празднествах, особенно в течение 12 дней Рождества, на карнавале и майских праздниках. В действительности, в средневековой Европе мужская молодежная культура существовала автономно. Молодые люди имели важную социальную и ритуальную функцию.

(...)

Процесс модернизации

Высшая социальная страта тоже участвовала в этой популярной культуре, но на периферии. В городах молодежь из высшего общества принадлежала к молодежным организациям, но это не относилось к деревням. Там высокие и низкие традиции гармонично сосуществовали на протяжении нескольких столетий. Но в течение 16 века этот конкорд начал ломаться в некоторых частях Европы. Серия социальных изменений привели к дистанцированию от популярной культуры. Что это были за изменения? Что разрушило гармонию?

В принципе - это были процессы модернизации европейских обществ: экономической, технологической, политической, социальной и культурной. Где это началось - определить трудно, однако именно экономическое влияние было критическим. В 1500 году в Европе было лишь 4 города с населением более 100 000, в 1800 было 23 города и один из них, Лондон, имел население более 1 миллиона. Население Европы выросло с 80 млн. в начале 16 века до 190 млн. около 1800 года.

Политическая модернизация усиливала эти процессы. Государство как система было рационализировано. Значительная децентрализация была подчинена строгим принципам, рос административный аппарат, создавалась бюрократическая система.

(...)

Центр и периферия

Атаки на популярную культуру стартовали в городах. Немалую роль в этом процессе сыграло изменение положения женщин, чей моральный статус начал заметно уменьшаться. Рост грамотности в городах расширял разрыв между женщинами и мужчинами, поскольку именно среди мужчин было большинство читающих, школы для девочек были исключением. Мужчины заняли монополию в письменной культуре, которая медленно, но верно брала верх над оральной культурой. Это привело к падению значимости женщины как медиатора знания и повлияло на всю популярную культуру, которую именно женщины, как никто другой, поддерживали и передавали. Как только женщины потеряли свои власть и влияние, стало возрастать к ним презрение. Эта дискриминация женщин помогла разрушить популярную культуру в городах, что вскоре, нашло выражение в терминах, которые стали употребляться по отношению к ним. Это были термины волнения и непредсказуемости, необдуманной опасности сексуальных желаний - примитивных и неконтролируемых: природа женщин начала рассматриваться противостоящей культуре.

Семьи и ведение хозяйства играли в городах не столь важную роль. Здесь женщины не собирались, чтобы рассказывать истории, они не влияли на традиционные фестивали, иногда они даже вовсе исключались из городских праздников. Возможности женщин участвовать в популярной культуре в любом случае были крайне зависимыми от обстоятельств.

Одновременно именно в городах росла культурная роль подростков. Во Франции мужская молодежная культура потеряла свою автономию. Молодежные организации фильтровались взрослыми. Постепенно они трансформировались в инструмент дисциплины.

(...)

В некоторых своих аспектах современная культура напоминает средневековую: обе они разнообразны и гомогенны, в обеих существует толерантность к некоему «закону» культуры, их элитность допускает возможность участвовать в культуре масс. Однако, разница между средневековой «до-дифференцированной» гомогенностью, закрепленной в магических ритуалах примитивного деревенского общества, и настоящим днем, «пост-дифференцированной» технологической и секуляризованной гомогенностью - громадна. Между этими двумя линиями располагается революционная модернизация общества.

Мы следовали за процессом культурной дифференциации, который самым непосредственным образом ассоциируется с модернизацией европейских обществ. Этот процесс может быть разделен на три фазы.

Первая - ранние современные формы 16 века. Именно тогда появился разрыв между культурой масс и культурой высшего класса. Это первое разделение может быть названо первичной культурной дифференциацией. Она связана с технической, экономической, политической и социальной модернизацией. Среди новых процессов: изобретения (самое главное, печатный станок), развитие капитализма и экспансия потребительского рынка, рост среднего класса с новыми отношениями к ценностям, интенсификация религиозных оппозиций, трансформация феодальных обществ в централизованные национальные государства, рост потребности аристократии в отсоединении себя от других групп, более замысловатые пути выяснения политических споров. Эта первичная культурная дифференциация является внутренним выражением рационализации социального процесса, в течение которого различные сферы жизни начали отъединять себя от других: религии, политики и культуры, начали развиваться из автономно развивающихся сфер.

Это развитие становится наиболее существенным в течение следующей фазы, которая продлилась в течение 18 века и совпадает с модернити. Оно может быть названо вторичной культурной дифференциацией, которая, прежде всего, коснулась высшей страты общества. Все больше и больше жизненных сфер становятся независимыми друг от друга. Экспансия публичной сферы проявилась в стремлении буржуазии к помещению себя в авангард общественной жизни в качестве «экспертов понимания» развлекательной культуры для масс. При этом первичное разделение между культурой высшего класса и культурой народа сохраняется.

Третья и последняя фаза серьезно заявила о себе после Второй мировой войны вместе с ростом общества поздней современности. Это - третичная культурная дифференциация.

В этой фазе, в которой мы собственно сейчас и находимся, начинают проявляться очень строгие, жесткие тенденции к унификации и гомогенности. Эти тенденции растут вследствие бурного развития экономических условий. Природа медиа и традиционные жанры также способствуют унификации. Но самым важным является развитие культурно-властных отношений.

В глобальной перспективе продолжает превалировать англо-саксонская культура. Американские фильмы, ТВ сериалы, рок-музыка обходят весь мир. В середине 80-х годов в Швеции 85% всей телефантастики - это американская продукция, английский язык все больше и больше гомологизирует национальные культуры. Как и в 17-18 веках, так и сейчас центр захватил периферию, но уже в глобальном смысле.

Однако культурные модели не меняются так быстро, как фасоны пиджаков и платья. Американский гигант сам «бежит» навстречу риску и тоже может быть поглощенным и трансформированным. Наподобие того, как массовая культура высокой модернити была однажды переоформлена в часть популярной культуры, так и массовая культура посредством творческого потребления может превратиться в часть бесконечно мультивариантных и интернациональных субкультур. Эти субкультуры начинают располагаться над национальными границами.

Рыночные культурные различия в эпоху модернити стремятся к трансформированию в более дифференцированные субкультуры, каждой из которых свойственны своя собственная иерархия вкусов и предпочтений. Эти субкультуры располагаются не только по вертикали, но и по горизонтали. В обществах поздней современности больше не существует какого-либо самоочевидного понимания культурной иерархии. Нам становится все сложнее распознавать, что собственно есть «высокое» и что - «низкое», несмотря на все усилия школы научить нас этому.

(...)

Молодежь, медиа и моральные паники

Популярная культура всегда рассматривалась в качестве угрозы для молодых людей. Она всегда ассоциировалась с досугом или с промежуточной сферой между семьей, школой и работой, где контроль со стороны взрослых был лимитирован или просто отсутствовал. Постоянные атаки на популярную культуру шли из различных сфер: от родителей, учителей или других, кто соприкасался с интеллектуальным или моральным неподчинением молодых людей.

Еще в древнем Риме писатели, философы и историки были обеспокоены стремлением людей к получению удовольствий от различных форм развлечений. Дискуссия о развлечениях молодых людей была в античности довольно интенсивной, что особенно заметно при внимательном рассмотрении греческих и римских комедий. В них говорилось о сверх увлеченности молодых людей современными идеями, о чрезмерном стремлении молодежи к плотским удовольствиям, их конфликты с отцами занимали в пьесах одно из ведущих мест.

Средневековые культурные власти более толерантно относились к популярной культуре, однако, начиная с 16 и 17 века, многие формы популярной культуры закрепляются преимущественно за церковью и аристократией. Карнавалы начали обвинять в превознесении сексуального удовольствия, а популярные баллады – в описаниях и романтизации жизни жуликов и уголовных преступников, которые были основными героями карманных книжек. Во многих назидательных книгах можно было обнаружить специальные списки популярных новелл и других публикаций, чтения которых следовало избегать. Считалось, что подобная литература стимулирует проявление животных инстинктов.

(...)

Моральные паники

Исследователи часто характеризовали многие подобные кампании как “моральные паники”. Термин принадлежит Стэнли Коену (“Народные беды и моральные паники”).

Коен считал, что моральные паники, как правило, связаны с различными молодежными культурами (особенно внутри рабочего класса), чье поведение выглядело как девиантное или криминальное. Роль повивальной бабки в этих процессах играли масс-медиа, в результате именно они формировали ту атмосферу, в которой и возникала моральная паника.

Коен считает, что паника всегда развивается в соответствии с некоторыми моделями. Изучая огромное количество исследований, касающихся социально девиантного поведения и способов реагирования на подобные “катастрофы”, он различал 4 фазы: “опасность”, “столкновение”, “инвентарь” и “реакция”.

Моральная паника развивается следующим путем: Во-первых, возникают некие опасные ситуации, которые предвещают наступающую катастрофу. Когда катастрофа случается (столкновение), масс-медиа обеспечивают документальными материалами картину того, что случилось (инвентарь). Случившиеся события в репортажах преподносятся в устрашающем виде, описываются как экстремально угрожающие, а их некоторым деталям приписывается глубоко символический характер (символизация). Журналисты предлагают целый веер интерпретаций того, что случилось, почему, кто несет ответственность и т.д. Все это постепенно перерастает в некую систему верований: масс-медиа наступают по всем фронтам, предлагая все новые идеи о том, как следует понимать, что именно угрожает обществу. Система верований начинает соотноситься не столько с самими случившимися фактами, сколько с их последствиями. В то же самое время внимание ускоряется, ощущения опасности интенсифицируются, и взгляд переносится на другие, “похожие” девиации. Формируется новый вид социального контроля – культурный. Он может быть частично официальным, проводимым авторитетами и их представителями, но может быть и неофициальным – сводиться к митингам, петициям, формированию разных групп возмущенной общественности.

(...)

Моральные паники следует отличать от затяжных моральных кампаний, которые могут периодически подбрасывать зерна для паники, и наоборот, но они могут и не иметь подобного взрывного характера и демонстрировать другие модели развития.

Понятие «моральная паника» очень дискуссионно. Это чрезвычайно эмоциональный и полемичный термин. Почему-то он напоминает о курицах, которым отрубают головы. Но в описании Коена люди вовсе не ведут себя как курицы. Они могут быть ведомы сильными чувствами, быть склонными к преувеличениям и упрощениям, но в то же самое время в своих практических действиях они могут быть мудрыми, тактичными и расчетливыми.

Вероятно, что термин моральная паника может быть сохранен, несмотря на всю критику в его адрес. Одна из причин заключается в том, это уже устоявшийся термин, который часто используется в образовательном процессе. Однако, более важно то, что внезапный и угрожающий характер феномена делает слово “паника” действительно вполне приемлемым. Кроме того, паника не всегда означает иррациональность. Паника может быть вполне рациональной, хотя и иметь крайне чувствительную форму: если горит ваш дом, то может быть действительно самым мудрым решением будет постараться сохранить свою жизнь, убегая так быстро, как только возможно, даже если этот побег и будет паническим.

Главная функция моральной паники - это проведение границы, демаркационной линии (хотя бы на время) между правильным и неверным, между разрешенным и неразрешенным, это установление (или восстановление) пусть и призрачного, но порядка (морального). (...)

Почему именно молодежь?

Почему всякая тревога за социальные изменения так часто и непосредственно связывается напрямую с детьми и молодежью? Ведь на самом деле модернизация воздействует на все группы населения. Возможно, это происходит потому, что молодежь всегда находится в “авангарде потребления”. Они пионеры модерна, они первыми попадают под влияние медиа и ее продукции.

Молодость - это период сильнейших изменений, когда каждый молодой человек (или девушка) открыт любому влиянию. Осознающие это попечители и педагоги пытаются морально и интеллектуально подготовить молодежь, передать ей весь багаж своих знаний и опыта, сделать все, чтобы они стали “правильно мыслящими взрослыми”, способными принять на себя ответственность за развитие общества.

В этой ситуации новые медиа выглядят реальной угрозой: молодежь приобщается к тем вещам, которые попечители находят неприемлемыми и опасными. Медиа-паника, поэтому часто присутствует в культурном или образовательном конфликте.

И совсем не удивительно, что учителя, либералы и прочие хранители традиционной культуры часто находятся в авангарде подобных моральных паник. В сфере культуры также важно понять, где же проводится грань между хорошим и плохим, и кто наделен правом на это определение.

Существуют вполне определенные основания для борьбы и тревоги по поводу культурного капитала. Молодежь, проявляющая любопытство ко всему новому, приобретает привычки, которые у взрослых отсутствуют: молодежь знает больше о комиксах, фильмах, видеотехнике, компьютерах, чем большинство взрослых.

Моральные паники восходят к глубинным противоречиям между молодостью и старостью, между приходящим поколением и его попечителями и моральными цензорами. Конфликт между поколениями может быть таким же сильным, как и между полами. Дети и молодежь (как и женщины) часто чувствуют свою зависимость, сверхдавление со стороны общественных норм, сталкиваются с различными ограничениями своей свободы. Поэтому они сами стремятся бросить вызов более взрослому поколению, провоцируя ответные реакции защиты их взрослого статуса, а также их социальной, экономической, педагогической и экономической власти. Особенно это относится к молодежи из среднего класса.

Взрослые могут реагировать на культурные вызовы молодежи тремя различными путями: с враждебностью, с завистью и с прославлением. Взрослые относятся к молодости очень амбивалентно. Молодые люди имеют все то, что у взрослых отсутствует: спонтанность,

искренность, способность к сильным чувствам и страсти, физическую силу и сексуальное влечение и др. В то же самое время молодые люди - это аутсайдеры, они совсем не интегрированы в социальный порядок. Однако, несмотря на безвластие, молодежь обладает свободой, которой взрослые лишены.

Существуют, конечно, и более глубокие, скрытые конфликты между взрослым и молодым поколением. Они могут быть вызваны не только социальными, культурными или моральными ограничениями, но и характером самоидентификации. Возможно, что кто-то не только пытается установить власть над другими, но еще и усилить ее внутри себя. Ученые обнаружили, что существует глубокая и значимая связь между силой моральных паник и страстностью тех, кто в них вовлечен. Обращает на себя внимание и то, что в дебатах, ведущихся вокруг этих конфликтов, очень часто используются слова и выражения, в которых проявляются базисные телесные функции. Используются слова (глаголы) ассоциирующиеся с генитальной, а также оральной и анальной частями тела: популярная культура "соблазняет", "возбуждает", "искушает", она "грязная", она "поглощает", "затягивает", ее действие похоже на наркотическую зависимость.

Термин Кристевой "унижение"

Кристева рассматривает индивидуальную идентичность, как очень деликатную и скрытую сущность, хотя подчас она может стремиться к господству и избегать дезинтеграции. Самая большая угроза идентичности - это память о симбиозе с матерью.

(...)

Протест его (ее) психической или сексуальной идентичности проистекает как из хаотичной и угрожающей силы "растительного" существования молодого человека до момента возникновения его "эго", так и из индивидуальных попыток очиститься от всех реминисценций - особенно от памяти о пра-эдицовой матери. Это отбрасывание (забвение) выражается в ощущении отвращения и антипатии ко всему, что неясно.

Кристева называет то, что "эго" пытается либерализовать - уходом от «унижения» (abjection).

Но тотально отбросить "растительный" базис невозможно, потому что унижение (униженность) есть часть человеческого эго. Эта часть не является не субъектом и не объектом, но чем-то - между. Поэтому эти ощущения униженности очень амбивалентны.

(...)

Именно в унижении ярче всего проявляется невозможность проведения простых и отчетливых границ и демаркационных линий между понятным\простым и непонятным\непростым, между достойным уважением и не достойным его, между порядком и беспорядком. Подобная амбивалентность вынуждает человека проводить эти границы самостоятельно.

Кристева выделяет три различных категории унижения. Все они связаны с различными телесными функциями, которые напрямую соотносятся с "оральным, анальным и генитальным". Первая категория относится к тому, что мы едим. Отвращение или избегание того, что нам кажется неприемлемым, составляет, по ее мнению, наиболее архаичные формы унижения. Следующая категория раскрывается через отвращение к телесным выделениям - кал (shit), моча (piss), слюна (spit), пот (sweat). Третья категория охватывает значения, относящиеся к сексуальному различию или к их отсутствию: к табу инцеста и к табу менструальной крови. Все типы унижения Кристева рассматривает как угрозу идентичности. Похожие чувства проявляются в моральных паниках, в которых масс-медиа преподносит отдельные феномены молодежной популярной культуры, прибегая к оральным, анальным и генитальным ассоциациям.

Эти эффекты усиливаются аналогиями с примитивностью, хаотичностью и ограниченностью восприятия, причем разнообразные “грязные оттенки” удовольствий преподносятся очень серьезно и интерпретируются при помощи рациональных доводов. Лидеры моральных паник реагируют, иногда неосознанно, не на сами события, а на ту угрозу, которые эти события несут их собственной психической и сексуальной идентичности.

(...)

Типично, что именно дети и молодежь оказываются в центре моральных паник, поскольку именно они чаще других стремятся к преодолению всякого рода моральных ограничений.

(...)

Медиа-паники в позднем современном обществе

Существует некий механизм “провала” памяти о прошлых медиа-паниках. Предыдущие паники забываются, и новые паники начинаются так, будто ничего подобного прежде не происходило, даже если процессы развиваются одинаково.

Ни популярная литература, ни еженедельные журналы, ни комиксы сегодня уже не способны пробудить столь сильные эмоции, какие они пробуждали в свое время, формируя моральные паники. Уже с 1960 года комиксы были признаны произведениями искусства благодаря таким популярным американским художникам, как Рой Лихтенштейн и Энди Уорхол. Подобная же история и у джаза.

Новые медиа и формы их выражения начинают привлекать внимание общественности. Они все реже вызываются печатным словом, чаще - фильмами. Одна из последних паник связана с видеопродукцией. Рок-группы и “насилыники” типа Алиса Купера или “Общественных Животных” могут спровоцировать сильные ощущения, исполняются ли они “живьем”, на ТВ или по радио, в записях на кассетах и CD.

Медиа-паники изменяли свои характеристики и в другом смысле; сегодня “создать, спровоцировать” панику уже не так просто, как это было в начале века. Паники, которые росли, например, из тревог за видеоигры не выглядели столь же сильными и не имели такой протяженности, как ранние паники.

(...)

Кто-то может спросить, неужели и сегодня возможны медиа-паники в западных обществах эпохи поздней современности? Разве за последние десятилетия медиа и разнообразные коллекции популярной культуры не стали сами слишком ненормальными? Разве не используют они одни и те же общие мишени для привлечения внимания своих аудиторий - насилие, террор, сексуальность, клевету, богохульство? Все это присутствует сегодня везде: в кино и видеофильмах, молодежных проектах ТВ, на радио каналах, в записях, журналах, послеобеденных газетах, в популярных книгах из вторсырья и плюс ко всему - еще и в серьезном искусстве и литературе. Пожалуй, никто не в силах этого остановить, особенно когда спутниковое ТВ или кабельные сети, не требующие специальных проводов, попадают прямо в наши комнаты или, что важнее, в спальни наших детей. Ситуация должна провоцировать ощущение бессилия и бессмысленности, а не простого переживания по этому поводу.

Вырос и уровень нашей толерантности. Мы ко многому уже привыкли. Должно случиться что-то особенно невероятное, чтобы мы почувствовали, что нарушаются некие сверх важные табу. Практически не существует какого-то общего мнения относительно того, что кто-то должен себя вести таким-то образом, или что хорошо, а что плохо, высоко или низко, что

чисто, а что грязно. Прежде существовала доминирующая культура, норм и ценностей которой все стремились придерживаться. Доминирующая культура сохранилась, поддерживаемая государством и авторитетными местными институтами, но ее значение упало, она уже не способна вызывать к себе такого уважения, как прежде. Писатели и художники сегодня уже не выглядят национальными героями или духовными лидерами. Культура оказалась секуляризована. Когда умер Стринберг, его смерть освещалась в огромных заголовках на первой странице всех газет. Когда же два ведущих Шведских новеллиста 20 века умерли (Ivar Lo-Johansso or Sven Delblanc), им посвятили по маленькой заметке в "подвале" газет.

Западные общества стали "acephalous" (о-фаллизированы): они потеряли "головы". Больше не существует всеми признаваемого сильного центра, который бы определял генеральную линию и властвовал над умами, и нет мастера, способного создать цельную культуру.

Культурные вертикали оказались усеченными. За последнее время, в противоположность доминирующей культуре, появился ряд более или менее профилированных субкультур, со своей собственной иерархией вкусов и культурных норм. Одна из них - молодежная культура.

Разрыв между высоким и низким внутри центральной культуры, между "популярной" орбитой и "грязным" материалом, похоже, уменьшился. Частично это связано с теми потерями, которые понесла доминирующая культура. Совсем не столь важно для оценки социального статуса человека, что он предпочитает - Стринберга или Майкла Джексона. У продавцов книг в серьезных магазинах всегда найдется под рукой популярное чтиво, а в газетных киосках можно купить серьезную литературу.

Все это препятствует росту медиа-паник, которые стремятся не только оградить культурные ценности и культурные достижения, но еще и подтвердить культурное доминирование, награждая общество универсально узнаваемыми и внешне определяемыми культурными иерархиями с ясными границами между высоким и низким.

Социальные напряжения в западных обществах постепенно уменьшились. Различия между разными группами все еще остаются, но они уже переместились на другой уровень. Даже у представителей самых низших социальных групп в принципе есть возможность принять участие в растущем благополучии. Одним словом, каждый продвинулся вверх на одну зарубку. Это имело социальные последствия: Uirich Beck назвал это "эффектом лифта" (Beck, 1986/1992). Дистанция между классами остается в принципе той же, что и прежде, но благодаря "эффекту лифта", способы обдумывания ситуаций и характер взаимоотношений между социальными партнерами постепенно изменился. Различия стали не столь очевидны в том смысле, как их понимали прежде. Индивидуализация растет, а классовая солидарность падает; границы между различными категориями людей стираются и перемещаются посредством индивидуальных различий.

(...)

Городское население современных обществ невероятно изменилось. Это также сыграло свою роль в изменении характера медиа-паниках. Совсем не просто объединить людей какой-то идеей, когда они так разобщены, как в больших сообществах. Маленькие коммьюнити были гомогенными, члены сообществ разделяли общие, понятные всем ценности, люди не были анонимны, они все знали друг друга.

Несколько современных паник (с 1986 до 1987) уже носили местный, локальный характер. Одна из них была посвящена СПИДу и гомосексуальности, другая - страху перед группой "Ведьмы", которую ряд семей обвинили в насилии над детьми.

Все это применимо и к поздней западной модернити, где все меньше и меньше становится предпосылок для буквального понимания медиа-паник. Развитие основ для паник более вероятно в обществах, не настолько экономически, социально и культурно развитых. Так, например

некоторые страны в Африке, Азии и Латинской Америке содержат в себе одно из самых важных условий для развития моральных паник. Это - стремительная модернизация, и эквивалентно ей - стремительный рост новых медиа вместе с сопутствующими им феноменами (иностранной) популярной культуры, рост социальных антагонизмов, неграмотность, религиозный и моральный фундаментализм. Кроме того, существует очень острая политическая (и этническая) оппозиция по отношению к богатому и секуляризованному западному миру, информацией о котором снабжают новые медиа и современная популярная культура, со стороны бедной и зависимой (от Запада) локальной популяции этих стран.

Работы Salman Rushdie придали этим процессам особый вкус. Как хорошо всем известно, Аятолла Хомейни опубликовал *fatwa*, означающую смерть для Рушди, после опубликования в 1988 году его новеллы "Сатанинские Стихи", в которой Рушди изобразил Муххамеда и Ислам в очень провокационном виде. Новелла породила возмущение во всем мусульманском мире, что привело к беспорядкам в Пакистане, включая несколько смертей. Мусульмане в Англии сожгли опубликованную книгу публично, а в Швеции в феврале 1993 года мусульмане провели демонстрацию, где подтвердили смертный приговор предателю.

Было ли это результатом моральной паники? Хомейни был, конечно, далеко не одинок в осуждении книги Рушди, негодующие мусульмане из его собственного города Бомбея, похоже, были вообще первыми, кто потребовал, чтобы он ответил за содеянное. Самая большая интенсивность была в начале этой кампании, *fatwa* была воспринята всеми мусульманами с большим рвением и с помощью масс-медиа быстро разошлась по всему миру. Религиозные лидеры Пакистана также поддерживали смертный приговор. Книга была запрещена в большинстве мусульманских стран, хотя многие и отказывались от идеи убийства ее автора. Persons, который перевел эту книгу, был убит как мусульманин, открыто поддерживающий Рушди.

Может ли дело Рушди быть названо медиа-паникой? Ведь оно не касалось новых медиа и даже нового культурного феномена, а лишь затрагивало проблему одной книги, спровоцировавшей волнение. Неужели фундаменталисты действительно верили в то, что новелла Рушди, опубликованная в Англии и первоначально нацеленная на маленькую, образованную, западную аудиторию, способна отвратить массы от мусульманства? Или эта паника связана с тем, что может случиться, если эта одна английская книга, которую, впрочем, лишь немногие смогли прочесть, будет дистрибуцирована и сделается доступной для всей общечеловеческой? Или эта книга представляла опасность для мусульманской молодежи?

Смертный приговор для Рушди не было следствием медиа-паники или даже моральной паники. Главным было проверить границы между дозволенным и недозволенным. *Fatwa* Хомейни - не просто религиозный, но, прежде всего - легальный акт. Легальное измерение насилия помимо закона не является выражением моральной паники. Это нужно было для того, чтобы показать, что поступок Рушди - не подлежащее прощению преступление, заслуживающее только смерти. Целью Хомейни было предотвратить возможность повторения чего-либо подобного путем смертельной угрозы. Его приговор был именно для тех мусульман, которые во всем мире могут совершить - сейчас или позже - подобные преступления.

Можно засомневаться, насколько моральная паника вообще возможна в таком авторитарном, фундаменталистском обществе как Иран, однако, именно в подобном обществе требуется более четкое определение границ между чистым и нечистым. Атаки на современные масс-медиа и их содержание совершались в Иране намного раньше, чем появились "Сатанинские стихи". Например, *fatwa* в 1978 году, когда Хомейни наставлял верующих к яростной борьбе с нежелательными кинопродуктами, в результате чего было сожжено более 80 фильмов.

Подобные расколы между секуляризованным Западом и фундаменталистскими движениями в мусульманском мире могут создавать, если и не полностью “оперившееся”, то хотя бы небольшие паники даже в западных обществах. Об этом можно судить не только по судьбе книги Рушди, но также и книги Betty Mahmoody «Не без моей дочери» (1989). В основе паники, последовавшей за эти изданиями – та интерпретация, которую она получила в масс-медиа. Они *создали невероятно упрощенную картину мусульманских обществ и выстроили систему веры, похожую на моральную панику. Ислам сделали крайне непопулярным благодаря целой коллекции историй про похищение детей, про жестоких “трахальщиков” жен и про избиения женщин. В результате мусульмане были представлены “разбойниками Корана, криминальными типами и террористами” – теми монстрами, которых нужно всячески поносить и ограничивать в их пагубных и непристойных устремлениях.* (Bengtsson, 1993).

Не только строгие фундаменталисты, но и консервативные группы на Западе сегодня, как и всегда, способствуют развитию “минорных паник”, главной мишенью которых вовсе не обязательно является страх перед исламским монстром. Другое дело, что на Западе подобным паникам труднее стать национальными. Похоже, что сейчас моральные паники более реальны в религиозных обществах, где экономическое, социальное и культурное развитие все еще не настолько прогрессивно и не в такой степени развито, как в богатых западных странах. (...)

Медиа в публичной и частной сферах

В обществах поздней современности мы с возрастающим усердием организовываем жизни вокруг масс-медиа. Мы постоянно их используем, благодаря чему творим новые рутинные практики. Эта важнейшая часть организации повседневности должна быть согласована с различными сферами, внутри которых мы перемещаемся. С помощью масс-медиа эти сферы могут быть более или менее частными или публичными, они могут стать более или менее привлекательными. Масс-медиа могут связывать сферы друг с другом в новом направлении, они могут сдвигать главный фокус в жизни с одной сферы на другую.

Медиа снабжают изменения наших концепций о времени и пространстве. Что же происходит со средой обитания в поздней современности?

Масс-медиа как организатор частного и публичного

Стало привычным, что масс-медиа рассматриваются в контексте частной сферы. Но это положение не является столь очевидным: масс-медиа не могут в целом определяться через их принадлежность дому. Экспансия ежедневных газет тут же ассоциируется с экспансией буржуазной публичной сферы. Радио оригинально используется для перенесения музыки в публичные места, оно используется и в военных целях. Телевидение имеет громадную аудиторию в популярных развлечениях, где оно содействует сотворению новых публичных форм.

Располагается ли медиа дома? Конечно, коммерческие причины невероятно важны: радио и ТВ индустрия успешно расширяют рынки сбыта, когда они предлагают новые привлекательные схемы и позиции их домашнего использования. Политические причины также нельзя упускать из виду. Так, например, повсеместное распространение новых радиоволн вызвано желанием создать более тихое и спокойное общество, увести наиболее взволнованных граждан с улиц и публичных арен в их индивидуальные укрытия – дома.

Масс-медиа не просто были перенесены из публичной сферы – в частную, параллельно они были натурализованы в доме. Масс-медиа никогда не имели каких-либо “натуральных” корней, не играли какой-либо обязательной естественной роли в частной жизни. В процессе натурализации всякий медиум должен выиграть двойную битву как со временем, так и с пространством: он должен выиграть борьбу за время в соревнованиях с другими видами домашней деятельности, а в соревновании с физическим пространством он должен отвоевать свое место. Только когда обе битвы выиграны, процесс натурализации можно считать завершенным.

Все медиа создают (выгораживают) свои собственные физические места в доме, формируя особую среду вокруг себя. Радио и ТВ оккупировали центральные места не только в гостиных. Они распоряжаются и решают, что станет обязательным местом в зале, на кухне и даже в спальне. Они также закрепляют фиксированные привычки к времени прослушивания/просмотра. День организовывается вокруг радиопрограмм, какие-то специальные программы становятся целью для одной части семьи в особое время дня. Дневной ритм начинает детерминироваться этими специальными программами. Время досуга у целой нации начинает синхронизироваться в одном направлении. Масс-медиа обустроивают простое различие каждодневной жизни и во внутренней, и во внешней части дома.

(...)

Молодежь и сферы масс-медиа

На смену периоду, когда радио и ТВ собирали вокруг себя всю семью, пришло время, когда они же (медиа) начали их разъединять. Раздельные радио и телевизоры, музыкальная аппаратура более чем в одной комнате – все это приводит к тому, что пользование медиа все больше и больше индивидуализируется. Все после своей работы или занятий по-прежнему стремятся домой, но разные члены семьи продолжают разную активность одновременно в разных комнатах. Масс-медиа оккупирует теперь не комнату, а комнаты. Если кто-то желает понять, как молодежь использует медиа-смыслы в своей повседневной жизни, он не сможет это сделать тем же способом, что и по отношению к взрослым.

(...)

В этом контексте уже нельзя назвать частную и публичную сферы простыми антитезами. Существует частная сфера внутри публичной (как туалеты или комнаты для переодевания) и есть некоторые места в частной сфере, которые более публичны, чем другие (как, например, гостиная). Одна и та же сфера может быть более или менее публичной в разных случаях и более или менее публичной для различных людей в одних и тех же случаях. Городской сквер с постоянными посетителями и обязательным кругом людей, которые здесь проводят свое время, есть одновременно и публичная, и частная сфера. Уровень публичности может выглядеть как характеристика наблюдателя так же, как и просто объективная характеристика места.

Молодежь и взрослые находят друг друга в разных местах. Более важно для молодых – это быть способными отгораживать свою частную территорию и создавать привлекательность публичной. Реорганизация (а не украшение) и той, и другой сфер наиболее типично именно для молодежи. В этом молодежи помогают масс-медиа. Компьютер способен открыть спальню для публики, а стерео в автобусе, эффективно перенося пассажиров в другой мир, может сделать частный вкус – публичным.

Многое из того, что создается молодежью в частной сфере, является лишь подготовкой к переносу этого “чего-то” в публичную сферу. В то же время молодой человек творит свой стиль,

отраживаясь от мира, но его культурные находки предопределены вкусами и стилями извне. (...)

Молодежь в пространстве развлечений поздней современности

1. Молодежь первой ощущает ускоренную плюрализацию жизненных возможностей, поскольку медиа-символы в первую очередь воздействуют именно на них, поскольку большинство посланий обращено именно к ним. Масс-медиа как бы авансирует молодым более широкий мир, чем их локальная среда.
2. Понятие времени также влияет на эти новые развлечения. Вместе с новыми импульсами, с пониманием того, что "единственный выбор" всегда временен, становится очевидным, что надо жить "здесь и теперь". Это не означает, что молодежные развлечения вовсе исключаются из глобальных смыслов и ориентаций на будущее. Просто их удовольствия всегда перемешаны со стрессами, вызванными мгновенностью, слишком "короткой жизнью" всего нового.

Невероятно важен также и современный пространственный опыт. Современность самым тесным образом связана с развитием городов. Именно в городах, с их смешанными группами, в отсутствии традиционных взрослых наставников, объясняющих, как следует правильно проживать свою собственную жизнь, можно стать полностью современными. Следует разделять понятия физического и социального пространства, между ними нет тождества. Одной и той же информацией могут владеть самые разные люди, она может присутствовать в самых различных местах, несмотря на то, кто где живет. Благодаря этому стало возможным сократить различия между городами и другими поселениями. Можно жить в деревне и быть абсолютно в курсе последних новостей из Парижа и Нью-Йорка. Национальный уровень как таковой, становится все менее и менее интересным. Схожим образом современная молодежь может расти в самых разных частях света.

3. Третий момент связан собственно с категорией молодежи как таковой. Установление фиксированных групп базируется на поддержании специфического знания о тех, кто к ним не принадлежит. В настоящее время это относительное знание начало простирается за границы групп, постепенно теряя остатки своих идентичностей. Сегодняшняя молодежь намного раньше, чем предыдущие поколения, приобретает необходимые знания, что делает ее более и более похожими на взрослых. Сегодняшняя молодежь имеет больше возможностей сформировать собственное представление о том, что значит быть взрослым, полностью игнорируя различия между молодым и взрослым бытием. Возможно, что специфика одного из последних молодежных поколений 20 века останется наиболее примечательной чертой этого столетия.

Возникли и альтернативные публичные сферы, где молодежь стремится соединять удовольствие с солидарностью.

(...)

Магазин, дом и женственность как маскарад

Особенностью английской исследовательской традиции было то, что многие исследования были посвящены, прежде всего, мужским молодежным стилям. Правда, совсем немногие из ученых исследуют создание собственно стилей, и еще меньше – именно женских стилей, то есть процесс, который предшествует "законченному" прикиду, внешнему виду остается без

внимания. Вероятно, это связано с тем, что стиль есть результат сложного процесса, включающего в себя кроме всего прочего - гендер, класс, идентичность и этничность. Одни из движущих сил по созданию женских стилей могут быть невероятно близко связаны друг с другом, другие - тотально разделены. Например, стиль может вырасти из поиска идентичности или что более специфично, сексуальной идентичности, или он может порождать "женственность как маскарад" в специфически гендерных социальных отношениях. Стиль может включать как адаптацию к "среднему" стилю, так и сопротивление ему, может быть более или менее эстетическим, экспериментальным и творческим.

Где стили творятся и почему? Где их центральные места? Каковы их движущие силы? Интимные сферы женского творчества располагаются в магазинах и примерочных комнатах, а дома - в спальнях.

Мода воздействует на большинство людей, но как это воздействие используется для сотворения своего собственного стиля, варьирующегося от личности к личности? Мода предоставляет всем одновременно равные возможности для удовлетворения индивидуальных желаний идентификации с другими (я хочу быть как все) и с помощью персонального стиля отделять себя от других, сохраняя свою уникальность.

Стили представляют собой баланс между коллективностью моды и индивидуальностью личности. Следовательно, потребление того или иного стиля должно всегда проверяться по его контексту. Потребление - это особый вид активности, претерпевающий различные метаморфозы в зависимости от позиции государства или капитала по отношению к значимым ценностям. Потребление - это больше, чем простая экономическая активность: это также и мечта и утешение, коммуникация и конфронтация, имидж и идентичность.

У каждого есть свой стиль. Нельзя сказать, что у кого-то его (стиля) - больше, у кого-то - меньше. Можно говорить о стиле как: более или менее содержательном, более или менее коллективном (от индивидуального и уникального через субкультурный - к господствующему), более или менее рефлексивном (от неосознаваемого до полностью осознаваемого) и в той или иной степени эстетствующем. Крайностями этого отношения являются - с одной стороны, стили тех людей, которые интересуются только практической функцией одежды, с другой стороны - тех, кто осторожно выбирает одежду с точки зрения красоты и образа, где стиль становится специфической формой выражения их эстетических способностей.

Стремление и возможность эстетизировать тело, начиная с романтического периода, считается чисто женской привилегией. Эта эстетизация была непосредственно предназначена для мужского взгляда. Одежда предоставляет женщине набор новых ресурсов - возможность трансформировать саму себя, быть мобильной, экспериментировать с собой и со своей женской ролью, которую андроцентрическая культура им приписывает.

(...)

От моды к стилю

Модная индустрия - это не закрытая монолитная система, которая сурово диктует всем, что попадает в яблочко, а что - в аут. Наоборот, она сама в свою очередь испытывает огромное влияние субкультуры, "моды улицы", которые очень быстро становятся главным источником воображения для творцов мира моды. Они берут идеи из стилей и субкультур, модернизируют их, а затем массово производят. Модная индустрия "наступают на пятки" исследованиям

молодежных субкультур. Именно эти исследования первыми обнаруживают оригинальность и аутентичность различных стилей. Модная индустрия тут же подхватывает новые идеи и разрабатывает их. Но и обычные люди могут наслаждаться шлейфом субкультурной ауры творчества и индивидуальности, которая пропитывает все то, что остается после стремительного бегства субкультур подальше от рынка.

Диктат моды имеет и свои слабости. Начиная с поствоенной эры, модные журналы все меньше и меньше обращаются к господствующей моде, и все больше идей начинают заимствовать от радикальных стилей.

Почему произошел этот сдвиг от моды как абсолютного диктата к моде как "изменчивой весне"?

Во-первых, в нашей культуре женщины были и все еще остаются "Другими" - невидимыми и неизвестными. Женщины скрываются под социально и культурно конструируемой маской женственности, которая уже начала покрываться трещинами. Стать тотально видимыми, реализовать самих себя на социальном поприще - именно это является принципиальной целью всего женского движения. Женское движение непосредственно экспериментировало с символами феминности (например, ранние суфражистки, маскулинный наряд, bra-burning в 1960-х и резкая стилизация феминности среди молодых феминисток в 1990-х). Большинство женщин, активно не участвующих в женском движении, также получило определенную выгоду от успехов этого движения отчасти потому, что интерпретация феминности прочно расположилась в авангарде индивидуальной интерпретации моды.

Во-вторых, существенно изменились нормы и традиции повседневной жизни. Современные люди, в особенности молодежь, не испытывают столь сильного принуждения и подавления, которые существовали в мире старых моделей, правил и норм. Современные молодые люди, не в такой степени связанные с семейными и соседскими обязательствами, развивают свои собственные стили, выражая в них свои культурные решения. Они идут сами по себе и формируют свою собственную идентичность.

Третье объяснение сдвига фокуса от диктата моды к индивидуальным стилям может быть найдено в децентрализации индустрии моды, развитии массовой продукции, в результате чего не только снизились цены на одежду, но также улучшилась система поставок и коммуникаций. Эта относительная демократизация означает не только то, что высший класс может одеваться уникально, ("The latest") мода стала доступна для всех. Границы между классом, гендером и национальностью перешли на символический уровень. Если бы Шерлок Холмс жил сегодня, у него бы были проблемы с тем, чтобы сделать абсолютно точные выводы о классе, национальности, профессии, основываясь на анализе женской одежды. Шелковая верхняя одежда, блузки с лайкрой и тонкие носовые платки сейчас массово производятся и могут предлагаться за вполне приемлемую цену. Женщины начали носить мужскую одежду и наоборот. Африканская, индийская и полинезийская одежды могут быть предложены по более дешевой цене в магазинах "за углом" бутика. Стандарты потребления основываются сегодня на хаотичных знаках. Некоторые стремятся установить порядок посредством пересоздания истории, посредством выбора лейбла и моделей, гарантирующих стабильность и консервативный стиль. Другие придерживаются хаоса и стремятся выразить себя или сконструировать свой ни на кого не похожий имидж, используя для этого бесконечную палитру знаков, предоставляемых модной индустрией.

(...)

Что стоит за женским творением стилей

Стиль зависит не только от гендера, но и от класса. Одной из первых обратила на это внимание германский социолог культуры Ulrike Prokop (1976). Она анализировала женский контекст жизни, лежащий в основе повседневности. Она обратила внимание на амбивалентность воображения, принадлежащего к повседневной жизни - "это не только идеология, но также и способ артикуляции скрытого критицизма". Она вообще критиковала взгляд на то, что женщина зациклена на моде, в результате чего она становится легко манипулируемой. Мода, которая, с одной стороны, связана с социальной стратой и с мужским взглядом и желанием, с другой стороны - есть публичное утверждение сексуальных желаний женщины, ее фантазий и воображения.

В соответствии с Прокоп, повседневная жизнь является женским доминированием. Женщина лишена власти в профессиональной жизни и в публичной сфере, но в семье, в домашности, одежде и пище, она по-прежнему имеет большое влияние. Ее поведение зависит и от класса: женщина из среднего класса пытается сделать ежедневную жизнь более динамичной, в то время как женщина из рабочего класса ищет порядка. Тем не менее, интерес к "новому" и "современному" с точки зрения моды - равный для всех. Мода выглядит "каналом", сопровождающим и проводящим женщину в публичную сферу ее репрезентации и действий.

Она пишет о том, что молодые женщины из рабочего класса стремятся компенсировать свою неудовлетворенность с помощью моды и потребления, тогда как молодые женщины из средней страты стремятся использовать язык и другие каналы для выражения своего внутреннего мира и креативности.

Женщины из рабочих стремятся быть новыми и выглядеть современными всегда и везде, а женщины из среднего класса - скорее "выглядеть по случаю". Вкусы последних более индивидуальны. Среди молодых женщин, вкусовые предпочтения гомогенны, а границы между классами более подвижны. Интерес к моде есть поиск идентичности, но его образность, воображение имеют как социальное, так и психологическое измерения. Автор объясняет женское потребление следующим образом: оно постоянно стимулируется социальной и экономической позицией и отсутствием в предложении того, что отвечает ее потребностям, мыслям и действиям. Символически, вместе с новым платьем или чем-то новым для дома, женщины пытаются преодолеть это противоречие. Потребностно-ориентированное и слабое "эго", постоянные ощущения неловкости, протеста, растительного и животного волнения, страха за неуспех, проведение огромного количества времени в ежедневных фантазиях, потребность в коммуникации и публичных презентациях, стремление к самовыражению с помощью самой вызывающей моды, живучесть романтических иллюзий при всей их слабости, склонность к самообману и фиксации на символах превосходства - все это есть парадоксальные характеристики контекста женского потребления. Вариации это женской амбивалентности зависят от ресурсов и связаны с местом в социальной иерархии.

Автор считает, что модное потребление крайне компенсаторно, даже в том случае, когда в его основе лежат эстетические ценности. Она уверена, что женские интересы в моде, прежде всего, эстетизируются от отсутствия реальной власти, а не потому, что эстетическое творчество предоставляет возможности для самовыражения.

В современной молодежной среде потребность в сотворении своей собственной идентичности намного сильнее актуализирована, чем несколько лет назад. Молодые люди нуждаются в самовыражении в своих собственных терминах, нуждаются в собственном языке, это справедливо в равной степени для обоих полов, но проявляется у них по-разному. Поиски

себя идут параллельно с поисками феминности, поиск и экспериментирование с феминностью в социологическом смысле непосредственно связано с поиском субъективности.

Девочки всегда синонимизируются с "сексом", и поиск ими идентичности стал синонимизироваться с поиском женской сексуальной идентичности, которая, конечно, является критическим аспектом конструкции идентичности в течение подросткового возраста. Феминистский проект стремится сделать видимой женскую "непонятность" среди других аспектов буржуазного взрослого мира. "Естественным" ответом на мысли и вопросы, встающие перед девушкой-подростком, в форме: "Кто я есть?" - может быть: "Я есть женщина". Однако, могут быть и другие ответы, сфокусированные, например, на этничности, классе, уникальной индивидуальности.

(...)

Все более значимым становится собственное тело. Имиджи, музыка и тело становятся центральными в новых культурных формах самовыражения, возникают новые пограничья, связанные именно с телесностью. Сейчас девочки не только декорируют свои тела, делают что-то для них, но и с ними, например, танцуют джаз-балет, играют в футбол или посещают тренировки. Противоположная тенденция обнаруживается в мальчиках: физическое движение, которое всегда было прерогативой мальчиков, вытесняется все большим и большим вниманием к декорированию своего тела. Тело для девочек уже не является единственным объектом их внимания, но все в большей степени - источником их собственного персонального удовольствия - и наоборот у мальчиков. Это направление, как мы видим, разделяется обоими полами: "Я хочу выглядеть хорошо, насколько возможно в глазах других, но я также хочу просто чувствовать себя нормально". И снова мы видим стремление балансировать между коллективностью и уникальностью - именно это создает стиль.

Балансирование между различными направлениями в стилях, в политике, образах жизни, идеологиях выглядит наиболее значимым моментом современности.

(...)

Женственность как маскарад

Женщины смотрят на самих себя как бы со стороны, это значит, что они могут проводить часы, примеряя различные одежды, чтобы найти правильную комбинацию "к особому случаю и для особых людей". Женщины не просто видят себя, они еще видят себя в состоянии видения. Это очень обязательный элемент маскарада, "одевания" привел некоторых исследователей к выводу, что феминность и женская одежда в реальности есть маска - что-то, что скрывает что-то еще. Это - "что-то еще" - очень много обсуждается: по мнению тех постмодернистов, которые с наибольшим энтузиазмом провозглашают эту теорию, это "что-то" есть - "пустота". Феминность есть ничто в себе самой, это не биологическое зерно или сущность. Следуя за французским психоаналитиком Jacques Lacan, феминность лучше всего охарактеризовать как лагуну, то есть как отсутствие чего-то и неполноту с той поры, как система передачи смысла организована вокруг фаллоса как первичного знака. Baudrillard интерпретировал это "что-то" даже как женский манекен в качестве основного фаллического символа в нашей культуре. Эта позиция - быть Другими или даже не быть никем - низводит женское творчество стиля к созданию маски феминности. Подобный подход вызывает критику, поскольку исчезает эстетическая сторона женского творчества.

В женственности, как в маскараде, некоторые авторы открывают новый тип женщины. Эта женщина может быть успешной в своей профессии, отвечать всем критериям развития феминности. Она может быть превосходной матерью и женой, иметь феминные интересы, у

нее может оставаться время и для друзей в “духовном” плане. Тем не менее, эта женщина постоянно ждет как сексуального, так и вербального подтверждения своей “правильной” женственности от мужчины-отца. Причем ей нужны публичные подтверждения и демонстрации того, что они ценят и ее интеллектуальные способности. В этом, по мнению фрейдистов и пост-фрейдистов, отражается эдипов комплекс к отцу и матери. Так, например, Riviere считает, что публичная демонстрация интеллектуальных способностей означает в действительности овладение отцовским фаллосом, т.е. кастрацию отца. Женщина, которая стремится к маскулинности, использует маску феминности, чтобы рассеять тревогу и панику оттого, что ее начнут воспринимать как “мужеподобную” (сильную, умную) женщину. Этот пример применим к тем женщинам, которые предпочитают одеваться в особенно феминную одежду.

Но где тогда Riviere проводит линию между женственностью и маскарадом?

“Мое утверждение заключается в том, что - нигде, даже если и есть различия, все равно - радикальные или поверхностные - они есть одно и то же” (1929/1986:38). В маскараде женщина имитирует аутентичность, полную женственность, но аутентичность женственности есть имитация, маскарад, подконтрольная конструкция, которая полностью зависит от мужского образа женственности. Быть женщиной - значит утаивать, прятать фундаментальную маскулинность: феминность есть маскировка маскулинности. Гетеросексуальность - это самая высокая и наилучшая награда за маскарад.

Эта концепция развивает идею Фрейда о том, что “в развитии феминности сохраняется позиция беспокойства от феномена периода ранней маскулинности”. К постмодернистскому ответу на вопрос - что лежит за маской феминности - это “пустота”, Ривьер еще добавляет, что маскарад - это нормальная женская защита против внутренней маскулинности. Чаще всего, таким образом, описывают небольшую часть, а именно - интеллектуальных женщин. Если мы понимаем этот маскарад как социально и культурно детерминированную маску, которую женщина одевает не для сокрытия биологической маскулинности, а для сокрытия потенциальной агрессии, соревновательности, предприимчивости, индивидуализма, то можно сказать, что у нее есть возможность “взять, а не получить”, что традиционно ассоциируется в культуре с мужественностью.

Мода постоянно акцентирует индивидуальность. Все больше и больше появляется возможностей для символического определения феминности. Андрогенные элементы в некоторых самых последних молодежных культурах сдвигают стилевые границы маскулинности и феминности. Кто, например, более феминен: женственный танцор на МТВ, одетый в высокий Рибок (кроссовки), майку и короткие велосипедные штаны, или девочка из банка, одетая в закрытый свитер и блейзер? Ответ зависит от того, кто будет отвечать. Конечно, маскарад существует, но он постоянно культурно конструируется и постоянно меняется.

(...)

Рай для леди

Шопинг есть то, что женщины делают вместе. Причем, они больше смотрят, чем покупают. В литературе, посвященной потреблению, потребитель чаще всего определяется как женщина. Правда есть много доказательств того, что некоторые мужчины тратят больше денег на потребление, чем женщины. Просто для мужчин существуют другие типы товаров, которые покупаются в малых количествах - капитальных товаров, таких как: машины, телевизоры, квартиры, дома...

Женщина - более видимый потребитель. Именно женское население оккупирует в основном магазины и шоппинг-центры, они могут проводить целые часы вокруг покупок, лишь

рассматривая их, и покупать в результате лишь мелкие вещи для дома или себя. Женщины в сопровождении своих подруг делают это с таким удовольствием и наслаждением, что шоппинг выглядит абсолютно сексуальным занятием. Другая причина приравнивания женщины к потреблению заключается в разделении труда между репродукцией дома и репродукцией рабочей жизни. Потребление ассоциируется с женщиной и особенно с домашним хозяйством.

Потребление – это отнюдь не новый феномен. В современном виде оно существует с раннего 16 века и характеризуется покупкой товаров и услуг на рынке без того, чтобы производить их и, частично, с покупкой больше того, чем это необходимо в утилитарном смысле. Массовое потребление ассоциируется с началом индустриализации: с возникновением нового класса – класса буржуазии.

Собственники магазинов верят, что “леди” находятся в их магазинах потому, что у них есть все необходимое. На самом деле они здесь больше для того, чтобы получить новые впечатления, сделать паузу в домашних делах, встретить друзей. Женщины-потребители могут, конечно, потреблять и больше, чем им нужно, но они также получают нечто такое, что не поддается подсчету – свободу.

(...)

Молодые женщины и сегодняшний день больших универмагов (department stores)

В течение 20 века большие магазины превратились в такие территории, где покупатели могут быть полностью анонимными: они могут раствориться в массе покупателей и их покупательская активность становится все более и более незаметной. Сегодняшние покупатели уже не отдают предпочтения традиционному сервису – персональному вниманию в интимном окружении. Раньше индивидуализация понималась как чувство неудовольствия оттого, что человек был частью массы. Сейчас больше значение имеет возможность укрыться в огромной толпе. Исследования молодых людей показывают, что для них магазин есть место встречи, место, где можно посмотреть на товары и понаблюдать за людьми. Там есть свободное пространство, где можно идентифицироваться со сверстниками и где люди являются хорошим материалом для наблюдения. На карте, по которой можно определить молодежные маршруты, доминируют магазины.

Молодежь, как всегдагдаи, может быть разделена на 4 группы:

- гуляки (бродяги, прогульщики),
- банда корешей,
- “чтобы никого не встретить”,
- сумасшедшие проказники. (Lieberg, 1991:181).

Первая группа – их внимание равно разделено между другими людьми и продающимися товарами. Вторая группа – главное взаимодействие между друзьями, но товары – это тоже важно. Обсуждая выставленную на продажу одежду, друзья подтверждают или опровергают вкусы друг друга. Это особенно очевидно в комнатах для переодевания. Третья группа – друзья или незнакомцы, которые хотят выжить в этом “рае для леди”. Последние – новейшая категория. Для преодоления скуки и однообразия повседневной жизни молодые люди ищут волнения. Большой магазин – это микстура от аномии и контроля, в них предлагаются товары для различного использования, и они как бы предоставляют превосходные возможности молодым людям проверить как себя, так и тех, кто их окружает.

(...)

Комната для переодевания – примерочная

В 1970 годах английские исследователи субкультуры особенное внимание уделяли такой функции стиля, как сопротивление. Субкультурные мальчики такие, как тэдды, моды, растафариенсы, панки изучались больше всего в этой перспективе. Феминистки стремились к изучению бесчисленного множества проблем, связанных, в первую очередь, с девочками. Они были далеки от того, чтобы не рассматривать вовлеченность девочек в субкультуры. Просто те девочки, которые были в них вовлечены, выглядели более заинтересованными в потреблении, чем в символическом противостоянии. Для более ортодоксальных левых исследователей настоящего времени потребление и господствующая мода репрезентируют такие негативные ценности, как конформизм, пассивность и неосознанность без особого стремления к какому бы то ни было сопротивлению. Именно феминистские исследователи начали значительно подрывать рыночно-субкультурную дихотомию (зло против добра) и изучать культуры девочек в их собственных терминах. Анжела МакРобби (1977/91), например, утверждала, что девочки, конечно, противостоят доминирующей школьной идеологии, даже находясь вне особых субкультур с помощью участия в неформальных женских культурах, организованных вокруг романтических историй, поппы, моды, красоты и мальчиков. Erica Carter (1984) сделала шаг к освобождению от “требования сопротивления”, анализируя символическое использование изделий из шелка в 1950-х годах как реализацию мечты о другой жизни в противовес жизни в перевернутой войной Европе, в противовес убогому и тупому существованию женщин из рабочего класса.

Универмаги - это публичная среда, но в них есть пространства, которые могут быть превращены в интимные, например, комнаты для переодевания (примерочные). Исследователи школьной жизни тоже обращали свое внимание на то, как девочки в публичной среде классной комнаты создают свои частные, интимные зоны, формируя вместе с подругами, глубоко спрятанные, скрытые от посторонних глаз диады.

В самом общем виде можно сказать, что тогда, как мальчики должны отделять себя от первичных идентификаций со своими матерями для того, чтобы становится отдельными, мужскими особями, девочки никогда полностью не разлучаются с подобной идентификацией. В важных и часто проблематичных отношениях, которые обычно называются диада мать-дочь, формируется фундамент для отношений, которые девочка строит в течение подросткового возраста со своими подругами. Близкие, почти супружеские отношения между подругами являются на психологическом уровне специфическим продолжением отношений к матери и борьбы между потребностью в любви и потребностью в автономии. Девочки тяготеют к объединению в группы с тесной, интимной диадой в центре. Мальчики собираются в “банды”, группировки, которые намного более иерархично организованы и чаще основываются на общей физической активности и конкуренции друг с другом.

Ориентация на отношения, которую женская дружба влечет за собой, может выражаться по-разному, например, через установление частных зон в публичных местах. Одна из таких частных зон - это комната для примерок, где устанавливаются близкие, легкие отношения между женщинами. Simone de Beauvoir писала: “Что придает ценность этим отношениям, так это правдивость, которой они верны. Смотря в лицо мужчине, женщина всегда играет: она лжет, когда она показывает, будто верит, что она принимает свой статус как маловажный, она лжет, когда она представляет ему воображаемый персонаж с помощью мимикрии, костюмирования, заученных фраз. Эта наигранность, театральность отвечает постоянному стремлению: когда она с мужем или с любовником, каждая женщина более или менее сосуществует с мыслью: “Я не есть собственно Я, Я - это не Я”. Мужской мир обоюдоострый как лезвие бритвы,

свет там - слишком грубый, контрасты - неровные. Женщина с другой женщиной находится за сценой, здесь она без снаряжения, не на поле битвы, ... она показывает, что купила, красится, ... она как в шлепанцах после ванны перед выходом на сцену, она любит эту теплую, легкую, расслабляющую атмосферу... Для некоторых женщин эта теплая и флисовая интимность дороже, чем серьезность и помпезность отношений с мужчинами"(1949/1988: 557-8).

Идти за покупками - для девочек это значит проверить друг друга на вкус и стиль. Это очень трудно выбирать покупки с тем, у кого другой вкус: от этого теряется все удовольствие. Совместный шоппинг - это что-то наподобие подтверждения друг друга, когда именно от другого ожидается совет: что "идет", а что нет. Другими словами, для этого необходимо, чтобы они хорошо знали друг друга, если же этого нет, то они идут за покупками, как на испытание: "Ты действительно понимаешь, кто я есть? Можем ли мы стать подругами?"

Все женщины, стоящие в очереди на примерку, громко смеются, шутят, демонстрируют друг другу то, что выбрали. Эта очередь и последующая интимная атмосфера стимулирует психологическую близость, особенно если кто-то в примерочной наполовину раздет... Многие вещи берутся просто для того, чтобы померить, многие примеряют что-то не потому, что это подходит к вкусу молодой женщины, но потому, что какая-то вещь новая, немного странная, "стремная"... Типично также и то, что девочки обычно вообще ничего не покупают, а если и покупают, то вовсе не самую "крайнюю", крутую одежду, а часто совсем не то, что они примеряли.

Находиться полуодетыми, стоять в очередях вместе с одной из лучших подруг - все это делает атмосферу еще более теплой, комфортной и расслабленной. Это приводит к еще большей доверительности. В этих комнатах для переодевания обсуждается не только одежда, но также и отношения с родителями, любовные истории и все, касающееся того, кто как выглядит. Они консультируют друг друга: "Ты вовсе не толстая - посмотри лучше на меня". Они дают друг другу хорошие советы: "Ты можешь сказать своей матери об этом, когда у нее будет хорошее настроение", они поддерживают друг друга: "Конечно, ты ему нравишься, ты такая хорошенькая!"

Не только интимность делает эти комнаты подходящими для доверительных отношений. Это еще и свободное пространство, которое защищено оттого, что снаружи, от власти и контроля любых социальных уровней. Тогда, как условное (относительное) пространство открывается навстречу субъективности, свободное пространство открывается навстречу социальности. Быть молодым мальчиком или девочкой - значит быть безвластным, смотреть на свою жизнь со стороны и наблюдать, как тебя контролируют другие. Не только родители имеют над ними власть, но также такие институты, как школа и организация досуга. Рынок и государство также вмешиваются в жизнь молодежи. Одна из значимых функций молодежной культуры - это поиск мест, где можно побыть одним с друзьями, мест, которые свободны от родительского или другого взрослого контроля. Эти свободные пространства имеют абсолютное значение для молодых людей, поскольку именно здесь вместе с другими в схожей ситуации можно искать, экспериментировать и определять собственную идентичность и субъективность.

Анжела МакРобби писала, что за девочками устанавливается более жесткий контроль, чем за мальчиками, потому что существует постоянная опасность нежелательной беременности. Это продолжает выглядеть неприлично, если девочка появляется в публичном месте без надлежащего эскорта.

Свободное пространство мальчиков традиционно устанавливалось в публичной сфере, тогда как девочки были более привязаны к домам. Сейчас и это становится другим. Например, мальчики могут проводить значительно больше времени дома у компьютеров, в то время как девочки тянутся к публичным пространствам. И, тем не менее, они используют свои пространства по-разному: мальчики, интересующиеся компьютерами, остаются дома не для того, чтобы строить отношения, но потому, что им интересна технология; девочки не

контролируют улицы агрессивным способом, не используют улицу как арену для отношений в смешанных или однополых группировках. Поэтому комната для переодевания становится своеобразной микстурой публичности, поскольку это закрытое и интимное место, которое защищено от чужих взглядов. Комната для переодевания является еще и творческим пространством, где возможно символическое творчество.

Наподобие того, как актеры или писатели ищут слова для выражения именно того, что хотели сказать, так и молодые женщины в этой комнате думают, какой туалет она должна купить, чтобы выразить себя. Какой цвет больше мне идет? Какой стиль лучше всего меня выражает? Что лучше всего для меня?

(...)

Дом и комната девочки

Когда вещь куплена, ее приносят домой. Спальня формирует вокруг себя "bedroom culture". Это защищенное место, где девочки могут быть серьезными, игривыми, ребячливыми или взрослыми – иначе говоря, быть самими собой, вне всякого контроля. Это абсолютно свободное пространство. Но это не только место для встреч с друзьями, но и место для одиночества и для мечтаний, для чтения и сочинения стихов.

Для ранних подростков (11-14 лет) интерес к производству стилей особенно актуален, это тот возраст, когда наиболее значимы не отношения с подругами, а, например, с кумирами, которые имеют невероятное влияние на формирование стилей молодых девушек. Сексуальное взросление и пубертатность только – только начинаются в раннем подростковом возрасте, молодая девочка, как правило, еще не готова к реальным сексуальным отношениям. Но впечатления об этом у нее уже есть – не от подруг, а от кумиров, некоторых взрослых, привлекательных мальчиков. Идеалы – это не только объекты их любви, они еще и объекты их идентификации.

Девочки стремятся выглядеть так, чтобы нравиться своим кумирам, и это является частью женской социализации. Девочки рано начинают одеваться, как взрослые женщины в одежды своих матерей, и некоторые матери сами одевают своих дочерей, как взрослых женщин в те же одежды, что и у них... Одежда – это "Девичий разговор".

Очень важно понять, что стиль имитирует – это помогает обнаружить критерий выбора, который корреспондируется с реальными потребностями. Кто-то может одеваться вопреки вкусам, насаждаемым родителями или школой, кто-то – в соответствии с ними. Имитация стиля предлагает различные игры и эксперименты вокруг, например, сексуальной идентичности и такой трудной концепции, как "феминность" и "маскулинность". Подростковый возраст необходимо как-то соотносить с этими концепциями и протестировать их, поскольку именно в поздней современности труднее всего понять, что они означают. Особенно много это может рассказать о мечтах девочки. Она мечтает об успехе, власти и деньгах – мужских привилегиях, но имитация стиля также включает утверждение женской культуры. Любить ту же группу, коллекционировать постеры и статьи об этих группах, ходить на их концерты – означает "веселиться вместе". Функция идиологов – это коллективный проект, который формирует связи в группах между самими девочками. Культ, поклонение одним и тем же кумирам, есть еще путь определения себя по отношению к другим – против тех, "кто не понимает". Определение самих себя, происходит при помощи одежды похожей на ту, что значима для идола. Если он играет в группе тяжелого рока, это непосредственно влияет на стиль его фанатов.

Очень важны ТВ программы. МТВ – доминирует в молодежной музыке и часто критикуется за сексизм. Важны также и еженедельные журналы. Модные страницы обращены не только

к моде, но также к здоровью и гигиене: хорошо выглядеть, сохраняя чистой кожу и тренированное атлетическое тело также важно, как и носить правильную одежду.

Сейчас в журналах появилось много новых тенденций. Вместе с приходом панков (и позже также с Мадонной) стиль примечательно сдвинулся от более “правильной”, традиционной феминности к более хаотичному подходу, в котором статьи о моде “на классическую одежду” (как блейзер и джемпера) были перемешаны с модой на джинсы и на сотворение новых стилей при помощи старой одежды (перешивание). Знаменитые дизайнерские модели также демонстрируют эти тенденции, но скорее с определенной дистанции (особенно с точки зрения цен), и читатели начинают копировать их идеи, создавая более дешевые модели этих одежд. (...)

Влияние модернизации на молодежь

(...)

Это влияние можно проанализировать с помощью таких понятий, как “разъедающий кризис”, “культурное освобождение”, “индивидуализация”, “рефлексивность”.

“Разъедающий кризис” и “культурное освобождение” обращены к изменениям в нормах и традициях, которые произошли за последние десятилетия. Сегодняшняя молодежь, традиции и нормы которой достаточно сильно отличаются от норм и обычаев поколения их родителей, потеряли или полностью изменили их смысл. Мы свидетели культурной эрозии: с одной стороны, это ведет к утрате норм (аномия Дюркгейма), а с другой стороны, это предполагает большую свободу - можно экспериментировать с нормами и ценностями, достигая того, что важно, во что каждый желает верить. Сейчас есть возможность - часто принудительная - для индивидуума выбрать свою веру, идеал, образ и одновременно свою идентичность. Результатом является сверхконцентрация на себе: саморазвитие, творение своего собственного стиля, отзеркаливание себя самого в других.

Сегодняшняя молодежь развивает “нарциссическую структуру потребностей”. Семьи все больше и больше врастают в потребительство, вступая с ним в интимные отношения, в то время как забота о детях все больше и больше переносится на профессиональные институты. Идолы рыночной культуры сместили родителей как объект для идентификации с их привычного авторитетного места. Теперь это место часто занимают либо сверстники, либо образцы, взятые из медиа культуры. Согласно теории психоанализа для фазы нарциссизма характерны достаточно смутные барьеры (границы) между собственным эго и окружающим миром. Функция группы сверстников для молодых людей подобна “социальной матке”, то есть некому социально и биологически значимому жизненному пространству. И побег из обычного мира часто нужен для самоуверенности. В группе сверстников каждый ищет симбиотической близости, а не отношений с другими как социально независимыми индивидуумами. Это называется “нарциссизмом вовнутрь”. Позже это может переориентироваться на “нарциссизм наружу”, который будет зависеть от жизненных условий, например, медиа-образа молодежи, значимых элементов стиля, культурных символов и т.д.

Другая важная концепция - “рефлексивность”. Современная молодежь имеет намного больше возможностей для самообдумывания и самовыражения, способна сама творить свою собственную идентичность и благодаря этому - дистанции вокруг самих себя. Они молоды благодаря тому, что сопоставляют себя с представлением о том, какими они должны быть, будучи молодыми. Культурная индустрия помогает раздувать (разжигать) нереальные ожидания относительно того, какой обязательно должна быть молодая личность. Все эти требования и наставления стимулируют образование самого себя и саморазвитие, сотворение своего собственного стиля, но в то же самое время они же создают пропасть между тем, что кажется возможным сделать, и тем, что действительно исполнимо.

Сара Торнтон.

Клубные культуры. Музыка, медиа и субкультурный капитал¹³

(...)

Различия культур без отличия

“Ничто не сможет лучше обозначить полное исчезновение значения культуры и эстетической чувственности, - говорит постмодернистский культурный комментатор Jean Baudrillard, - чем спряденная сеть огней, расчерчивающих пространство, чей движущийся пьедестал сотворен танцующей толпой”. (Baudrillard, 1982:5). Подобное отношение к дискотекам, их “увольнение” из культуры в качестве самой низшей формы современного развлечения стало общим местом и устоявшейся точкой зрения.

Танцевальные культуры достаточно долго представлялись воплощением массовой культуры в ее самых худших проявлениях. Танцевальная музыка рассматривалась как предельно стандартизированная, бессмысленная и банальная, а сами танцующие представлялись наркотизированными конформистами, которыми очень легко манипулировать. Даже Теодор Адорно, ранний теоретик массовой культуры, посвятил часть своих разоблачительных размышлений “ритмичному послушанию одурманенных танцоров”; явно стремясь доказать, что такая музыка “способна мгновенно выразить их желание подчиниться” и что последовательные удары ритма “внушают и заряжают дружные батальоны механической коллективности...” (Adorno, 1941/1990:312).

В течение долгого времени дискотеки и танцевальная музыка были исключены даже из канонов самой популярной культуры. В рамках рок “критицизма” и других исследований всегда отдавалось некое предпочтение той музыке, которую слушают (“прослушиваемой музыке”), чем музыке, под которую танцуют (танцевальной музыке); “живому” представлению музыкантов - производителям музыки (музыкальным продюсерам), которые “за сценой”; риторически “живой” - “записанной”; акустическим гитарам - синтезаторам. Вплоть до середины 80-х годов сменяющие друг друга виды танцевальной музыки постоянно подвергались критике и “увольнялись” из “настоящей музыки” как неуместная прихоть или причуда или преподносились как символы всего того, что не являлось радикальным или инновационным.

(...)

“Клубная культура” - это разговорное выражение, данное молодежным культурам, для которых танцевальные клубы и рейвы в варианте восьмидесятых годов являются символической осью и центром социальной вселенной. Смысл этого культурного пространства складывается из происходящих там событий. Принципы территориального вхождения (в культуру (“территориального членства”) для большинства поствоенных молодежных субкультур были более туманны и не столь определены, даже если мы возьмем хиппи на рок фестивалях, скинхедов на футбольных террасах и панков на их небольших “живых” тусовках (gigs). Современные клубные культуры в контраст им упорно ассоциируются с действительно новым и специфическим пространством, которое постоянно трансформирует как свою звучащую культуру (музыку), так и стили, регулярно “доказывая” то, что рейвы - это современный апогей самых крайних проявлений молодежных культур.

¹³ Sarah Thornton (1995), *Club cultures Music, Media and Subcultural Capital*. Polity Presses with Blackwell Publishers LTD. Перевод с английского Е. Омельченко

Клубные культуры - это вкусовые культуры. Клубные толпы собираются, прежде всего, на основе разделяемых ими музыкальных вкусов, предпочитаемых общих медиа-продуктов и, что наиболее важно, поддержания неких преимуществ для молодых людей со сходными вкусовыми музыкальными предпочтениями. Принимая участие в выстраивании клубных культур, неких фигур сходства, социализируясь через принятие и верность определенным симпатиям и антипатиям, сами участники наделяют значением и ценностью данную культуру. Следовательно, клубы и рейв-дома - это некие сообщества с подвижными (перетекающими) границами, которые могут собираться, поглощая в себя участников на одно лето или удерживаться вместе на протяжении нескольких лет. Именно, таким образом, клубная культура создает свою собственную иерархию того, что аутентично и легитимно для популярной культуры в целом, создавая, совместно творя и олицетворяя понимание того, что может сделать один "хип".

(...)

Клубные культуры тесно связаны с культурными иерархиями

Особенно интересно посмотреть на использование трех принципов, определяющих различия популярных культур, которые могут быть коротко обозначены как аутентичность против подделки, "хип" против мейнстрима и андеграунд против медиа. Каждое различие открывает мир значений и ценностей.

(...)

Молодежь и ее социальные пространства

Рейвы - это клубы, находящиеся и поддерживающиеся вне установленных танцевальных мест в неподходящих местах. Рейв-клубы стремятся вместить в себя несколько жанров танцевальной музыки, включая домашнюю, псевдо домашнюю, техно и "jungle" музыку.

Почему именно дискотеки, особенно их недавние воплощения (инкарнации) в виде клубов и рейв тусовок заняли столь значимое место в британской молодежной культуре? Как именно данс-клубы включаются в широкий контекст молодежных социальных пространств и современных досуговых активностей? Что именно знаменует собой появление этого института?

Поскольку клуббинг ("clubbing") и рейвинг ("raving") создаются при участии очень узкого круга населения тогда, когда большинство уже давно спит, постольку степень развитости этого социального феномена остается вне поля зрения "общественности" и представляется не столь существенным.

Входные билеты на танцевальные события существенно выше, чем на спортивные, киношные и все прочие комбинированные "живые" искусства. В финансовых терминах цена клубного рынка, называемого в досуговой индустрии "ночным клубным рынком" во избежание модных ассоциаций с такими словами, как "клуб" или "рейв", была оценена в 1,968 миллионов фунтов в 1992 году (Mintel 1992). Рейв оценивался намного выше - в 1,8 миллиардов фунтов в 1993. Массовый опрос, проводимый Henley Centre for Forecasting, показал, что в Британии всего бывает около 50 миллионов рейв событий в год, на которых каждый человек тратит сумму в 35 фунтов (52 доллара) за вход, включая напитки и различные специальные наркотические таблетки (Music and Copyright, 10 November 1993).

Танцующие на рейв-тусовках как бы преодолевают границы классовых, расовых, этнических, гендерных и сексуальных различий, но не различий в возрасте. Большинство заядлых клубников и рейверсов - это молодые люди в возрасте от 15 до 19 лет, "преследуемые"

второй волной 20-24-х летних. Верхние возрастные границы клубинга практически непроницаемы. Нижние же ограничения связаны только с практическими факторами, такими как: право (и возможность) находиться вне дома после 11 вечера, наличие достаточного количества денег, чтобы платить за вход и чтобы иметь счастливую возможность пренебрегать законом, запрещающим употребление спиртных напитков до 18 лет.

Потеря интереса к клубингу совпадает с уходом из родительского дома, который ограничивал желания молодых людей выходить "на люди" (to get out of the house), убегая от семейного контроля и опеки.

(...)

Итак, клуб - это определенный путь к независимости внутри пространства, которое пусть и относительно, но принадлежит только молодежи. Клуб помогает своим членам предаваться взрослым видам активности: флиртовать, заниматься сексом, выпивать, употреблять наркотики и экспериментировать с идентичностью (модная музыка и одежда). Все это вместе позволяет им поддерживать как автономию, так и различия в их идентичностях.

Распространение клубной культуры достаточно уникальный феномен для Британии. В Америке бары и клубы очень важны для гомосексуалистов (тех, кто "объявился" - "coming out"), но остаются достаточно периферийными (второстепенными) для гетеросексуальных подростков. В так называемой "Средней Америке" (или белой провинции - мешанстве) получение водительских прав и владение собственной машиной расценивается подростками как смысл свободы, мобильности и независимости, то есть всего того, что английские подростки находят только в клубах и рейвах. В Британии меньше молодых людей имеют водительские права или право на владение родительскими машинами. "Joyriding" (воровство автомобилей), которое было объектом моральных паник в Америке в 1950-е, стало предметом подростковой преступности в Британии лишь в 1990-х. Хотя число собственников автомашин и увеличилось (в 1989 году 68% имели автомобили в домашней собственности), однако, только 20% из них имели в своей частной собственности или собственности семьи две или более машины. (Kinsman, 1990:43). Несмотря на то, что рейверам автомобили зачастую просто необходимы, особенно когда места их сборов проходят в деревенской местности, тем не менее британская молодежь все еще не полностью включилась в американский "driving" стиль или паркинговую культуру ("parking culture"). "Непозволенные" вольности, такие как "откидывание сидений", скорее всего, связаны с подражанием героям из Голливудских фильмов и американской специфической песенной лирики, чем с неким общепринятым личным опытом.

В более старых американских городах, как, например, в Нью-Йорке, с пустеющим центром и вымирающей общественной транспортной системой, сцены танцевальных клубов аналогичны британским. Edith Folb в своих исследованиях доказывал, что автомобиль все еще остается символом даже для американской молодежи. Чаще всего - это выходцы из семей с небольшим доходом, для которых автомобили остаются знаком превосходства. В афро-американской молодежной культуре автомобили рассматриваются не просто как возможность быстрого передвижения и знак престижа, но и как развлечение само по себе. Эти молодые ребята буквально влюбляются в свои мобильные дома. Это находит выражение даже в специфических акцентуациях "помешательства" на почве любви к своей машине. Молодые люди всячески преобразуют свою любимицу вплоть до отдельного декорирования интерьера машины. (Folb, 1980:84)

Можно провести параллель между автомобилями и клубами в ретроспективе их национальных контекстов. Центральное место, которое занимает автомобиль в Американском досуге, напрямую связано со строгим следованием закону о праве на употребление спиртных

напитков только с 21 года. В Британии же "питьевой" возраст начинается с 18 лет. Эта граница редко дискутируется частично и потому, что британские правоохранители никогда особенно не нуждались в том, чтобы соизмерять это ограничение с правилами дорожного движения. И как результат, в возрасте, который признается легальным для посещения клубов в США (21 год), молодежь в Соединенном Королевстве как раз начинает терять интерес к этому времяпрепровождению.

Британская молодежь не столь остро нуждается в автомобиле, чтобы передвигаться от дома к дому, для нее, как правило, достаточно пространства внутри дома - своего или друзей. Британия имеет более низкий уровень жизни и большую плотность населения. Даже с уменьшением размеров семьи, "переполненность" социальных пространств остается по-прежнему неким стандартом британской жизни. Более того, в результате снижения среднего заработка молодежи и вместе с увеличением числа разнообразных образовательных программ и тренингов большое число молодых людей вынуждены откладывать, отодвигать момент "ухода из дома". И если для привилегированных американцев кампусы с их общежитиями, студенческими центрами, кафетериями и другими полуофициальными молодежными местами и пространствами являются культурными центрами, то для большинства британцев студенческие кампусы были и все еще остаются недоступными. Несмотря на то, что число студентов, получающих высшее образование, растет, многие новые университеты не имеют своих кампусов в традиционном смысле слова и поэтому с трудом могут обеспечить чисто студенческие пространства.

В меньшей степени доступны для британской молодежи новые (мобильные) телефонные линии, которые становятся нормой для среднего класса в Штатах. Даже вне личной собственности телефон общественного пользования в Британии все еще остается малодоступным. (...)

Молодежь часто ищет независимость и от "домашней тирании" в свободном управлении своим временем. Молодые люди стремятся сменить обычное временное расписание взрослой жизни, избегая взрослого контроля. Они и ложатся спать позже, и встают позже родителей. "Домашность" есть анафема для большинства молодежных культур. Более того, молодежные программы сами часто следуют почерпнутой из их жизни логике десинхронизации взрослого времени. Многие шоу, ориентированные на молодежные аудитории, планируются до и после prime time времени частично потому, что молодежь получает возможность смотреть свои программы действительно в одиночестве, частично потому, что молодежь предпочитает середину вечера, когда родители усаживаются у телевизора, проводить вне дома. В свою очередь, отсутствие молодежи дома по вечерам дает простор для развития такого специального сервиса, как MTV для просмотров вне дома: в пабах и кафе.

Британская молодежь значительное время проводит на улицах. К ночи она часто концентрируется вокруг пабов, клубов и около остановок общественного транспорта. Специальные "полуночные" автобусы отъезжают в основном от одного сквера в центре города, поэтому специальный сервис ("Хот доги", "Макдональдс") концентрируется на маршруте "следования к дому" для полуночной молодежи, находящейся вне опеки полиции и такси. Еда вне дома, на улице имеет для британской молодежи очень большое культурное значение. На центральных улицах можно купить "рыбу с чипсами - fish-and-chip", кебабы-на-вынос ("take-aways"), которые пользуются наибольшей популярностью у молодежи. Для них это более приемлемо по сравнению с "буржуазными" ресторанами, где нужно чинно сидеть и есть. Такое отношение в немалой степени связано с высокой стоимостью городского пространства. С этим связана и традиция "shopping out the door" (шопинг вне магазина), которая все еще остается в Британии нормой. Уличные магазины и базарчики,

ориентированные на молодежь (такие как Carnaby Street и частично King's Road), и рынки по выходным (такие как Camden Town, который считается самым большим уличным рынком в Европе) остаются самыми примечательными местами для субкультурной молодежи Лондона. Магазины с ограниченными часами работы - это дневные "взрослые" территории. Торговые центры в четырех стенах, которые являются очень значимыми местами встреч для американской молодежи, встречаются реже и не являются таковыми для британской молодежи. Кроме того, большинство подобных магазинов закрываются уже к 5.30 и, следовательно, теряют свою притягательность для британских молодежных культур.

Молодые люди чаще ходят в кино, чем другие возрастные группы, но кино не является ключевым развлечением для молодежных культур в Британии. Кино остается одним из значимых выборов для вечерних развлечений, но лишь от случая к случаю становится ведущим пространством для презентаций молодежных стилей, вкусов и активностей вне занятого времени. В Штатах фильмы вероятно более значимы и могут претендовать на центральные позиции в молодежных культурах. Во-первых, потому, что уровень посещения кино там в целом выше, во-вторых, потому, что героями Голливудских фильмов является, прежде всего, американская молодежь. Британский кинематограф изображает молодежь спорадически и в большей степени ориентирован на "актерский" кинематограф и исторические фильмы.

Культурной формой, наиболее близкой большинству английской молодежи, бесспорно, является музыка. Молодежные культуры стремятся быть музыкальными субкультурами. Именно молодежь больше всего покупает CD и кассеты, чаще и больше слушает записи, чем кто-либо еще. Молодежное ТВ - это в подавляющем большинстве музыкальное ТВ, журналы, в большинстве своем - музыкальные. Молодежный досуг и идентичность разворачиваются вокруг музыки. Посредством музыки молодежь сохраняет свое пространство, которое по своей сути есть сочувствование, сопереживание со своей музыкой. Стены из звуков используются молодыми людьми для блокирования себя от семьи и от квартиры; они защищают и охраняют частное пространство молодежи в их личной спальне и даже "пространство своей головы" они изолируют от окружающих с помощью плеера. Плеер помогает поддерживать и ощущать автономию и независимость посредством "вырезания" своих ушей из не желаемого общения, и дистанцироваться оттого, что окружает. 40% 15-19 летних и 22% 20-24 летних постоянно используют плееры по сравнению всего с 5% 35-летних (Mintel, 1993).

У молодежи достаточно развитый музыкальный вкус. Только треть 15-24 летних говорят, что действительно любят поп-музыку, тогда как у детей и тинэйджеров между 8 и 14 годами она наиболее популярна. После 14 лет молодежь все больше и больше переориентируется либо на рок, либо на новые музыкальные рейв или микс-стили.

(...)

Общение со своими сверстниками остается самой значимой мотивацией молодежной досуговой активности, поэтому совместное прослушивание музыки является для них первостепенным. Прежние британские молодежные субкультуры могли найти воплощение своих культурных потребностей в "живых" музыкальных событиях. Хотя "живые" события все еще преобладают в некоторых жанрах, например, панк-музыке, тем не менее, британские молодежные культуры все чаще начинают вращаться вокруг записей, а не "живых" представлений.

Эта трансформация имеет сложную историю. Длинный период падения "живой" музыки и очень медленный рост авторитета дискотеки в ее многочисленных воплощениях от записей хип-хопов до рейвов привели к ситуации, когда большая часть британской музыкальной культуры может быть представлена как дискотечная культура.

Сравнение танцевальных клубов с пабами (пивными барами), которые остаются сверхзначимым институтом для традиционной британской культуры, помогает понять причины их появления. Хотя молодые люди продолжают ходить в пабы чаще, чем в какие-либо другие места вне дома, пабы, тем не менее, перестали для них играть столь же символическую или социально значимую роль, как клубы или рейв-тусовки.

Причины многочисленны. Во-первых, существует простое легальное объяснение. С 1953 года наличие "танцевального пола" по некоторым спецификациям было самым дешевым и надежным способом приобретения музыкальной и танцевальной лицензии, чем аренда помещений для последующего получения лицензии на продажу спиртного. В результате танцевальные клубы сегодня остаются одними из немногих заведений, которые продолжают работать и после того, как пабы уже закрыты (в 11 часов в Англии и Уэльсе, и в середине ночи в Шотландии).

Различные алкогольные напитки остаются наиболее широко используемыми в клубных культурах, поскольку они разрешены, легко доступны и недороги. Такие "высокие" наркотики, как спид (speed) и кокаин, очень долго оставались именно клубными наркотиками 60-70 годов, в то время как экстази (иногда фармацевтические, как MDMA или коктейль из амфетаминов и ЛСД) стали прототипами наркотиков поздних восьмидесятых/девяностых рейвовских сцен. Исследования показали, что многие клубники - это полинаркотические пользователи, которые стремятся к воздержанию вне клубов и рейвов от других наркотиков, кроме марихуаны. Большинство из них, как это было в культуре хиппи, стремятся использовать такие "легальные" наркотики как табак и алкоголь для символического достижения взрослого статуса, в то время как использование недозволенных наркотиков может уже обозначать протест и сопротивление культуре "взрослости".

Вторая причина большей популярности клубов по сравнению с пабами заключается в том, что последние часто ассоциируются с "родной" британской местностью, поскольку в интерьере пабов стремятся использовать специальные "декорации", напоминающие дом (чаще всего, Викторианский дом). Клубы же, напротив, предлагают развлечения из принципиально другого мира, в который молодые люди совершают побег. Этот побег можно сравнить с полетом на небеса в иную реальность, где танцующие забывают, где и в каком времени они находятся, и могут даже почувствовать себя пребывающими внутри некоего воображаемого глобального пространства, построенного из звуков. Эти эффекты достигаются с помощью очень громкой музыки, специфического дизайна и световых эффектов. Британские клубы редко имеют хоть какие-то окна, сквозь которые можно разглядеть что-либо вне клубного пространства. В своем "классическом" варианте клубы начинаются с длинного широкого коридора, который призван отдалить то, что внутри, от того, что - снаружи, частное - от публичного, диктат танца - от рутинных школьных правил, работы и родительского дома.

Столь мощное ощущение свободы в клубах отчасти порождается и тем, что в них женщинам и девушкам предоставляется больше независимости. Такие слоганы из песен, как "Я получила власть" или "Я чувствую себя свободной" стирают грани между аффективной и политической свободой. (Речь идет о слоганах из песен группы "Спайс Гелз" - прим. переводчика)

(...)

Третья причина, почему молодежь предпочитает не пабы, а клубы заключается в том, что в пабах поощряется стремление к преодолению возрастных и стилевых границ, тогда как клубы ориентированы только на молодежь и поддерживают свою аудиторию вместе с ее причудами и модами, постоянно изменяя свои музыкальные программы, техники декорирования и имена новых "звезд". Клубы адаптируются к новым культурным условиям с помощью

разграничения “клубов”, которые работают один раз в неделю; тех клубов, у которых особые места сбора; тех клубов, которые отличаются своими архитектурными пространствами. Местами сбора, как правило, бывают старые склады, неработающие корпуса фабрик, бывшие автостоянки, заброшенные аэродромы, старые пляжи и т.д. Посредством разницы этих значений сохраняется перманентность места встречи. Это позволяет клубам постоянно кооперироваться с быстро меняющейся модой, избегать идентификации с какими-либо другими частными сценами. С помощью этих разниц клубы продлевают свои жизни и окупают затраты на обновление и ремонт помещений.

Когда рейв-тусовки переместились с традиционных клубных мест на новые территории: под открытое небо, на муниципальные поля, на запущенные фермы, в аэроангары – это частично было вызвано стремлением к поиску запрещенных и непредсказуемых ощущений места. Один из организаторов рейв-клубов так объяснил разницу между привычными и новыми местами для танцев:

“Разница между рейв-тусовкой и традиционным клубом та же самая, что между тем ощущением, когда ты сам первый открываешь красивое место, где никто не был до тебя, и твоим возвращением на это место лет через пять, когда ты обнаруживаешь, что там уже построили 25-этажный отель на пляже. Рейв-тусовки занимают новые территории, тогда как клубы всегда располагаются на одних и тех же предсказуемых местах” (Leo Paskin, interview: 19 March 1993).

Библиотека серии
"Специализированные курсы в социологическом образовании"

Омельченко Елена Леонидовна

Молодежные культуры и субкультуры

Редактор *Кухтерин С.Е.*
Художник *Шкляр Л.Л.*
Корректоры *Смирнова Н.В., Тарасевич А.М.*
Верстка *Павлов В.Н.*
Фотографии *Омельченко Е.Л.*

Подписано в печать с оригинал-макета Бумага Формат
Гарнитура Журнал. Печать офсетная. Усл. печ. л. Тираж 500. Заказ №

Отпечатано в ООО ПФ "НИССА-ПРЕСС"
Россия, 432032, Ульяновск, Московское шоссе, 86.

Отзывы и замечания просим направлять по адресу:
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.
Институт социологического образования,
программа TEMPUS/TACIS - проект "Развитие социологии в России";
432700, Россия, Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42,
Научно-исследовательский центр "Регион".